Виталий Воловик

Неземная любовь

г. Запорожье

Издание осуществлено при содействии

Заместителей председателя Запорожской облгосадминистрации
А.П. Бережного и **Н.А. Фролова**

Запорожского городского головы
Е.Г. Карташова

председателя наблюдательного совета
ООО «Туристический комплекс «Запоріжжя»
П.М. Ваната

начальника управления образования и науки
облгосадминистрации
А.Г. Верозубова

ректора гуманитарного университета ЗИГМУ
В.Н. Огаренко

председателя областной федерации гандбола
А.А. Михайлика

директора Запорожской нефтебазы
П.Н. Носко

генерального директора ООО «Невис»
А.А. Постола

Художник А.Н. Башкардин

Редактор Т.Н. Путий

Воловик В.И.
Неземная любовь. Роман-легенда. – Запорожье: «Просвіта», 2007. – 300 с.

Виталий Воловик известен нашим читателям по романам «Следы», «Пороги», «Вера», составившим трилогию «Воля-волюшка», а также «Да будет день», «И прилетят соловьи», «Искатели земного рая» и «Блажен, кто верует», которые вошли в тетралогию «Время выбирает нас». В предлагаемом произведении автор повествует о легендарном лейтенанте П.П. Шмидте – человеке кристальной душевной чистоты, борце за народное счастье и свободу.

Часть 1

1.

имний вечер подкрался как всегда незаметно. Казалось, совсем недавно, буквально считанные минуты тому назад, было совсем светло. А вот, глядишь ты, уже темень сплошная вокруг. Даже снег под ногами и тот скрипит не так, как прежде – весело словно отдавая команды ногам: «Раз-два! Раз-два!» Теперь же совсем иначе у него выходит: «Хрум-хрум! Хрум-хрум!» Как будто бы недоволен чем-то.

– Сердится? – хмыкнув в усы, подумал про себя Петр Петрович и даже шаг слегка замедлил. – Ишь ты! Он сердится! С чего бы это?

И в самом деле. С чего бы это вдруг снегу сердиться? Хотя, как сказать: каких-нибудь три недели и зиме конец. Тут, хочешь или не хочешь, и одеялу ее белому, то бишь снегу, пропадать придется. Пригреет солнышко и прости-прощай: сбежит он ручьями веселыми, наполняя бездонную чашу Черного моря. Сбежит и растворится, затеряется в ней, в ее волнах то игриво-ласковых, то пугающе грозных.

Море. Петр Петрович даже себе не может ответить, когда, с каких пор оно вошло в его жизнь. А, может быть, жило в нем всегда? Как способность видеть и слышать, ощущать тепло летнего солнца, холод окаменевшей воды, превратившейся в сосульки, что застывшими слезинками повисают на щеках крыш домов среди зимней стужи.

Э, да что там говорить! Без моря он себя не мыслит. Кажется, оторви, не приведи Господь, его от моря, отними у него, и он, капитан первого ранга Шмидт, просто перестанет существовать, исчезнет. Куда? А черт его знает. Не важно куда и как. Только не станет, не будет его. Это факт. Да и как, скажите на милость, можно жить без моря? Без этого земного неба – то тихого и спокойного, умиротворяющего все и вся, заставляющего восторженно замирать сердце, то ревущего и бушующего лютым зверем, готового, кажется, разорвать в клочья, стереть в порошок любого и каждого. Нет. У моря, с морем прошла его жизнь, ее лучшие годы, с ним он встретит и свой последний час. Ну не сейчас, не сразу, конечно, а когда тот пробьет. О том уже не раз он, Петр Петрович, думал, того и у Бога просил.

А еще молил он Господа о благополучии и процветании России. Они, Шмидты, носят немецкую фамилию, однако только фамилию, поскольку считают себя русскими. И для этого у них есть все основания. Род их ведет начало со времен незабвенного и высокочтимого в семье царя-труженика Петра Алексеевича, по приглашению которого их предок, молодой кузнец из

далекого немецкого города Франкфурта-на-Майне Антон Шмидт приехал в Россию. Эта страна, принявшая приезжих мастеровых людей радушно, стала его второй родиной. Здесь он, встретив свою любовь, женился на русской девушке, принял российское подданство и старательно трудился на строительстве кораблей для набиравшей силу державы. За что был милостиво пожалован дворянским званием. С той поры предки Шмидтов числились по Херсонскому дворянству и неизменно давали Российскому флоту потомственных моряков.

Ширился, креп, врастая в российскую землю их род, складывались свои семейные традиции и среди них незыблемая, которой придерживались все поколения Шмидтов – называть одного из своих сыновей именем Петра Великого. Петром был отец Петра Петровича – контр-адмирал Петр Николаевич Шмидт, служивший в Николаевском адмиралтействе, который пользовался особым покровительством тамошнего главного командира адмирала Грейга. После смерти батюшки, последовавшей в 1843 году, остались они, двое его сыновей – шестнадцатилетний Владимир и сам он – пятнадцатилетний Петр. По ходатайству все того же славного и доброго Грейга определили их с братом на казенный счет для учебы в Николаевское училище юнкеров флота. Постигая премудрости флотского дела и науки мореплавания, они как будто бы ничем и никогда не посрамили честь их рода. Успешно завершили учебу и, в соответствии с назначениями, отбыли для прохождения службы на корабли Черноморского флота. Вначале он, Петр, плавал на корвете «12 апостолов». Ровно через три года, как и положено, были они с Владимиром произведены в мичманы. Правда, вскоре после того довелось братьям расстаться. Младшего назначили в учебный морской экипаж. Довелось ему бороздить воды суровой Балтики, а затем (нужно сказать, к великой радости!) возвратиться на Черное море, где почти три года курсировал он на военном транспорте «Рион» между Николаевом и Севастополем.

Одновременно с Владимиром были они произведены в лейтенанты, ходили в составе эскадры Черноморского флота к Константинополю, участвовали в славном Синопском морском сражении, где русские моряки под командованием адмирала Павла Степановича Нахимова одержали блестящую победу, уничтожив турецкую эскадру некогда грозного Осман-паши.

Довелось братьям быть свидетелями и печальных событий, когда в сентябре 1854 года при поддержке 89 кораблей и 300 транспортов англо-французская экспедиционная армия высадилась в Крыму и, нанеся поражение русским войскам под командованием генерала Меньшикова на реке Альма, блокировала Севастополь. В жестоких сражениях, которые велись тогда как на море, так и на суше, погибли многие их друзья и товарищи. Среди них боевой товарищ Петра Петровича Антон Скоробогатов.

Между командиром корабля «Три святителя» Скоробогатовым и молодым лейтенантом Шмидтом как-то сразу установились дружеские

отношения. Почему? Петр Петрович и сейчас ответить даже самому себе не может. То ли имя основателя их рода, которое носил Скоробогатов, сыграло в том свою магическую роль, то ли характер его веселый, умение быть ровным со всеми – и офицерами, и матросами, не выпячивая свою начальственность, то ли еще что-то, а, может быть, все эти качества, вместе взятые, влекли его к Антону. Да и тому, нужно сказать, не был равнодушен бравый лейтенант. Словом, как-то само собой зародилась и крепла их морская дружба. Незадолго до начала Крымской кампании Скоробогатов женился на дочери генерала фон Вагнера Екатерине и в их дружеских отношениях наступило некоторое охлаждение.

Нет, нет. Внешне все оставалось как и прежде. Но Петр сердцем чувствовал – что-то изменилось, что-то не то, не так, как было у них раньше. Конечно, он понимал, что теперь Антон семейный человек, а значит, должен уделять внимание молодой жене. Да еще такой как Катя! Очаровавшая всех офицеров красавица происходила из знатной семьи Сквирских – обедневшей ветви польских королей и литовских князей Гедиминовичей. Получив воспитание в женском институте польского города Пулавы, она выделялась среди дам света Севастополя не только образованностью, музыкальностью, но и прекрасным голосом.

– И как удалось Скоробогатову приручить такую соловушку?! – изумлялись, глядя на нее, офицеры.

Петр полностью разделял их мнение. Больше того – он сразу же был очарован Катей. О ней он думал, находясь в плавании. Она являлась ему часто во сне. Веселая, смеющаяся. И ему с ней было легко и радостно. Но это только во сне. Встречаясь же с Катей наяву, Петр робел, краснел, начинал нервничать и оттого становился замкнутым, ругая себя последними словами. Но что он мог поделать с собой? Ведь Катя была женой его боевого товарища, а значит… А значит должна была для него перестать существовать как женщина. Должна была. Но не перестала. Да, да! Не перестала! Не перестала и все тут. Встречаясь на балах в офицерском собрании с четой Скоробогатовых, Петр не мог пересилить себя и несколько раз отважился пригласить ее на танец. Но это было все, на что он мог решиться.

А потом… Потом началась война. То был настоящий кромешный ад. В одном из морских сражений корабль Скоробогатова «Три святителя» был подожжен артиллерией и сгорел. Но Антон этого уже не видел, поскольку в самом начале боя его смертельно ранило ядро, залетевшее прямо на капитанский мостик, и он вскоре скончался. Чудом уцелевший тогда Петр после гибели кораблей флота состоял в гарнизоне Севастополя. Защищая Малахов курган, был ранен осколком мины в бедро и контужен в голову. За героизм и мужество, проявленные в боях, его наградили орденами Святой Анны третьей степени с бантами и Святого Владимира четвертой степени с мечами и бантами.

Там же сражался и Владимир, который в начале Крымской кампании командовал парусником «Ростислав», а после затопления кораблей – морским батальоном на Малаховом кургане. Петр гордится старшим братом. Еще бы!

Отличившись в боях, тот был награжден золотым оружием с надписью «За храбрость», удостоен многих боевых орденов и, после войны, как-то удивительно быстро продвигаясь по служебной лестнице, вскоре оказался среди приближенных ко двору Александра II. Командовал императорской яхтой «Тигр», а теперь является старшим флагманом Балтийского флота. Жаль, конечно, что им пришлось расстаться. Ну да что поделать: у каждого своя судьба. У Владимира такая, а у него, Петра – иная. И ему на нее грех жаловаться. Сколько люду полегло в той страшной войне, сколько калеками стали! А он вот выжил и, слава Богу, цел и невредим. Не совсем, конечно, беда его обошла. Но те раны и контузия, можно сказать, не в счет. Смерть только замахнулась на него да, видать, ангел-хранитель отвел, отогнал ее.

Ангел-хранитель… Каков он из себя?

– А что, коль это она, Катя? – не раз тогда думал он. Да и теперь, много лет спустя, не единожды возвращался к этой мысли. Хотя кто его знает…

Искренним и безутешным было Катино горе, когда докатилась, доползла до нее страшная весть о гибели мужа. Восприняв беду ее как свою собственную, он, Петр, старался всячески поддержать молодую вдову. Знал, что одними словами в таком горе не помочь и горькими слезами его не залить. Нужно работой, делом каким-то отвлечь Катю. И такое дело нашлось: сколько раненых нуждалось в уходе, в заботливых женских руках. Работая сестрой милосердия в госпитале, Катя многим помогла и не только медицинскими средствами, но и ласковым, сердечным словом. О ее доброте Петр слышал от многих. Да и сам на себе ощутил ее.

Встречаясь с ней после того позорного Парижского мира, который вынуждена была заключить в дипломатической изоляции Россия, Петр больше всего боялся показаться Кате навязчивым: а ну как подумает она, что спешит он занять место покойного друга. Она же его осторожничание приняла за робость и как-то даже с обидой заметила, что другу Антона можно было бы и чаще бывать в ее доме. Он, покраснев, стал лепетать что-то о занятости по службе. Но вывод для себя все же сделал. И, кажется, правильный.

Между тем время сделало свое дело. В данном случае оно лечило раны. К тому же раненой была молодая душа. А в молодые годы, как известно, раны затягиваются всегда быстрее. Словом, что ни говори, как-то незаметно их симпатия переросла в более сильное чувство, имя которому любовь. Да что там «более сильное»! Самое сильное. Сильнее которого, пожалуй, и не придумать. Да его попросту нет! Нет и все тут. Пусть кто угодно и что угодно говорит, Петр Петрович никогда не поверит, будто что-нибудь другое может любовь пересилить. Это он сам, из собственного опыта, не раз проверенного жизнью, знает. Она, любовь, есть основа основ всех других жизненных

успехов и первый защитник от всяких невзгод и напастей, в том числе и самой страшной, каковой является смерть.

Разве не любовь возвратила вновь к жизни отчаявшуюся после гибели Антона Катю, которая тогда уже готова была поставить на своей дальнейшей судьбе крест? Он с замиранием сердца следил, как, находясь с ним рядом, она постепенно оттаивала, становилась прежней. С рождением их первенца, казалось, печаль окончательно ушла из ее глаз. Сына назвали по обоюдному согласию Владимиром, в честь старшего брата, который был тому несказанно рад.

«Ах, как я счастлив, дорогой брат, рождению будущего моряка, – писал он. – Путь малыш растет здоровым и сильным. А вы с Катенькой не забывайте о давней традиции нашего рода и озаботьтесь появлением на свет еще одного Петра…»

Они с Катей и сами мечтали о том же. И сыновья рождались. Еще двое их родились один за другим. Но, к несчастью, прожили недолго: болезнь унесла их в младенческом возрасте. Потом на свет появились две дочери – Мария и Анна. Но мысль еще об одном сыне не оставляла родителей.

– А если родится девочка? – лукаво щурила глаза Катя.

– Ну что же, радость моя, – успокаивал ее Петр Петрович. – Тогда у нас будет три дочери. Три невесты. Такие же прекрасные, как их мамочка.

И, словно бы в награду, Господь даровал им сына, который появился на свет морозным февральским утром.

– Вот и еще один Петр у нас есть, – слабо улыбнулась мужу Катя, едва придя в себя.

– Спасибо тебе, Катенька! – стараясь скрыть набежавшие слезы, прошептал он, целуя руки жены. – Спасибо, голубка моя. Значит, еще один Петр Петрович?

– Ты разве против?! – удивилась она.

– Что ты! – взмахнул руками он. – Что ты, радость моя! Я и мечтать об этом не смел.

И снова радость была недолгой: болезнь неожиданно свела в могилу их старшего сына Владимира. Теперь растут в их семье две дочери – Машенька и Анечка, которую в семье зовут Асей, – Катюшины помощницы, а также его любимец и надежда – Петруша. Служба поглощает основное время капитана первого ранга и сыном больше занимается жена с дочерьми. Что в том, казалось бы, плохого? Образованность Кати, ее музыкальность могут служить залогом того, что мальчик получит достойное воспитание, за которое им, родителям, не придется краснеть. Сын всегда уважителен к старшим, нежен и ласков с родными. А разве не от своей матери он взял ту поражающую многих теплоту к людям, порой даже мало знакомым, какое-то трогательное участие в их судьбе, нуждах? Ведь Катюша ни одного нищего никогда не оставит без милостыни.

– Таков же и Петя! – подумал про себя Петр Петрович, и, вспомнив недавний случай, который произошел у церковной ограды, покачал головой.

В тот воскресный день они всей семьей отправились к заутренней. Отстояли молебен и направлялись домой, одаривая нищих. Как будто бы никого из них не забыли и с чувством исполненного долга уже собирались повернуть за угол ограды, когда им встретился старый безногий матрос.

Видимо, утомленный нелегкой для него дорогой, бедняга, поравнявшись с ними, остановился, опершись на костыли и, тяжело дыша, с хрипотцой выдавил:

– Ваш-ш-ше благородие! Подайте инвалиду копеечку.

Открыв кошелек, Катя обнаружила, что все монеты, приготовленные для подаяния, уже розданы и беспомощно развела руками. Взяв жену под руку, Петр Петрович хотел было побыстрее увести ее от калеки, но тут услышал, как рядом то ли вскрикнул, то ли всхлипнул сын:

– Па-а-почка, миленький!

Петр Петрович нахмурил брови и, оглянувшись, собрался было сделать ему замечание, но, встретив полные слез и немой мольбы глаза Пети, растерянно остановился.

– Что с тобой? – стараясь быть строгим, спросил он.

– Но ведь это калека, папочка! – готовясь вот-вот заплакать, выдохнул сын. – Он же герой!

– Был герой, паныч, – вздохнул матрос. – А теперь – безногий и никому не потребный.

– Где ранен был, братец? – стараясь разрядить напряженную обстановку, поинтересовался Петр Петрович.

– Да тутачки, ваше благородие, – отозвался калека. – В Севастополе.

– Уж не на Малаховом кургане?

– Саме там, ваше благородие. Багато, ой багато и рученек и ножоньок, та й голивоньок матросских зосталось там тоди.

– Н-да, – обронил Петр Петрович. – Там и офицерских осталось немало.

– А як же, ваше благородие! – подхватил калека. – Уси стоялы разом – и матросы, и солдаты, и командыры наши. Усих мов ту траву косылы кули та ядра туркив, хранцузив и тых, як их там, английцив. Ох и багато нашого люду полегло тоди! Та й вы ж, бачу, ваше благородие, тож, мабуть, те сами выдалы. Сами знаете, чуешь.

– Так, так, – покивал в ответ Шмидт, задумчиво теребя свой ус. – Сам то видел и хорошо знаю, братец…

Он и сам потом не мог объяснить, какие причины побудили его, боевого офицера, считавшего себя суровым человеком, который в любых обстоятельствах мог сдерживать свои чувства и ни в коем случае не давать им проявляться, выплескиваясь наружу, так расслабиться и вести столь долгую беседу с этим нищим калекой. Порой ему казалось, что это был вовсе не он, капитан первого ранга Шмидт, а кто-то совсем другой и тот случай ему

просто приснился. Только нет. Все это было именно с ним. Петр Петрович помнит облик того несчастного старого матроса-калеки, его косматую, выбеленную сединой голову, нечесаную бороду и видавшие виды костыли. Это ему он положил в дрожавшую от волнения ладонь серебряный целковый, наказав:

– Помяни, братец, тех, кто пролил кровь свою тогда на Малаховом кургане. Всех, непременно всех – от адмиралов до матроса. Они достойны того.

– Рад стараться, ваше благородие! – стараясь принять подобающую осанку, рявкнул калека. – Зроблю. Все зроблю, як вы наказалы. А вам хай Господь пошле доброго здоровьячка та довги лита. И диточкам вашим хай сонечко счастя посмихается.

– Ну, ступай, ступай своей дорогой, братец.

Проводив взглядом торопливо заковылявшего на костылях калеку, Петр Петрович перевел его на своих домашних. На лице Кати, в ее улыбке откровенно светилось полное одобрение его действий. С обожанием и некоторой робостью глядели на отца обе дочери. Но больше всего поразил семилетний Петя: его глазенки сияли каким-то необыкновенным, не детским восторгом, который до краев переполнил душу мальчишки и готов был вот-вот вылиться наружу, покатиться по щекам вместе с набежавшим серебром слезинок.

– Па-а-апочка! – прошептал он, прижавшись горячими губами к руке отца. – Ну, па-а-апочка! Какой ты славный и добрый…

– Ну, ну! – нахмурился Петр Петрович, отводя руку. – Только, пожалуйста, без слез. Пожалуйста, без слез!

Добрые и нежные чувства к детям не были чужды Петру Петровичу. Как и всякий нормальный отец, он любил их. Больше того, он часто испытывал желание прижать к груди эти чудные творения их с Катей любви, как называл их про себя. Даже не раз уступал этой просыпающейся в нем слабости, становясь озорным и веселым как его малышки. Но это больше с дочерьми и до смерти Владимира, которого так жестоко отняла у них с Катей проклятая смерть. Старшему сыну уже исполнилось двенадцать лет и Петр Петрович уже видел в нем будущего моряка, достойного продолжателя их фамильной профессии. К тому же все как будто бы повторялось так, как в семье их родителей: старший Владимир, а младший Петр. Двое сыновей! Но тут откуда ни возьмись приключилась болезнь. Петр Петрович хорошо помнит, как билась за жизнь Владимира бедная Катя. Что она только не делала, каких докторов не находила, какие средства не перепробовала. Ничего не помогло. Когда огонек жизни старшего сына совсем стал гаснуть, обезумев от горя, она вбежала в гостиную, где сидели опечаленные остальные члены семьи, с криком:

– Володенька умирает! Молитесь! Молитесь!

Повинуясь ей, все они опустились на колени и стали молиться, прося у Господа, чтобы он даровал жизнь Владимиру. Исступленно молился сам Петр Петрович, молились дети, кроме маленького Пети, который еще ничего не понимал. Ах, как они просили! Какими словами только не звали на помощь всесильного Отца небесного. Но он их тогда не услышал. Почему? Велик был грех их сына? Но в чем он? Как и когда успел провиниться их ребенок, еще не успевший стать юношей? Нет, этого не могло быть. Не могло! Не могли прогневить силы небесные и другие их дети, воспитанные в богопослушании, уважении к старшим, другим людям. Тогда, может быть, кто-то из них двоих? Но в чем он, тот самый грех? Ведь присяги он не нарушал. Не щадя живота своего, стоял за веру, царя и отечество против врагов, которые позарились на землю его родины. Кровь свою пролил. Никого из друзей и товарищей своих не предал и, кажется, не обидел. А Катя? Да она не то, что человека другого, а и мухи, комахи божьей не обидит. Ну не может же, право, грехом считаться то, что полюбила она его и второй раз пошла под венец. Так ведь и она же клятвы своей не нарушила. Сколько лет минуло после гибели Антона, сколько воды утекло, прежде чем решился сам он предложить руку и сердце вдове своего покойного друга и прежде чем отважилась она принять его предложение. И память об Антоне они сохранили. Да, да! Сохранили. Его портрет и сейчас в их доме висит на видном месте. Так захотелось ему, Петру Петровичу. Катя как будто бы была довольна этим и не стала возражать. Только когда стал подрастать Владимир, предложила сказать тому, что Антон – это дядя его, погибший во время Крымской войны.

– Ну, что же, – согласился тогда с женой Петр Петрович. – Коль ты так хочешь, душа моя, пусть будет так.

С той поры Антон как бы продолжает жить в их доме, в их семье. Больше того, он помогает воспитывать им сына. Да, да. Именно помогает. Ведь со дня своего рождения Петя, что называется, полностью находился в женском плену: Катя и две старшие дочери в нем души не чаяли.

– Наш маленький, наша крошечка! – ворковали над ним. И, нужно признаться, что сам Петр Петрович ничего плохого в том тогда не видел: малыш он и есть малыш. Но когда сын начал подрастать, вдруг обнаружилось, что своим поведением, характером, излишней слезливостью он больше походил на девочку, нежели на мальчика.

– Вот тебе раз! – встревожился Петр Петрович. – Эдак мы не моряка, не флотского офицера взрастим в нашем доме, а еще одну девицу красную.

Тогда то и решил он, что нужно мальцом самому больше заниматься и к тому же быть с ним построже. С трудом, но все же гасил в себе приливы нежности к мальчишке, к его таким же, как у Кати, овалу лица, разрезу глаз, слегка припухшим губам.

– Пожалуйста, без слез! – деланно хмурил брови, сдерживая готового вот-вот расплакаться сына. – Пожалуйста, без слез, Петр. Не забывай, что ты мужчина. Или, может быть, ты хочешь вырасти девчонкой и всю жизнь играть в куклы и рюмсать?

– Нет! – тряс головкой мальчик. – Хочу быть мужчиной. Как ты, папочка.

– Ну вот. Тогда не забывай, что у нас в доме двое мужчин.

– А дядя Антон? – неожиданно спросил Петя.

– Дядя Антон? – слегка растерялся Петр Петрович, но тут же нашелся. – И он, конечно.

– Тогда нас трое! – сверкнув глазенками, обрадовался сынишка. – Нас, мужчин, тоже трое в доме, папочка!

– Ты прав, сын, – улыбнулся отец. – В нашей семье три женщины – мама, Маша и Ася, и трое мужчин.

В самом деле, подумалось тогда, почему бы старому другу Антону Скоробогатову, вернее, доброй памяти об этом бесстрашном и славном моряке не стать помощником в деле воспитания его сына? Так и случилось. Вот уже третий год каждый поступок Пети подвергается не только оценке отца, но и Антона.

– А как бы поступил в этом случае дядя Антон? – всякий раз интересовался Петя, собираясь принять какое-то трудное для себя решение.

– Дядя Антон сегодня тобою был бы доволен, сын, – слова, прозвучавшие из уст строгого отца, считались высшей похвалой для Пети.

Катя молча приняла эту их игру. Сам Петр Петрович никогда не спрашивал о том, хорошо или нет поступил он, начав ее. Но по глазам жены видел, что она ей по душе, что Катя также одобряет его затею. Главное же состояло в том, что в поведении сына стали происходить желанные для Петра Петровича изменения. Мальчик стал меньше хныкать, исчезла былая плаксивость, он научился плавать, охотно выходит с отцом на шлюпке в море, уже пробует грести и управляться с рулем. И это даже при небольшой волне, при одном виде которой раньше начинал дрожать как осиновый лист. Словом, кажется, удалось найти правильный путь к приобретению качества, столь необходимого настоящему мужчине, название которого мужество. Да, да. Именно оно, это качество, помогая преодолевать, ломать в себе боязнь всего и вся, страх перед неведомым и потому кажущимся грозным и опасным, превращает мальчика в уверенного в себе юношу, а затем – в мужчину.

При этом отрадно, что, обретая мужественность, Петя не теряет сызмальства присущей ему любви к матери, сестрам и, конечно, к нему, Петру Петровичу. Это хорошо, поскольку любовь и мужество – великая сила…

«Ну вот! – хмыкнув, прервал свои мысли Петр Петрович. – Что это меня нынче на философию потянуло? Вона в какие дебри забрался! С чего бы это? Уж не скорая ли весна тому виной? Хотя на дворе морозец и холод собачий. Но это только сейчас, к вечеру так стало. Днем же как будто бы солнечно было и, кажется, даже капало с крыш. Да и пора, пора уже – март месяц на дворе. Не успеешь оглянуться, как зазвенит капель, сойдут сугробы, а там и

трава зазеленеет, на деревьях появятся первые листочки, отдавая салют весне, которая вновь пожаловала в Одессу. Таковы законы природы. Пока же нужно принимать ее такою, какою она есть и терпеть мороз, который, соревнуясь с холодным ветром, старается побольше ужалить тех, кто отважился покинуть теплое жилище и оказался на улицах города, на которых играла свои снежные игры зима.

Ну вот и знакомый Стурдзовский переулок. Поежившись, как бы стараясь освободиться от наседавшего на него холода, Петр Петрович расправил плечи и молодцеватой походкой направился к особняку, который вот уже несколько лет снимали они с женой. Поднялся на крыльцо и, потянув на себя кольцо, тотчас услышал, как в коридоре заиграл колокольчик.

– Наконец-то! – подставив щеку для поцелуя, улыбнулась жена.

– Папа пришел! Папа пришел! – щебетали девочки.

– Ну что же ты, папочка? – надув губы, подал голос Петя. – Обещал сегодня пораньше, а уже совсем темно…

– Дела, брат, – поправляя волосы на голове и усы, многозначительно заметил Петр Петрович. – Они знаешь как держат? Сильнее любого якоря.

– Противные дела!

– Э, брат, нет! – покачал головой Петр Петрович. – Дело – это, брат, важнейшая штука. Без него и человека настоящего нет, а есть только настоящий бездельник. Так-то вот. Ну, докладывай, каким делом ты сегодня занимался.

– Я?! – растерянно заморгал Петя.

– А может быть, мы вначале поужинаем? – предложила Екатерина Яковлевна. – У меня уже все готово.

– Ну что же, – согласился Петр Петрович. – Ужин тоже важное дело. Здесь мама командир, и ее команда – закон. Пошли в кают-компанию.

2.

Иногда говорят: жизнь идет. Так-то это так. Только всегда ли? Да, она действительно шла и при том ужасно медленно, можно сказать, ползла в годы ее, Екатерины Яковлевны, детства. Тогда мало что менялось в гарнизонной службе ее отца, армейского офицера Вагнера, да и всей их семьи. Исключение составляли их редкие выезды в имение маминых родителей, обедневших, но не утративших внешнего лоска и, видимо, врожденного для многих поляков гонора. Там, в деревне, она, маленькая Катя, как бы сливалась с природой и, ощущая себя то резвым зайчонком, носившимся по аллеям уже основательно запущенного и оттого казавшегося ей дремучим лесом сада, то птицей, парящей в свободном полете, обгоняющей неторопливо и важно плывущие неизвестно куда громады серебристых туч. В безбрежном просторе голубого неба тучи виделись сказочными кораблями, явившимися к ней из бабушкиных сказок, которые и должны были привезти ей, бабушкиной любимице, загадочные судьбу и счастье.

Кате хотелось, чтобы эти самые таинственные грузы-подарки побыстрее были доставлены к ней. Но корабли-тучи, как назло, так медленно двигались по небу, а временами казалось, и вовсе стояли на месте. Досадуя на них, она готова была, набрав побольше воздуха, помочь им, дуя изо всех сил, чтобы тучки, как тот кораблик, мчались по волнам на раздутых парусах. Однако, как она ни старалась, ничего не получалось. Корабли-тучки еле-еле ползли по небесной глади, не обращая никакого внимания на усилия девочки, у которой вскоре начинали болеть уши. Сердито топнув ножкой, она горько плакала от обиды и убегала к бабушке, орошая подол ее платья слезами.

– Что с тобой, моя птаха?! – целуя, пыталась успокоить свою любимицу бабушка. – Кто посмел тебя обидеть?

– Ко-о-о-раб-ли-ки!

– Какие кораблики?!

– Там, на небе. Не хотят везти гостинцы…

– Ах, вот оно что! – наконец догадалась бабушка, проникая в сказочный мир внучки. – Кораблики не хотят везти тебе гостинцы?

– Да…

– Ну а какие же гостинцы ты ждешь?

– Судьбу и счастье, – всхлипывала Катя.

– По-нят-но, – усмехалась бабушка. – Теперь понятно, какие гостинцы ждет моя птаха. Успокойся. Получишь ты свои гостинцы. Обязательно получишь.

– Но когда?

– Как только придет время.

– А когда? Когда оно придет? – допытывалась Катя, с надеждой бросая взгляд на огромные пристенные часы, что подобно грозному стражнику важно расположились в углу гостиной. – Через сколько часов?

– О! Еще много, очень много часов и дней пройдет, Катюша, – смеялась бабушка. – Вначале ты должна вырасти, стать взрослой. А потом…, потом уже придет к тебе твоя судьба и твое счастье. Так что придется немножко подождать…

Сказочными корабликами медленно плыли ее в общем-то безоблачного детства года. Незаметно для себя выпорхнув из родительского гнезда, Катя стала воспитанницей института благородных девиц в польском городе Пулавы. Но, расставшись с детством, она взяла с собой в юность ту невесть когда зародившуюся в ней мечту о предназначенной ей судьбе, об ожидающем ее счастье. Какими они будут, Катя не представляла, но твердо верила в то, что они непременно придут, встретятся на ее жизненном пути. Нужно только в это крепко верить и ждать. В ее девичьем воображении приход их рисовался чем-то праздничным, веселым и радостным. Потому, видимо, ожидание их сопровождалось у Кати неведомой тягой к музыке и пению. И еще верилось ей, что столь долгожданный праздник будет связан с морем.

Самого моря Катя до этого ни разу в жизни не видела, представляя его таким же огромным, как и раскинувшееся во всю необъятную ширь небо с его улыбающимся ласковым и светлым днем солнцем, загадочным месяцем, регулярно выходящим пасти свое бесчисленное стадо звезд, что словно шаловливая детвора во время школьной перемены усеивала пребывающее в ночном покое небесное поле. По волнам этого самого водного неба и должен приплыть тот сказочный корабль с ее судьбою и ее счастьем, который она ждала. Он являлся в ее девичьих снах. Большой, сказочно красивый он мчался к ней на своих раздутых парусах, легко рассекая волны, которые торопливо уступали ему дорогу.

Ах, как это было здорово! Всякий раз, пробуждаясь от такого сна, она испытывала какой-то радостный трепет. Казалось, что гулко стучавшее сердечко вот-вот выскочит, вырвется из ее груди и полетит, помчится навстречу так неожиданно стертому пробуждением кораблю, на капитанском

мостике которого она уже видела фигуру капитана. Только кто он, каков из себя, она все никак не могла как следует рассмотреть.

– Ничего! – твердила себе Катя. – На следующий раз я его увижу и рассмотрю как следует. Нужно только очень хотеть и терпеливо ждать.

Сколько раз она загадывала себе этот, как ей казалось, вещий сон! И он таки посещал ее, но обрывался всегда на том самом интересном месте, пряча от нее лицо капитана. Его, образ капитана, она домысливала еще не один год, каждый из которых, как ей казалось, тянулся томительно долго. Загадочная судьба, о которой некогда поведала бабушка, рассказывая маленькой внучке сказку, теперь играла с нею, уже взрослой девушкой, в прятки. Она словно тщательно изучала, испытывала ее перед тем, как явиться ей, принеся с собой в виде заслуженного подарка то самое счастье, которого никто еще не видел, но о котором мечтает каждая девушка.

Наконец это свершилось: судьба подарила ей встречу с приехавшим в отпуск блестящим морским офицером-черноморцем Антоном Скоробогатовым. Первая встреча с ним буквально сразила Катю. Ей казалось, что именно его она видела в своих снах на капитанском мостике несущегося к ней на всех парусах корабля. На кончике ее язычка так и вертелся не дававший покоя вопрос:

– Ну где же так долго были вы, капитан?!

Кате больших усилий стоило не задать его, не дать сорваться этим словам, за которыми должно было случиться нечто из ряда вон выходящее, что сразу изменило бы все на свете и она, Катя, уже перестала бы быть сама собой. А этого-то как раз ей и не хотелось, этого она как раз и боялась. Боялась оттого, что тогда, после встречи с Антоном, мир казался ей таким прекрасным, наполненным солнечным светом и музыкой. Да, да! Именно музыкой. Им двоим, бродившим без устали по аллеям тенистого сада, улыбались деревья и кусты, им пели свои любовные песни соловушки, им щебетали свои добрые пожелания другие обитатели птичьего царства, им шептали свои молитвы травы, когда они уходили в степь, забирались в неведомые дали, о существовании которых они ранее даже не подозревали. Музыкой, песней казалось каждое произнесенное Антоном слово, теплом, лаской светился каждый его взгляд. Казалось, одно присутствие его рядом вселяло в Катю покой и уверенность в себе.

В то же время как-то незаметно в сердце ее зарождалась тревога. Боясь, что все это однажды может перестать существовать, может исчезнуть. Катя старалась гнать от себя прочь эти противные всему ее естеству мысли, но они снова и снова посещали ее.

– Господи! – молилась она ночами. – Спаси нас, господи! Сохрани и помилуй Антона моего. Не дай угаснуть огоньку нашей любви…

Тревога, отступавшая на время пока они были вместе, возвращалась к ней, заставляя сжиматься сердце, вызывая слезы, которыми Катя все чаще орошала подушку по мере того, как приближался к концу отпуск Антона.

– Что станет со мной, когда наступит день его отъезда? – в смятении думала Катя. – Неужели не упадет небо и все будет как прежде? Будет светить солнце, шелестеть листвой деревья, петь птицы – только уже без него. Тогда для кого все это?! Зачем?!

Но, видно, судьба, достаточно ее изучив и испытав, решила, что она достойна счастья. За неделю до своего отъезда Антон сделал ей предложение.

Боже, что с нею было! От счастья она земли под собой не чуяла и, казалось, не ходила и летала, парила над ней.

– Жди меня, моя чаечка, – целуя ей руки, шептал он, прощаясь. – Я скоро приеду за тобой и увезу туда, где много-много таких же белокрылых красавиц.

– Таких же? – насторожилась Катя.

– Нет, моя милая! – улыбнулся Антон. – Ты самая красивая, самая лучшая. Но я уверен, что наши севастопольские чайки тебе понравятся и будут верными тебе подругами. Ты, вероятно, не знаешь, что когда моряки находятся в плаваньи, их жены часто приходят на берег, чтобы расспросить у чаек, как там их мужья – живы ли, здоровы.

– Чайки умеют говорить? – изумилась Катя.

– С теми, кто может и хочет их слышать, – усмехнулся Антон. – Больше того, от тех, кто особенно крепко любит и терпеливо ждет на берегу, они даже иногда передают приветы тем, кто в море.

– Тогда ты каждый день будешь получать приветы, милый, – едва сдерживая слезы, прошептала Катя.

– Жди же меня, моя чаечка!

И она ждала. Ой, как она ждала его, своего Антона! Пока он был рядом, дни пролетали как одно мгновение. Без него же они тянулись томительно долго, бесцветно и надоедливо. Казалось, конца и края не будет тому ожиданию. Правда, были письма от него ласковые и нежные, которые Катя читала и перечитывала несчетное количество раз, целуя и перецеловывая каждую страничку. Но разве могли письма заменить его самого?

Наконец она дождалась. После пышной свадьбы и прощаний с родными они, уже как одна семья (слово, так странно и в то же время радостно звучавшее тогда для нее) отправились к месту службы Антона в Севастополь, чтобы всегда быть вместе. Всегда вместе… Так думалось ей тогда. На самом же деле все оказалось совсем иначе. Видеть мужа Кате доводилось гораздо меньше, чем ждать его то со службы, когда корабль Антона «Три святителя», на котором он служил капитаном, стоял на севастопольском рейде, то из плаванья, куда то и дело отправлялись эскадры кораблей Черноморского флота по приказам своих адмиралов.

Из того, теперь уже далекого времени, Екатерине Яковлевне больше всего запомнились три вещи: балы в офицерском собрании, ее страшная ревность Антона к своему кораблю, морю и морякам во главе с обожаемым им адмиралом Нахимовым и привязанности к чайкам.

Балы и впрямь были прекрасны. Блистающие выправкой и формой галантные офицеры, разнаряженные дамы, звуки флотского оркестра и танцы, следующие один за другим. Как в сказке! Жаль только, что проводились они, как казалось ей, крайне редко. Их приходилось ждать дольше, чем те же престольные праздники. Но зато ожидание ее вознаграждалось вниманием, которым окружали ее красавцы-офицеры сослуживцы Антона. Она купалась в лучах неподдельного обожания, которое светилось во взглядах каждого из них, смеялась, слушая восторженные комплименты своих кавалеров, спешивших друг перед другом пригласить ее на танец. Конечно, при этом она не упускала из поля зрения и своего Антона, которому, видимо, не совсем нравилось, что жена постоянно ангажируется на танцы другими. Уловив его недовольство, Катя возвращалась к Антону и то ли улыбкой, то ли нежным прикосновением руки, то ли взглядом – нехитрым оружием своего арсенала, которое, оказывается, безотказно действовало на мужа, восстанавливала его душевный покой. В большинстве случаев это удавалось ей довольно легко, поскольку ни один из кавалеров не вызвал в ее душе какого-либо волнения, кроме одного – наиболее близкого товарища Антона Петра Шмидта.

Катя выделила его из группы офицеров корабля, которых представил ей Антон, буквально в первый вечер. Да и как было этого не сделать, когда тот лейтенант, что называется, вышел всем – и высоким ростом, и стройностью, и молодцеватой подтянутостью, и загадочной задумчивостью, которая поселилась в его слегка прищуренных глазах, которые, казалось, пытаются разглядеть что-то невидимое, скрытое за пеленой тумана.

– Чисто сокол остроглазый, – подумала тогда Катя, пряча готовую сорваться с губ улыбку. Но она, видимо, не ускользнула от цепкого взгляда лейтенанта. Глаза его еще больше сузились, какая-то тень скользнула по лицу и весь он как-то подобрался, сжался.

Чувствуя, что краснеет, Катя быстро переключила внимание на другого офицера, который бросил какой-то комплимент, засмеялась и старалась в сторону Шмидта больше не смотреть. Ведь ничего, собственно говоря, не случилось. Ну познакомилась с молодым человеком. Так ведь тогда Антон представил ей добрый десяток своих сослуживцев. И среди них было несколько, пожалуй, совсем не хуже, чем этот остроглазый, а может быть даже и лучше. Почему же она, Катя, мысленно возвращалась именно к нему, Петру Петровичу Шмидту? Возвращалась тогда на балу и потом…

Несомненно, что он ей понравился, как понравилась и она ему. И в том нет ничего предосудительного, как казалось ей. Однако Антон, который наверняка заметил искру, проскочившую между ней и его товарищем, видимо, так не считал. Правда, он ни словом не обмолвился по этому поводу, но Катя почувствовала его состояние. Она сделала все, чтобы развеять у мужа подозрение. Она женщина и при том красивая женщина и, кажется, не глупая, а потому должна уметь это делать, чтобы не будить в сердце мужа звериного рыка ревности. Да, собственно говоря, для этого и усилий от нее особых не

требовалось: она ведь любила его, своего Антона. Любила и еще не успела привыкнуть к тому, что он у нее есть, что он принадлежит ей и будет принадлежать вечно.

Больше того, частые и длительные плаванья, в которые отправлялся Антон со своим кораблем в то неспокойное время, редкие часы, которые им удавалось побыть вместе, будили ревность в ней самой. Да, да! Неожиданно для себя Катя узнала, что ревность, проявления которой она боялась со стороны мужа, присуща, оказывается и ей. Ого! Еще как присуща. Она ревновала его к его товарищам офицерам, которые никак не могут обойтись без своего командира, чтобы как следует вымыть пол (как они говорят, выдраить палубу), начистить свои пушки и привести в порядок паруса.

– Да с этой ерундой легко бы справились две-три прислуги, – в сердцах думала Катя. – Всего две-три! А у них там вон сколько матросов. Нет. Либо они только с виду кажутся бравыми и ловкими, эти самые его офицеры, либо… либо он сам не очень стремится ко мне. Как же может какой-то корабль быть роднее и желаннее собственного дома? А может быть, он меня разлюбил? Но как же я?!

От этих мыслей ей становилось страшно. Не имея рядом близкого человека, которому можно было бы пожаловаться, излить душу, Катя приходила в отчаяние, даже плакала, чего ранее за собою не замечала. Но стоило появиться Антону, как все изменялось. С первым поцелуем светлее становился день, исчезали отчаяние и плаксивость, которые, казалось, недавно посещали не ее, а кого-то другого, совсем незнакомого. Катя начинала подтрунивать над собой, над своими глупыми мыслями. Проходило совсем немного времени и она носилась по дому, напевая что-то веселое, а там, по просьбе Антона, усаживалась за пианино. И вот они уже снова вместе, одно, единое целое, а в их доме, в их семейном гнездышке опять праздник. Праздник их любви.

А что же Петр? Он продолжал существовать, жил, но не так, не в ней самой, не в самом сердце, а как бы рядом. Она знала, что нравится ему, чувствовала дыхание зарождавшегося в нем любовного огня. Он согревал ей душу, но не мог зажечь сердце, которое полностью принадлежало одному Антону. Да и Петр это хорошо понимал. Вначале, боясь не справиться со своим чувством и причинить боль своему старшему товарищу и командиру, он как-то замкнулся в себе. Избегая встреч с ней, перестал появляться в обществе, сказываясь то нездоровым, то занятым по службе. Потом все-таки взял себя в руки. Только стал сдержаннее и суше.

– Уж не болен ли ты, Петр Петрович? – тревожились его товарищи.

– Нет, здоров, – кратко отвечал Петр.

Когда же однажды кто-то из офицеров затеял разговор о женитьбе, Петр резко оборвал его:

– Нужно выбирать между женой и морем.

– Отчего же? – нахмурившись, спросил Антон. – Ведь одно другому не помеха.

– Так только кажется, – сухо ответил Петр. – Море, как и жена, не терпит раздвоения сердца. Так считает адмирал Нахимов, и я с ним полностью согласен.

Павел Степанович Нахимов был их кумиром и семьи действительно не имел. То ли в самом деле из-за своей страстной любви к морю и кораблям, которой ни с кем делиться не хотел, то ли по какой-либо другой причине. Но это был неоспоримый факт, о котором и Антон хорошо знал, и ей, Кате, однажды поведал как о некой странности, присущей хорошему человеку. Тогда же он промолчал и Петра разубеждать не стал.

Трудно сказать, как бы дело потом обернулось, не начнись вскоре после этого разговора война с турками, в которую затем и англичане с французами ввязались.

Когда моряки в плаваньи, у жен и в мирное время на душе неспокойно. Море есть море. Оно не всегда тихое да спокойное. Иной раз так разыграется, что на душе кошки скребут. Громады волн набрасываются на берег с таким ревом, с такой злостью, что, кажется, они готовы все сокрушить, все разнести и разрушить. И человек перед ними просто песчинка, которую загубить им, уничтожить, смыть с лица земли ничего не стоит. А каково морякам там, на корабле среди бушующей стихии? Не случайно в такие непогожие дни морячки чаще всего приходят на берег. Стоят и молча смотрят в темную, видно, от злости лютующих морских чертей даль. Молят Бога и защитника моряков Николу Угодника во спасение и здравие своих мужей.

Не раз ходила туда и она. Молилась, просила Господа за спасение своего капитана. Тогда и с чайками подружилась.

Удивительные существа эти самые чайки. Летают по небу, как и орлы, коршуны, синички, вороны и воробьи. Словом, как все птицы. И все же что-то особенное в них самих и в их полете есть, отличное от других птиц. Что именно? Трудно сказать. Даже слов таких не подберешь, чтобы объяснить себе самой. Смотришь на них и что-то человеческое (да, да, именно человеческое!) чудится и в облике их совершенном и в полете, каком-то осмысленном что ли.

Своими наблюдениями Катя как-то поделилась с Антоном, возвратившимся из очередного долгого плаванья. Думала, засмеет ее муж. Ан, нет.

– Человеческое, говоришь? ─ задумавшись, переспросил он. ─ А что ты думаешь, может и вправду они такие же, как и мы, люди. Только сотворены в облике ином и с языком своим, от нашего отличным. А может…

Он замолчал и, о чем-то думая, прикрыл глаза.

– Ну что же ты, милый? ─ теребила она мужа. ─ Говори, рассказывай дальше, что ты знаешь о чайках. Это же так интересно!

– Интересно, говоришь? Тогда слушай. Есть у моряков такая легенда, что после того, когда каждый из них погибает, тело его забирают волны, унося в море, где оно находит свое пристанище, свою последнюю обитель.

– А душа? ─ не выдерживает Катя. ─ Неужели и душа тонет вместе с телом? Но говорят же, что душа не умирает, что через сорок дней она оставляет мертвое тело и возносится на небо…

– Не торопись, ─ остановил ее Антон. ─ Дослушай до конца. Так вот. Тела погибших моряков покоятся в море, а души их, как и всех умерших людей, в положенный час оставляют тела и превращаются в чаек. Оттого, говорят, облик их столь необычен и необычен их полет. Плавают они в своем небесном море, грустят об ушедших и охраняют живых, предупреждая об опасности, которая им грозит.

– Вот оно, значит, как! Выходит, каждая чайка ─ это продолжающая жить душа погибшего? Живая душа?

– Выходит, что так…

Кате крепко врезался в память тот разговор с Антоном и поведанная им легенда о чайках. Она все больше и больше проникалась интересом к этим удивительным птицам. Временами ей казалось, что она даже немного научилась понимать их чаячьий язык. В самом деле, они как будто бы и впрямь меж собою о чем-то говорят. Видно, делятся вестями, которые подружки приносят с моря. Иной раз разговор их спокойный и ладный: «Летали, ─ мол, ─ мы далеко. Шторм-баловник который день уж играет, но никакой беды скоить не успел. Никого не убил, не обидел». От такого разговора и на душе у Кати становилось спокойнее: значит жив он, ее капитан, и ведет свой корабль по бушующим волнам к родимой земле. Но иногда птицы вели себя совсем по-другому. В их беспорядочных гортанных криках слышались тоска и тревога. Будто жаловались они, предупреждали о какой-то беде, которая бродит где-то там, далеко от берега в ревущем и пенящемся море. Вот тогда и ей становилось жутко. Она истово молилась, заклиная всех и вся ─ и всевышнего, и ангелов небесных, и море ─ спасти и помиловать любимого и его товарищей. Она просила своих подружек чаек скорее, стрелою мчаться к нему с приветом, передать, что сердце ее стучит для него, что ждет его. Так было не однажды. И всякий раз он возвращался живым и невредимым. Но однажды пришла беда…

Она помнит, что особенно тоскливо чайки кричали в тот раз, когда «Три святителя» сгорел в бою. Сколько тревоги и боли было в их криках, что словами не передать. Они будто просили, заклинали ее молиться. И она, окаменев от страха, молилась, молилась, молилась. Молилась там, на берегу, молилась, вернувшись домой, бессонной ночью, орошая слезами подушку… Ничего не помогло.

Услышав весть о гибели Антона, погибшего еще до того, как стал гореть его корабль, она просто окаменела. Ничего не видела, не слышала, не чувствовала, что творится вокруг нее. Казалось, теперь уже все, жизнь для нее кончилась, она убита тем самым ядром, которое, залетев на капитанский мостик, сразило ее Антона. Она не помнит, кто приходил к ней потом, что говорили ей, о чем спрашивали, что она отвечала.

Трудно сказать, как долго продолжалось это ее безжизненное состояние. Из него она выходила медленно, а главное ─ трудно. Будто оживала, вернее, нарождалась вновь. Вначале вдруг обнаружила, что в доме, рядом с ней существуют еще какие-то люди, которые отчего-то суетятся, что-то делают. Потом стали выплывать отдельные предметы ─ комод, шкаф, музыкальный инструмент… Она наблюдала за всем этим как бы со стороны, будто бы не имеющим к ней никакого отношения.

– Что это такое и зачем? ─ лениво ворочалась мысль в гудящей колокольным звоном голове, будто нехотя взбиралась по крутой лестнице куда-то вверх. ─ Кому и для чего все это нужно?

Постепенно осваиваясь во вновь открываемом для себя мире, все сильнее и сильнее стала ощущать свое одиночество. Когда-то ─ очень давно или совсем недавно ─ она была совсем иной. У нее был муж, который ее боготворил, готовый для нее сделать все. Были его сияющие глаза, его улыбка, которые излучали любовь, согревающую ее сердце, заставляющие его стучать радостно и сладко. Были его сильные руки, которые так легко могли поднять ее, оторвав от земли, закружить в полете. В эти минуты она ощущала себя счастливой и беспечно парящей птицей, подобной чайке в солнечную погоду, когда море, нежась в редком покое, соревнуется с небом своею неправдоподобной гладью и сказочной синью. Те сильные руки могли укрыть ее от любого ненастья, могли отвести любую беду.

Теперь всего этого нет. Его отняли у нее враги. Отняли вместе с ним, с ее любимым Антоном. Но почему? Кто они такие, эти самые враги? Кому хоть раз в жизни она причинила зло? Зачем они убили Антона? Они виноваты в том, что он исчез, перестал существовать и его больше не будет. Не будет никогда. У тех, кто погиб вместе с ним, есть дети, в которых будет продолжаться жизнь их отцов. Они же с Антоном не успели завести детей. Значит, жизнь должна оборваться? Должна прекратиться? Боже, какой ужас! Какая несправедливость!

Терзаясь этими думами, Катя обливалась горючими слезами. В отчаянии она не раз приходила к мысли, что тогда и ей жить не стоит. Раз Антона поглотило море, то пусть и ее оно возьмет. Может быть, там они снова будут вместе. Но однажды бессонной ночью ее осенило спасительное решение. Несправедливость не должна восторжествовать. Хоть нет Антона, но по-прежнему жива их любовь. Она живет, она существует в ней. И она может продолжить ее в своих детях. Неважно кто вместе с нею даст им жизнь, это будут дети той, сохраненной ею любви. Их с Антоном любви…

Екатерина Яковлевна и себе объяснить не может, как и откуда появилось это решение. Что именно, какие мысли, блуждавшие тогда в ее бедной головушке, подвели ее к нему? Нет, сама она своим умишком вряд ли могла додуматься до такого. Тогда что же получается? Неужто кто-то со стороны подсказал, подтолкнул ее? Но кто это мог? Кому такое под силу? Разве что он, Отец небесный. О, Господи праведный!

Пораженная словно громом своим открытием, Катя по-иному теперь смотрела на окружающий ее мир и на себя. Теперь она не имеет права даже думать о смерти. Она несет в себе любовь, благословенную небом, самим Богом, а значит ─ неземную любовь. И ее прямой долг, ее христианская обязанность ─ сохранить эту любовь. Сохранить и продолжить. Такова ее судьба…

От этого решения она не отступила. Не отступила ни разу. О существовании его она ни с кем не делилась. Оно жило в ней, и лишь она о нем знала. Для достижения поставленной цели судьба и силы небесные послали ей Петра Шмидта. Так ей, по крайней мере, казалось. И она верила в это. В самом деле. Ведь, будь иначе, разве смог бы Петр так терпеливо ухаживать за ней, когда она была на грани помешательства? Зачем ему совершенно чужая, да к тому же нездоровая женщина? Он и сам-то не успел поправиться, как следует на ноги стать после того ужасного сражения, из которого чудом вернулся живым. Кто-нибудь другой наверняка и не вспомнил бы, что где-то есть живая душа, которая нуждается в помощи. А он, видишь ты, не только вспомнил, а, можно сказать, не отходил от нее, не оставлял своим вниманием, едва выйдя из госпиталя, и потом, в дни обороны Севастополя. Он же ее тогда и к раненым для ухода определил.

И вот что странно. Сама она, Катя, справилась окончательно со своей бедою именно там ─ среди крови и смерти. Казалось бы, весь тот ужас, в котором она находилась, где постоянно резались руки и ноги, как в мясной лавке, где каждый день умирали люди, должен был ее окончательно добить, свалить с ног. А вышло совсем наоборот. Она вновь ощутила себя сильной, способной бороться не только за свою жизнь, но и помогать в этом другим, отвоевывать у смерти другие жизни. Разве такое могло случиться без ведома отца небесного, без благословения Господнего? Нет и нет. А коли так, то значит и тогда ее вела начертанная им судьба. Она, Катя, лишь послушно шла туда, куда судьба указывала ей, куда звала ее.

После замирения, когда стих рев орудий и смерть перестала, как траву, косить людей, оказалась она в Одессе. Там же был и Петр. Он захаживал к ней как и раньше. Только стала вдруг она замечать, что визиты его происходили все реже и как-то не так, как прежде. Придет, поинтересуется здоровьем, делами и тут же прощается. Будто отдаляться он от нее стал. «С чего бы это? ─ встревожилась Катя. ─ Может быть, встретил Петр Петрович кого-нибудь на своем пути? Полюбил кого-то?» От этой мысли в жар ее бросило, тревожно забилось сердечко.

Нет, нет. Тогда она его не любила. Еще не любила. Подружек и товарищей у нее было как будто бы немало, а вот друг настоящий, чтобы можно было ему во всем довериться и положиться, оказался только один ─ Петр Петрович. Неужто и он покинуть ее собрался? Быть такого не может! Да и сам Бог не позволит этому свершиться.

С некоторых пор Катю стала посещать мысль о том, что реализовать свое принятое решение продолжить жизнь их с Антоном любви в детях было

бы лучше всего именно… с Петром. Когда она впервые зародилась в ее голове, Катя вначале испугалась. Как такое может произойти? Ведь это же будет предательство Антона. Настоящее предательство. Она попыталась решительно прогнать ее. Но не тут-то было. Навязчивая мысль снова и снова напоминала о себе.

«Предательство…, ─ терзалась думами Катя. ─ В самом ли деле предательство? Почему именно оно? Да, я знаю, что нравлюсь Петру уже давно. Но, пока Антон был жив, Петр боролся со своим чувством. Ради своего товарища он старался избегать встречи со мной. Даже заявил, что, как и адмирал Нахимов, не собирается заводить семью и останется верным морю. Море… При чем здесь семья и море? Море здесь совсем ни при чем. Здесь другая причина… И разве изменил Петр Антону после его гибели? Да, нянчась со мною, как с малым ребенком, он не раз доказал свою верность ему. И теперь, если он отдаст меня кому-нибудь другому, прервет нашу с ним дружбу, а сам отойдет в сторону, это не будет предательством дружбы с Антоном, а если предложит мне стать его женой, то это станет предательством… Нет, что-то здесь не так. Не так! Ведь наша с Антоном любовь живет во мне. Только во мне. Умри я, умрет и она. Но сохранить, продлить ее в детях я сама не в состоянии. Что же делать? Довериться, отдаться кому-либо, совершенно незнакомому, чужому мужчине? Нет. Этого я не смогу сделать. Не смогу даже ради той святой мечты, которая живет во мне. Такой поступок был бы противным моей душе, всему моему естеству, ибо он убил бы, растоптал и саму мечту, и меня вместе с ней. Я бы просто перестала существовать такой, какая есть, утратила то, что держит меня в этой жизни. Тогда что же мне остается? На кого надеяться? Только на Петра… Да, только он. Никто другой не сможет мне помочь… Но ведь и он ничего не делает для сближения, а наоборот ─ удаляется от меня и, кажется, все больше и больше. Удаляется как корабль, уходящий ночью в плаванье, чьи кормовые огни становятся все тускнее и тускнее, а затем и совсем исчезают для тех, кто, провожая, остается на берегу…»

Нет, она не хотела этого. Она просто не могла допустить мысли, что однажды в последний раз проводит Петра. Проводит, чтобы больше не встретиться. Это было бы ужасно. И почему…, почему, собственно говоря, такое должно случиться? Ведь она точно знает, что по-прежнему нравится ему. Да, да. Знает и видит. Видит по его глазам, которые при всей внешней, кажущейся суровости Петра всегда смотрят на нее с какой-то особой теплотой. В их взгляде не просто печаль по погибшему другу и сострадание к его вдове, а нечто большее. Вот только знать бы, что именно. Жалость по поводу того, что, встретив и полюбив другую, вынужден отойти, оставить ее, Катю? Нет, жалость ей не нужна. Она только обидит, ослабит ее. Да, да! Именно ослабит, а ей нужно быть вдвойне сильной ─ и за себя, и за Антона. Иначе не сохранить, не уберечь их любовь…

А что если Петр сам уже отчаялся надеяться на ее взаимность? Подумал, что его присутствие как-то оскорбляет память ее об Антоне, и решил больше не досаждать. Такое ведь тоже может быть. Что тогда? Будет мучиться, страдать сам Петр и обречет на еще большее одиночество и страдание ее, Катю. Разве станет от этого кому-то из них легче? И разве этого она хочет? Нет, и еще раз нет. Но что же делать? Как помочь и ему, и себе самой?

Выход, как ей тогда казалось, нашелся сам собой. Но это тогда. Теперь же она знает, она почти уверена, что без провидения здесь не обошлось. Именно небо подсказало ей ту, на первый взгляд, безобидную, но оказавшуюся просто спасительной для них обоих фразу.

– Эх, Петр Петрович, голубчик, ─ прощаясь после очередного его короткого визита, обронила она. ─ Другу Антона Скоробогатова можно было бы и чаще бывать в доме его вдовы…

На какое-то мгновение в глазах его мелькнуло смятение.

– Да служба, знаете ли, ─ пролепетал он.

– Служба, служба… ─ вздохнув, покачала головой Катя.

– А вы… вы хотите этого? ─ преодолев растерянность, выдавил из себя он. ─ Вы действительно хотите этого, Екатерина Яковлевна? Ну, чтобы я приходил к вам чаще…

– Да, ─ едва слышно отозвалась она и, почувствовав, что краска смущения заливает ее лицо, попыталась отвернуться. Но Петр не дал ей этого сделать.

– Екатерина Яковлевна! ─ сжимая ее руки, прошептал он. ─ Катенька! Вы не знаете, какая вы есть. Вы самая лучшая… Самая лучшая в мире.

С того вечера стена, разделявшая их прежде, хоть и не развалилась, не рухнула сразу, но уже не казалась такой непреодолимой. Она таяла постепенно, уменьшаясь в размерах, пока не позволила Петру наконец перешагнуть через нее и предложить ей руку и сердце.

После венчания в церкви и скромного застолья в кругу самых близких друзей новая семья поселилась в снятом Петром Петровичем небольшом особнячке, что располагался в Стурдзовском переулке Одессы. Теперь оставалось ждать, когда Господь осчастливит ее детьми. С рождением первенца Катя связывала особые надежды: в нем виделось ей одобрение сделанного шага и благословение их с Петром семейных уз.

Любила ли она в ту пору Петра? Екатерина Яковлевна не могла себе ответить. Безусловно, он нравился ей. Он был ей другом. Был, что называется, своим. Но любить его так, как она любила Антона, ощущая себя с ним частицей чего-то большого, единого целого, этого не было. По крайней мере, тогда не было. Антон, любовь к нему продолжали жить в ней даже после рождения первого сына Владимира, названного в честь брата Петра. И данное обстоятельство, которому она вначале не придала особого значения, вскоре стало всерьез тревожить ее. Выходило, что, существуя лишь в ней, та

любовь вместе с ней должна будет и умереть, так и не обретя свое земное существование.

– Неужто Господь не услышал мои молитвы? ─ терзалась думами она. ─ Неужто отказывается благословить наш с Петром союз даже после венчания?

В надежде на чудо она с нетерпением ожидала рождения следующих детей. И они рождались. Двое сыновей появились на свет один за другим и… так же один за другим ушли из жизни, не успев познать ее радости. Катя была близка к отчаянию. Несколько успокоилась с рождением дочерей. Мария и Анечка виделись ей и первыми помощницами, и лучшими подружками, с которыми она будет делиться самыми сокровенными тайнами. Всеми, кроме одной. Володя ─ это наследник Петра, его росточек, а девочки ─ ее кровинушки.

Так думалось Екатерине Яковлевне, пока дети были совсем маленькие. Время шло. Они подрастали. А любовь к Антону продолжала жить в ней. Больше того, она, как ей казалось, становилась все сильнее и сильнее. Словно просилась, рвалась из нее наружу. Чтобы как-то успокоить ее, она загружала себя всяческими полезными делами. Помимо воспитания детей, которое и без того отнимало много сил и времени, старалась побольше читать. Старалась помочь бедным в их нужде, искала путей к тому, чтобы дать возможность детям простых людей получить образование. В нем, в образовании, виделось ей спасение от всех невзгод и несчастий, которые встречают человека на его жизненном пути. Она и сама была недовольна теми знаниями, которыми владела.

– Я совсем мало знаю! ─ твердила сама себе. ─ Антон знал гораздо больше меня и мне нужно тянуться и тянуться к нему.

Тогда (сейчас об этом немного смешно и грустно вспоминать) она подала заявление в Одесский университет с просьбой допустить ее к экзаменам за весь курс юридического факультета. Думалось, что, став юристом, она до всего сможет дойти и сможет больше сделать добра людям. Ей, конечно, отказали: женщинам такое не разрешалось.

Петр без особого восторга воспринимал это ее рвение, но и не препятствовал, не мешал. И она была ему признательна. Ведь поведи себя он как-то иначе, прояви власть (а он это мог), кто его знает, как бы сложились дальнейшие их отношения.

Наконец ранним морозным утром 5 февраля Бог даровал им Петечку. Она и сама не знает почему, но только сразу поняла, что чудо свершилось, ее мечта осуществилась: та неземная любовь, что жила в ней, выпорхнула из нее и начала самостоятельную жизнь.

Буквально с первых дней появления на свет Петя стал всеобщим любимцем членов семьи. Еще бы! Для мужа он был не только продолжателем рода Шмидтов, но и хранителем его традиции, поскольку нес имя их благодетеля царя Петра I. Для детей ─ самый младшенький, которого они

готовы были защищать от всего и вся и который был их лучшей забавой. Для нее же самой он стал живым воплощением ее сокровенной любви, вырвавшейся из нее наружу, той самой неземной любви, которую она столько лет хранила в себе.

– Благодарю тебя, Боже, за милость твою! ─ неоднократно повторяла она в своих тайных молитвах. ─ За то, что ты снизошел к мольбам моим, даровав нам нашего Петеньку, нашего ангелочка. Спаси и сохрани его от всех болезней, от всякой напасти. Помоги взрастить его на радость нам и людям…

Она буквально дышала своим младшеньким, не давая упасть на него даже пылинке, не говоря уж о какой-то грязи.

– Петя, ─ земное воплощение нашей с Антоном любви, ─ внушала себе она. ─ И душа его должна быть чиста, как у ангела, и нетерпима ко злу и всякой мерзости.

Здесь муж стал активным ее соратником, а когда он, бережно относясь к памяти Антона, стал на его примерах воспитывать и младшего сына, Екатерина Яковлевна, кажется, впервые ощутила, что любит мужа. И теперь уже эта любовь вела ее по жизни, защищая тогда, когда судьба посылала ей испытания. А их было немало. Самое страшное из них ─ смерть старшего сына Володи. Казалось, что она не вынесет этого свалившегося на нее горя. Смертельной была ее рана, но она смогла все же устоять. Смогла благодаря мужу, который своей любовью, своими чуткостью и заботой буквально отнял ее у той косматой старухи, уже готовившейся нанести свой последний удар косой.

Она отдавала младшенькому Пете всю свою душу, и он рос именно таким, как ей хотелось ─ добрым, отзывчивым к чужой нужде и горю. Даже, может быть, слишком добрым и чрезмерно чувствительным. Сколько раз она готова была разрыдаться и одновременно петь от счастья, когда мальчишка врывался в зал и, окинув сияющими светло-голубыми глазенками родителей и сестер, радостно выдыхал:

– Ах, как я вас всех люблю!

Да, он и вправду являет собой ту самую любовь, о которой она мечтала. Он не способен свершить зло, кого-нибудь обидеть.

Помнится, еще в Одессе, когда Пете шел восьмой годик, прибежал он к ней весь в слезах.

– Ма-ма-мамочка! ─ с трудом сдерживая рыдания, вымолвил, уткнувшись в подол. ─ Он убил живую душу!

– Кто убил? Кого? ─ пытаясь его успокоить, допытывалась она.

Оказывается, гуляя у моря, Петр видел, как мальчишка из рогатки подстрелил чайку. Подняв упавшую на берег птицу, он бросился к незадачливому стрелку.

– Что ты натворил?! Как ты мог?!

– По-ду-ма-ешь! ─ пренебрежительно сплюнул тот. ─ Вон их сколько летает.

– Но ведь она живая! Понимаешь ты? Живая! ─ обливаясь слезами, твердил Петя. ─ Живую душу убил!

Вот ведь как обернулась та легенда, рассказанная ей некогда Антоном. Она передала ее сыну, а тот и вправду поверил в нее. Как тут быть? Сказать, что чайки ─ это просто чайки, такие же птицы, как и ласточки, скворцы, вороны, а не души погибших моряков? Но тогда под сомнение будет поставлена не только самая красивая легенда, но и существование души вообще, что утверждается и Святым писанием. Для того возраста, в котором пребывал тогда Петя, это было очень опасным, поскольку подрывалась вера в потусторонний мир, в Бога. Нет. Этого Екатерина Яковлевна не могла допустить. Она хотела, чтобы ее дети выросли добропорядочными христианами, верующими людьми. А без веры как же? Без веры никак нельзя, ибо без нее и надеяться на что-либо хорошее нечего. Значит и на любовь тоже. В общем сказала тогда, что чайкам тоже Бог душу дал. И хоть тот негодный мальчишка (Мишей его, кажется, звали) тело ее убил, душа все же осталась. Словом, как-то успокоила тогда своего Петечку. Так, по крайней мере, ей показалось. А впрочем, кто его знает, что там осталось, что отложилось после всего этого в его детской душе. Ведь знает она, мать его родная, как никто другой, сколь ранима она, насколько впечатлителен ее младшенький. Бывало носится с ребятами как угорелый, упадет, в кровь расшибет колени. Глядя на них, самой от жалости плакать хочется. А он нет. Ни разу от физической боли слезинки не уронил. А вот природа, окружающее воздействуют на него как-то особо. Не так, как на других детей. В них он видит что-то свое и переживает по-своему. Часами может сидеть у окна и смотреть на море, отрешившись от всего. Чисто тебе старик, который прожил долгую жизнь и теперь высматривает за синей ширью свои унесенные волнами молодые года. Или радуга выставит свое волшебное коромысло, а он глазенки сощурит и любуется ею, улыбаясь каким-то своим тайным мыслям.

А раз ночью, еще в Одессе, прибежал Петя в ее спальню испуганный.

– Мамочка! ─ крикнул сдавленным голосом. ─ Мамочка! Мне снилось, что ты умрешь через два года.

Ей и самой страшно стало. Мурашки по телу пошли. Но виду не показала.

– Что ты миленький! ─ закусив губу, гладила его по голове. ─ Глупости все это.

– Так это неправда, мамочка?

– Конечно, неправда. Это сон тебе просто плохой приснился. Скажи трижды: «Куда ночь, туда и сон!» Скажешь, и все плохое пройдет…

Не прошло. В аккурат два года скоро будет после той ночи. Давно оставили они Одессу. Мужа, служившего там в то время в Русском Обществе Пароходства и Торговли, назначили на должность начальника города и порта Бердянск. Признаться, без охоты покидала семья полюбившуюся ей Одессу. Ведь ее не сравнить с тихим и провинциальным городком Бердянском,

расположенном где-то на казавшемся тихим и спокойным Азовском море, о котором не каждый и слышал. Но делать нечего. Такова доля жены морского офицера: куда иголка, туда и нитка.

В тайне про себя надеялась, что на новом месте жизнь ее будет поспокойнее, забудутся болячки женские, которые в последние годы нет-нет и давали о себе знать. Но нет. Не только не забылись, а все сильнее и сильнее подступались к ней. Ее Петр Петрович уже и лучшим докторам ее показал, и на леки те богопротивные и дорогие денег не жалел. Только ничего не помогает. Теперь совсем плоха стала. Видать, достает ее та страшная болезнь, тот рак проклятый.

Тяжко. Ох, тяжко бывает ей. Кажется, огнем внутри жжет. Криком кричать хочется. Но она старалась держаться и виду не подавать. Заставляла себя подниматься с постели, интересовалась учебой детей в гимназии, загадывала им шарады. Словом, старалась показать, что все у них в доме так, как и было прежде. Только вот теперь уже сил никаких нет. Тело сдает, и воля из него уходит.

А сегодня совсем плоха. Дети домой из гимназии вернулись. Радостные, возбужденные, о чем-то шумят за стеной. Потом и к ней заглянули. Тут и не сдержалась она:

– Ох, как вы шумите, детки! ─ обронила со вздохом. ─ Что с вами?

– Мамочка! ─ растерянно моргая глазами, прошептала Асенька. ─ Так сочельник же сегодня. Нас на праздник, рождественские каникулы отпустили.

– Вот как! А я и забыла…

Боже мой, Боже мой! Когда же эти муки кончатся? Скорее бы… Только вот что потом будет? Как жить станут они без нее? Ведь Асеньке только двенадцать, а Петечке и того меньше ─ всего десять. Правда, старшенькой их Марусе уже шестнадцать лет. Почти взрослая девушка. Почти… Сумеют ли они выдержать тот груз забот, который на них свалится? Двое младшеньких и он, их отец, ее, Екатерины Яковлевны, муж. Муж и друг верный. Спаси их, Господи! Сохрани и помилуй…

3.

ра-а-з! И ра-аз! И ра-аз! – нажимая на весла, повторяет про себя Петя, радуясь тому, как, подчиняясь его усилиям, шлюпка режет водную гладь. Пустынный в это раннее утро берег медленно удаляется от гребца. Но это только так кажется. На самом деле Петя хорошо знает, что берег не может этого делать. Он не может ни удаляться, ни приближаться, ни даже сдвинуться с места. Не может, поскольку, поставленный однажды вот так в качестве преграды плещущему у его подножья морю, берег обречен на вечный покой, всегдашнюю неподвижность. И что бы ни случилось, как бы ни злилось море, угрожая ему штормами безжалостными и злыми как турецкие янычары, что когда-то рвались в Севастополь, штурмуя его бастионы, берег выдержит их атаки и будет по-прежнему стоять.

Правда, иногда море отнимает у него какую-то территорию, слизывая языками волн целые куски суши и все, что соорудил на ней своими руками человек. Петя видел однажды, как под ударами разбушевавшейся стихии срывались крыши домов, рушились их стены, гибли несчастные животные и, говорили, даже люди. Было страшно. Очень страшно. Казалось – все, на этот раз морская стихия одолеет сушу, сомнет, раздавит посмевший ей противостоять берег. Но проходило время и, отбушевав, выдохнувшись, обессилев вконец, море смиряло свою лють. Успокоившись, оно вновь отступало, вновь покорно устраивалось у подножья берега, подобно верной и ласковой собаке, которая после свирепого лая норовит занять место у ног хозяина.

Да, что ни говори, а берег есть берег. Он могуч, крепок и несокрушим. Но все-таки, при всем при этом, в нем есть что-то печальное, что-то сжимающее жалостью сердце, вызывающее тоску. Отчего? Быть может, оттого, что обречен он вечно стоять неподвижно на одном месте? Люди куда-то идут, куда-то спешат, плывут и едут. Рыбы и дельфины носятся своими водными дорогами. Птицы парят в небе, вычерчивая крыльями свои невидимые пути, то покидая насиженные места, то вновь возвращаясь к ним. Все живое движется, к чему-то стремится, только берег ─ нет. Неужто ему ничего и никуда не надо? Неужто ко всему он холоден, безразличен и равнодушен? Тогда почему он так манит к себе, так притягивает? Всем же известно, что, покидая его, уходя в плаванье, каждый моряк мечтает о том, чтобы снова возвратиться, вновь ощутить под ногами твердь родного берега. Это ведь не потому, что просто жаль ему тот кусок земли, обреченный на вечную неподвластность. Здесь, на берегу, его дом, его родные и близкие, о которых он думает, пребывая где-то далеко, посреди безбрежной морской шири. И даже приближаясь к берегу, но не своему, а чужому. И печаль та самая, что вызывает порой свой берег, грусть, заставляющая сжиматься сердце, это таинственные сигналы о том, что здесь о тебе помнят, о тебе тоскуют, тебя ждут. Они, как огни маяка, только невидимые, указывают моряку путь, манят к себе, зовут…

Отплыв на достаточное расстояние от берега, Петя скомандовал себе:

– Суши весла!

Бросил взгляд на удочки и банку с червями, приготовленными заранее великим мастером рыбалки Антоном Пархоменко, и отвернулся. Рыбалить не хотелось. Тогда зачем вышел в море? Именно такой вопрос ему сейчас наверняка задали бы в один голос его друзья Антон Пархоменко и Изя Черников. Непременно бы задали. А он вряд ли смог бы на него ответить. По крайней мере, сразу же. Ну и что? Сколько существует всяких вопросов, на которые нельзя найти ответ. Об этом говорили учащиеся старших классов мужской гимназии Бердянска на заседании своего кружка, на котором довелось как-то присутствовать Пете. Тогда это очень удивило его. Как же так? Не может быть, чтобы никто, даже всесильная наука не могли ответить на какой-либо вопрос. Пусть когда-то раньше наука не могла, но сейчас, когда столько сделано открытий, когда так далеко продвинулись ученые…

Петя поделился своими сомнениями с отцом. Тот некоторое время удивленно смотрел на сына, а потом, покашляв, обронил:

– Пожалуй…, – но, спохватившись, тут же поправился: – Для простого смертного человека такие вопросы действительно существуют, сын. И их действительно великое множество. Только у Бога имеются ответы на каждый из них.

Отец всегда был для Пети высшим авторитетом. Но тот ответ не совсем удовлетворил его. Долго мучаясь сомнениями, он наконец решил развеять их, обратившись к директору гимназии Феодосию Яковлевичу Вороному. Вороного гимназисты побаивались. Но только слегка, как и любого

директора. Вернее, это была даже не боязнь, а нечто иное, скорее своего рода уважение к руководителю, о прошлом которого ходили разные слухи. Поговаривали, будто бы Вороной некогда служил в Кишиневской губернии, а в Бердянск был отправлен за вольнодумство. Что собой представляло это самое вольнодумство, Петя не знал. Но для себя решил, что оно наверняка связано с отказом во всем уповать на волю господа Бога. А коль так, то и разъяснение интересующей его проблемы должно будет отличаться от мнения отца.

Отважившись, он постучал в дверь директорского кабинета и, получив разрешение, вошел.

– Входите, входите, сударь, – воркуя, словно голубь, пригласил его Вороной и, указав на стул, покрытый белым чехлом, стоящий рядом с его письменным столом, показавшимся Пете таким огромным, тут же спросил: – Какая нужда привела вас ко мне, молодой человек?

– Феодосий Яковлевич, – стараясь не опускать глаз, звонким голосом начал Петя, – скажите, пожалуйста, могут ли существовать вопросы, на которые человек никогда не получит ответ?

– Хм-хм, – похмыкал Вороной, поморщив нос. – Вот, значит, что интересует моих гимназистов. Ну что же. Это хорошо. Значит, не только под ноги себе глядят они, а и вверх поднимают голову. А коли так, то есть уверенность в том, что, оставив стены нашей гимназии и отправляясь в дальнее плавание, в самостоятельную жизнь, будут они видеть не только пыль да грязь на наших улицах, но и звезды, что сияют над нами и к которым нужно стремиться. Это – хорошо. Очень хорошо! Что же касается интересующей нас проблемы, скажу так: вопросов, на которые человек не имеет ответов – тьма. С ними он постепенно сталкивается на каждом шагу. И ты сам в этом не раз убедишься. Только таких, на которые нельзя было бы получить ответ и, к тому же, никогда, пожалуй, нет. Пусть сейчас их мы не смогли найти, завтра не сможем, наше поколение не сумеет их получить. Это, конечно, обидно. Это вызывает грусть. Но со временем идущие следом за нами поколения обязательно их получат. Так устроен мир и лучшее, высочайшее из его творений – че-ло-век! Так-то, молодой человек. Так мне кажется. Так я думаю.

Вороной помолчал, о чем-то задумавшись. Молчал и Петя, боясь нарушить ход мысли директора гимназии.

– А какой же, собственно говоря, вопрос сейчас тебя заинтересовал, Петя? – спохватившись, спросил Вороной. – Какой конкретно?

– Конкретно никакой, – смутившись, пробормотал Петя. – Я просто так… Вообще спросил, Феодосий Яковлевич.

– Ну, ну, – усмехнулся директор. – Просто так, говоришь? Это хорошо. Хорошо, потому что вся жизнь наша по существу состоит из вопросов и ответов.

– А откуда они? Откуда берутся эти вопросы? – совсем осмелев, спросил Петя.

– Откуда? – поднял брови Вороной. – Хм… Откуда, спрашиваешь? Да из той же жизни. Она их задает, а нам отвечать. Такая вот штука, голубчик.

– И мне задаст?

– Непременно задаст! К тому же много и трудных. Так что готовься отвечать на них, дружок.

Поблагодарив директора, Петя покинул его кабинет.

Давно это было. Не один год прошел с того дня, как закрылась за ним дверь директорского кабинета, а завтра он, Петя Шмидт покинет родительский дом и отправится в Петербург, где предстоит ему учеба в Морском училище. Собственно говоря, ничего неожиданного в том не было. На вопрос «кем быть?» Петя давно уже знал ответ – конечно, морским офицером. Как папа, как дядя Владимир, который служил сейчас на Балтике, и как дядя Антон, чей портрет все эти годы висел в их доме на стене. Временами Пете казалось, что взгляд дяди Антона все время направлен на него. Давно погибший моряк как бы наблюдал за тем, что и как он делает. Взгляд этот не был суров и совсем не походил на взгляд их гимназического инспектора, строго контролировавшего поведение гимназистов. От взгляда дяди Антона веяло какой-то добротой, лаской, которую он, Петя, ощущал разве что общаясь с покойной мамочкой. Может быть, именно поэтому и ему самому хотелось ответить дяде чем-то хорошим, добрым, стараться не огорчить его каким-либо недостойным поступком, плохим поведением.

С морем Петю подружил отец, который сам любил парусные и шлюпочные прогулки. Он нередко брал с собою и его, малолетнего сынишку. Теперь Петя и сам может поставить парус и легко управляется с веселой шлюпкой, выходя в море с друзьями, а то и сам. Это особенно нравится ему, поскольку позволяет ощутить себя сильным, способным преодолевать трудности. И строки письма в канцелярию Морского училища с просьбой «определить на воспитание в младший подготовительный класс Морского училища сына моего, Петра Петровича Шмидта», выведенные рукою отца январским вечером этого, 1880 года, появились с согласия самого Пети, полностью отвечая его желанию.

Солнце едва успело показаться из-за горизонта и, заняв позицию, начало разведку водной глади стрелами своих лучей. Был полный штиль, редкий для середины лета, и поверхность моря походила на зеркальное отражение необыкновенно чистого неба, сливающегося с ним где-то далеко-далеко в единую черту.

– Что там, за ней, за этой чертой? – думал Петя, откинувшись на банке и подложив ладони под голову. – Что за неведомый таинственный край прячется за ней и суждено ли мне когда-либо побывать там? А если суждено, то в качестве кого я туда попаду? Трудно сказать, как и когда это произойдет, но, само собой разумеется, что буду я взрослым мужем, опытным моряком,

быть может, морским волком, а не таким, как сейчас, мальчишкой со своими детскими мечтаниями…

Детскими мечтаниями… Почему детскими, когда его детство окончилось? Вернее, почти окончилось, поскольку в сентябре еще предстоят вступительные экзамены в Морское училище, а они, говорит папа, довольно трудные. Вдруг он их не сдаст? Вдруг возьмет и провалится? Что тогда? Какой позор будет прежде всего для него самого, для папочки, который так им гордится, для Феодосия Яковлевича Вороного. Ужас! Такого ему не перенести. Тогда и в Бердянск не стоит возвращаться, и друзьям на глаза показываться.

Петя представил, как будет отводить взгляд застенчивый Израиль Черников, боясь своим упреком обидеть друга, как будет сопеть и сердито морщить пропеченный жарким бердянским солнцем и частыми ветрами нос с облупившимся кончиком Антон Пархоменко. Изя, может быть, ничего не скажет, а вот Антон, тот вряд ли промолчит и обязательно буркнет:

– Ну, что ж ты, Петька? А я так надеялся…

Он-то, Петя, хорошо знает, что имеет в виду Антон, на что он надеялся. Сколько раз они, трое неразлучных друзей, забравшись на дальнюю косу или на один из островов и улегшись после купания на теплом песке, размышляли о том, как сложится их жизнь, когда они станут взрослыми.

– Петро, конешно, будет капитаном, – с уверенностью предрекал Антон Пархоменко. – У их роду мужики геть уси капитаны. И тебе туды дорожка лежить. А як же! Ты море любишь и воно тебе також.

– Так и ты, Тоша, тоже море любишь и оно к тебе ласково. Значит и тебе быть капитаном.

– Эге! – вздыхал Антон. – Нашел про шо казать. Хто твой батька, а хто мой. Господин Шмидт из дворян, начальник над портом и над усим городом Бердянском. А мой – обнаковенный грузчик. Пойнял?

– Ну и что? – не сдавался Петя. – Так это потому, что твой отец неграмотный. А ты же ходил на занятия к Василию Константиновичу Крыжановскому. Ты же знаешь, что он тоже из дворян, служил на нашей Бердянской таможенной заставе надзирателем, порт наш открывал, важный человек, почетный блюститель приходского училища, помогает детям простых людей обучаться грамоте. Вот и ты станешь грамотным и откроется тебе, Тоша, дорога в море, в капитаны.

– Дорога у море, кажись, точно откроется, – хмурит белесые брови Антон. – Увесь наш род с деда-прадеда службу матросскую несли на кораблях Черноморского флота. Так шо и мене туда дорога. Подойдет час и призовут меня в уездное рекрутское присутствие: «Давай, Антон Пархоменко, собирайся на государеву службу, матросить на флоте». Така моя доля, хлопцы.

– Не горюй, Антон, – утешал друга добрый и жалостливый Израиль. – Петя выучится на капитана и тебя на службе найдет. Будете вместе с ним на

одном корабле служить и он тебе грамоту добывать поможет. Добудешь ее и выбьешься в люди. Так ведь, Петя?

– Конечно! Я тебя, Тоша, обязательно на кораблях отыщу. Слышишь?

– Вам, хлопцы, хорошо, – вздыхает Израиль. – Вы здоровые. А я – дохляк дохляком. Маманя говорит: «И в кого ты такой уродился, Изька? Как ты жить будешь, когда тебя не то что петух какой, а и воробей с ног свалит?»

– Ничего, Изя! – начинает горячиться Петя. – Дай срок и врачи найдут такое лекарство, чтобы вылечить твою грудь. Сейчас, знаешь, какая наука стала? Ого-го!

– Ох, – безнадежно машет рукой Израиль. – Смотрели меня всякие врачи – и Дмитрий Георгиевич Пайкос, и Жером Гольдштейн, и Рафаилов. Все в один голос говорят, что у меня от рождения грудь слабая. Как застужу немного, так и беда.

– Больше солнцем тебе лечиться, Изька, надо, – советует Антон, – морем поглубже дышать. Наш Азов, знаешь, какой целющий?

– Так я и так стараюсь…

– Тот год ты и вправду на солнце и на море побыл, – соглашается Антон. – Так и болел меньше.

– Правда, Изя, – поддерживает его Петя. – И зимой почти не кашлял. Так что Антон дело тебе говорит. Ты слушай его. Пропечешься на солнышке, надышишься морем и, глядишь, совсем отстанет от тебя болезнь.

– Если бы. Только и на солнце мне много маманя не разрешает: говорит, что для сердца это вредно.

– Так это много! А мы – в самый раз с тобой будем…

«Эх, ребята, ребята! – вздыхает Петя, прикрыв рукою глаза. – Как же я без вас там буду один в Петербурге? Когда снова увижу вас? А, может быть, и совсем не увижу?» От этой мысли мурашки пробежали по спине. Как это так?! Вон сколько времени они были вместе, считай, каждый день встречались друг с другом и вдруг всего этого не будет. Нет, такого не может быть! Просто не может быть. Ведь они так сдружились, так привыкли друг к другу, стали, можно сказать, почти как братья и вот – на тебе. Нет, нет! Они встретятся. Они обязательно встретятся. И дружба, их дружба будет продолжаться, будет жить вместе с ними вечно. Да, да! Он так хочет. Это нужно. Это просто необходимо. Необходимо и ему, Пете, который завтра отправляется в дорогу, и им, Антону и Израилю, которые остаются здесь. Так что дверь его, Петиного, дома, проводив его, только на какое-то время закроется за ним с тем, чтобы затем вновь отвориться, встречая его возвращающимся после разлуки с папой, сестрами и, конечно, с друзьями. Она обязательно отворится! Ведь всякая дверь затворяется затем, чтобы потом снова отвориться.

Всякая дверь… Так ли? А если это дверь в детство? Ведь оттуда выходят только один раз. И завтра эта дверь в детство для него, Пети Шмидта, закроется. Закроется раз и навсегда, поскольку он вступает в иную,

новую, совершенно незнакомую жизнь. Что остается за той, закрывающейся дверью?

Убрав руку, прикрывающую глаза, Петя окинул взглядом небо. Боже, какое оно огромное и чистое. Будто кто-то, какой-то волшебник взял и выстелил невиданных размеров лист бумаги, собираясь писать на нем сказочные истории. А вон далеко-далеко, у самого горизонта появилась маленькая белая точка. Что это? Неужели тучка? Странно. Откуда она взялась? Когда возникла? Ведь совсем недавно ее не было. Петя хорошо помнит, что, садясь в шлюпку, он внимательно осмотрелся. Так учил делать папа и так всегда поступал Антон перед тем, как отправиться в море. Это очень важно, поскольку по состоянию небесной шири, по тучам можно определять погоду, предвидя то, что ожидает путешественника, отправляющегося в плаванье. Тогда небо было чистым и не предвещало никакой опасности. Но прошло уже достаточно много времени с тех пор, как он ушел в море. Погода может измениться. Надо проследить, как поведет себя тучка. О, да она, кажется, движется. И, к тому же, уже не одна.

Неторопливо перемещаясь в небесной сини, тучки приближались к замершей посреди морской шири шлюпке, становясь все больше и больше похожими то ли на громадные надувные шары, то ли на кучи хвороста, готового вспыхнут, едва поднесут к ним зажженную спичку. Первая из них неторопливо проплыла над шлюпкой и двинулась дальше, увлекая за собою подружек. Теперь их было уже много. Следуя друг за дружкой бесшумными и невесомыми волнами, они походили на конную лаву, идущую в атаку на невидимого неприятеля.

– Перистые облака, – подумал про себя Петя. – Значит, серьезных перемен погоды ждать пока не следует. Да, пожалуй, так. Вон и чайки ведут себя спокойно. Значит, нечего опасаться шторма. Можно еще немного побыть здесь…, побыть в детстве и не спешить его покинуть.

Детство. Оно началось для Пети в Одессе. То был прекрасный город и время было прекрасное. Там он впервые начал осознавать, что вокруг него существует чудесный мир с его деревьями и кустами, что, шелестя своими листочками, шептали ему о радости летних дней, с пьянящими запахами цветов и трав, пением птиц и, конечно, морем. Оно было не то, что Азовское море – более могучее, строгое, а порой и суровое, грозное, даже страшное в непогоду. И в то же время веселое и ласковое, будто улыбка мамы, прикосновение ее мягких и теплых рук. Словом, по сравнению с этим, Азовским морем, то, Черное море представляется Пете старше, взрослее, сильнее. И чайки там были как будто бы другими – больше и величественнее, что ли. И он, Петя, ощущая себя неотделимой частью этого мира природы, радовался радостью его обитателей и болел их болями и бедами.

Из окон детской комнаты открывался чудесный вид на море и, сидя у окна, он любил подолгу смотреть в его необозримую даль, мечтая о том, как станет взрослым и отправится в неведомые страны.

Конечно, и там, в Одессе, не все было безоблачно и радостно. Там умерли трое его братьев. Двух он совсем не знал, поскольку появились на свет они задолго до его рождения и умерли еще в младенчестве. А вот Володю помнит, хотя тоже плохо, поскольку старший брат ушел из жизни, когда сам он, Петя, был совсем маленьким.

Самую первую большую боль, которую ощутил он там, в Одессе, и которая потом долго жила в нем, он пережил тогда, когда увидел, как упала буквально перед ним чайка, сраженная из рогатки Мишкой Ставраки. Гуляя на берегу моря, он, Петя, тогда долго наблюдал за чайками. Вслушивался в их вскрики и в детской памяти снова и снова всплывал рассказ мамы о том, что люди считают, будто чайки – это души погибших моряков.

«Как же так? – недоумевал он. – Почему в чаек превращаются только души моряков, мужчин? А в кого же оборачиваются души женщин, тех же морячек? Они ведь тоже имеют души и тоже умирают. Нет, что-то здесь не так. Мамочка или что-то перепутала, или сам он чего-то не понял из ее интересного рассказа. Наверняка души морячек тоже должны в кого-то превращаться. В кого же? Скорее всего, тоже в чаек. Ну, конечно! Ведь не может быть, чтобы они превращались в тех же ворон или скворцов. С какой это стати? Тогда, может быть, в ласточек? В самом деле, ведь ласточки такие же красивые птички, как и чайки. Только поменьше. Хотя нет, не может быть. Люди, папы и мамы на земле живут вместе. Почему же после смерти их души должны летать отдельно? Так было бы неправильно. Они тоже должны жить вместе. Значит, души моряков и морячек должны быть похожими друг на друга. И раз души моряков – это чайки, то и души морячек также после смерти превращаются в чаек. Только чаек-мам. Ну, конечно! Мамочка мне об этом не сказала, а сам я тогда, когда она рассказывала эту историю, не догадался. Ура! Я открыл для себя тайну чаек!»

Довольный и гордый своим открытием, он с интересом следил за полетом чаек, которые без устали кружились над морем неподалеку от берега! Всматриваясь в них, он старался разглядеть, которая из птиц является душой погибшего моряка, а которая – душой морячки. Его особое внимание привлекла чайка, которая как бы вела за собой стайку птичек поменьше. Она то устремлялась в море, то вновь возвращалась к берегу, увлекая за собой остальных, тех, что казались Пете поменьше.

– Ты посмотри, посмотри только! – с замиранием сердца шептал он. – Конечно, это чайка-мама и она учит своих деток летать. Точно так, как наша мама учит нас читать, играть на музыкальных инструментах, разгадывать шарады…

Удалившись в очередной раз в море, чайка, которая привлекла внимание Пети, возвращалась к берегу, ведя за собой своих питомцев. И в тот момент, когда она пролетала над ним, птица вздрогнула, замерла, застыла на мгновение в воздухе и тут же, перевернувшись, камнем полетела вниз. Полными ужаса глазами Петя смотрел на упавшую перед ним на землю птицу, на тельце которой проступали капельки крови, особенно ярко

выделявшиеся на фоне белых как снег перьев. Сделав шаг навстречу, он поднял чайку и растерянно огляделся вокруг.

– Отдай! – услышал он сердитый голос и, с трудом оторвав взгляд от чайки, увидел подбегавшего к нему мальчика, примерно одного с ним возраста.

– Отдай! Это – моя добыча. Это я ее сразил.

– Ты? – еще не придя в себя, машинально спросил Петя. – Ты сразил?

– Да! – выхватив из рук Пети чайку, крикнул мальчик. – Вот из этой рогатки. Видишь?

Петя перевел взгляд на грозное орудие, которым только что на его глазах была сражена чайка и, чувствуя, как комок сжимает его горло, с трудом выдавил из себя:

– Но как же ты мог?! Ты же убил живую душу!

– Какую еще душу!? – продолжал хорохориться мальчик, но Петя его не слушал. Обливаясь слезами, он помчался к себе домой, где излил свое горе маме. Его буквально трясло от наплывающих на него рыданий, жалости к погибшей чайке и гнева к ее мерзкому убийце. Мама, прижав сына к себе, гладила его голову, приговаривая:

– Ну не плачь! Перестань, мой маленький! Успокойся, сыночек!

Наконец, ласковый мамин голос, похожий на тихое журчание ручейка, тепло ее нежных рук сделали свое дело. Справившись с рвавшими его душу рыданиями, он затих.

– Но как он мог, мамочка? Как он мог убить живую душу? – всхлипывая, прошептал он.

– Мальчик поступил мерзко, сынок, – поглаживая его голову и спину, произнесла мама. – И он наверняка осознал весь ужас своего поступка и, быть может, уже раскаивается в этом.

– Нет, мамочка! – поднял голову Петя. – Он не может раскаяться, потому что он очень плохой, он просто гадкий мальчишка.

– Но если он не раскается, сынок, то его ждет Господняя кара. Он будет несчастным человеком.

Петя какое-то время молчал. В нем боролись два чувства – жалость к только что, на его глазах загубленной птице и нежелание, чтобы страдал от несчастья кто-либо другой, в данном случае ее убийца.

– Я не хочу этого, мамочка! – помотав головой, прошептал Петя.

– Чего не хочешь?

– Не хочу, чтобы несчастье было…

– Но что же делать? – растерялась мама. – Тогда… Тогда нужно помочь тому мальчику, чтобы он осознал свой проступок и раскаялся.

– Я помогу! – отозвался Петя. – Я помогу ему осознать и раскаяться…

На следующий день они вновь встретились на берегу. Незнакомый мальчик сидел на камне, обхватив колени руками и опустив голову. Услышав шаги приближавшегося Пети, он бросил на него сердитый взгляд и

отвернулся. Петя стоял, не решаясь начать разговор с незнакомцем. Зато это сделал тот.

– Я похоронил ее, – буркнул он. – Я похоронил ее вон под тем камнем.

Петя подошел к могиле чайки, на которую указал мальчик и какое-то время стоял над ней молча. Обернулся, когда услышал шуршание шагов. Рядом с ним стоял тот, другой. Только лицо его было уже не злое, а виноватое.

– Ты вот что… – пролепетал он. – Ты не думай, что я такой… Ну, знаешь какой. Я же не знал той истории… Ну про чаек и души моряков. Мне ее вчера папка рассказал.

– Он у тебя тоже моряк? – чувствуя, как камень горечи скатывается с его души, спросил Петя.

– Ага! – обрадовано отозвался мальчик. – И твой, значит, тоже моряк?

– Ну да! – с гордостью ответил Петя.

– А как тебя звать?

– Петя. Петр Шмидт.

– А я Михаил Ставраки. Давай будем дружить. Хочешь?

Нельзя сказать, что они стали друзьями, что к Мишке Ставраки он испытывал такие же чувства, как, скажем, Израилю и Антону. Но все же изредка они встречались с ним и водили их мальчишеские игры.

Время, казалось, залечило ту душевную рану, которую нанес своим выстрелом по чайке Мишка Ставраки. И все-таки иногда она давала о себе знать, мешая становлению той настоящей мальчишеской дружбы, когда один без другого не может и дня прожить, когда словно магнитом притягивает друг к другу, когда нет между ними никаких секретов и доверяются самые сокровенные тайны. А однажды случилось такое, что, казалось, оттолкнуло Петю от Мишки если не совсем, то, по крайней мере, надолго.

Накануне они с мальчишками играли в казаков и разбойников. Миша, выступавший за «казаков», слишком жестоко обошелся с пойманным им «разбойником». Заломив ему за спину руку и схватив за волосы, он довел беднягу буквально до слез.

– Что ты делаешь, Мишка! – вскрикнул Петя, оказавшись свидетелем этой сцены. – Ему же больно!

– Не твое дело! – сжав зубы, огрызнулся Михаил.

Тогда Петя, бросившись к ним и оказавшись сильнее, помог освободиться незадачливому «разбойнику». Повернувшись спиной к Ставраки, он направился к своему дому.

– Ты еще пожалеешь, слюнявый чаечник! – послышалось сзади. Вздрогнув, Петя остановился. Хотелось достойно ответить обидчику и даже ударить его. Но он сдержался и, стараясь унять внутреннюю дрожь, сжав кулаки, продолжал свой путь.

Дома об этом случае ничего не сказал, обдумывая, как вести себя со Ставраки дальше. И той же ночью приснился ему страшный сон. Будто видит он, как носятся над морем чайки. Только какие-то странные, с человеческими

лицами. Пролетают над ним и что-то кричат. Да так громко и, главное, тревожно. Будто предупреждают о чем-то, предостеречь его хотят от чего-то. А вот от чего именно, разобрать он никак не может. Одна из чаек очень близко к нему подлетела и тут Петя ясно увидел, что головка у нее не чья-нибудь, а его мамы.

– Мама! Мамочка! – силится позвать он, но голоса своего не слышит. А тут вдруг откуда ни возьмись, Мишка Ставраки со своей рогаткой. Стоит и целится прямо в чайку-маму. Петя рванулся к нему что было сил, вырвал из рук рогатку и выбросил в море. Обернулся на Мишку, а тот стоит, слезы вытирает и кулаком ему грозит, приговаривая:

– Ничего, чаечник! Все равно я душу ее достану. Через два года твоя мать умрет.

– Неправда! Ты врешь, негодяй! – крикнул в ответ Петя и… проснулся. Смахнул рукой холодный пот со лба. Слыша, как гулко стучит сердце, готовое вот-вот выскочить наружу, вскочил с кровати и побежал в мамину спальню.

– Что с тобой, сынок?! – увидев среди ночи ворвавшегося к ней своего младшенького, изумилась мама.

– Ма-моч-ка! – не в силах сдержать слезы, выдавил из себя Петя. – Мне приснилось, что…

– Что? Что тебе приснилось, мой мальчик?

– Мне приснилось, что ты умрешь через два года.

– Глу-пень-кий! – прижав к своей теплой груди голову сына, успокаивала его мама. – Это ведь только сон. Понимаешь? Только сон.

– Угу. Понимаю. И все равно страшно.

– Страшно? А ты скажи три раза: «Куда ночка, туда и сон». Скажешь так, и все пройдет. Хорошо?

– Да, – кивнул головой Петя.

– Ну вот и умница. Пойдем-ка, я тебя в постельку уложу и укрою…

Вскоре после того страшного сна стало известно, что отца, который в то время служил в Русском Обществе Пароходства и Торговли, назначили на должность начальника города и порта Бердянска. Родителям и сестрам было жаль покидать шумную Одессу и переезжать в провинциальный городишко, о котором не все и слышали. А Петя отнесся к этому без особого сожаления: по крайней мере, на новом месте не будет этого Ставраки, который стал для него просто неприятен.

Как рассказывал бывший надзиратель таможни – титулярный советник Василий Константинович Крыжановский, бывавший у них в доме, основание города Бердянска было неразрывно связано с именем Александра I, который, пребывая в Таганроге, убедился, что это плохой порт для погрузки и повелел сопровождавшему его графу Воронцову выбрать на Азовском море более выгодное место для хорошего порта. Однако неожиданная смерть императора задержала на некоторое время выполнение его воли. Вдохновителем постройки Бердянского порта, который возник на берегу

Азовского моря, при Бердянском лимане, в начале Бердянской косы, у подошвы берегового обрыва, близ впадения в море речки Берды в 1827 году, стал император Александр II, а инициатором и организатором – граф Михаил Воронцов. Рейд города, заключенный между северным берегом моря и косою был совершенно свободен от мелей и банок и не имел никаких препятствий для входа судов, а грунт – удобен для стояния на якоре. К тому же море у Бердянска очень долго не замерзает, позволяя завершать навигацию во второй половине декабря. Все эти достоинства легли на чашу весов при выборе места сооружения порта, а вслед за ним и города Бердянска.

В Бердянск семья Шмидтов приехала весной 1876 года. Поселились они в принадлежавшем морскому ведомству двухэтажном особняке центрального городского квартала. Этот квартал на западе был очерчен Биржевым проспектом, на юге – Зеленой улицей, а на севере – Театральным проспектом. Была самая лучшая пора года для горожан, которые любили в тихие весенние вечера отдохнуть в тени акаций или погулять у моря, встречаясь здесь со знакомыми и обсуждая новости. Потому, видимо, и город показался тогда веселым, приветливым и не таким уж захолустным, как представлялся ранее. Здесь имелись почтовая контора, телеграф, театр, дворянское и коммерческое собрания, клубы, четыре православных церкви – Вознесеновская, Богоявленская, Покровская – в центре города и церковь Во имя всех святых на кладбище, три молитвенных дома – лютеранский, еврейский и караимский, таможня, макаронная фабрика, кирпичный и черепичный заводы, харчевни, больница, три постоялых двора, гимназия, девичья прогимназия, четыре народных училища, а также совсем недавно открывшееся бесплатное училище для девочек. Так что все это вместе с чудесными погожими днями если не совсем погасило их печаль по покинутой Одессе, то значительно ее ослабило, способствуя тому, чтобы в сердцах новоселов зарождалась любовь к городу, где им теперь предстояло жить.

Правда, потом им не раз доводилось видеть их Бердянск совсем иным, нежели в первые дни после приезда. Летом не раз в этих местах случались песчаные бури и песок засыпал глаза. В жаркие дни пыль стояла столбом и от этого порой даже трудно было дышать. Улицы города были покрыты толстым слоем навоза. Как рассказывал тот же старик Крыжановский, навоз десятками лет не убирался и на одной лишь Соборной площади этого «золота» было 5000 пудов, а может быть и того больше. В дождливые дни, особенно осенью и зимой, улицы города были полны грязи, канавы залиты водой. На площади у церкви, возле театра и Гостиного двора вода стояла как река, по которой хоть баркасом плавай, а на других улицах в самом деле плавали утки.

Не случайно одной из первых забот отца, как нового начальника порта и города Бердянска, стало приведение в порядок улиц. Строительного камня и дерева в этих местах нет. Приходилось ломать голову, где и как их достать. И он таки придумал. Пете не раз доводилось видеть бесконечные вереницы подвод с зерном, которое купцы отправляли на продажу за границу на

пароходах. Этим и решил воспользоваться отец, распорядившись загружать зерном лишь те пароходы, которые доставят в город булыжник. Им то и стали мостить улицы центрального квартала.

Конечно, таким распоряжением многие, а особенно иностранцы, не были довольны. Петя и сам не раз видел наглых «деловых людей», представителей иностранных консульств, аккредитованных в городе, которых вынужден был принимать в их доме отец, выслушивая их возмущения и требования.

– Ох, как же они надоели! – вздыхала порой мама после частых посещений и назойливых требований «деловых людей».

– Что поделаешь, Катенька? – разводил руками отец. – Служба у нас такая.

– Я понимаю…

Петя считал отца образцом отношения к выполнению своего долга и гордился им. Еще бы! Его участие чувствовалось во всей жизни города, во всех делах горожан. Уже при его начальствовании состоялся молебен и освящение завершенного наконец строительства двухэтажного здания Бердянской мужской гимназии, в которой пришлось учиться и ему, Пете. Ему довелось добывать деньги на оснащение ее кабинетов. Его имя прежде всего называют жители города, любуясь булыжником мощенными улицами, каменными зданиями, новыми портовыми сооружениями, магазинами. Это его отец настойчиво боролся с чиновниками Таврической губернии, которые почему-то упорно не хотели поддерживать добрые начинания, затеваемые им в городе.

Пете хорошо памятны строки из письма Таврическому губернатору, в котором отец сообщал, что «… в городе Бердянске, изобилующем то глубочайшей грязью, то удушливой пылью, что и послужило к увеличению за последние 5 лет втрое смертности, нет, как на площадях, так и на берегу моря, ничего похожего на сад или бульвар, и потому жители не имеют места для прогулок и где бы можно было найти какую-либо свежесть…» Сочиняя это письмо, отец наверняка думал и о маме, его, Петиной мамочке.

«Ах, мама, мамочка! – вздыхает Петя, смахнув рукой набежавшие слезы. – Как рано ты ушла. Зачем оставила нас, твоих деток? Ведь ты для меня была самой родной, самой близкой, была идеалом человека, которому я во всем, во всем стремился подражать».

Да, не повезло его мамочке на новом месте. Вначале умерла самая младшенькая дочь Лизочка, а потом… потом страшная болезнь свалила и ее. Петя, как сейчас, видит ту страшную картину: мама лежит в гробу, обитом голубым бархатом. Гроб установлен в зале. Восковые свечи в больших канделябрах освещают ее успокоенное, помолодевшее лицо. И все три дня, пока стоял в зале гроб, слышалось беспрерывное чтение над ней…

Помнит Петя заплаканные лица сестер Маши и Аси, осунувшееся, отстраненное от всего и вся лицо отца. Помнит его слова:

– Господи, за что мне такая кара?! Ведь я так молил, так просил тебя… Не сохранил, не уберег ее жизнь. Упокой же хоть душу…

Это в память о ней отец закладывал парк. Пройдут годы, подрастут в нем деревья и зашумят, зашелестят своей листвой, рассказывая о ее красоте, о доброте ее души, о ее золотом сердце, которое всегда принимало близко беды простых людей, униженных и обездоленных, людей, которые ютятся в жалких лачугах, потом и кровью добывая кусок хлеба насущного.

Мама учила его, Петю, делать первые шаги, подружила с музыкой, научив проникать в тайны звуков. Ей он обязан умением играть на фортепиано, скрипке и виолончели. Сам, не зная почему, он больше всего полюбил виолончель и часто, трогая смычком струны, поверяет ей свои радость и грусть. Играя, порой ему кажется, что он разговаривает с мамой, изливая свою душу. Так было и раньше, когда мама была жива. Только тогда она не только слушала его, но и сама говорила с ним, успокаивала, давала советы. Сейчас же голосом виолончели говорит, поет, чаще плачет его, Петина душа. А мама… Мама, его мамочка молчит. Молчит и уже не услышать ему ее такого незабываемо красивого и нежного голоса. Не услышать никогда. Он умолк навек, навсегда. Она ушла из жизни…

И вот что странно, это случилось как раз через два года после того страшного сна. Выходит, опять достал его этот дрянной Мишка Ставраки. Нет. Не может быть! Это просто совпадение. Ерунда какая-то, мистика. Об этом стыдно даже самому думать, а не то, чтобы еще с кем-нибудь поделиться. Даже с самыми близкими – с папой, Асей, Машей или с теми же Антоном и Израилем. Нужно просто забыть. Взять и забыть. И Мишку Ставраки, и тот сон.

Да, да. Он постарается это сделать и будет думать о хорошем. Ведь его так много. Гораздо больше, чем плохого. Вот, скажем, раньше он был ближе к маме. Папу, конечно, тоже любил, но и немного побаивался. Любил. Нет, нет. Это очень высокое слово. По правде говоря, любил он прежде всего маму и немножко меньше сестер. А отца… отца больше уважал. Именно уважал. Но после маминой смерти они так сблизились с отцом… Ведь он же, Петя, видел и чувствовал, как папа тянется к нему, как старается побольше бывать с ним и в море, и дома. Они за это время стали с ним большими друзьями и теперь он с уверенностью может сказать, что по настоящему любит папу. Да, любит. Но… мамочка все же остается мамочкой. Разве может кто-нибудь ее заменить?

Солнце поднялось уже достаточно высоко над морем, которое, согревшись в его лучах, согнало со своей поверхности остатки мрачновато-темной хмурости и теперь в ответ улыбалось радостным блеском своего водного зеркала, благодаря небесное светило.

– Ну, пожалуй, пора домой, – решил Петя и взялся за весла.

Пройдя знакомыми улицами, Петя открыл калитку их дворика и поднялся на крыльцо.

– Где же ты ходишь, Петя? – встретила упреком его старшая сестра. – Ведь еще столько дел, а вам с папой завтра ехать…

– Ничего, Машенька, – остановил ее отец. – Все успеется. Должен же был Петя попрощаться с морем. Я угадал, сынок?

Благодарно улыбнувшись, Петя кивнул головой.

– Да, – вздохнул отец, – дорога нам с тобой, Петя, предстоит дальняя и нелегкая. Не дай Бог задождит.

Опасения отца имели под собой основания. Передвижение по дорогам из Бердянска и в самом деле было связано с трудностями, обусловленными погодными условиями. Все дороги подразделялись на почтовые и торговые или чумацкие. В снежные зимы сильные метели заносили их, и те дороги, на которых не было оживленного движения, в течение нескольких дней терялись в степи. Это порой заставляло ямщиков ехать проселочными дорогами через хутора и села, находящиеся в стороне от дорог почтовых. Преимущество проселочных дорог заключалось в интенсивном движении, а потому они были наезжены и не позволяли сбиться с пути. Еще одной трудностью, связанной со снежными зимами, была узость дорог. В зимнюю пору по бокам дорог наметились такие высокие сугробы, что проехать могли лишь одни сани или повозка. По этой причине при встречах транспорта случались длительные остановки и заторы в движении. Немалые трудности ожидали тех, кто отправлялся в путь, и в дождливую пору, когда на дорогах образовывалась непроходимая грязь. Именно этого и опасался сейчас отец.

– Эх, дети, будь к Бердянскому порту железная дорога, скажем, из селения Поповка, то и порт мог бы за границу отправлять более двух миллионов четвертей хлеба, не считая других товаров. К тому же любая непогода была бы не страшна путешественнику. Знай, кати себе по железке да чаи попивай. Ну, ничего. Будет у нас железная дорога, дети. Обязательно будет. Отвезу Петю в Морское училище, а там займусь хождениями по столичным чиновникам. Авось, что-нибудь да и удастся выпросить. А пока будем пробираться по нашим дороженькам.

– А какой дорогой поедете, папочка? – спросила средняя дочь Ася.

– Двинемся почтовым трактом, через Мелитополь на Александровск…

Ночь перед отъездом Петя провел неспокойно. Долго не мог уснуть, думая о том, что оставлял дома и что ждет его там, в далеком и незнакомом Петербурге. Забылся лишь под утро. Казалось, он даже не успел как следует уснуть, когда сквозь дрему услышал голос будившего его отца:

– Ну, моряк, вставай. Пора отправляться.

Вскочив с постели, быстро заправил ее, оделся, умылся. Наскоро перекусили с отцом приготовленным Машею завтраком.

– Пора, – поднялся отец.

Прощаясь с отъезжающими, Маша с Асей всплакнули. Петя и сам с трудом сдерживал слезы.

– Ну, будет, будет вам, – нахмурился отец. – Не заливайте нам дороженьку. Трогаем.

Выйдя на крыльцо, Петя едва не вскрикнул от изумления: рядом с крытым возком, дожидавшемся их с отцом, стояли Антон и Израиль.

– Ребята, дорогие! – бросился он к ним. – Неужто не поленились так рано встать?

– Вот еще чего! – шмыгнул облупившимся под жарким солнцем носом Антон. – Какая ж это рань? Батя давно вже зорює з рыбачками.

– Как мы могли не проститься с тобой? – развел руками Израиль. – Ты ведь надолго. Когда еще увидимся…

– Увидимся! Обязательно увидимся, ребята.

Они обнялись. Незаметно смахнув рукой набежавшую слезу, Петя забрался в возок.

– Ну, трогаем! – скомандовал вознице отец. Возок покатил, застучав колесами по булыжной мостовой, а Петя все махал и махал рукой остающимся сестрам и друзьям.

Поднявшись на гору, заехали на кладбище. Молча постояли у могилок мамы и Лизочки.

«Прощай, мамочка! – беззвучно шевеля губами, шептал Петя. – Я никогда тебя не забуду и как только вернусь в Бердянск, сразу же приду к тебе. Я, как и раньше, буду тебе рассказывать о себе, буду доверять тебе все твои тайны, которые ты всегда умела хранить. Пусть же хранит меня твоя чистая душа. И пусть вечно согревает меня твоя любовь…»

4.

тот стих был давно знаком Пете. Больше того — он знал его наизусть, выучив как-то непроизвольно еще тогда, когда ему не раз читала его мама, страстно любившая стихи поэта Аполлона Майкова. Пете и сейчас, стоит лишь прикрыть глаза, кажется, что он слышит ее тихий голос, похожий на журчание ручейка, роняющий негромко те, поистине волшебные, сказочные слова:

Лесом частым и дремучим,
По тропинкам и по мхам,
Ехал всадник, пробираясь
К светлым невским берегам.

Только вот — рыбачья хата;
У реки старик стоял,
Челн осматривал дырявый
И бранился, и вздыхал.

Всадник подле — он не смотрит.
Всадник молвил: «Здравствуй, дед!» —
А старик в сердцах чуть глянул
На приветствие в ответ.

Все ворчал себе он под нос:
«Поздоровится тут, жди!
Времена уж не такие…
Жди да у моря сиди.

Вам ведь все ничто, боярам,
А челнок для рыбака
То ж, что бабе веретена
Али конь для седока.

Шведы ль, наши ль шли тут утром,
Кто их знает — ото всех

Нынче пахнет табачищем…
Ходит в мире, ходит грех!

Чуть кого вдали завидишь —
Смотришь — в лес бы… Ведь грешно!..
Лодка, вишь, им помешала,
И давай рубить ей дно…

Да, уж стала здесь сторонка
За теперешним царем!..
Из-под Пскова ведь на лето
Промышлять сюда идем».

Всадник прочь с коня и молча
За работу принялся;
Живо дело закипело
И поспело в полчаса.

Сам топор вот так и ходит,
Так и тычет долото, —
И челнок на славу вышел,

А ведь был что решето.

«Ну, старик, теперь готово.
Хоть на Ладогу ступай,
Да закинуть сеть на счастье
На Петрово попытай».

«На Петрово! Эко слово
Молвил! ─ думает рыбак. ─
С топором гляди как ловок…
А по речи… Как же так?..»

И развел старик руками.
Шапку снял и смотрит в лес,
Смотрит долго в ту сторонку,
Где чудесный гость исчез.

Стих называется «Кто он?» И Петя знает ответ на этот вопрос. Да и как не знать, когда само собой ясно, что речь идет не о ком ином, как о царе Петре Алексеевиче, царе-работнике (так его называли отец и мама), почитаемом в их семье наравне с господом-богом. Читая строки стиха, Петя не раз представлял, как давным-давно продирался царь сквозь лесную чащу и болота, выбирая место для будущего города, который со временем станет окном в Европу. И выбрал. В западной части Приневской низины, как раз при впадении Невы в Финский залив расположена та территория, которая в девятом-десятом веках принадлежала новгородцам, а с XIII века была известна под названием Ижорской земли. По Неве проходил знаменитый торговый путь «из варяг в греки». Но с конца XII века эта территория стала объектом притязаний иноземных государств. Своей земли просто так русичи недругам не отдавали. Стойко сражались они и за Ижорскую землю. Однако после разгрома в Невской битве 1240 года и ряда других безуспешных попыток в начале XVII века шведам все же удалось захватить берега Невы и поставить в устье Охты крепость Ниеншанц. В ходе жестокой и трудной Северной войны, почти столетие спустя, 1 мая 1703 года русские войска овладели этой крепостью. 2 мая Петр писал в Москву «князю-кесарю» Ромодановскому: «Известую вашему величеству, что вчерашнего дня крепость Ниеншанская по 10-часной стрельбе из мартиров (также из пушек только 10-ю стреляно) на апорт сдалась». Здесь же было дано и распоряжение царя: «Извольте сие торжество отправить хорошенько, и чтоб после соборнова молебна из пушек, что на площади, было по обычаю стреляно».

Видимо, тогда же, вскоре после взятия шведской, казавшейся грозной и неприступной крепости, Петр и отправился выбирать место, где следует заложить русскую твердыню. Выбор его пал на остров Заячий, где 16 мая и

была заложена крепость Санкт-Питер-Бурх, ставшая позднее известной как Петропавловская крепость.

Следом за Петром потянулись в те края лесорубы, плотники, каменщики. Скрип телег, звонкие удары топоров, веселое пение пил, которыми словно смычками по струнам водили, валя могучие деревья, мужики, разбудили вековую тишину. И закипела работа. А беззаботно дремавший многие столетия покой, нарушенный ею однажды, больше так и не появился здесь. В том же 1703 году на острове Березовом были построены порт, биржа, торговые ряды, дом Петра I. Зимою на острове Котлин основана крепость Кронштлот ─ нынешний Кронштадт, на следующий год на левом берегу Невы ─ Адмиралтейская крепость.

Основав новый город своего имени, Петр прорубил «окно в Европу», завершив тем самым многолетнюю борьбу России за выход к Балтийскому морю, столь необходимый для развития страны. Он делал все для того, чтобы будущая столица строилась быстрыми темпами по определенному плану, к осуществлению которого привлекались русские и иностранные архитекторы. Но основные строительные работы производились силами солдат и крестьян, сотни тысяч которых сгонялись сюда со всех уголков России.

Теперь это и его, Пети, город, который он успел полюбить всей душой. Вот уже второй год как он воспитанник ─ кадет Морского корпуса ─ училища закрытого типа, куда принимались исключительно дети дворян, к тому же успешно выдержавшие вступительные экзамены. Правда, как говорил начальник училища в своем акте перед приведением гардемарин к присяге ─ первом торжестве, на котором присутствовали и они, младшие воспитанники, учебно-воспитательный совет с разрешения высшего морского начальства зачислил также несколько человек из числа не выдержавших экзамены, но коих отцы или родственники служили или служат во флоте. Они, конечно, были несказанно рады этому. Еще бы! Какой мальчик не мечтает о том, чтобы стать настоящим моряком, бороздить моря и океаны, ходить в неведомые страны, бороться со штормом. Эх, да что там говорить!

Но он, Петя, все же не хотел бы оказаться на месте этих воспитанников. Что ни говори, а добиться права учиться самому, показав свои знания, это все-таки гораздо лучше, почетнее, нежели с поблажкой, пользуясь заслугами отца или кого-то другого из родственников. Этот козырь был и у него. Отец ─ участник Крымской кампании, капитан первого ранга, а брат его, дядя Володя ─ тот даже вице-адмирал, недавно назначенный командовать эскадрой Тихоокеанского флота во Владивосток. В случае какой-либо неудачи на экзамене учебно-воспитательный совет наверняка и ему, Петру, сделал бы поблажку. И тогда бы давняя мечта сбылась. Только какой ценой? Как бы он смотрел в глаза тому же отцу, сестрам? А на портреты дяди Антона и мамочки вообще глаз хоть не поднимай.

Нет, все обошлось. Теперь уже страхи и волнения позади. На этот раз ему повезло... Повезло? Разве только в везении дело? А работа, те усилия, которые он прилагал, не при чем? Ого! Еще как при чем. Ведь как ему не

хотелось тогда, тем летом, сидеть за книжками. Погода ─ как на заказ. Море тихое, спокойное и ласковое, как мамина улыбка. И солнышко. Оно сияло от восхода до заката, будто нарочно, специально поддразнивая его: «Что же ты сидишь, затворник несчастный, уткнувшись в книгу? Неужто тебе не хочется выскочить во двор, вдохнуть полной грудью чистого, пахнущего морем воздуха?» Хотелось. Ой, как хотелось! Временами казалось, что он вот-вот не выдержит и, отшвырнув от себя книжки, побежит к морю, схватит весла и, бросив их в радостно качнувшуюся от долгого ожидания шлюпку, погонит ее от разнеженного теплом берега с его беспечными пляжниками, изнывающими от жары продавцами морса, жареной камбалы, вяленой тарани и прочей «прелести», до которой горазды наводняющие в ту пору Бердянск отдыхающие. Эх, как у него в такие минуты зудели руки! Будто не в своих воображениях, а наяву, действительно он работал веслами, сжимая ладонями их отполированные ручки. Р-р-раз! Р-р-раз! Р-р-раз! Сильнее! Еще сильнее! Плавные, ритмичные взмахи весел, поскрипывание уключин под ними и тихий шелест воды, который доносится от образуемых весельными перьями воронок, что одна за другой исчезают за кормой шлюпки: «Так! Так! Так!» Это с ним, Петей Шмидтом, говорило море, приветствуя его приход и одобряя работу гребца.

Море говорило… Да, да! Именно говорило. Оно в самом деле умеет говорить. Только не каждому дано его услышать. Эту свою способность оно открывает лишь тем, кто по-настоящему его любит и в чьей любви оно успело убедиться. К их числу наверняка относились царь Петр Алексеевич, адмиралы Ушаков, Корнилов, Нахимов, Истомин, дядя Антон и, конечно, его отец. А в то лето показалось, что и он слышал, как с ним говорило море. И удивительнее всего, что это случилось именно тогда, когда он так мало общался с ним, заставляя себя «грызть гранит науки». Почему так? Не потому ли, что море почуяло, как его, Петина душа рвется, тянется к нему? Или догадалось по грустному виду его друзей Антона Пархоменко и Израиля Черникова, которым в то лето пришлось проводить время без него, их «капитана». Кто знает. Только что бы там ни было, а теперь он точно знает, что море ему открылось. Значит, оно его признало своим. И это великая честь, которую он никогда не уронит. Никогда и ни за что. До самой последней минуты своей жизни, когда душа его оставит тело и взовьется над морем белокрылою чайкой. Только так. Иначе и не стоило тратить усилий и ехать, оставляя отца и сестер в полюбившемся ему Бердянске, сюда, на подготовительное отделение Морского корпуса, что расположился на Васильевском острове (так называться стал Заячий остров, с которого и начинался некогда город Петра), по Набережной Большой Невы, между 11 и 12 линиями.

Конечно. Среди вчерашних мальчишек, которые сейчас щеголяют в форме кадетов Морского корпуса, есть немало таких, как он, Петр Шмидт, которые по настоящему любят море и, наверняка, поклялись навеки связать

свою жизнь с ним. Взять, к примеру, тех же его одноклассников Владимира Лесли, Николая Шелгунова, Михаила Ставраки. Разве не та же любовь к морю привела их сюда, на Набережную Большой Невы, откуда вышла не одна сотня офицеров, составляющих ныне гордость российского флота? Именно она, эта любовь и послужила основой их дружбы, дала толчок к зарождению ее у таких непохожих и разных людей.

Застенчивый Володя Лесли, чем-то напоминающий бердянского Изю Черникова, сразу же привлек внимание Петра своей явной робостью перед предстоящим вступительным экзаменом. Покусывая от волнения губы и то и дело потирая ладошкой лоб, мальчик явно сторонился не в меру храбрых ровесников, которые уже прошли «чистилище» внушающей страх экзаменационной комиссии.

– Боишься? ─ коснувшись его руки, негромко спросил Петя.

От неожиданности мальчик отшатнулся от него, отдернув руку. Но, встретив доброжелательный взгляд карих глаз, выдохнул из себя:

– Очень! А вы?

– Страшно боюсь! ─ улыбнулся Петя. ─ Никогда так не было страшно, как сейчас.

– А я думал, что один такой, ─ шмыгнул носом мальчик.

– Что ты! ─ махнул рукой Петя. ─ Здесь каждый, наверняка, такого труса играет, что только держись.

– Так почему же они смеются?! ─ кивнув в сторону веселой компании, изумился мальчик.

– Это они страх отгоняют.

– Смехом?

– Ну, конечно!

– Вот это да!

– А ты думал. Это их маневр: смотрите, мол, какие мы храбрые, ничего и никого не боимся, даже морского дьявола.

– Хитрые!

– Вот, вот. Тебя как зовут?

– Володя, ─ охотно представился мальчик и тут же поправился. ─ Владимир Лесли.

– Ну, а я Петр, ─ назвал себя бердянец. ─ Петр Шмидт. Давай и мы с тобой хитрость придумаем.

– Какую же? ─ недоуменно сдвинул плечами новый знакомый. ─ Хохотать станем?

– Зачем? ─ улыбнулся Петр. ─ А просто скажем себе, что перед экзаменами хорошо поработали и никакие вопросы нам не страшны. Вот так.

– И все?

– А что же еще? Ты же готовился к экзаменам?

– Еще как!

– Так в чем же дело? Нужно только как следует собраться, сосредоточиться и на любой вопрос, который тебе зададут, память подскажет ответ.

– Ты думаешь?

– Уверен!

– Что ж, давай попробуем…

– Смелее! Мы же будущие моряки.

В это время дверь зала, где заседала экзаменационная комиссия, распахнулась и оттуда выскочил… Мишка Ставраки. Петя знал, что и тот сдает экзамены, однако видеться с ним и тем более разговаривать им пока не довелось. С красным, как вареный рак, лицом и зажмуренными глазами Ставраки какое-то время молча стоял, опершись спиной о стену. Было такое впечатление, что там, за дверью с ним случилось что-то ужасное и он, чудом оставшись жив, но вконец обессиленный, вот-вот рухнет на надраенный до зеркального блеска паркет. Шум голосов, доселе напоминавший жужжание пчел, занятых своим обычным трудом по доставке душистого нектара в ульи, сразу же смолк. Словно кто-то невидимый поворотом своего волшебного ключа взял и выключил десятки находящихся в зале, снующих туда-сюда и непрерывно работающих языками мальчишеских организмов.

– Что?! ─ послышался чей-то испуганный шепот, прорезавший завесу тишины. ─ Что с ним?

– Срезался! ─ выдохнул кто-то рядом с Петей.

– Наверняка срезался, ─ эхом отозвался новый знакомый Пети и тот, будто кто-то его толкнул, бросился к Ставраки.

– Миша! Что с тобой?

Ставраки медленно, будто делая огромное усилие, открыл глаза и недоуменно уставился на Петю.

– Петька? ─ скривив губы, удивленно спросил он. ─ Откуда?

– Вот тебе и раз! ─ нахмурившись, тряхнул головой Петя. ─ Да я все время был здесь. А вот ты словно из ада вырвался. Тебе плохо?

– Мне? ─ поморгав глазами, переспросил Ставраки.

– Тебе, тебе. Ты провалился?

– Я? Да с чего ты взял?! – хлопнув Петю по плечу, рассмеялся Ставраки. – Ничего я не провалился. На все вопросы ответил. И мне очень хорошо. Слышишь, Петр Шмидт? Мне очень хорошо!

– Выходит, ты просто играл?

– Ах, отстань ты от меня! – капризно надув губы, махнул рукой Ставраки и направился к выходу из зала.

– Странный какой, – обронил новый знакомый Пети, пожав плечами.

– Странный, говоришь? – обернувшись к нему лицом, переспросил Петя. – А по-моему, притвора, артист. Валяет Ваньку, а мы и уши развесили, верим…

Узнав о зачислении в училище, Петр ощутил, как волна радости, зародившись в мозгу, тотчас отозвалась в сердце, заставляя его стучать быстрее и громче.

– Я поступил! – ликовала его душа. – Меня зачислили!

Почувствовав, как чьи-то пальцы коснулись его руки, Петя слегка повернул голову и встретился с сияющими глазами Володи Лесли. Он благодарно кивнул ему, подумав, как здорово, что теперь они будут учиться вместе.

Среди зачисленных на учебу значилась и фамилия Михаила Ставраки, что, хоть и не вызвало у Пети большой радости, но в то же время и не огорчило. «Пусть учится, – подумалось тогда, – он сам по себе, а мы с Володей – сами». Но не тут-то было. Буквально с первых дней учебы в подготовительном классе Ставраки подчеркнуто демонстрировал свой интерес к Пете и его новому товарищу. Он старался быть рядом с ними во время перемен, когда «будущие адмиралы», как называл курсантов начальник училища, с трудом досиживая в смиренной покорности положенный час занятий, пулями вылетали из класса готовые, казалось, своей молодой энергией и накопившимся сверх меры нетерпением снести ни в чем не повинную массивную дверь.

– Что я вам сейчас расскажу, друзья! – начинал он, догнав не успевших улизнуть от него Петра и Володю. – Сегодня Кузьмин опять бормотал во сне…

Володя с Петром незаметно перемаргивались: им было ясно, что снова не удастся остаться вдвоем и придется выслушивать непрерывную трескотню Михаила о своем соседе по спальной койке, который то вскриками, то бормотанием во сне просто изводит его.

– Тут за день так намаешься, – сердито подергивая кончиком носа, продолжал монотонно бубнить Ставраки, – не чувствуешь ни рук, ни ног, а этот то орет, то бормочет что-то. И главное, ─ как раз посреди ночи, когда так сладко спится…

– Небось, и сны тебе не дает посмотреть Колька Кузьмин? – едва успевает прорваться сквозь трескотню Володя.

Ставраки на какое-то время замолкает и растерянно переводит взгляд с Володи на Петра. Но через мгновение находится и, сделав большие глаза, снова начинает трещать.

– А ты думал! – горячится он. – Вчера как раз Одесса приснилась. Ты слышишь, Петька? Одесса! Наша с тобой Одесса. Володьке, конечно, не понять, что это за город…

– Ну почему же? – сдвигает плечами Петр. – Володя тоже бывал в Одессе…

– Бывал! – морщится, словно отведав вкус кислого яблока, Ставраки. – Что такое бывал? В Одессе родиться надо. Пожить надо с наше. Хотя и ты, Петр, маловато жил в Одессе, укатив в тот городишко Бердянск…

Звонок зовет кадетов в класс, и Мишка вынужден прервать свою трескотню.

– Ну вот! – недовольно дергает он кончиком носа. – Опять занятия. Ну ничего. Я потом вам дорасскажу. Не переживайте.

А они и не думают переживать. Хотя переживать-то все-таки переживают, но совсем по другому поводу: как избавиться от этого назойливого Мишки Ставраки. Он ведь не только их перемены заполняет своей противной трескотней, но и на те несколько часов, которые предоставлялись кадетам после изнуряющего дня занятий, начинает претендовать. Ведь усиленная муштра, доставлявшая удовольствие разве что их взводному, вымещавшему на них свою непонятную злобу, источающему омерзительный запах вчерашней попойки, слегка прикрытый дешевым одеколоном, следующие один за другим уроки с их грубыми и оскорбительными окриками преподавателей, требующих беспрекословного чинопочитания, откровенно поощряющих лесть и угодничество, основательно утомляли ребят. Нет, не это ожидал найти Петр в училище, о котором давно мечтал. Совсем не это. Да разве только он один? А Володя Лесли? А Николай Кузьмин? А тот же Мишка Ставраки?

– Я сам знаю, что море не любит слабых, – обиженно поджимая губы, жаловался Ставраки Петру, отыскав его, спрятавшегося в пустом классе с любимой книжкой в руках. – И папа меня предупреждал, что Мореходное училище – не институт благородных девиц и церемониться здесь со мной никто не будет. Матросня, которой нам предстоит командовать, народ грубый. С ним нужно уметь быть строгим, а то и в морду дать, чтобы понятней было. Но мы же не матросы. С нами нужно как-то иначе. Иначе, понимаешь? А он орет на меня так, что хочется запустить в него чернильницу. Да, именно чернильницу и прямо в харю его бородатую…

В этот день Петр собрался, наконец, прочесть поэму Некрасова, которую ему посоветовал Володя Лесли. И, нужно сказать, поэма сразу же захватила его. Автор не демонстрировал свою грамотность и начитанность, не старался оперировать малозначительными словами и витиеватыми выражениями, как это иногда любят делать старающиеся нравиться публике поэты. Он неторопливо и спокойно вел свой рассказ, говоря с читателем обыкновенным и простым русским языком. И именно эти простота и обыкновенность помогали ощутить, почувствовать ту ужасную несправедливость, которая царила на Руси, где мужики и бабы, простой народ от зари и до зари гнули спину в непосильном труде, получая жалкие гроши, которых не хватало даже на кусок хлеба, не говоря уж о большем, а другие, ведя праздный и разгульный образ жизни, купались в роскоши.

«Да, да! – прикрыв глаза, думал Петр. – Именно так обстоят дела и в нашем Бердянске. Отец Антона всю жизнь то сеть свою старую, полусгнившую ремонтирует, то лодку в порядок пытается привести, то в море по несколько дней пропадает, стараясь хоть как-то обеспечить достаток

в семье, где полдюжины детей. А каков результат? Как была у них хатка-развалюха, так и сейчас они в ней живут. Антон в одной и той же отцовской рубахе уже который год ходит. Прошлой зимой мать заболела, а денег на лекарство в семье, как назло, ни гроша. Хорошо у него, Петра, были кое-какие сбережения… А у Израиля разве лучше? Мать с утра до ночи над шитьем сидит. Изя говорил, что плохо видеть стала. Ослепнет, и тогда им хоть помирай»…

Его мысли прервал скрип открывшейся двери, в которую просунулась голова Ставраки.

– Ага! – с порога начал Михаил. – Вот ты где спрятался. Я его ищу, ищу, а он тут книжечки почитывает. Что читаешь?

– Да так… – нехотя отозвался Петр, явно раздосадованный приходом Михаила.

– Покажи, – протянул руку тот и выхватил книжку. Глянул на ее название и, недовольно поморщив нос, бросил перед Петром на крышку парты, небрежно обронив:

– Стишки! Не надоели еще тебе стихоплеты?

– Ну почему же? – слегка сощурив глаза и с трудом сдерживая раздражение, ответил Петр. – Стихи бывают разные: бывают плохие, а бывают хорошие.

– Не знаю, не знаю, – покачал головой Михаил. – По мне, все стихи – это абсолютная ерунда. Ночь, цветочки, запахи, луна. Сплошная сентиментальщина, предназначенная разве что для слезливых девчонок-гимназисток. Разве я не прав?

– Совершенно, – усмехнулся Петр.

– Даже так?! – набычился Михаил. – Тогда докажи. Ну о чем, к примеру, эти стишки? Те, на которые ты тратишь время.

– Это поэма.

– Пусть так. Что в ней хорошего? Чему она нас с тобой может научить? «Кому на Руси жить хорошо?» Сам по себе вопрос дурацкий. Кому повезет, тот и жить хорошо будет. По крайней мере, нас это сейчас не касается. С утра до вечера гоняют и дерут как сидоровых коз. Разве не так?

Петр понял, что Михаил искал его, чтобы поплакаться насчет своей очередной обиды. Так уж повелось, что всякий раз, когда Ставраки испытывал чувство горечи по поводу несправедливого, как ему казалось, к себе отношения, он непременно старался кому-нибудь из соучеников-кадетов излить свою душу, надеясь, естественно, на сочувствие. Однако непомерное самолюбие, высокомерие и обидчивость Михаила, который, к тому же, сам никогда не проявлял доброты, служили причиной того, что товарищи во взводе его не любили. Не желая иметь с ним дела, они бесцеремонно гнали его от себя. И тогда он замыкался в себе, становясь жалким и одиноким. Однажды, застав его в таком состоянии и к тому же со слезами на глазах, Петр, успокоив Михаила, попытался раскрыть ему причины, которые отталкивали от него товарищей.

– Пойми, Мишка, – убеждал он его, – ты же сам во многом виноват. Всегда стараешься выставить себя лучше всех.

– А что, я хуже? – взвился Михаил. – Хуже твоих Лесли, храпуна Кузьмина? Совсем плохой?

– Допустим, нет, – старался не терять терпения Петр. – Но пусть твои хорошие качества заметят другие и скажут о них.

После того случая Ставраки проникся к нему доверием и старался быть рядом. Но это не понравилось теперь Лесли и Кузьмину.

– Зачем ты связался с этим типом, Петя? – затеял как-то разговор Лесли.

– А что, разве правильно, что мы все время гоним его от себя? – вопросом на вопрос ответил Петр. – Вы же посмотрите, как он бродит один, что тот затравленный и жалкий волчонок.

– Вот-вот! – насупившись, подал голос Николай Кузьмин. – Он и есть волчонок. Только никакой не затравленный и не жалкий. Сам кого хочешь затравит. Ты знаешь, что он мне два месяца спать не давал?

– Как не давал? – сделал большие глаза Петр. – Он же на тебя жаловался, что ты во сне разговариваешь и его будишь.

– Вот-вот. Может быть и есть у меня такой грех. Я же сам не чувствую. Ну разбуди меня, если что-то не так, толкни в бок. А он же мне спать не давал. Не смей, говорит, спать, пока я не усну. Не послушаешь, будешь разговаривать, тогда я тебе воды в нос налью.

– Да ты что?! Так же человек захлебнуться может. Так и сказал?

– Ей богу! Я не вру, Петька.

– Не врет, – поддержал товарища Володя. – Мишка может и не такое.

– Вот дрянь-человек! – покачал головой Петр. – И все-таки, как хотите, ребята, а махнуть на него рукой, прогнать – самое простое дело.

– Хорошо! – недоуменно развел руками Володя. – Тогда что же ты предлагаешь? Молча терпеть гадости, которые будет продолжать делать Ставраки?

– Зачем же? – усмехнулся Петр. – Будем его воспитывать.

– Как?! – в один голос воскликнули Лесли и Кузьмин.

– Я пока сам не знаю, ребята, – почесав затылок, вздохнул Петр. – Не знаю точно. Но в общем, думаю, что нужно ему говорить правду. Какая бы она ни была. Вот. Пусть знает, каков он на самом деле, что думают о нем. Поймет Мишка, будет исправляться – ему же польза. А не поймет… Ну что ж, тогда пусть сам как знает.

– Попробуем, – покривившись, согласились друзья.

После этого они несколько раз «драили» Михаила, и тот, хоть отчаянно и сопротивлялся, но все же, в конце концов, вынужден был признавать свою неправоту. Хотя потом при случае выговаривал Петру, что согласился только ради него, чтобы лишний раз не огорчать.

– Да ты артист, Миша! – изумлялся Петр. – Разговор этот ради тебя затевался. И ребята тебе правду сказали.

– А-а-а! – сердито отмахивался Ставраки. – Знаю я их правду. Завидуют они мне.

– Ну, знаешь ли! Было бы чему завидовать.

– А ты считаешь, что нечему? – кусая губы, злился Ставраки. – Нечему? Бездарь я полная?

Все приходилось в который раз начинать сначала.

«Интересно, с чем он сегодня пришел? – подумал Петр. – Ведь наверняка не затем, чтобы поспорить со мной о поэме Некрасова».

Отложив книгу, он молча наблюдал за продолжавшим недовольно бурчать Михаилом, ожидая, когда же тот перейдет к основному вопросу.

– Кому на Руси жить хорошо? – сопел Михаил. – Дурацкий вопрос! У кого звонкая монета в кармане водится. У кого деньги есть.

– «Золотые» слова! – усмехнулся Петр.

– А что? Не так? – ощетинился Ставраки. – Не прав я, скажешь?

– И в чем же ты видишь свою правоту?

– Да в том, что за деньги можно все иметь.

– Чего именно тебе в училище сейчас не достает, и что бы ты хотел еще иметь, как ты говоришь?

– Ну, хотя бы сладости, вино, – немного смешавшись, нашелся Ставраки. – Что? Воспитанник-кадет не человек?

– Человек, человек.

– Так вот. Офицеры и вино пьют, и в рестораны ходят с дамами. Мне бы тоже, например, хотелось, как они.

– Так то офицеры…

– Не только! Кое-кто из наших кадетов тоже себе такое позволяет. И не только такое. Вон Гиляровский и Васильев уже не раз и винцо в увольнении пробовали и девиц в «веселом доме» снимали.

– Вот как.

– А ты думал! Люди даром время не теряют.

– Ну а ты что же отстаешь? – едва сдерживая закипающий в нем гнев, спросил Петр.

– Что я? Что я? – недовольно поморщил нос Михаил. – Говорю же, деньги для этого нужны.

– И пошел бы?

– А что? Мне уже пятнадцать лет. Можно бы и попробовать, что это за штука.

– Эх, и дрянь же ты, Михаил! – решительно поднявшись со своего места, бросил в лицо испуганно отшатнувшемуся от него Ставраки Петр. – Говорить с тобой противно и мерзко.

Схватив книжку, он быстро зашагал к двери, оставив растерянно моргавшего глазами Ставраки.

– Петька! – крикнул тот ему вдогонку. – Я пошутил! Слышишь? Я же пошутил, чудак…

Несколько дней Петр ходил сам не свой. Неужели это правда? Неужели его товарищи позволяют себе делать такие гадости? Пусть взрослые, офицеры… Их испортила, растлила мерзость той жизни, о которой пишет Некрасов и не только он. Этой мерзости, оказывается, очень много на земле. Она проникла и сюда, в город Петра, в столицу, что носит его имя, в Петербург. Впрочем, чему же удивляться? Ведь не зря же Володя Лесли говорит, что весь Петербург со всей его красотой построен на костях человеческих. Хо-ро-шень-ко-е дело! Красота, самое прекрасное, что ему, Петру довелось когда-нибудь видеть в жизни, стоит на костях людей, таких же, как его мать, отец, как сам он и его товарищи, как все люди, которые окружают его, ходят по Невскому проспекту, улыбаются, смеются. Смех на костях! Нет. Это невозможно! Этого быть не может. Хотя… Ужасное прошлое породило мерзость настоящего, которая сегодня рождает будущее. Его, Петино будущее. Что же делать? Может быть, все это просто бред? Бред разыгравшегося воображения? Ну, конечно! Паршивец Ставраки все это попросту придумал, чтобы проявить себя. Надо же!

Вспыхнувший в груди Петра гнев стал потихоньку затухать. Он уже обдумывал, как наладить отношения со Ставраки, который затравленным волчонком наблюдал за ним и его друзьями, не решаясь приближаться. Однако буквально на следующий вечер Петр стал свидетелем сцены, которая вновь вывела его из равновесия.

Было воскресенье и кадеты, возвратившись из увольнения, обменивались впечатлениями. Этот день Петр провел у маминой сестры Анны Яковлевны Эггер, которая жила в собственном доме в столице. Он не раз уже бывал в гостях у тети, всякий раз поражаясь, какие они разные с его покойной мамой. Нет, нет! Ничего похожего на негостеприимство, нежелание своего присутствия Петя не почувствовал. Напротив, приняла его родственница тепло и радушно. Вот только внешне она совсем не была похожа на свою сестру. Направляясь впервые к тете Анне, Петя надеялся увидеть женщину такой же, как и его мама, комплекции, стройную, с плавными движениями рук и веселыми лучистыми глазами, в которых постоянно светится огонек доброты и ласки. Встретила же его довольно преклонных лет могучая дама с обвислыми, дряблыми щеками и поразительно маленьким носом, напоминающим картошку, который как бы с некоторым вызовом расположился посреди ее крупного лица. Открыв дверь, она некоторое время молча сверлила Петю взглядом свинцового цвета глаз и он, слегка смутившись, уже готов был услышать нечто похожее на: «Такие здесь не проживают».

– Неужели ошибся? – подумал Петя, собираясь принести извинения за беспокойство. Но в этот момент лицо дамы расплылось в улыбке и хрипловатый голос, какие обычно бывают у старых курильщиков, пророкотал:

– Гос-по-ди! Неужели Петенька к нам пожаловал? Ну входи же, входи скорей, деточка!

Едва он успел переступить порог, как попал в объятия могучих рук продолжавшей ликовать тетушки:

– Боже мой, боже мой! – рокотала она. – Вылитая Катенька, моя дорогая сестричка, мой ангел небесный. И глазки, и носик – точная копия Катюшиных, моей ласточки, моей бедняжечки.

Причитая и охая, она долго тискала своего племянника в передней, а затем, спохватившись, повела его в гостиную, где, устроившись на диване и в креслах, беседовали несколько мужчин.

– Господа! – представила тетя. ― Посмотрите, какое чудо к нам пожаловало, какая прелесть. Прошу любить и жаловать – мой племянник. Сынок младшенькой сестрички Катеньки, к сожалению, покойной.

– Петя, – залившись краской, выдавил из себя племянник и тут же поправился.– Шмидт Петр Петрович.

– О! – поднял брови седобородый капитан первого ранга. – Уж не сынок ли капитана первого ранга Петра Петровича?

– Именно так! – любуясь племянником, прогудела тетушка. – Петра Петровича сын и племянник адмирала Владимира Петровича Шмидта, родного братца отца его.

– Знавал, знавал я обоих, – поглаживая бороду, кивал старый моряк. – Тогда в Севастополе они еще совсем молодыми лейтенантами были. Да-а-а. Но – орлы. Орлы, доложу вам, господа.

– Выходит, династия моряков Шмидтов растет? – подал голос его сосед, молодой человек с веселыми глазами, оказавшийся известным профессором-экономистом Николаем Александровичем Карышевым.

Проявляя неподдельный интерес к тому, что нынче читают «будущие флотоводцы», чем интересуются, Карышев незаметно овладел вниманием Пети. И тот, бывая в гостях у тетушки, всякий раз старался устроиться к нему поближе, чтобы послушать казавшиеся Анне Яковлевне скучные рассуждения о том, как «делается» капитал, почему одни люди богаты и живут в полном достатке в свое удовольствие, а другие влачат жалкое существование, не имея порой самого элементарного – ни сколько-нибудь приличного жилища, ни хлеба насущного каждый день в достатке.

Вот и сегодня они долго спорили с Карышевым, к большому неудовольствию тетушки, позабыв даже о ее вкусных эклерах, изготовленных специально к приходу племянника.

– Как же так, Николай Александрович? – горячился Петя. – Ведь все люди приходят в мир, как учит биология, одинаково нагими и несмышлеными, а следовательно равными. Так ведь?

– Так, да не совсем, – усмехаясь, подзадоривал его профессор.

– Ну почему же?

– А потому что один рождается сыном владельца фабрики или, скажем, земельного собственника, другой же ― сыном безземельного

крестьянина, а то и безработной девицы, которая из-за своей нищеты вынуждена была пойти на панель. Малец и отца своего может не знать, как и тот его. А коль так, то дети состоятельных родителей и в достатке расти будут, и образование получат достойное, а голытьба будет расти, как трава вдоль дороги: всякий, кому не лень, наступит, а коль захочет, то и обидит. Так-то, брат.

– Но среди них, среди простолюдинов есть много умных, способных ребят. Я же знаю. Взять тех же моих бердянских друзей Антона и Израиля. Да они же к грамоте так тянутся, что ─ ух.

– Конечно, есть. Как есть немало оболтусов среди дворянских деток, среди богатых. Их к науке за уши тащат родители, а они упираются изо всех сил.

– Так почему бы на счет царской казны, на счет государства не учить способных? Ведь они же потом, выучившись, какую пользу России могут дать. Правда, Николай Александрович?

– Правда, – соглашается Карышев.

– Почему же так не делается? В чем причина? – хмурит лоб Петя. – Что следует делать?

– О-о-о! – вздыхает профессор. – На этот вопрос сразу и не ответишь. Есть такая наука – политическая экономия. Слыхал о ней?

– Нет, не слыхал, – признается Петя. – Она дает ответ на все вопросы?

– Ну, на все, положим, не дает, – улыбается Карышев, любуясь своим собеседником, настойчивость которого ему явно нравится. – Но ответить на кое-какие из них она поможет.

«Ах, какой умный этот Карышев! Как много он знает и как, оказывается, мало знает сам он, Петр Шмидт. Мало, ужасно мало, хоть и учиться старается изо всех сил, хоть книжки разные постоянно читает, за что его ребята «магистром» прозвали. Да какой он магистр! Вот Карышев – это да. Хоть и молодой, а умища – ого-го! Настоящий профессор. Нет, завтра же нужно будет подобрать книги по этой самой политической экономии и начать штудировать.

Умывшись и почистив зубы, Петр направился к своей койке. У прохода с десяток кадетов слушают, как долговязый Гиляровский, жестикулируя руками, что-то рассказывает товарищам. Петр собрался было обойти компанию известного травильщика: что хорошего этот трепло может рассказать? Однако долетевшая до него фраза заставила остановиться.

– Там такие цыпы, господа! – облизываясь, развязно болтал Гиляровский.

– Такие крошки! – вторил ему, запустив пятерню в свои рыжие кудри, Васильев. – Мо-ло-день-кие! Пальчики оближешь.

– А груди у Машеньки, господа! Персики! Целуешь и умираешь. Просто умираешь.

– И всего-то червонец за такое удовольствие. Сущая мелочь за то, чтобы почувствовать себя мужчиной, господа.

Сгрудившись вокруг «героев», кадеты с явным интересом слушали источаемую ими мерзость. Петра начала бить нервная дрожь.

– Послушай, Гиляровский! – сжав кулаки, окликнул он долговязого.

– Ну чего тебе? – нехотя отозвался тот. – Чего тебе, Петенька? Видишь, урок с молодыми веду.

– У тебя есть сестра, Гиляровский?

– Чего, чего?

– Сестра, спрашиваю, у тебя есть?

– Какая сестра?

– Родная сестра. Понимаешь?

– Ну, допустим, есть. Что из того?

– Чего ты пристал, Шмидт? – бросился на помощь дружку Васильев. – Сестры, братья всякие. При чем здесь они? Не о них речь.

– А не подумал ты, Гиляровский, – не обращая внимания на Васильева, вел свою линию Петр, – что те девочки из «веселого дома», как ты говоришь, тоже чьи-нибудь сестры? И попали они туда, потому что дома у них, наверняка, не было куска хлеба, но был умирающий отец или больная мать.

– Так я тут при чем? – сделал большие глаза долговязый.

– Да при том, что, может быть, твой отец и отнял у них тот кусок хлеба, лишив работы и выгнав на улицу их родителей-кормильцев, – отчеканил Петр.

– Но, но! – сердито засопел Гиляровский. – Ты отца моего не трогай, Петька. Мой отец дворянин. Понял? Так что…

– Вот, вот! – напирал Петр. – Среди дворян как раз немало таких, которые ради прихоти какой-нибудь, не задумываясь, могут обидеть простого человека.

– А то и по миру пустить! – поддержал его подошедший Володя Лесли.

– Из таких семей как раз чаще всего девчонки и в «веселые дома» попадают, – продолжал Петр. – Чтобы такие, как вы, Гиляровский и Васильев, подлецы, их слюнявили и лапали.

– Но, но! – несмело защищался долговязый. – Ты поосторожнее со словами. Нечего оскорблять.

– Да вы сами себя унизили и оскорбили. Стыдитесь, господа. Гадко все это слушать.

Петр сердито махнул рукой и, раздвинув плечом преграждавших дорогу кадетов, направился к своей койке.

– Здорово ты их, Петька! – догнав его и обняв за плечи, похвалил Володя.

– Молодец! – подхватил оказавшийся тут же рядом Ставраки. ─ А то расхрабрились тут, расхвастались сосунки. Теперь будут знать…

– Ладно, друзья! – остановил его Петр. – Мы тоже хороши: слишком терпимо относимся ко всякой мерзости, которая порой творится вокруг нас. А кое-кому она даже нравится.

– Чего там нравится? – пробурчал Михаил. – Нравится… Кому такое нравится? Только мараться о грязь неохота.

– А придется! – сощурил глаза Петр, сжав кулаки и повернувшись лицом к Ставраки, который испуганно отшатнулся от него. – Придется. Иначе мы сами в этой грязи задохнемся.

– Верно, Петр! – поддержал его Володя. – Верно, друг.

5.

Время. Удивительная штука. Никто его не видит и не слышит, а оно, оказывается, работает, трудится. Кажется, только вчера он стал воспитанником-кадетом младшего подготовительного класса Морского училища, а уже прошло почти два года. Свои первые каникулы Петр надеялся провести в Бердянске вместе с домашними и друзьями. Отложил деньги на дорогу, присмотрел столичные подарки. Однако все обернулось иначе. За месяц до окончания учебы пришло письмо от отца, извещавшего о том, что он собирается приехать в Петербург с Асей, надеясь устроить ее на учебу. Так что каникулы они провели вместе с сестрой, которая остановилась у тети.

Ася из всех членов семьи человек наиболее близкий по духу Пете. С ней он чувствовал себя комфортно и легко. Конечно, не так, как бывало когда-то с мамой, которой можно было все доверить и говорить абсолютно обо всем. Ася, хоть и была немного старше, но все же Петр никогда не забывал, что она девочка. А у девчонок свои интересы и своя логика. Поэтому нужно знать, о чем с ними можно говорить, а о чем и нет.

Сестра очень интересовалась учебой брата, его товарищами по училищу, какие они, как выглядят. И Петр, конечно, рассказывал ей. Но не мог же он посвящать Асю в ту мерзость, прикасаться к которой ему самому было противно. Зачем, скажем, ей знать о том, что рядом с братом живут такие типы, как Гиляровский и Васильев, которые уже пристрастились к вину и узнали дорогу в «веселый дом»? Да об этом же просто стыдно вспоминать. Хотя, кто его знает, прав он здесь или нет. Ведь тот же долговязый Гиляровский, став через несколько лет взрослым, морским офицером, может однажды, повстречав ту же Асю или другую порядочную девушку, предложить стать его женой. И она, не зная его, может согласиться. Хорошенькое дело! Но не говорить же сестре, что вокруг него развратники и мерзавцы. Те же Гиляровский с Васильевым сейчас подло поступают, слов нет. Но ведь это сейчас. Они получили тогда отпор от него, почувствовали негативное осуждение товарищей и, быть может, сделав для себя должные выводы, исправятся, станут совсем иными. Быть может. А пока зачем это знать Асе? Лучше он покажет ей Петербург.

И они, действительно, в это лето много путешествовали и многое увидели. Прежде всего, конечно, он сводил Асю к домику царя Петра, обычному деревянному сооружению, которое, тем не менее, вызывает интерес у всех, кто приезжает в столицу. Еще бы! Ведь здесь жил Петр

Алексеевич – человек, чье имя носит город, который он заложил, пробивая «окно в Европу». Побывали они у памятника Петру I, которому удалось поднять Русь, заставить русский народ поверить в свои силы, расправить плечи, заявив о себе, как о великом, с которым должна считаться чванливая Европа. Показал он сестре и Зимний дворец, и свое училище, и дом, где жил и умер раненый Дантесом Пушкин, и еще многие другие памятные места. Довелось Асе, да и самому Петру увидеть знаменитые белые ночи, посреди которых (вот диво!) можно было читать книжки, не зажигая огня.

И он таки читал! Как раз профессор Карышев, который сразу же после знакомства буквально обворожил и Асю, предложил Пете прочесть «Исторические письма» ранее незнакомого автора П. Миртова. Не желая обидеть профессора, Петр взял те несколько номеров «Недели», хотя и с большим сомнением в их полезности: ну что, скажите на милость, могут дать ему эти письма, к тому же исторические, как могут помочь разобраться в столь сложных проблемах сегодняшних? Но, едва начав читать, понял, что он ошибся.

Ведь прав же этот П. Миртов, когда пишет, что «сознательно или бессознательно, человек прилагает ко всей истории человечества ту нравственную выработку, которой он сам достиг… Все… судят об истории субъективно, по своему взгляду на нравственные идеалы, да иначе и судить не могут… Нравственный идеал историка есть единственный светоч, способный придать перспективу истории в ее целом и в ее частностях». И соответственно идеалу, признанному лучшими мыслителями, прогресс в истории есть усиление сознательного элемента в жизни общества или, как говорит автор, «развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении», «воплощение в общественных формах истины и справедливости», рост единения людей, их солидарности. Ведь за это дело, главное дело в России, наверняка никто из интеллигенции, критически мыслящих людей еще и не брался. По крайней мере, по настоящему не брался. П. Миртов как раз к ним и обращается: «Итак, если человек сознал в себе ясное понимание минувшего и энергетическое стремление к правде, то он не может и не должен отрекаться от выработанного им убеждения ввиду исторических форм общества, потому что разум, польза, право на его стороне. Он только должен взвесить свои силы для предстоящей борьбы… рассчитать свои силы и тогда решиться».

Решиться. Он, Петр, готов посвятить всю свою жизнь борьбе с существующими историческими формами общества, которые буквально с рождения делят людей на богатых и бедных, на утопающих в роскоши и влачащих жалкое нищенское существование, плодящих вопиющую несправедливость, мерзость и человеческую грязь в виде «веселых домов» и всяческих там питейных заведений. У него хватит сил для этой борьбы. Вопрос в том, как их рационально использовать, чтобы они не пропали даром. Но и на него дает ответ П. Миртов: «Чтобы сила не тратилась даром, –

советует он, – надо ее организовать. Критически мыслящие и энергически желающие личности должны желать не только борьбы, но и победы; для этого надо понимать не только цель, к которой стремишься, но и средства, которыми можно ее достигнуть». Что же отсюда следует? А то, что этим самым критически мыслящим и энергическим личностям необходимо объединиться. Это придаст борьбе направление и единство.

Да, да. Именно так. Ведь те же Володя Лесли и Николай Кузьмин и критически мыслящие, и энергические личности, как и сам он, конечно. Значит они и должны объединиться. Потом уже за ними пойдут другие. Конечно, о таких типах, как Гиляровский и Васильев, говорить не приходится. У них другое в головах. По крайней мере, на сегодня. Не стоит надеяться, пожалуй, и на Ставраки, хоть он и клянется в своей дружбе ему, Петру. На словах Мишка с ним заодно, а вот, коснись настоящего дела, которое грозит к тому же какой-то опасностью, еще неизвестно, как он себя поведет и на чьей стороне окажется – среди друзей или к врагам переметнется.

Враги. Какие они? Как будут выглядеть и в чем их опасность? Это пока тоже не совсем Петру понятно. Но ничего. Главное, что он знает, с кем нужно бороться и за что – конечно, за равенство и счастье всех людей.

Приведя эти свои мысли более-менее в порядок, Петр изложил их Лесли и Кузьмину.

– Согласны? – спросил, окинув их внимательным взглядом.

– Объединиться, говоришь? – покусывая нижнюю губу, спросил Володя. – Так мы же и так как будто бы едины.

– Ну да, – развел руками Николай. ― Всегда вместе. И против этих героев похода в «веселый дом» тебя поддержали и Мишку Ставраки вместе «драим».

– Этого мало! – решительно отрезал Петр.

– Ну, а что же еще нужно?

– А вот послушайте, что говорит П. Миртов: «Как в наше время огромное большинство человечества обречено на непрестанный физический труд, отупляющий ум и нравственное чувство, на вероятность смерти от голода и эпидемий, так и всегда большинство было в подобном положении. Вечно трудящейся человеческой машине, часто голодающей и всегда озабоченной завтрашним днем, вовсе не лучше в наше время, чем было в другие периоды. Для нее прогресса нет». И еще он говорит, что «прогресс небольшого, едва заметного меньшинства был куплен порабощением меньшинства, оплачен миллиардами жизней, океанами крови, несчетным страданием и неисходным трудом поколений». Слыхали? Это письмо Миртова так и называется «Цена прогресса».

– Да, – покачал головой Володя, – высокая цена.

– Еще бы! – подхватил Петр. – И мы не имеем права забывать об этой цене.

– Хорошо, – поморщил лоб Николай. – Но что делать?

– Добиваться прогресса для всех трудящихся, – отчеканил Петр.

– Но как? Каким образом? – настойчиво требовал ответа Николай. – Что мы с тобой, Петр, и с Володей должны делать?

– По крайней мере, не сидеть сложа руки, – вел свое Петр.

– Но мы же ничего не можем, Петька, – вздохнул Володя.

– Пока не можем, – поправил его Петр.

– Пусть пока, сейчас. Станем взрослыми…

– Нет, друзья, так не годится, – остановил товарища Петр, – есть и сейчас для нас дело.

– Какое же?! – в один голос воскликнули друзья.

– Какое? – хитровато прищурившись, Петр окинул их взглядом. – А вот какое. Вы согласны с мыслями, которые излагает Миртов в своих письмах?

– Допустим.

– Ну, а коль так, то почему бы не сделать, чтобы они стали известны не только нам, но и другим людям?

– Что же мы, возьмем эти журналы и будем их читать в классе? – пожал плечами Лесли. – Да нас же за это наша «классная дама» сразу же к адмиралу в кабинет потащит.

– А то и из училища выгонят, – добавил Кузьмин. – Нет. Так не годится.

– Так, действительно, не годится, – усмехнулся Петр. – А вот если отпечатать эти письма и положить людям надежным незаметно, то, обнаружив их, кое-кто и прочтет, а, может быть, и еще кому-нибудь даст почитать. Как вы думаете?

– Это, конечно, другое дело, – согласился Володя. – Но как их размножить?

– Для этого есть такая штука, как гектограф, – подсказал Петр. – Можно купить, между прочим.

– Так он же дорого стоит.

– Для одного дорого, а если в складчину, то и не очень. Нас трое пока, но можно было бы еще и Николая Шелгунова в это дело пригласить. Парень, по-моему, стоящий. Думаю, он согласится.

Идея всем понравилась. И деньги на этот самый гектограф собрали. После его приобретения встал новый вопрос: где разместить гектограф? Место подсказал Николай Шелгунов:

– Послушайте, господа, а не устроить ли эту самую штуку в кабинете астрономии? Место подходящее, и народу там много почти никогда не бывает.

Предложение было принято и вскоре все четверо, включая и Шелгунова, который не только охотно «примкнул» к ним, но как-то незаметно стал их лидером, стали активно «интересоваться» астрономией. Благо, что Ставраки, к их радости, такого интереса не проявил. Вначале намеревались издать все «Исторические письма» в полном объеме. Но вскоре поняли, что

это им не под силу: где взять столько краски и бумаги, к тому же много ли найдется охотников прочесть этот объемный труд сразу же, от начала и до конца, да к тому же втайне от постороннего глаза, а главное – от «классной дамы» и другого училищного начальства. Решили, пока будут печатать наиболее интересные, по их мнению, выдержки из «Исторических писем», знакомя будущих читателей с самим автором и с его основными идеями.

– Главное – заинтересовать ребят, – рассуждал Шелгунов. – А появится интерес, тогда они наверняка все письма отыщут.

– Эх, знать бы, кто этот автор! – вздохнул Петр.

– Как кто? – недоуменно посмотрел на него Кузьмин. – Ты же сам говорил, что это Миртов. П. Миртов. Наверняка Петр. Или не так?

– Вот именно! – тряхнул головой Петр. – П. Миртов. Я тоже думал, что такой человек действительно существует и даже стал искать пути, чтобы как-то встретиться с ним.

– Ну и как? – спросил Лесли.

– Да никак, – развел руками Петр. – Нет такого человека П. Миртова в Петербурге.

– Тогда, может быть, он живет в Москве?

– И в Москве, ребята, его тоже нет.

– А где же он? – недоумевал Николай Кузьмин. – Не могли же эти письма из ничего возникнуть или свалиться с неба. Кто-то же их написал.

– Написал. А вот кто – неизвестно.

– Выходит, П. Миртов…

– Правильно! Это – псевдоним автора, – подсказал Шелгунов.

– О котором совершенно ничего не известно, – вздохнул Лесли.

– Нет, – продолжал Петр, – кое-какие сведения о нем просочились. Сведущие люди говорят, что это офицер, которого за политические взгляды разжаловали и посадили в тюрьму.

– Морской офицер?! – зажегся Лесли. – Вот это здорово! Он же наверняка наше с вами, друзья, училище заканчивал.

– Этого я вам сказать не могу, как не могу назвать его имени, потому что не знаю. Ясно только, что это очень образованный и очень смелый человек, каковыми и нам надлежит быть.

Свою первую прокламацию они так и начали:

«Дорогой друг! Если ты патриот своей Родины и готов посвятить свою жизнь ее прогрессу, знай, что ты не одинок. Есть люди, которые уже давно встали на этот путь и один из них – П. Миртов. С его мыслями из «Исторических писем» мы будем тебя знакомить.

Итак, начнем.

Тысячи и тысячи нищих и голодных, без работы и крова людей, вся мерзость сегодняшней жизни – это грехи наших отцов. Но, как считает П. Миртов: «За грехи отцов мы ответственны лишь настолько, насколько продолжаем эти грехи и пользуемся ими, не стараясь исправить их последствий». А вот над будущим, говорит он, мы в некоторой степени

властны. И поэтому нынешнее, пользующееся еще трудом огромного числа своих современников «цивилизованное меньшинство», если оно не хочет отвечать перед потомством за новые страдания «большинства общества», а желает ясно понять свое назначение, свое дело, должно стремиться к воплощению справедливости в самой реальной жизни, к «очеловечиванию людей». Худшие враги прогресса – те, кто, сознавая условия прогресса, ждет сложа руки, чтобы он осуществлялся сам собою.

П. Миртов ставит перед цивилизованным, просвещенным человеком прямой вопрос: «А вы сами, зрячие среди слепых, здоровые среди больных, что вы сделали, чтобы содействовать прогрессу?»

Это вопрос и к тебе, друг! Россия ждет от тебя ответа».

Отпечатав два десятка прокламаций, они незаметно подсунули их под подушки спящим воспитанникам-кадетам. Несколько штук их были подброшены старшекурсникам-гардемаринам. Большого шума это не вызвало, хотя дневаливший на следующий день Михаил Ставраки говорил Петру:

– Говорят, кто-то политику по училищу рассыпал.

– Какую политику? – сделал большие глаза Петр.

– Бумажки. Прокламации. Не слышал?

– Нет, конечно. А ты откуда знаешь?

– Так при мне же наш «классная дама» все постели и тумбочки перетряхивал.

– Вот как! А что в тех прокламациях?

– Я не читал. Но наверняка что-то против царя. Ерунда, в общем, за которую морду бить нужно, а то и в каталажку сажать.

– Понятно, – кивнул Петр, поняв, что пронырливый Ставраки ни о чем не догадывается. Если бы это было иначе и ему что-либо стало известно о прокламации, он бы наверняка всунул свой нос в каждую щель, вынюхивая, откуда она попала к нему и кто ее изготовил. Нет, все-таки хорошо, что они решили не подкладывать прокламации Мишке. Просто сомневались в том, что ему понравятся мысли П. Миртова. Теперь это подтвердилось. А раз Мишка прокламации и в глаза не видел, значит, ребята, к которым она попала и которые ее читали, ему также не показывали. Почему? Очевидно, тоже не доверяют. Ну, что ж, такая уж у Мишки репутация. И ребята молодцы, что его раскусили. Но все-таки откуда-то училищное начальство узнало о прокламации. Откуда? Проболтался кто-нибудь из старшекурсников или их воспитанники-кадеты? Если так, то нужно быть предельно осторожными, еще и еще раз проверить, надежно ли место, где находится гектограф. И главное – руки после работы на нем как следует мыть, чтобы ни единого пятнышка на них не оставалось.

Они еще дважды глубоко «изучали науку о звездах» в астрономическом кабинете. Никакого шума по поводу появлявшихся в училище прокламациях

пока больше не возникало. Спокойно вел себя и их «классная дама». Только чаще обычного беседовал с кадетами, при этом пристально глядя в глаза.

– Впился в меня своими гляделками, – жаловался Кузьмин, – и смотрит, смотрит туда. Будто прочитать там что-то хочет, гад такой.

– А ты? – спросил Лесли.

– Что я? – сдвинул плечами Кузьмин, скорчив рожицу. – У меня что-то не так, господин лейтенант, спрашиваю, какое-то нарушение формы?

– Ну, а он?

– Он мне в ответ: «Нет, Кузьмин, с формой у тебя все в порядке. Только… только что-то ты, голубчик, бледновато выглядишь».

– Вот какой заботливый стал! – покачал головой Петр.

– Ага! Будто не он меня в прошлом месяце по шее так своей ручищей двинул, что я два дня чувствовал.

– И не он матросов по лицу бьет, – добавил Николай Шелгунов.

– Ну и как же вы расстались?

– Очень просто. Я ему сказал, что бледность моя от того, что много занимаюсь, а мало бываю на воздухе. А он мне: «Ничего, Кузьмин, учитесь как следует, старайтесь. Будет у вас парусная морская практика, вот тогда уж вы надышитесь воздухом. Настоящим морским и вволю».

– Сказал тоже, – надул губы Лесли, – практика парусная. Когда она еще будет?

– Следующим летом, – подсказал Шелгунов.

– Ну вот! Эх, скорее бы! – заложив руки за голову и прикрыв глаза, мечтательно вздохнул Володя. – Так хочется выйти в море, почувствовать соленые брызги и ветер в лицо.

– Да! – отозвался Петр. – Ветер нашей надежды, а за кормой – чайки – души погибших моряков…

Кто знает, сколько бы еще продолжались их «занятия» в кабинете астрономии, если бы не одна история.

Накануне очередного увольнения, которое Петр собирался опять провести у тетушки, к нему подошел Николай Шелгунов.

– Куда собираешься завтра? – спросил он.

– Хочу сходить к тете Ане.

– Вот как. Жалко…

– Почему жалко? – удивился Петр. – У тебя есть другое предложение, Николя?

– Есть.

– Какое же?

– Ты, кажется, хотел узнать, кто такой П. Миртов?

– Конечно! – загорелся Петр. – Ты что-то узнал, Николя? Да говори же ты! Не тяни, ради бога.

– Я знаю человека, который знаком с ним.

– И кто же он?

– Мой отец.

– И ты все это время молчал?! – сделал большие глаза Петр. – Знал и молчал? Да как же ты мог? Где твоя совесть, Николя?

– Да я и сам этого не знал раньше, – смутился Николай.

– Чего не знал?

– Ну, того, что папа знает этого самого П. Миртова.

– Вот как! А как же узнал? Он тебе рассказал сам? Или…

– Послушай меня, Петр! – остановил Шмидта Шелгунов.

– Слушаю.

– В минувшее воскресенье я дома ночевал. Ну, как положено, снял форму, повесил ее. Переоделся в домашнее. А когда собирался в училище, стал одеваться, тут она и выпала из кармана, проклятая…

– Кто? Что выпала? – недоумевал Петр.

– Прокламация…

– Ты брал с собою домой прокламации?! – придя в ужас, прошептал Петр.

– Только одну…

– Но зачем?! Зачем?!

– Понимаешь, Петр, – сглотнув слюну, продолжал Николай. – У меня друг есть… Хороший парень. Думал, придет он в гости, а я ему в карман пальто положу. Ты не бойся, он честный человек. Не болтун. Честное благородное слово. Веришь?

– Ну и что же дальше? – все еще не в силах успокоиться, теребил Николая Петр. – Дальше что было?

– Друг не пришел, прокламация так и осталась лежать у меня в кармане. А когда я стал одеваться, она и выпала.

– Ну хоть никто не видел ее из твоих домашних? – с надеждой в душе спросил Петр.

– Отец…

– Ах, черт побери! – стукнув себя изо всей силы по колену, воскликнул Петр. – Все пропало!

– Нет! Что ты, Петр! Ты моего отца не знаешь. Он честный и порядочный человек и наши взгляды полностью разделяет.

– Ты говорил ему о нас?

– До этого не говорил. Но мы с ним не раз говорили о том же, о чем и с вами говорим. Ну, о трудовом люде, о рабочих, об эксплуатации… Он у меня знаешь какой?

– Какой?

– Настоящий.

– А где он служит?

– Он – профессор в Лесном институте и писатель.

– Понятно.

– Жизнь нашу, порядки в России папа совсем не одобряет. За это у него неприятности были. Он даже в ссылке наказание отбывал…

– Выходит, ты отцу доверяешь?

– Конечно! Полностью. Как самому себе. Потому и о нас рассказал, и о гектографе.

– И о гектографе?!

– А куда было деваться?

– И что сказал отец?

– Сказал, что мы молодые балбесы и сосунки, – криво усмехнулся Николай.

– То, что балбесы – это точно. Так провалить дело!

– Да ничего не провалено, Петька. Ничего, я тебе говорю. Вот увидишь.

– Как же не провалено, когда отец к себе меня вызывает?

– Совсем он не вызывает…

– А что?

– Приглашает.

– Ну, ладно. Так говоришь, что он знает Миртова?

– Знает. И нам с тобой о нем как раз и собирается рассказать.

– Понятно. Раз такое дело, то визит к тетушке придется отложить. Может быть и Кузьмина с Лесли с собой возьмем?

– Нет. Папа просил, чтобы мы с тобой только вдвоем пришли, а им пока ничего не говорили.

– Хорошо.

Готовясь к увольнению, Петр немного успокоился. Обдумывал варианты, как будет объяснять профессору Шелгунову историю с гектографом и прокламацией. Врать он никогда не умел и всегда испытывал большие трудности, когда к этому толкали его какие-то обстоятельства. А они все-таки нет-нет да и встречались в его жизни. Вот и сейчас, что он должен говорить отцу Николая? Не скажешь же, что целью своей жизни решили избрать борьбу за свободу трудового люда и все. Тогда, выходит, все разговоры о любви к морю, мечта стать морским офицером – это ложь, выдумка, чтобы прикрыть, замаскировать основную, настоящую цель. Нет, так не пойдет. Тут они и сами еще как следует не разобрались, что является главным, а что не главным. К тому же, может быть, профессор и спрашивать ничего такого не будет, а просто отругает их как следует и его, Петра, как одного из зачинщиков, пригрозит чем-нибудь. Тогда нужно молча выслушать страстную речь представителя старшего поколения, поколения отцов, и все. А потом уже думать, что делать дальше и с кем.

В действительности все получилось совсем иначе. Отец Николая своим суровым внешним видом вначале и вправду заставил Петра несколько поволноваться. Еще бы! Большие усы, оседлавшие верхнюю губу рта, широкие брови, из-под которых, не мигая, смотрела на тебя пара внимательных, показавшихся вначале строгими и даже злыми глаз, придавали выражению его лица некую свирепость. Но это ощущение длилось лишь какое-то мгновение.

– Папа, – представил гостя Николя, – это Петя. Петр Петрович Шмидт, о котором я тебе говорил.

– Очень приятно, молодой человек, – кивнул хозяин. – А я Николай Васильевич Шелгунов, отец вашего коллеги и, надеюсь, будущего покорителя морей и океанов.

– Ну, папа! – смутился Николя. – Я же просил!

– Не буду, не буду! – поднял руки Николай Васильевич. Улыбка, озарившая его лицо, смыла только что пугавшую маску свирепости, явив взамен прятавшиеся под ней радушие и веселость. – Прошу в гостиную, молодые люди. Устраивайтесь поудобнее и чувствуйте себя как дома. Вы же, Петр, как мне сообщил Николай, не коренной петербуржец?

– Нет, – стараясь незаметно окинуть взглядом гостиную, ответил Петя. – Я родился в Одессе.

– Знаю, знаю ваш прекрасный город.

– Только последние годы наша семья живет в Бердянске.

– Это на Азовском море, кажется?

– Да.

– Слышал и о Бердянске добрые слова как об уютном городке и курортном месте с прекрасными лечебными возможностями.

– У нас очень ласковое и теплое море и замечательные песчаные пляжи, – с явной гордостью сообщил Петр.

– Неужто лучше, нежели в Одессе? – с хитринкой в глазах уточнил Николай Васильевич.

– Нет, – смутился Петр, – в Одессе, конечно, тоже хорошие пляжи, но наш бердянский песочек, пожалуй, чище, нежнее и мягче.

– Ну что ж, как говорится, всяк кулик свое болото хвалит, – рассмеявшись, заметил Николай Васильевич. – Да вы не смущайтесь, Петр. Это же так естественно любить свою родину, край, где ты родился и где живешь. Я ведь тоже такой. Влюблен в наши русские леса. А у вас там, в Приазовье, этого богатства, поди, не шибко много?

– Лесов у нас нет, – разведя руками, признался Петр.

– Ну вот! В каждом краю – свое богатство, а вместе – несметные сокровища, которыми сказочно богата наша русская земля. Остается только разумно, с толком использовать его и пойдет набирать обороты Россия-матушка так, что никому ее не догнать.

– Тогда, может быть, не станет нищеты и бедности, которые повсюду видны, в какой край не поедешь, – забросил пробный камешек Петр.

– Вот, вот, – тронув кончиками пальцев усы, вздохнул Николай Васильевич.

– А как вы думаете, Николай Васильевич, – продолжал Петр. – Наступит такое время?

– Когда-нибудь наступит. Обязательно наступит. Весь вопрос только – когда это произойдет. Для этого ведь многое сделать надо. Очень многое. Одному поколению никак не управиться. Никак.

– Но нельзя же и сидеть сложа руки.

– Это точно, – Николай Васильевич бросил быстрый взгляд на Петра, затем подмигнул сыну, добавив: – Но и торопиться тоже не следует. Как говорится, поспешишь – людей насмешишь. Согласны?

– Согласны, – отозвались одновременно Петр и Николай.

– Ну вот. Говорите, что согласны, а сами спешите, торопитесь.

– Почему это торопимся? – вскинулся Петр.

– Давайте разберемся.

– Давайте.

– Вот вы, как мне стало случайно известно, «Историческими письмами» увлеклись?

– А разве это плохо? – не сдавался Петр.

– Я этого не сказал, – остановил его Николай Васильевич. – Письма, действительно, интересные и заслуживают того, чтобы с ними ознакомились интеллигентные люди и, в первую очередь, молодежь.

– Ну вот видите! – обрадовался такому признанию Петр. – Вы, может быть, и автора этих писем знаете, Миртова?

– Знаю.

– Расскажите о нем, Николай Васильевич! – зажегся Петр. – Кто он? Слухи ходят, что он якобы морской офицер. Так ли это?

– Признаюсь вам, друзья, что я давно знаком и глубоко уважаю интересующего вас человека. Миртов – это псевдоним. А зовут его, как и тебя, Петр, Петр Лаврович Лавров. Он действительно офицер, но не морской, а артиллерийский и чину высокого – полковник.

– Ого! – не удержался Петр.

– Кроме того, Петр Лаврович прекрасный математик. Он долгое время преподавал этот предмет в артиллерийском училище в Петербурге. Прекрасный знаток философии, блестящий литератор, любимец и защитник студенческой молодежи. За что и пострадал. Участник движения народовольцев. Слыхали о них?

– Конечно! Мы знаем, что 1 марта прошлого года Андрей Желябов, Софья Перовская и другие народовольцы убили царя Александра II, а 3 апреля их казнили через повешенье на Семеновской площади.

– Да-а-а! Это были удивительнейшие люди. У-ди-ви-тель-ней-ши-е! Да-с.

– Герои?

– Безусловно. Абсолютно бесстрашные и, главное, бескорыстные.

– Ведь та же Соня Перовская – девушка из богатой семьи. Отец в прошлом – губернатор Петербурга. Все, казалось бы, есть. А она уходит в народ, терпит страшные лишения во имя него и, наконец, отчаявшись, становится на путь цареубийства. Совершен роковой шаг, пролита кровь, она

сама на пороге ужасной смерти. И все же остается человеком, сохраняя женственность, нежность к самому дорогому для себя человеку – ее матери. Эх, ребята, ребята! Откуда все это у молодой женщины, почти девчонки?! Где

она силы физические и душевные черпала? Я читал письмо Сони к Варваре Степановне, ее матери, накануне суда. Читал и, признаюсь вам, плакал.

Николай Васильевич замолчал и некоторое время сидел, опустив голову и кусая от охватившего его волнения губы. Молчали и Петр с Николаем.

– У вас есть письмо Перовской? – нарушил молчание Петр.

– Что? – подняв голову и удивленно взглянув на него, переспросил старший Шелгунов. – Ах, письмо! Нет, самого письма нет. Но его списали мои… знакомые. Хотите познакомиться?

– Если возможно.

– Я постараюсь, Петр…

Уже давно остыл чай, поданный мамой Николя, к которому они так и не прикоснулись.

– Ведь Софья Перовская стала первой женщиной на Руси, с которой так жестоко расправилось царское правительство. Первой! Вы слышите? Раньше также совершались преступления, в том числе и женщинами. Но ни один из царей не отважился на то, чтобы позволить себе казнить женщину через повешенье и при этом публично, на виду у всех. Это ли не верх варварства нашего, верх дикости?!

– Борьба требует жертв, – подал голос Шелгунов-младший.

– Жаль только, что эти жертвы напрасны, – вздохнул отец.

– Как же так?! – воскликнул Петр. – Ведь они же жертвовали собой ради других, ради народа.

– А что изменилось в результате этой жертвы? – тут же парировал Николай Васильевич. – Рухнул царизм? Сменился государственный строй в России? Трудящемуся люду стало легче жить?

– Нет, но все же… – начал было Петр.

– Что все же? Ответьте, пожалуйста, что изменилось? Насколько убийство одного человека, пусть и такого, как царь, приблизило трудящихся к победе? А в результате погибли несколько молодых, безусловно, способных, наверняка талантливых людей, которые могли бы принести пользу трудящимся, своему народу, с мыслью о которых они приняли свою смерть.

– Но они все же герои.

– Да, герои. Однако этот героизм безрезультатный. Почему особенно больно и обидно за напрасно погибших молодых людей.

Николай Васильевич опять умолк, о чем-то задумавшись.

– Я заговорил с вами, друзья, на эту больную для себя тему не случайно. Заговорил потому, что к такому же безрезультатному финалу можете прийти и вы, ведя свою необдуманную деятельность.

Петр поднял голову и посмотрел прямо в глаза Шелгунову-старшему.

– Да, да, – покивав головой, подтвердил тот. – Именно необдуманную. Я бы сказал, мальчишескую.

– Папа!

– Ты не согласен, сын?

– Нет.

– Давайте разберемся. Вы решили путем публикации на гектографе прокламаций донести до сведения своих соучеников мысли, изложенные в «Исторических письмах». Я согласен, что мысли эти интересные. К слову, Петр Лаврович Лавров – одна из светлейших голов среди народовольцев. Он решительно выступает против террора, считая, что таким образом общества не изменить и прогресса не добиться. Да будет это вам известно. Те самые «Исторические письма» он писал в Вологодской губернии, где отбывал свою ссылку. Там же, в то время и по той же причине находился и ваш покорный слуга. Правда, я пребывал в самой Вологде, а Петр Лаврович – в таких медвежьих уголках, как Татьина и Кадников. Однако нам довелось с ним несколько раз встретиться и иметь беседы. Повторяю, это одна из самых ярких личностей среди народников. Так вот. Вам хорошо известно, что его «Исторические письма» были опубликованы в «Неделе»?

– Известно. Мы же оттуда… – начал было Петр.

– Прекрасно! – остановил его Шелгунов-отец. – Тогда скажите на милость, зачем вы решили издание, опубликованное легально, перепечатывать и распространять тайно на гектографе?

– Так их же не все читали, папа!

– Допустим. Тогда почему не посоветовать своим надежным товарищам найти то, что читали сами или даже помочь им в этом?

– Мы думали… – пробормотал Петр.

– А вот в этом я как раз сомневаюсь, молодые люди. Сильно сомневаюсь.

– Так что же нам делать, Николай Васильевич? – чувствуя, как пылают его щеки, выдавил из себя Петр.

– Что делать? Прежде всего осторожно извлечь из вашего потаенного места дурацкий гектограф. Ведь, не дай Бог, кто-либо из ваших соучеников узнает о нем да шепнет начальству, вас же с треском вышибут из училища. И тогда – прощай навеки мечта о морской службе, а то могут и в жандармское отделение для знакомства пригласить. А там и обо мне, грешном, вспомнят. Непременно вспомнят. Политика – дело суровое.

– Выходит, сидеть тихо как мыши?

– Зачем же?! Учитесь.

– Мы и так учимся, папа. И, кажется, неплохо.

– А должны отлично учиться. Ваши знания и умения в будущем могут очень пригодиться.

– Но дело…

– Дело, революцию нужно делать умеючи. К ним тоже готовиться надо. Жизнь, практика подтвердили, что тот путь, которым шли народники, это путь в никуда. Нужно искать другой.

– Он есть? – спросил Петр.

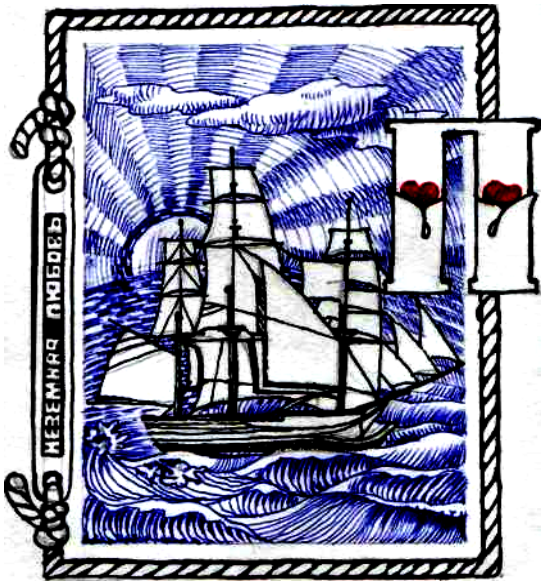
– Есть, есть.

– Какой же, Николай Васильевич?

– Ну, друг мой, ты хочешь узнать все сразу, – засмеялся Шелгунов-старший. – Хочешь немедленно получить ответы на все вопросы, которые у тебя возникают. Так не бывает. Всему свое время. Терпение и труд все перетрут.

По дороге к училищу ни Петр, ни Николай не проронили ни слова. Только миновав проходную, Петр негромко произнес:

– Отец твой прав, Николя. Мы и вправду еще мальчишки. Глупые мальчишки.



6.

опутный ветер словно по заказу наполнял паруса и красавец корабль скользил по водной глади, что сказочной мечтою детства стелилась перед завершавшими свой первый дальний поход воспитанниками-кадетами Морского училища. Где-то позади осталась столица Дании Копенгаген – первый порт, который посетили они в самом начале. Там их тогда встречала бронзовая русалочка, загадочно улыбаясь мальчишкам, приплывшим из далекой России, которые приближались к своей взрослости, оставляя за кормой остатки полудетского отрочества с его необузданной претенциозностью и бездумной готовностью на любой отчаянный шаг, сулящий признание в обществе. Оттуда на них с непонятной грустью смотрели окна дома, в котором некогда жил великий кудесник Андерсен, творивший дивные кружева своих сказок, которым суждено было завоевать весь детский мир планеты по имени Земля. Затем был французский Гавр, неподалеку от которого находился город Руан с его чудесным собором в стиле пламенеющей готики и местом, где некогда сожгли героическую Жанну д-Арк, в котором из-за нехватки времени им не удалось побывать.

– Эх, жаль-то какая! – сокрушался Николай Шелгунов. – Папа рассказывал, что собор необыкновенно красив…

– Собор, говоришь? – вглядываясь в таящий вдали французский берег, переспросил Петр. – Да Бог с ним, с тем собором. А вот на месте казни Жанны д-Арк побывать, конечно, следовало. Поклониться ее могиле, ее бесстрашию и мужеству следовало бы…

– О чем это вы шепчетесь здесь? – обняв за плечи Петра, спросил, неизвестно откуда явившись, Ставраки.

– Да так, – поморщившись и недовольно поведя плечами, отозвался Петр. – Просто так, ни о чем.

– А я думал, вы море заговариваете, чтобы не штормило, – убирая руку с плеча Петра, усмехнулся Михаил. – Боитесь, небось?

– Не без этого, – признался Шелгунов.

– Тебе-то чего бояться? – презрительно окинув взглядом Николая, сощурился Михаил. – Пусть себе штормит. – Ты ведь все равно храпеть будешь.

– Как то есть храпеть?! – задохнулся от возмущения Шелгунов. – Парусами кто заниматься будет?

– Парусами? Да кто нас пустит к ним в бурю? – покачал головой Ставраки. – Только мешать будем. Я уж точно знаю. Матросы-то зачем идут с нами?

– Значит, ты считаешь, Михаил, что мы здесь только в роли простых отдыхающих? – нахмурился Петр.

– Ну не отдыхающих, а так – путешественников-стажеров.

– Не думаю! – отрезал Петр. – По крайней мере, я себя таковым не считаю.

– А кем же, позвольте узнать, вы себя считаете, господин Шмидт? Может быть капитаном?

– Перестань ерничать! – рассердился Петр. – Ты прекрасно знаешь, что все мы сейчас рядовые матросы на судне и должны быть готовы в любых условиях выполнить то, что нам прикажут.

– Ладно, – махнул рукой Михаил. – Что-то вы сегодня слишком раздраженные, господа адмиралы. Покидаю я вас.

Он повернулся и, насвистывая какую-то мелодию, вразвалочку двинулся вдоль борта.

– Скатертью дорога! – сердито бросил ему вослед Шелгунов. – Вот же язва! Всегда настроение испортит.

– Да не злись ты на него! – видя, как смешно сопит не на шутку расстроенный Николай, рассмеялся Петр. – Ну такой он человек, этот Ставраки.

– Паршивый человек! – продолжал кипеть Шелгунов. – Злой, как тот Тролль в сказке Андерсена. Помнишь?

– Конечно, помню. Ну, да ладно. Оставим его. Лучше давай любоваться морем, пока оно ласковое и доброе.

А море уже готовило им сюрприз. После стоянки в английском Тильбери они снялись с якоря тихим утром, которое ничего плохого не обещало. Моросил почти обычный для этого островного государства дождь, навевавший легкую грусть. Но море было спокойно. Однако через несколько часов обстановка изменилась. Подул невесть откуда взявшийся ветер, и вызванные им на бесовское гульбище волны заходили, закружились в своем леденящем человеческую душу и выворачивающем ее, что называется, наизнанку хороводе.

– Все по местам! – последовала команда с капитанского мостика. – Паруса снимать!

Матросы, а вместе с ними и воспитанники-кадеты, бросились к своим местам, определенных расписанием. С замирающим сердцем Петр взбирался по шаткой веревочной лестнице вверх и, отгоняя от себя страх, до боли кусал ставшие вдруг горьковато-солеными от морских брызг губы. Было такое ощущение, будто он находится на каких-то гигантских качелях, которые раскачивали его из стороны в сторону, стараясь лишить тело зыбкой опоры и швырнуть изо всей силы куда-нибудь в тартарары, откуда уже никогда не выбраться. Вот сейчас, сейчас ослабнут его руки, оставят то, что связывает его, Петра, с кораблем, со всем этим миром и с жизнью и тогда… тогда – все. Тогда уже ничего не будет. Но, нет! Он удержится! Он обязательно справится и будет жить. Между тем, руки, его руки, не только не собирались слабеть, но, казалось, становились все сильнее. Автоматически, не дожидаясь команды, они не только удерживали его самого, но успевали делать еще какие-то нужные дела.

Наконец, паруса были убраны, и они опустились на палубу. Последовала команда кадетам следовать в кубрик. У трапа Петр наткнулся на Гиляровского, Ставраки и Лесли, которые вовсю травили, мучимые морской болезнью. Обойдя их, он почувствовал, что и у него кружится голова, и начинает подташнивать.

– Неужели и мне придется? – вяло подумал он. Пошатываясь и то и дело ударяясь о какие-то предметы, Петр добрался до своего места. Сбросил промокшую до нитки робу и с трудом взобрался на свою подвесную койку. Прикрыл глаза, стараясь уснуть, но сон не шел. Сжав до боли зубы, стал вслушиваться в звуки, которые доносились до него. Казалось, все вокруг, каждая деталь скрипели и покряхтывали, изо всех сил сопротивляясь разбушевавшейся водной стихии, что наваливалась на их корабль, швыряя его из стороны в сторону.

– Ну вот оно и пришло, мое первое крещение, – подумал Петр, – мое знакомство с океаном…

Незаметно сон сморил его.

Утром чертовски болели все мышцы. Но голова была ясная, а душа ликовала и пела: он выдержал! Он победил свой страх, не дав ему выползти наружу и проявить свою мерзость! Окинул взглядом товарищей. Как будто бы у них порядок. Уже в полной готовности Шелгунов. Чему-то смеется Лесли. Да, теперь их осталось трое: Кузьмин серьезно заболел и его, к большому огорчению друзей, отчислили из училища.

– Пропусти! – послышался недовольный голос сзади. Петр обернулся. Рядом стоял с лицом зеленым как у лягушки Ставраки.

– Доброе утро, Михаил! – поздоровался Петр.

– Какое там, к черту, доброе! – буркнул Ставраки. – Всего вывернуло наизнанку.

– Выходит, не понравилась тебе Атлантика? – усмехнулся Петр.

– Ну ее к дьяволу! – махнул рукой Михаил и тут же поинтересовался: – А ты как? Небось, тоже все внутри дрожит?

– Нет. Все нормально.

– Счастливчик!

Дальнейший маршрут они прошли без приключений. Ненадолго останавливались для заправки пресной водой в испанском порту Кадис, захватив который в свое время римские легионеры соорудили на берегу Атлантического океана памятный столб с надписью: «Дальше ничего нет!» Откуда им тогда было знать, что где-то за океаном существует огромный материк, путь к которому еще предстоит проложить Америго Веспуччо с Магелланом? Посетили столицу Португалии Лиссабон, полюбовавшись огромной, чуть не в полнабережной, картой великих географических открытий, а также музеем карет. Побывали и в итальянском порту Неаполе, где все дышит историей, и в турецком Стамбуле, который некогда был столицей великой Византии Константинополем, откуда пришло на Русь православие.

Миновав Гибралтар и потревожив воды Черного моря, корабль приближался к Одессе.

– Ну вот, – трещал без умолку Ставраки, уже позабывший о недавно пережитом страхе и конфузе. – Завершается наш первый дальний поход, господа будущие адмиралы. Через несколько часов наш корабль бросит якорь и вы сойдете на берег, окажетесь в лучшем городе России. Да что там России! Мира! Да, да, господа. Я не шучу. Именно такова Одесса. Прошу это запомнить…

– Будет тебе паясничать, Мишка! – не выдержал Петр. – Все уши прожужжал о своей Одессе. Будто в России совсем нет других достойных городов.

– Что ты понимаешь в городах, Шмидт? – надул губы Михаил.

– Да где уж нам!

– А что? – бросился в атаку Ставраки. – Разве не так? Ты же, кроме Бердянска своего, по сути дела нигде не бывал.

– Ну почему же? – вступился за другое Лесли. – Петр и в Одессе твоей жил, и в Петербурге теперь…

– Теперь не считается, – перебил его Ставраки. – А в Одессе Петька жил очень давно, когда у нас еще все по другому было.

– Ладно, – не желая ссориться с Михаилом, махнул рукой Петр. – Никто с тобой, Мишка, не спорит. Одесса славный город. Но у нас есть еще другие города, каждый из которых мы любим не меньше, чем ты свою Одессу.

В оставшееся до поезда время Петр с жадностью и некоторой ревностью оглядел знакомые с детства места. Полюбовался громадой порта, Потемкинской лестницей. Побывал в Струдзовском переулке у дома, где когда-то жила их семья. Правда, в сам дом войти не решился. Зачем тревожить прошлое? Ведь тех, кого ему очень хотелось увидеть сейчас рядом с собой, он здесь все равно не встретит. Так что пусть себе этот старый дом стоит и живет своей новой, неизвестной ему жизнью.

На вокзал пришел перед самым отходом поезда. За день много пришлось ходить, и Петр чертовски устал, а посему, как только представилась возможность, прилег, решив, что будет спать. Но сон, как назло, долго не шел. Прикрыв глаза, неторопливо перебирал в памяти события последних дней и те разговоры, которые велись в походе. Всплыл их последний спор с Мишкой.

Конечно, Бердянск в самом деле с Одессой не сравнить. Тут Мишка прав. Она и размером больше, и диковин, красот всяких там много. Разве сравнишь их, Бердянский порт, с тем, Одесским, с его множеством кораблей, то находящихся под загрузкой, то терпеливо ждущих очереди, чтобы освободить свои трюмы от товаров, которые доставляются в Россию со всех концов света? Ах, как здорово всматриваться во флаги, что реют на корабельных мачтах, читая по ним словно по почтовым конвертам, откуда, из-за каких морей и океанов прибыл тот или иной гость. Их, этих самых стран, великое множество. Попробуй запомни флаги каждой из них. А настоящий моряк это должен уметь. Мечтая с раннего детства о морской службе, Петя уже тогда, в Одессе, учился различать по флагам адреса мореходов. А величавая Потемкинская лестница? А оперный театр? Да что там говорить! Мишка Ставраки не напрасно гордится своей Одессой.

Но ведь и Бердянск есть за что любить. Есть море, хоть и не такое большое, как Черное, но зато теплее. И песок на косах и пляжах бердянских, пожалуй, много нежнее. Наплаваешься, бывало, вволю, замерзнешь так, что зуб на зуб не попадает. А выйдешь из воды и, едва опустишься на прожаренный солнышком песочек, – никакой тебе перины не нужно. Чем тебе не рай? А театр… Ну что театр? Он и в Бердянске есть. Не такой большой, как в Одессе. Но хороший, тоже красивый. И бердянцы любят его, с гордостью рассказывая приезжим, что он почти точная копия Одесского театра и Венского. Того самого, что в столице далекой Австро-Венгрии. Конечно, поменьше этих. Но зачем же, скажите на милость, Бердянску такие махины? Набьется в такую громадину публика всякая. Пойди ее привези вначале, а потом развези по домам. Это ж сколько для такого дела экипажей, сколько лошадей нужно? А шуму сколько? Нет, ни к чему это бердянцам, которым по душе больше тишина и покой. Так что им и своего небольшого театра вполне достаточно. Что же касается всего остального – скажем, рыбы всякой – осетр там, бычек, камбала – так этого добра в Азовском море, пожалуй, не меньше, чем в Черном. Так-то.

Главное же не в этом даже. В Бердянске у Пети свой дом, своя семья – отец и сестренки.

Их семья… Только теперь осиротевшая, без мамочки. Спит она, их родная, в земле сырой на кладбище, что на горе.

С визита к ней он, Петя, и начал. Не мог иначе. Особенно после того, когда сестры сообщили ему о том, что у отца роман с дочерью известного промышленника Ольгой Николаевной Бутенап, стало невыносимо больно за маму, которую, как тогда ему казалось, отец предает. Потом, все хорошенько

взвесив, он по-иному взглянул на это. Отец ведь живой человек. Они, его дети, уже почти взрослые. Вот уже Машенька собирается замуж. Еще немного и они с Асей тоже покинут родное гнездо. А как же ему, отцу быть? Оставаться по-прежнему одному? Горевать в одиночестве? Нет, так, кажется, тоже не годится. Будь с ним рядом мама, даже как тогда больная, он не стал бы ей изменять. Никогда. Отец ведь так любил ее! Да и сейчас не забывает. Ну а что касается его самого, его романа, то пусть уже поступает так, как ему сердце подскажет. Так он, Петр для себя тогда решил. И когда отец сообщил детям о том, что собирается вступить в брак, Петр воспринял это известие уже более или менее спокойно. Только маму, его мамочку было особенно жалко.

Подъезжая к городу, попросил возницу остановиться. Собрал два букета полевых цветов (их больше всего любила мама, говоря, что они вольными ветрами степными обласканы) и с ними, оставив у кладбищенской ограды тарантас, направился к мамочке и маленькой Лизочке.

Когда шел к могилам, сердце так гулко стучало, что, казалось, этот стук слышат не только живые, но и ушедшие из жизни, которые там лежат. Все и, конечно, – мама. Услышит и встанет, явится к нему, своему сыну. А он расскажет ей, как жил все это время без нее, что делал. От этих мыслей, от ожидания чуда, которое хоть один раз должно же было случиться, в душе у него такая радость вдруг поселилась и ноги сами, заспешив, понесли его к тому знакомому месту. Подошел, остановился и ждет. Вот сейчас… Сейчас это должно случиться… Он даже глаза зажмурил. Почему? Зачем? Да кто же его знает! Чудо оно ведь и есть чудо, потому что никто не знает, откуда оно, как и зачем является. Только на этот раз не суждено, видно, было ему встретиться с ним. Вокруг тишина такая, что слышно, как листок о листок трется, касаясь друг друга своими зелеными щечками, и бабочка крылышками машет, перелетая с травинки на травинку. Постояв какое-то время, открыл он глаза. Стоит один, а рядом в оградке – два могильных холмика. И ему, Пете так одиноко, так тоскливо стало, что он заплакал.

Немного успокоившись, положил букетики свои, прошептав: “Спите спокойно, родные!” Поклонился до земли и усталый, обессиленный, словно от тяжелой и долгой работы, медленно побрел к выходу…

Первые дни пребывания в Бердянске, конечно, после объятий и поцелуев с родными, были отданы друзьям. Они с Антоном, когда того отпускал отец, освобождая от рыбацкой работы, и в море не раз ходили, и накупались, и наговорились вволю! Подолгу просиживал и у постели Израиля. Он, оказывается, весь год сильно болел и даже в разгар лета почти не выходил из дома.

– Кепские мои дела, хлопцы! – выдавил из себя Израиль, слегка отдышавшись после очередного приступа кашля, который душил его как раз тогда, когда Петр с Антоном в первый раз пришли навестить больного.

– Ничего, ничего! – старался успокоить его Петр, пытаясь придать своему голосу бодрость и беззаботность, к которым совсем не располагал

внешний вид друга. – Целое лето еще впереди. Ты пока слаб. А вот наберешься сил, и воздух как следует прогреется. Ляжем мы с тобой – на тепленький песочек и будем груди греть. Мне ведь тоже эту штуку врачи советуют. Да и Антону, думаю, не помешает. Правда?

– Угу, – не поднимая глаз, отозвался Антон.

– Ну вот! – продолжал Петр. – А там и совсем поправишься. Возьмем шлюпку, поставим парус и двинем втроем на Дзендзик. Наш остров, наверняка, соскучился по нас.

– Хорошо бы! – облизав кончиком языка пылющие жаром губы, криво усмехнулся Израиль. – Только вряд ли мне, хлопцы, уже доведется добраться туда. Скорей попаду на гору, к маме твоей, Петя.

– Ты это брось! – накинулся на него Петр. – Слышишь, Изька?! И думать так не смей. Понял?

– Понял, – махнул рукой Черников и тут же попытался перевести разговор на другую тему. – А тебе, Петь, форма морская идет. Чистый адмирал. Скажи, Тоша?

– Еще бы! – улыбнулся Антон. – Сейчас шли к тебе, так трое гимназисток на него так смотрели…

– Ну что ты такое говоришь, Антон! – зарделся Петр.

– А разве не так? – наступал на него Антон. – Может, не было тех гимназисток?

– Были, – согласился Петр. – Только вовсе не на меня они смотрели.

– Тогда на кого? Может, на меня?

– Почему бы и нет? Кто на меня, петербургского замухрышку, смотреть станет? А вот ты – парень хоть куда: загорел и бицепсы вон какие накачал.

Петр хитрил. Хитрил, потому что узнал одну из трех гимназисток, встреченных им с Антоном. Это была Женя Тилло. Он давно приметил эту темноглазую девочку, которая еще до отъезда на учебу в Петербург чем-то привлекала его. Петр и сам себе не мог как следует объяснить, почему именно из всех девочек женской гимназии он выделил именно ее. Красива? Да, конечно! По крайней мере, ему так кажется. Может быть, кто-то с ним и не согласится. Ну, как он, к примеру, не согласился с Мишкой Ставраки, когда тот, увидев идущую им навстречу девушку, даже рот от изумления открыл.

– Ты посмотри, какое чудо! – прошептал, облизав губы, он и, обернувшись, будто влекомый магнитной силой, стал смотреть вслед уходящей.

Петр же в ней никакого чуда не увидел. Обыкновенная девушка. К тому же слишком высока и, кажется, слегка косоглаза. Чем же здесь восторгаться? А вот Мишка, очевидно, нашел. Ишь как смотрит. Глаз оторвать не может, даже шею как гусак вытянул.

– Вот это да! – проводив взглядом девушку, выдохнул Мишка, поглаживая затылок. – Видал какая?

Петр, усмехнувшись, неопределенно развел руками.

– Те-е-ебе не понра-ви-лась?! – возмущенно пропел Мишка.

– Девушка как девушка, – пожал плечами Петя.

– А ножки?! А фигурка?! – наступал на него Мишка. – Нет! Вы посмотрите на него! Тогда кто же по твоему красавица? Какая она?

Ну что ему он, Петя, мог тогда ответить? Какая? Самой большой красавицей для него была мама. И сестры, конечно, Мария и Анна, которую в их семье зовут ласково Асей.

– Девушка, конечно, хорошая, – не желая ссориться со Ставраки, ответил Петя.

– Хо-ро-ша-я! – передразнил его Мишка и презрительно добавил: – Хотя где тебе понять, Петька. Ты же еще нецелованное дитя.

– А ты уже не такой? – нахмурился Петр, почувствовав, как лицо его вспыхнуло от возмущения. – Ты, скажешь, уже другой?

– Да уж как-нибудь пограмотнее твоего, – подергав кончиком носа, заважничал Ставраки. – Кое-что знаю, кое-что повидал…

– Может быть, и в «веселом доме» побывать успел? – прищурив глаза, спросил Петр.

– Ты что?! – опешил Ставраки. – Скажешь такое…

Высокомерие и гонор, которые только что демонстрировал Мишка, буквально в одно мгновение слетели с него. Вспомнив ту неприятную историю, когда Петр отбрил Гиляровского и Васильева, хваставших своими визитами в публичный дом, о которых потом долго говорили кадеты, в большинстве своем явно осуждая незадачливых «мужчин», Михаил совсем не желал оказаться в их положении.

– Ты что, Петька?! – облизав ставшие вдруг сухими губы, пробормотал он. – Разве я такой? Разве я позволю? Я же пошутил…

– Ладно! – тряхнул головой Петр, которому уже стало жалко Ставраки. – Раз не такой, то и не будем больше об этом. Мы с тобой куда собрались сходить?

– В домик Петра, – все еще не преодолев растерянности, робко ответил Михаил.

– Ну вот. Так идем или нет?

– Конечно, идем! – обрадовался Михаил.

В душе он не очень осуждал Гиляровского и Васильева и тогда, и потом, считая, что ничего страшного они не совершили. Ну, подумаешь, сходили пару раз в бордель. Что здесь такого? Разве они одни этим занимаются? Да наверняка же каждый второй офицер, имеющий деньги, там бывает. Однако вслух заговорить об этом Михаил не решался, как не решались и другие. По крайней мере, в присутствии компании Петра Шмидта, к которой, как считалось, в какой-то мере принадлежал и Ставраки. Откалываться же от Петра, Николая и Владимира, завоевавших авторитет и по своим знаниям, и по независимости суждений, да и поведения, Михаилу явно не хотелось. Не хотелось, хотя по-настоящему другом своим они никогда его не считали. Более того, он не раз ощущал их неприязненное отношение к себе. Порой

даже обижался или только делал вид, что обиделся. Мог по несколько дней не подходить к ним. Но и с другими ребятами сблизиться ему почему-то тоже не удавалось. Мучаясь одиночеством, он через какое-то время вновь прибивался к ним, стараясь прятать свою обиду.

Получалось так, что Ставраки, пребывая с ними рядом, жил какой-то своей, особой и непонятной им жизнью, с душой задраенной, что называется, наглухо. Попыток открыться, рассказать, чем живет, чем болит его душа, сам он никогда не предпринимал. Да и у них желания проникнуть туда, по правде говоря, тоже не возникало. Они просто привыкли к его существованию, скажем, так же, как привыкают матросы к существованию того же боцмана: от него никуда не денешься, а посему приходится терпеть. Правда, при этом возникало одно обстоятельство, которое постоянно беспокоило Петра. В присутствии Ставраки он постоянно чувствовал какую-то скованность, испытывал необходимость тщательно продумывать каждое слово, каждое действие, был настороже. Словом, он переставал быть самим собой. А это было трудно. Да, да! Именно трудно. После долгого общения со Ставраки он и в самом деле чувствовал усталость, как после тяжелой и трудной работы.

Почему так получается? Почему такого он никогда не испытывал, общаясь с теми же Владимиром и Николаем, или бердянскими своими друзьями Антоном и Израилем? Ведь каждая встреча с ними – это настоящий праздник. С ними ты чувствуешь себя легко и просто. Говоришь, не задумываясь о том, как тебя поймут, не найдут ли в твоих словах чего-то другого, совсем не то, что ты хотел сказать. С ними становишься сильнее, а, расставаясь, мечтаешь о новой встрече.

И вот, что интересно. Раньше ему казалось, что друзьями его могут быть только мальчишки. Нет, нет! К девочкам он всегда относился уважительно. Этому его учил отец, говоря, что женщины – слабый пол и долг их, мужчин, защищать слабых, всегда приходить на помощь. Да и сама обстановка в семье способствовала тому: что ни говори, а ведь мужчин только двое – отец и он, Петя. Так что он и помочь был готов Маше, Асеньке и, конечно, маме. И заступиться, если потребуется. А как же! Он любил их всем сердцем как самых дорогих и близких. Но, чтобы дружить с сестрами, не говоря уже о чужих девочках, дружить так, как он дружил с мальчиками, такого не было. Да и не могло быть. Почему? Ну, хотя бы потому, что девчонки принадлежат к совсем другому миру, нежели они, мальчишки. Разве мог он позвать ту же Асю мастерить самодельную пищаль, а потом, набив трубку ее ствола серой от спичечных головок, стрелять, забравшись куда-нибудь в глухое место? Конечно же, нет. Брать с собой сестру, девчонку, на такое заведомо опасное дело? Рисковать ее здоровьем, а может быть, и жизнью? Нет. Такого он и в мыслях себе не позволял. А вот с Антоном и Израилем они это делали. И не только это. К тому же не задумываясь о возможных последствиях. Не бояться опасности и смело идти им навстречу – таков долг мужчины, таков их характер. И тайны их особые, которые они так тщательно оберегают от девчонок.

Однако все же есть в девочках что-то такое, что позволяет им, мальчишкам, сбросив с себя мундиры напускной лихости и геройства, которые, надо признать, они нередко одевают на себя ради того, чтобы выглядеть перед теми же девочками иначе, взрослее, мужественнее, вдруг становиться самими собой, делясь с ними самым сокровенным. Так раскрепощенно, легко и просто он, Петр, чувствовал себя когда-то только с мамой в далеком, давно уплывшем от него детстве. Да, да! Именно тогда они, оставшись одни в доме и устроившись на диване, подолгу беседовали с мамой. Вернее, больше всего говорил-то он сам, а мама слушала его. Но слушала как-то по особенному, то поощряя его улыбкой либо кивком головы, то заставляя задуматься над сказанным ее легким покачиванием или удивленно поднятыми бровями. Иногда мама роняла несколько фраз, выражая несогласие с какими-то действиями сына. Нет, нет, это не были те нудные нравоучения, которые иногда любят читать провинившимся ученикам некоторые педагоги. Слушая маму, Пете порой казалось, что она произносит слова, которые рождаются в нем самом, каким-то удивительным образом читая их для него. И голос ее рождал особое чувство единения, слитности их двоих в одно целое. Казалось, что это не она, а сам он говорит с собой, глядясь в собственную душу, как в зеркало.

Ах, как ему не хватало этого ощущения все последние годы! Да, да! Именно не хватало. Он особенно это ощутил, когда вновь очутился после долгого отсутствия в родном доме, в первые дни приезда в Бердянск. Мачеха, хоть и встретила его с медовой улыбкой на губах, но по-настоящему теплого, не говоря уж о материнском отношении, он так и не почувствовал. Напротив, от Ольги Николаевны почему-то всегда веяло холодом и настороженностью.

— Отчего так? — думал Петр. — Что я ей сделал плохого? Может, она думает, что я буду претендовать на повышенное внимание к себе отца? Так ведь я уже не маленький. Все понимаю. Может, Ольга Николаевна боится, что отец будет со мной более ласков, нежели с ее сыном? Вот чудачка!

Настороженность мачехи какими-то каналами передавалась ее сыну, который дичился своего названного старшего брата. Да и отец как будто стал иным. Но может быть, это просто казалось Петру? Так это было или нет, трудно сказать. Только тепла, настоящего тепла, которого он так ждал, направляясь в Бердянск, он не ощутил. Тогда не ощутил.

А теперь? Теперь… теперь, кажется, оно появилось вновь. Появилось после встречи с Женей Тилло. Он это понял тогда, когда впервые проводил Женю домой. В тот вечер он встретил их с Асей на аллее молодого парка, заложенного по инициативе отца, градоначальника и начальника порта. Первые минуты после знакомства Петя чувствовал некоторую робость перед девушкой. Несколько скованной была и Женя. Потом это куда-то исчезло. На душе стало легко и просто. Казалось, они не только что познакомились, а знают друг друга уже очень, очень давно. Он много и, кажется, удачно шутил, рассказывал всякие истории из их морской жизни. Девушки слушали

его с большим интересом. Так, по крайней мере, ему показалось. Ахали, смеялись. Время летело быстро и незаметно.

– Ой, ребята! – опомнилась первой Ася. – А ведь мы в парке остались совсем одни. Пора домой.

– Уже пора?! – огорчился Петя. – Так детское же время.

– Ишь ты какой! – погрозила ему пальцем Ася. – Получишь от капитана I ранга выговор, сразу взрослость с тебя слетит.

– Так уж и выговор сразу, – отбивался Петя. – Давайте еще немного посидим, Асенька.

– Нет уж, решительно поднялась сестра. – Проводите вначале меня, а потом – Женечку. Согласен?

– Доставим к самому дому! – охотно согласился Петр. – В целости и сохранности. Как вы, Женя?

– Под такой охраной я буду чувствовать себя в полной безопасности, – улыбнулась ему девушка.

Проводив Асю, они с Женей отправились к морю и, устроившись на еще не успевших остыть гранитных глыбах, любовались лунной дорожкой и о чем-то говорили, говорили, говорили. О чем? Да он всего и не вспомнит сейчас. Тогда же это казалось очень важным и интересным. По крайней мере ему. А как же! Ведь Женя давно нравилась ему. Нравилась своей внешностью. Но что он знал о ней? По сути дела ничего. Тогда же она как бы открыла какую-то тайную дверь, дверь в свою жизнь. Открыла и провела по жизни его, Петра. И совершая вместе с ней это волшебное путешествие, он был очарован своей новой знакомой, ее открытостью и какой-то, как ему казалось, незащищенностью. Да, да! Именно незащищенностью. Она чувствовалась во всем – и в том, как она сидела на камне, обхватив руками коленки, и в задумчиво-печальном взгляде, устремленном куда-то вдаль безбрежного моря, которое осторожно ласкало берег своими губами-волночками, и в ее голосе. Он, этот ее голос, напоминал Петру робкий ручеек, который на своем пути к желанной реке может встретить множество преград, грозящих в любой момент прервать, остановить его бег, а то и вовсе загубить. Ах, как ему хотелось, чтобы в момент опасности, которая (не дай Бог!) встретится на Женином пути, он оказался рядом с ней. Уж он-то наверняка сможет прийти к ней на помощь. Сможет защитить и уберечь от любой напасти…

Потом они стояли у ее дома, пока Женина мама, видимо, основательно обеспокоенная долгим отсутствием дочери, не позвала Женю домой.

С той поры все оставшиеся вечера они проводили вместе. Жаль только, что их-то, этих вечеров, было совсем мало. Находясь рядом с Женей, Петр постоянно испытывал желание обнять ее за плечи, прижать и так сидеть молча, слушая стук ее маленького сердца. Это желание становилось все сильнее и сильнее. Иногда ему казалось, что он уже не в силах больше сдерживать себя и вот сейчас это случится. Но всякий раз какая-то необъяснимая робость останавливала его.

– А вдруг она обидится, – думал он. – Обидится, рассердится и, окинув меня презрительным взглядом, молча уйдет. Уйдет навсегда.

Он так и не решился в тот приезд переступить ту черту, которую провела между ним и Женей все время сдерживающая его робость. Надо же такому случиться: кажется, никогда не считал себя, да и не был таким робким и нерешительным и вот тебе на. Сколько слов хороших ему хотелось сказать Жене! Он шептал их про себя, когда оставался в доме один, их пели за него своими голосами скрипка и виолончель, к которым тянулись жаждущие отдать ей переполняющую его нежность руки, их, наверняка, можно было прочитать в его глазах. Однако произнести их, сказать их ей он не мог.

Он даже не смог перейти с ней на «ты». И в последний вечер, величая ее по имени и отчеству, говорил о каких-то вещах, которые потом казались ему самому незначительными и даже совершенно не нужными. Только прощаясь с Женей, он все же отважился робко коснуться ее руки, тотчас почувствовав, как какая-то искра, вдруг вспыхнув у самого сердца, пробежала по всему телу.

– Мне пора, – зябко поводя плечами, тихо обронила Женя.

– Да, да! – подхватил он и тут же вспомнив, что это их последний вечер, торопливо добавил: – А вы позволите мне писать вам, Евгения Александровна? Ну не часто, конечно, а когда мне будет трудно.

– Я буду ждать, – прошептала Женя и, наклонив голову, почти бегом бросилась к калитке. Открыв ее, обернулась. – Слышите? Я буду ждать.

Простившись с Женей, Петр еще долго бродил по улицам города, с которыми предстояло снова расстаться на целый год. Эти улицы и весь Бердянск уже давно стали для него родными. Здесь он встретил свою любовь. Да, да! Именно любовь. Теперь он в этом нисколько не сомневается.

Незаметно для себя Петр вышел к морю. Остановившись у тех камней, на которых они с Женей сидели в их первый вечер и, прикрыв глаза, замер. К тихому шелесту волн добавился еще какой-то звук, донесшийся откуда-то сверху. Словно кто-то вскрикнул. Раз, потом еще и еще раз. Петр открыл глаза. Из-за моря вставало солнце, прорезая лучами дорогу новому дню, о приходе которого торопились возвестить чайки. Одна из них пронеслась совсем низко над Петром, едва не задев его своим крылом.

– Сы-но-чек! – послышалось ему. – Сы-но-чек!

– Мама! – не удержавшись, вскрикнул он. – Мамочка родная моя!

Чайки одна за другою неторопливо выписывали над морем свои маршруты, о чем-то беседуя между собой. Их было много, а Петр, провожая каждую из них взглядом, пытался еще раз увидеть ту единственную, в которой, он был уверен, жила душа его мамы.

– Значит, ты помнишь обо мне! – шептал он. – Значит, ты охраняешь меня своею неземною любовью…

Порыв легкого утреннего ветра дохнул ему в лицо и он, прикрывшись рукой, коснулся своей щеки. Она была влажной.

– Слезы? – подумал он, доставая носовой платок. – Вот еще! А, впрочем, пусть даже так. Жизнь все равно прекрасна!

…Пока добирался до Петербурга, вспоминал каждый день своего отпуска в Бердянске. Вечно занятого работой отца, хлопотливых сестер, Антона с Израилем и, конечно, Женю. Как быстро пролетело время! Решил, что сразу же по приезду сядет писать письмо Жене. Казалось, что сделает это, что называется, в один присест. На деле же оказалось совсем по другому. Во-первых, их буквально с первых дней так загрузили учебой, всякими занятиями, что для других дел времени просто не оставалось. Едва добравшись до коек, кадеты валились с ног и мгновенно засыпали. Во-вторых, написание письма оказалось не такой простой задачей. Он уже несколько раз начинал писать Жене и все ему что-то не нравилось: то слишком глупо и по детски, то очень уж напыщенно. Наконец, письмо готово.

Развернув сложенные вчетверо листки бумаги, Петр, морща лоб, в последний раз вчитывался в текст письма:

«Здравствуйте, Евгения Александровна…»

– Евгения Александровна. Гм. Не слишком ли официально? – подумал он. – Может быть, просто Женя? Нет. Пусть остается, как есть. А то еще покажет Асе или кому-нибудь из девчонок. Подумают, что я совсем раскиселился. Пойдем дальше.:

«Получив от меня весточку, Вы верно думаете услышать что-нибудь а ля бред сумасшедшего или, по крайности, человека сильно расстроенного, т.к. я просил у Вас писать Вам только в крайне критические моменты; но простите, я злоупотребляю Вашим разрешением и пишу почти нормальным человеком. Побудила меня писать Вам одна простая причина: захотелось мне поговорить с Вами по душам, поговорить хоть немного, но свободно, не стесняясь поставить Вас в неловкое положение своими бесконечными беседами в обществе.

Не правда ли, выходка моя смешна? Конечно, смешно: ни с того, ни с сего человеку захотелось писать тому, кто его и знать-то почти не знает, да и видел мало. Но Вы не смейтесь надо мной, а если посмеетесь, то поступите неправильною. Не писал я Вам в минуты припадков сумасшествия, как полагал писать, потому, что гордость обуяла. Неужели, думал я, за помощью обращаться? Да еще за такой сильной, какова женская! Да, женская помощь – дело великое. Ни одно влияние не может сделать так много, как женское влияние, ни один друг не дает столько обновляющих сил для новой борьбы с жизнью, сколько дает женщина-друг. Кажется, это у Милля разработано, чуть ли не в его автобиографии. Ну, да ну его, Милля. По боку всякие материи. О другом говорить хочу.

Да, я еще забыл Вас известить, что грамоте я обучен слабовато, так что Вы простите меня, неука, и не обращайте внимания на ошибки, без них я никак не могу обойтись.

Итак, я, пребываю у хладных невских берегов, в туманном Петербурге, т.е., вернее сказать, живу себе безвыходно в разлюбезном здании училища. Необычайная злость овладевает мною.

Отчего именно злость овладевает мною, может быть, спросите Вы?

А вот слушайте. Представьте себе идеалиста, да еще молодого вдобавок, который твердо верит в существование хорошего, чистого на Земле. Это верование составляет одно из основных начал его религии, во имя которой он существует. Не нужно говорить о том, как этот юнец привязан к своей религии, ведь вся его жизнь на ней основана. Он знает, жизнь его не может существовать без этого основания, и он боится за него, как за жизнь свою, зная, что одно не может жить без другого. Он ищет житейского опыта, чтобы иметь больше данных о правильности того, к чему он привязан всем существом своим, – о правильности сложившихся у него верований. И в то же время он боится этого опыта, который может разочаровать его.

Нет же смысла продолжать жизнь, разочаровавшись в ней!

И вот наш идеалист попал в среду полнейшего разврата и грубой глупости. Каково его состояние? На каждом шагу он видит пошлое поругание над всем, что свято для него. Он видит слишком много совсем молодых и испорченных до последней крайности людей.

Сперва он убегает от этого общества. Но это невозможно. Тогда, переломив себя, он входит в него, и всеми своими молодыми силенками старается влиять на окружающих. Но куда ему до влияния? Он еще сам сильно нуждается во влиянии. Конечно, все его усилия показывают ему его собственную ничтожность и ничего кроме врагов не приносит. После этого и наступает мое нынешнее состояние гнева. Я кляну судьбу, что она бросает меня в среду, где я не могу устроить свою жизнь, как хочу, и – грубею. Наконец, я боюсь за самого себя. Мне кажется, что такое общество слишком быстро ведет меня по пути разочарования. На другого, может быть, это не действовало бы так сильно, но я до болезни впечатлителен. Мало того, обстоятельства еще более зло смеялись надо мной. Я верю в людей и, конечно, в них же самих жду опоры для своей веры. Я глубоко уважаю женщину, какою она может быть при нормальном воспитании… Соответствующих же моему идеалу я не встречал. Вот до чего не везло парню. Конечно, это приводило меня в полное отчаяние, я дрожал за свою веру. И вот почему, уловив в Вас несколько черт моего идеала, я так сильно привязался к Вам. Ведь это так естественно, человек в минуту опасности нашел жданную опору для своей религии и, конечно, привязался к этой опоре. Теперь я Вам, как мог, объяснил – отчего я так странно держал себя относительно Вас. О, чтоб я дал, чтобы узнать Вас ближе! Я Вас видел мало, но, право, достаточно узнал Вас. Неужто злая судьба и в этот раз не даст мне твердо убедиться, что я правильно верил, что я был прав!

До свидания, Евгения Александровна.

Жму Вашу руку.

П.П. Шмидт.»

7.

ногда Петра I сравнивают со сказочным принцем, прихода которого ждала кем-то заколдованная красавица. Беспокойный царь и в самом деле разбудил много веков дремавшую страну. Разбудил, сделав работу своим любимым занятием, прививая привычку к ней у своих подданных как личным примером, так и более действенными тумаками с нагайками. И проснувшаяся Россия, оглядевшись вокруг, сбросив согревавшую ее в долгих снах шубу дремучей дикости, заходилась, засуетилась, забегалась, стараясь побыстрее и получше обустроить свой дом, родимую землю-кормилицу. Иные трудились от зари до зари, до седьмого пота и кое в чем преуспели: и землицы самой поприбавилось, и видом своим она краше стала, радуя глаз как самих россиян, так и гостей заморских, что зачастили с визитами.

Только всему приходит конец. Коварный недуг свел в могилу царя Петра. Утомленный трудом, державными заботами, да и безмерными наслаждениями, которыми он грешил, уснул царь вечным сном. Еще какое-то время продолжала бодрствовать разбуженная им страна. А потом…, потом дрема снова стала одолевать ее. Да с каждым годом все сильнее и сильнее. Видимо, надеясь на крепкий сон мужиков-медведей, решился воевать Россию самоуверенный и наглый император французский Наполеон. Только где там! Народ хоть и пребывал в дреме, но не дремала вечная стражница земли русской – совесть народная. Ударила на сполох и вновь пробудилась Россия. Супостат был бит, с позором бежав от стен Москвы, на которые успел

взобраться, аж до своего Парижа. Разделавшись с ним, россияне опять позевывать стали. А самодержцу, присвоившему их воинскую славу, того и надо: народ во сне забылся, значит можно спокойно веселиться.

Со сна как следует и разобраться не успели, как и куда подевался красавец царь Александр I. Проснулись декабрьским днем разбуженные раскатами грома, что доносились с Сенатской площади, где войска к присяге на верность приводил новый самодержец Николай. Решила горстка храбрецов в военных мундирах, под которыми бились чистая совесть и горячие сердца, вновь будить народ, чтобы не новому царю, а ему, народу, на верность присягнуть. Только слаб был их голос. Не услышал их народ русский. Царь наиболее совестливых приказал вздернуть, а остальных погнал на каторгу в холодную Сибирь: пусть, мол, поостынут немного.

А народ? Народ российский по-прежнему спал. Вначале ворочаясь и постанывая на шипах крепостничества, а затем, после его «милостивой» отмены, – на жесткой и голой постели провозглашенной, но так и не обретенной воли. И добудиться его не могли ни Герцен с Огаревым, во всю гремевшие своим заграничным «Колоколом», ни отчаянные народовольцы, бросавшие на алтарь свободы все самое дорогое, что было у них – собственные молодые жизни. Мартовским днем 1881 года группой народовольцев под руководством Софьи Перовской был убит царь Александр II.

«Сегодня, 1 марта 1881 года, – говорилось в распространенной ими прокламации, – согласно постановлению Исполнительного Комитета от 26 марта 1879 года, приведена в исполнение казнь Александра II. Отныне вся Россия может убедиться, что настойчивое и упорное ведение борьбы способно сломить даже вековой деспотизм Романовых. Обращаемся к вновь воцарившемуся Александру III с напоминанием, что историческая справедливость существует и для него, как для всех… Россия не может жить так далее. Она требует простора, она должна возродиться согласно своим потребностям, своим желаниям, своей воле. Напоминаем Александру III, что всякий насилователь воли народа есть народный враг… и тиран. Смерть Александра II показала, какого возмездия достойна такая роль… Исполнительный Комитет обращается к мужеству и патриотизму русских граждан с просьбой о поддержке, если Александр III вынудит революционеров вести борьбу с ним. Только энергичная самодеятельность народа, только активная борьба всех честных граждан против деспотизма может вывести Россию на путь свободного и самостоятельного развития».

3 апреля того же года на Семеновской площади Петербурга были казнены дворянка Софья Перовская, сын священника Николай Кибальчич, мещанин Николай Рысаков, крестьяне Андрей Желябов и Тимофей Михайлов. Казнены публично, на глазах у взирающего на это омерзительное действо, но безмолвствующего народа.

Народ продолжал пребывать в своем, казалось, непробудном сне. Но уже вставали новые смельчаки, принимающиеся его будить. Военная организация «Народной воли» к концу того трагического года уже действовала во многих районах страны. Осенью 1882 года к ней примкнуло около 300 офицеров различных частей и родов оружия. Однако в феврале следующего года власти, напав на след организации, разгромили ее, арестовав большинство ее членов. В сентябре 1884 года состоялся «процесс четырнадцати», по которому проходили и шесть офицеров-народовольцев. По приговору суда были казнены лейтенанты флота Суханов, Штромберг, офицер Рогачев, а остальные участники процесса заточены в Шлиссербургскую крепость.

– Я поставил любовь к Родине и свободу народа выше всего остального, – гордо заявил в своем заключительном слове на суде Суханов. И эти его слова долетели до казарм Морского училища.

Вначале их передал сыну Николай Васильевич Шелгунов, который в тот вечер возвратился домой поздно и, как говорится, мрачнее тучи. Наотрез отказавшись от ужина, который настойчиво предлагала ему заботливая супруга Людмила Петровна, он долго сидел в кресле, прикрыв глаза и безвольно уронив руки. Ни жена, ни сын не решались его тревожить. Оставив его одного в кабинете, они негромко беседовали в гостиной, ломая голову над причиной мрачности главы семьи. Неожиданно Николай Васильевич сам вышел к ним. Несколько раз молча прошелся по ковровой дорожке и, остановившись у окна, буравил глазами глухую темень, словно пытался за нею увидеть, рассмотреть что-то невидимое другим, но известное ему одному.

– Бож-ж-же мой! – наконец то ли выдохнул, то ли простонал он. – Опять смерть! Опять жертвы! И к тому же какие жертвы. Люди уходят из жизни легко и просто, будто туда еще можно вернуться.

– О ком ты, папа? – робко спросил Николай.

– О ком? – недоуменно переспросил отец. – Сегодня были казнены приговоренные к смерти по «процессу четырнадцати».

– Значит, все-таки казнили! – вскрикнул Николай.

– Конечно, казнили! А ты думал, что будет по-другому?

– Так были же протесты, просьбы о помиловании.

– Э-э-э! – махнул рукой Николай Васильевич. – Разве в Зимнем слушают эти протесты или просьбы? Все! Нет больше ребят. Как нечистый языком слизал. Погибли. А результат? Суханов в заключительном слове сказал, что поставил любовь к Родине и свободу народа выше всего остального. Народ же ничего не сделал, чтобы его от смерти спасти. Да и что он мог, этот темный, забитый народ. Он и народом-то себя еще не успел осознать.

– Осознает ли когда-нибудь? – подала голос Людмила Петровна.

– Непременно осознает! – вскинув голову, отрубил Николай Васильевич. – Вначале рабочие, пролетарии, с нашей, конечно, помощью, а потом и весь народ. Проснется, пробудится, и вот тогда уже за все спросит

сполна со своих душителей и насильников. За обиды, за издевательства над собой и за смерть своих лучших представителей, наших товарищей. Обязательно спросит…

Рассказывая об этом Петру Шмидту и Володе Лесли, Николай был чрезвычайно возбужден. Как будто бы его слушали не двое его друзей, а большая аудитория, и он собирался зажечь ее своей верой в торжество того правого дела, за которое боролся его отец и которому собирался посвятить себя он сам.

– Правда, – запустив пятерню в шевелюру, слегка смутился он, – отец говорит, что такая форма борьбы, как террор, не годится. Но я с ним не совсем согласен. Думаю, что с таким врагом, как царизм, все формы хороши. И террор в том числе. Одним мерзавцем меньше станет…

– А во что это обходится? – перебил его Петр.

– Ты о чем? – нахмурился Николай.

– Спрашиваю, во сколько жизней обходится жизнь одного мерзавца. Во сколько прекрасных жизней замечательных людей она обходится?

– Ну, борьба есть борьба, – развел руками Николай. – Она без жертв не бывает, как ты знаешь.

– Нет, Николя, – покачал головой Петр. – Борьба нужна во имя победы. А если, кроме жертв, она ничего не дает, тогда грош ей цена. Так что здесь твой отец тысячу раз прав.

– Я согласен с тобой, Петр, – поддержал его Володя.

– Тогда что же вы предлагаете? – горячился Николай. – Сидеть сложа руки?

– Зачем сидеть сложа руки? – усмехнулся Петр. – Помнишь, что тогда сказал нам Николай Васильевич?

– Помню, – буркнул Николай.

– Так что же?

– Сказал, что наша задача пока учиться.

– Вот-вот. Пока учиться. И учиться отлично, потому что наши знания могут пригодиться.

– Когда еще это будет! – махнул рукой Николай. – Ты забыл, что в следующем году наш выпуск?

– Не забыл.

– Ну вот. Выпустят нас мичманами на флот, а там что делать?

– Служить.

– Кому? – скривился Шелгунов. – Царю батюшке?

– Народу. Русскому флоту.

– Громкие слова!

– Нет, – покачал головой Петр, – не громкие. – Ты же только что говорил о речи лейтенанта Суханова.

– Ну и что?

– А то, что, если хочешь знать, вся та борьба, которая ведется, она во имя народа. Другое дело, как его на эту борьбу поднять. Вот в чем, мне кажется, вопрос.

– И ты знаешь ответ на него? – сузив глаза, спросил Володя.

– Пока не знаю, – признался Петр. – Но, наверняка, есть люди, которые ищут его и, может быть, уже нашли. Да, да. И один из них, Николя, мне думается, Николай Васильевич.

– Отец?

– Вот именно. Ты помнишь, когда он говорил о том, что путь, которым идут народовольцы, не годится.

– Помню.

– И о том, что нужно искать другой, тоже помнишь? – продолжал Петр.

– Конечно!

– Так вот. Может быть, он уже отыскался?

– Откуда же я знаю?!

– А ты поговори с Николаем Васильевичем, поспрашивай его хорошенько.

– Действительно, Николя, – поддержал Володя. – У тебя же отец – голова!

– Ну, не знаю, – смутился Николай. – Я попробую.

– Попробуй, попробуй.

Кто знает, как сложилась бы судьба друзей дальше, если бы вскоре после этого разговора не случилась беда.

Однажды Николай Шелгунов, получивший на воскресенье увольнение и ночевавший дома, к положенному сроку на занятия не явился. Не было его и на следующий день.

– Что с Николя? – недоумевал Петр, знавший пунктуальность их друга.

– Не знаю, – пожал плечами Володя. – Может быть, заболел?

– Заболел? Так неожиданно? Он же был совершенно здоров, когда уходил домой. Приглашал и меня в гости.

– Почему же не пошел? Вместе бы и поговорили с Николаем Васильевичем по тому вопросу.

– Так у меня же встреча с сестрой, с Асей, была назначена на тот день. Она меня у тетушки ждала.

– Вот как! – усмехнулся Володя. – А меня значит не позвал. Обещал познакомить с сестрицей и забыл. Может быть, не хочешь знакомить? Прячешь от друга свою красавицу сестру?

– Ну что ты, Володька! – смутился Петр. – Прячу! Надо же такое придумать! Да я же тебе говорил, что тетя Аня болеет. Не до визитов ей. Мы с Асей собрались к ней, чтобы убрать в доме, помочь по хозяйству. А ты обижаешься.

– Ладно. Я пошутил. Только с сестрой своей меня все же познакомь. Николая ведь познакомил.

– Обязательно познакомлю.

Их беседу прервал посыльный матрос.

– Господин Шмидт, – доложил, лихо козырнув. – Так что вас вызывают на проходную.

– Кто же это, братец? – удивился Петр.

– Девица, – играя глазами, ответил посыльный. – Только кто они, не могу знать.

Явившись к проходной, Петр увидел Асю. По выражению лица сестры сразу понял, что пришла она не с хорошей вестью.

– Что случилось, Асенька? – спросил, коснувшись руки сестры. – Что-нибудь с тетей Аней?

– Нет, – покачала головой Ася, уводя брата подальше от навостривших уши караульных. – С тетей Аней все в порядке.

– Тогда в чем же дело?

– Я сегодня встретила твоего друга, с которым ты меня недавно познакомил.

– Николя? – сделал большие глаза Петр.

– Его, его.

– И где же? Ведь его уже несколько дней нет на занятиях. Мы думали, что он заболел.

– Нет. Сам-то он здоров. А вот с отцом его…

– Что? Что случилось с Николаем Васильевичем? – теребил сестру Петр.

– Он… он арестован, – прошептала Ася.

– Арестован? Когда?

– В воскресенье вечером.

– Так вот почему не явился на занятия Николя.

– Да, именно потому, – подтвердила Ася. – К тому же Николя сказал мне, что вообще собирается оставить училище.

– Как?! Что за глупости!

– Так он мне сказал. И вообще, Петенька, у него такой вид, такие печальные глаза, что я сразу же решила бежать к тебе.

– Ты правильно сделала, Асенька, – все еще не в силах прийти в себя, отозвался Петр. – Очень правильно…

Первым желанием было немедленно связаться с Николя. Но как? Вырваться из училища в увольнение среди недели, да и то под очень веским предлогом можно было при прежнем начальнике контр-адмирале Алексее Павловиче Епанчине. Он всю свою жизнь провел в училище, вначале как преподаватель математики и морских наук, затем долгое время, вплоть до назначения начальником был инспектором классов. Морское училище было для него родным домом, а воспитанники – детьми. Да и они его любили за то, что был он доступен и умел прощать проступки, в особенности тем, которые хорошо учились. Не случайно и прозвище у Алексея Павловича было такое

семейное – «папаша». Он часто заходил в классы на уроки математики, навигации и астрономии, задавал вопросы и, в случае необходимости, давал пояснения, демонстрируя отличное владение предметами. Но Епанчина уже нет. На его месте контр-адмирал свиты его величества Дмитрий Сергеевич Арсеньев. Большую часть своей службы он провел «при дворе», будучи воспитателем великих князей Сергея Александровича и Павла Александровича. Когда же они достигли зрелого возраста, Арсеньев и получил назначение начальником Морского училища. При этом молва донесла, что при назначении контр-адмирал получил предписание истребить в училище епанчинский дух либерализма. Так ли это было на самом деле или нет, трудно сказать. Однако всем стало известно, что первое, на что обратил внимание новый начальник, заступив в должность, были танцы. Однажды он сам пришел на урок танцев. Показав, как надо держать даму в вальсе, он с избранным им воспитанником, кружась, обошел весь аванзал, где проходил урок, и, видимо, чрезвычайно довольный собой, покинул занятие. Тогда же с чьей-то легкой руки и прозвище появилось у нового начальника – «придворный шаркун». Слух об этом вскоре докатился и до Арсеньева, который сразу же решил «закрутить гайки вздорным мальчишкам». Для этого он коренным образом изменил распорядок дня в училище с тем, чтобы не было длинных промежутков и воспитанники не имели свободы для самостоятельных занятий и самостоятельного чтения. Были введены различные внеклассные занятия с небольшими перерывами между ними, а прежние три урока в день сменили четыре. Стараясь показать эффективность своих мероприятий в учебной части, Арсеньев приказал считать все баллы ниже 8 как неудовлетворительные. Преподаватели, которые также, не желая ударить лицом в грязь, стали ставить 8 вместо 6. В результате балл средней успеваемости повысился на две единицы. Ничего не смыслящий в деле образования брат царя генерал-адмирал Алексей Александрович даже выразил Арсеньеву свою августейшую благодарность за «повышение успеваемости». Понимающие же преподаватели, да и старшекурсники только пожимали плечами и смеялись над столь высокой оценкой, которую дал великий князь, получивший среди офицеров прозвище «семь пудов августейшего мяса».

Идти на поклон к Арсеньеву, будучи заранее уверенным в том, что последует отказ на увольнение среди недели, просто не имело смысла. Оставалось терпеливо ждать воскресенья.

Дни тянулись томительно долго. Стараясь уединиться, Петр с Владимиром ломали голову над тем, что же могло случиться с Николаем Васильевичем, что послужило причиной его ареста, а главное – почему Николай принял решение оставить училище.

– Думаю, что Николя просто поторопился, – высказал догадку Владимир. – Возмутился действиями власти по отношению к отцу и в отместку решил уйти из училища.

– Не знаю, – покачал головой Петр. – Николя не из таких, кто принимает скоропалительные решения. Видимо, здесь дело серьезное и он свой поступок взвесил. Ладно, Володя, дождемся воскресенья, а там посмотрим. Если Николя, как ты говоришь, поторопился, постараемся его разубедить, а если… Словом, при встрече будет виднее.

Однако в субботу стало ясно, что дела Шелгунова младшего действительно принимают серьезный оборот. Проходя мимо койки Николя, Володя вдруг обнаружил, что постель с нее убрана.

– Вот тебе на! – почесав затылок, произнес он. – А на чем же Николя будет спать?

– Отоспался ваш дружок, – присвистнув, откликнулся оказавшийся рядом Ставраки.

– Как то есть отоспался? – нахмурившись, спросил Петр.

– Да вот так! – гримасничая, развел руками Михаил. – Вытурили его из училища.

– Что ты городишь, Мишка?! – возмутился Петр. – Как то есть вытурили? Кто тебе сказал? Зачем врешь?

– Это я-то вру?! – обиделся Ставраки. – Да я сам присутствовал, когда наш «классная дама» матроса приводил, чтобы постель с койки убрать.

– Но это еще ничего не значит…

– Значит, значит! – подергивая кончиком носа и кивая головой, настаивал Мишка. – «Классная дама» сказал, что дружок ваш сунул нос куда не следует.

– Это куда же?

– В политику. Вот куда.

– Брось ты, Мишка, – отбивался Петр. – Какая там политика к черту.

– А это уж вам лучше знать. Шелгунов ваш дружок.

– Значит, ты уже не с нами? – закусив губу, зло спросил Лесли.

– Брось, Володька! – отмахнулся Ставраки. – Какие мы друзья! Что я, не вижу, как вы меня сторонитесь и секретничаете. Вот и досекретничались.

– Ну и дрянь же ты, Мишка! – сжал кулаки Петр. – Все время на дружбу набивался, в верности клялся. А когда беда к человеку пришла, ты сразу в сторону. Какая подлость!

Едва дождавшись увольнения, Петр с Владимиром отправились к Шелгуновым. Дверь открыла мать Николая. Глянув на ее лицо, Петр сразу же понял, что женщина недавно плакала и к их приходу не успела как следует убрать следы слез.

– Простите, – смутился Петр. – Мы, может быть, не вовремя?

– Нет, нет, молодые люди. Проходите, пожалуйста. Коля у себя.

Когда они прошли в его комнату, Николай лежал на тахте, уперев глаза в потолок. Увидев друзей, поднялся.

– Привет, пропащая душа, – поздоровался Петр, пожимая протянутую руку.

– Твоя правда, Петя, – грустно вздохнул Шелгунов. – Как есть пропащая моя душенька.

– Ты что?! – возмутился Лесли. – Выходит, совсем нос повесил?

– Есть отчего, братцы. Есть отчего…

– Ладно, – остановил Николая Петр, присаживаясь на краешке тахты. – Давай рассказывай все по порядку.

– Да что рассказывать? – почесав затылок, обронил Шелгунов. – В прошлое воскресенье это случилось. Мы уже спать собирались, когда те гости нежданные постучали.

– Жандармы?

– Они самые.

– Та-а-ак! Ну и что?

– Что? Дальше все как положено: предъявили ордер на обыск, все вверх дном перерыли, забрали отца и увезли.

– Что-то нашли запрещенное? – спросил Володя.

– Да ничего особенного! Только кое-что из литературы, которая свободно издается и продается в тех же Англии, Франции и Германии. Там она не запрещенная, а у нас, видишь ли, запрещается.

– Н-да! – покачал головой Петр. – И что же теперь с Николаем Васильевичем будет?

– Пока следствие, а там – кто его знает. Найдут за что, могут под суд отдать…

– Но могут же и отпустить, если вину его не докажут, – высказал предположение Володя.

– Как же! – скривился Николай. – Не для этого они приходили, не для этого арестовывали. Ничего не найдут, так придумают. Могут старые дела его вспомнить. Словом, нужно готовиться к худшему.

– Может, зря ты так пессимистически настроен все же, Николя? – спросил Петр.

– Ничего не зря. Иначе мне бы наш командир роты не посоветовал побыстрее забрать документы и уволиться из училища.

– Даже так? – удивленно поднял брови Петр.

– Конечно! Рано утречком к нам домой пожаловал. Сказал, что сочувствует нашему горю, и потому советует поступить именно так. Если, говорит, сам уйду, будет какая-то возможность восстановиться. Потом, когда весь этот шум уляжется. А если исключат, тогда ни о каком восстановлении речи быть не может.

– Вот видишь, Николя, – оживился Володя, – значит и училищное начальство предполагает, что весь этот шум может улечься.

– Да глупости все это. Одни слова. Наверняка хотят побыстрее от меня избавиться, чтобы пятна на училище не было: как же, в Морском училище обучается сын государственного преступника.

– Что же ты теперь делать будешь?

– Не знаю пока, – пожал плечами Николай. – Дождусь окончательного решения, а там подамся на какой-нибудь торговый корабль, наймусь матросом. Уехать мне из Петербурга надо. Не дадут мне здесь жить нормально.

– Пожалуй, ты прав, – согласился Петр. – Надумаешь далеко уезжать, я тебе письмо к дяде дам. Он у меня контр-адмирал, во Владивостоке флотом командует.

– Спасибо, Петя. И тебе, Володя, спасибо.

– Мне-то за что? – смутился Лесли.

– За то, что не побоялись ко мне прийти.

– Да брось ты, Николя! – отмахнулся Петр. – Как это мы могли не прийти? И чего нам бояться?

– Бояться-то как раз есть чего. Наверняка теперь и господа из жандармского управления, да и училищное начальство интересоваться станет, с кем дружил, с кем водился бывший гардемарин Шелгунов.

Прощаясь с друзьями, Николай вручил Петру сложенные пополам листки бумаги.

– Возьми, Петя. Это папа тебе просил передать. А я раньше не смог.

– Что это?

– Письмо Софьи Перовской из тюрьмы матери. Помнишь, ты интересовался?

– Да, да! Конечно, помню. Спасибо Николаю Васильевичу и тебе, Николя. Большое спасибо.

Возвращаясь в училище, Петр думал об отце Николя и о Софье Перовской. Заключение в тюрьму – большая беда. И для членов семьи того, кто туда попадает и для него самого. Трудно, наверняка трудно сейчас Николаю Васильевичу. Сидеть в камере, возможно, одиночной. Питаться куском хлеба с водой. Но главное – быть лишенным общения с друзьями и близкими. Это нелегкое испытание даже для мужчин, таких сильных, как Шелгунов старший. А каково же женщине, которая попала в тюрьму? К тому же заключена туда, практически не имея надежды на то, что через какое-то время, пусть даже и долгое, очень долгое, она оттуда выйдет и, покинув проклятый каменный мешок, вновь будет дышать воздухом свободы, идти – куда вздумается, делать – что захочет, одевать то, что тебе нравится, встречаться с тем, кто тебе приятен, книжки, наконец, читать. Да! Ведь этой надежды у Софьи, наверняка, не было. Как тут не сломаться, не впасть в отчаяние?

Петр попытался представить на месте Софьи кого-нибудь из своих близких. Мария, конечно же, билась бы в истерике, обливаясь слезами. Ася… Ася, может быть, и была бы несколько сдержанней, но также вряд ли долго смогла бы сохранить мужество и самообладание. А Женя… Женя… Как бы повела себя Женя? Странно! На этот вопрос у него нет ответа. Жени, о

которой он все это время думает, которая снится ему ночами, чьих писем он ждет с таким нетерпением, он не может себя представить на месте Софьи Перовской. Не может и все. Почему? А главное – зачем? Зачем представлять человека, которого ты любишь, который дорог тебе, в каком-то ужасном положении, в беде, униженной и раздавленной? Не дай Бог, как говорится. К тому же есть он, Петр Шмидт, без пяти минут боевой офицер, который может и должен охранять, оберегать, защищать от любой напасти. А он что вздумал! Представлениями дурацкими занялся.

Петр еще долго корил себя за то, что дал разгуляться неприятным мыслям. До письма в тот вечер он так и не дотронулся, решив, что прочтет его на следующий день. Зачем сегодня продолжать бередить душу, соприкасаясь с чужой бедой, чужими слабостями?

Достал переданные Николаем Шелгуновым листки, когда остался один в астрономическом кабинете. Развернул их, и взгляд побежал по строчкам:

«Дорогая моя, неоцененная мамуля! Меня все давит и мучает мысль, что с тобой. Дорогая моя, успокойся, не мучь себя из-за меня, побереги себя ради всех окружающих и ради меня также. Я о своей участи нисколько не горюю, совершенно спокойно встречаю ее, так как давно знала и ожидала, что рано или поздно так будет. И, право же, милая моя мамуля, она вовсе не такая мрачная. Я жила так, как подсказывали мне мои убеждения; поступать же против них я была не в состоянии, поэтому со спокойной совестью ожидаю все, предстоящее мне. И единственное, что тяжелым гнетом лежит на мне, это твое горе, моя неоцененная; это одно меня терзает, и я не знаю, что бы я дала, чтобы облегчить ее. Голубонька моя, мамочка, вспомни, что около тебя есть еще громадная семья, и малые, и большие, для которых всех ты нужна, как великая, своей нравственной силой. Я всегда от души сожалела, что не могу дойти до той нравственной высоты, на которой ты стоишь; но во всякие минуты колебания твой образ меня всегда поддерживал. В своей глубокой привязанности к тебе я не стану уверять, так как ты знаешь, что с самого детства ты была всегда моею самой постоянной и высокой любовью. Беспокойство о тебе было для меня всегда самым большим горем. Я надеюсь, родная моя, что ты успокоишься, простишь хоть частью все то горе, что я тебе причиняю, и не станешь меня сильно бранить; твой упрек единственно для меня тягостный.

Мысленно крепко и крепко целую твои ручки и на коленях умоляю не сердиться на меня. Мой горячий привет всем родным. Вот и просьба к тебе есть: дорогая мамуля, купи мне воротничок и рукавички с пуговками, потому запонок не позволяют носить, и воротничок поуже, а то нужно для суда хоть несколько поправить свой костюм: тут он очень расстроился. До свиданья же, моя дорогая, опять повторяю свою просьбу: не терзай и не мучай себя из-за меня; моя участь вовсе не такая плачевная, и тебе из-за меня горевать не стоит.

Твоя Соня».

Пораженный, как громом, совершенно неожиданным для себя текстом письма, Петр сидел, обхватив голову ладонями и прикрыв глаза. Ему казалось, что он видит перед собой эту маленькую хрупкую девушку. Вот она, накинув платок на плечи и слегка поеживаясь от холода, которым дышат каменные стены камеры, водит зажатым в зябнущей руке карандашом по лежащему перед ней листку бумаги. Скоро суд, а там, наверняка, – конец ее жизненного пути. Такого короткого и такого трудного. Ведь она вряд ли успела почувствовать волшебное прикосновение любви, согревающее душу, наполняющее радостным трепетом сердце. А если и почувствовала, то только на короткое время, которое в тот нелегкий для нее час казалось мгновением. Да, именно мгновением. В мгновения сжались спрессованные неотвратимо приближающейся роковой развязкой года. Уже где-то там, за глухими и мрачными стенами, палач готовит для нее петлю, которая скоро сожмет ее девичью тоненькую шею и, перехватывая дыхание, оборвет это последнее мгновение ее жизни. Мысленно окидывая те, которые пролетели прежде, она восстанавливает в памяти все самое дорогое. И она являет Софье ее маму. Да, да. Именно так это было. Разве нет? Разве иначе поступил бы он сам, случись, не дай Бог, такое с ним самим, с Петром? Ведь ближе и дороже ее у него никого нет.

Отец? Отца он тоже любит. Любит и… жалеет. Жалеет, потому что, женившись на своей Ольге Николаевне Бутеноп, он разрывается между ней и ними, его родными детьми. А они, и он, Петр, в первую очередь, не могут

свыкнуться с тем, что в их доме, рядом с отцом живет чужая женщина. Ну, не могут, хоть ты убей! Другие, может быть, как-то бы свыклись, смирились, притворились, наконец. А у него, да и у сестер не получается. Не учила их этому мамочка, восставшая против любой мерзости, против всякой фальши и того же требовавшая от них. Оттого и домой в Бердянск он не поехал в прошлый летний отпуск.

Не так ли обстояло дело у Сони? Наверняка, так. Потому-то она и обращается в тот свой самый трудный час не к отцу, не к кому-нибудь другому, а именно к своей маме. И какая любовь в ее словах, какая нежность! Будто принадлежат они не тому решительному и суровому человеку, который отважился выполнить приговор Исполнительного Комитета и убить царя, а нежной и ласковой девочке, которая ластится, прижимается к своей мамуле, желая получить поцелуй или доброе слово. Нежность… Да, именно нежность. Но не показная, не фальшивая, а честная, искренняя, сильная, а потому – настоящая. Мишка Ставраки называл Софью бессердечной и жестокой цареубийцей. Цареубийца? Да, конечно. Но не жестокость и бессердечность толкнули ее на этот шаг. Нет. А любовь к тысячам и тысячам униженных и обездоленных, боль, которой отдавались в ее девичьем сердце их страдания и муки, ненависть к их мучителям и душителям свободы…

Петр несколько раз читал и перечитывал сам это письмо Софьи. Он познакомил с ним Володю Лесли и сестру Асю.

– Боже, какая сильная любовь и какое мужество! – не стесняясь набежавших слез, прошептала сестра.

– Эх, знать бы, где похоронили их после казни! – сжав кулаки, произнес Володя. – Цветы бы хоть положить на могилу. Не знаешь, где она, Петя?

– Нет, – покачал головой Петр. – Палачи хранят в тайне могилы своих жертв…

Вскоре состоялся суд над Николаем Васильевичем Шелгуновым. Оказывается, во время обыска у него на квартире были обнаружены письма Александра Герцена, Петра Лаврова и других революционеров, живущих в эмиграции. Тюрьмы Николай Васильевич избежал, но за связи с эмиграцией был сослан на пять лет в Смоленскую губернию.

– Хорошо хоть не тюрьма и не каторга, – уже несколько оправившись от удара, делился с навестившими его друзьями Николя.

К радости друзей Николаю после длительной чиновничьей волокиты позволили восстановиться в училище. Теперь они снова были вместе.

Время учебы завершалось. После экзаменов Петру полагался отпуск, который они с сестрой Асей решили провести в Бердянске. Конечно, встречаться с мачехой и ловить на себе ее далеко не ласковые взгляды желания не было. Но там был отец, который вышел в отставку в чине контр-адмирала и собирался переехать с новой семьей то ли в Мариуполь, то ли в Таганрог. Таким образом живые родственные связи с Бердянском, с которым связано так много, грозили оборваться. Кто теперь присмотрит за могилками мамы и сестренки? Раньше это регулярно делали отец с сестрами. Но Ася в Петербурге, Маша вышла замуж и живет со своим мужем в его имении где-то в Орловской губернии. Теперь вот и отца не будет… Была надежда на то, что он, Петр, попросит присматривать за могилками Антона и Израиля. Но Антона, как сообщил в своем письме Израиль, в этом году забрали служить на Черноморский флот. Остается Израиль. Однако и на него надежда малая: совсем слаб здоровьем. Может быть, Женя возьмется помочь в этом деле?

Женя… Вот уже третий год они знакомы и Петр давно считает ее своим другом. Он привык делиться с Женей самыми сокровенными мыслями. Ведь жизнь, как Петр уже давно понял, чрезвычайно сложная штука. Она состоит не только из солнечных дней и праздников. Как раз наоборот: чаще всего приходится иметь дело с серыми буднями, а то и пробираться крутыми житейскими тропами, к тому же закрытыми таким туманом, что каждый шаг делаешь с опаской повредить ногу или сломать голову, сорвавшись в бездну. Конечно, рядом с ним верные друзья, которые смогут и поддержать, подставив плечо в нужную минуту, и помочь, поделившись последним куском хлеба или отдав свою рубаху. Они сильные и они не подведут. Но именно поэтому, потому что они сильные, сам он, Петр, не хочет демонстрировать перед Николя и Володей свои слабости. А они ведь у него

тоже есть. Что греха таить, разве редко сердце его обливается кровью и предательские слезы застилают глаза, когда видит он на улицах изможденных непосильным трудом и голодных людей, с тоской взирающих на тот же кусок хлеба? Обида гнетет его душу, когда то и дело встречает он одетых в лохмотья детей бедняков, загнанных в нужду социальной несправедливостью, с которой у него нет сил сладить. По крайней мере, пока. Да и по отношению к себе он не всегда встречает эту самую справедливость. Разве не знает он о той ненависти, которую затаили долговязый Гиляровский и рыжий Васильев после того, когда пристыдил он их, став нечаянным свидетелем их хвастовства «подвигами» в «веселом доме»? Ведь, пройди он тогда мимо молча, не выскажи своего возмущения, и не было бы этой злобы, которую он постоянно чувствует затылком и спиной. Но как же мог он, Петр Шмидт, смириться с явной мерзостью, которая творилась на его глазах, к тому же с одобрения его товарищей? Нет, это было выше его сил, и он не мог оставить данный поступок без внимания. Мерзости был дан бой. И он его выиграл. Это признали его друзья, которые вместе с ним радовались одержанной им победе. Но были и те, кто, как Михаил Ставраки, на словах одобрял его поступок, а сам, в душе, сжигаемый непонятной ему, Петру, ненавистью, жаждал стать свидетелем его публичной неудачи, а то и позора.

– Откуда это в людях?! – ломая голову, думал Петр. – Ведь я же, кажется, ничего плохого не сделал Мишке. Напротив, всегда готов помочь ему. Да, он мало приятен и мне, и Николя с Володей. Но я не унизился до того, чтобы, объединившись с ними, совершенно изолироваться от Ставраки. Я поборол себя, поборол свою слабость и тем горжусь. Но почему же он столь неискрен со мной? Почему я то и дело ловлю на себе его настороженные взгляды? Что в них – все еще не преодоленное недоверие к людям, к их искренней доброте или ожидание того, когда кто-нибудь из нас споткнется, попадет в беду, чтобы про себя насладиться ею?

Насладиться бедою другого… Но это же страшно! Знать, чувствовать, что кто-то рядом ждет, подобно хищному зверю, когда ты споткнешься, может быть, упадешь, а ничего предпринять не в силах. Ну не станет же он, Петр, задавать вопрос Ставраки, почему тот так себя ведет, почему следит за ним. А вот сам себе задает. Задает, но ответа найти не может. Черт его знает, что за человек этот Мишка Ставраки, какие мысли, какие планы в голове его бродят. Ведь как он тянулся к ним, когда был отвергнут практически всем классом. Как добивался их дружбы. Сколько клялся в верности своей, в преданности. Да так искренне, казалось, так убедительно. А только не было у них с ребятами веры ему. Знали они, каковы артистические способности Мишки. Знали и не ошиблись. Петр хорошо помнит, каким злорадством сверкали глаза Ставраки, когда сообщал он ему, что Николя Шелгунов отчислен из училища. Не смог спрятать свое чувство в этот раз? Возможно. Но, может быть, и не захотел. Это ведь тоже исключать не следует. Мишка – такая тайна, такая загадка, которую не так просто разгадать.

А сколько других загадок встречать приходится, помимо Мишки. Иногда просто теряешься, думая: неужели только в сказках добро всегда сверху, всегда побеждает зло? Вот в такие минуты собственной слабости чаще всего и садился писать он письмо Жене Тилло, изливая душу, делясь своими сомнениями. Как-то, отправив одно из первых своих посланий, даже ругал себя. Ну вот, мол, расслабился, расслюнявился, расплакался перед девчонкой, которую к тому же почти не знает. Что подумает Женя, прочитав письмо? Да какой же из него мужчина и к тому же еще моряк! Переживал страшно. Но, получив ответ из Бердянска, успокоился. Женя не только не корила за его слабость, но даже обрадовалась. Да, да! Именно обрадовалась. Не тем, конечно, сложностям, которые ему, Петру переживать доводилось, а тому, что он открылся, поделился с ней. Оказывается, нечто подобное и ей приходилось переживать. И она мучилась, что не может никому открыть свою душу. «А это так важно, – писала она, – так необходимо, чтобы можно было облегчить душу, убрав все сомнения, иногда напрасные, которые терзают ее. Мне кажется, что счастье человека состоит в том, чтобы иметь окошко, в которое он мог бы постучать в любое время…»

Теперь такое окошко, кажется, есть и у него. Правда, он понимает, что их дружба с Женей пока зиждется на письмах, что в жизни все гораздо сложнее. Но все-таки Петру хочется верить, что в лице Жени он встретил настоящего друга, вернее, – подругу, с которой он сможет делить все – и горе, и радость, и которая сможет возвратить ему душевное тепло, исчезнувшее со смертью мамы…

Так думалось Петру под стук колес поезда, который вез его из Петербурга на юг. Едва разделавшись с экзаменами и облачившись в форму мичмана, он стал хлопотать о том, чтобы его направили для прохождения службы на Черноморский флот. Там уже давно проходил службу его бердянский друг Антон Пархоменко, которого Петр поклялся разыскать во что бы то ни стало. К сожалению, этому не суждено было осуществиться, поскольку Петр получил назначение в 8-й Петербургский экипаж. Его огорчение усилилось и тем, что от Черного моря рукой подать до Бердянска. Неся службу там, они с Женей смогли бы чаще видеться. И кто знает, быть может, в один прекрасный день он смог бы предложить ей руку и сердце…

От этой мысли радостно забилось сердце Петра и тепло разлилось в груди. Петр улыбнулся и, тут же испугавшись, открыл глаза: соседи по купе, еще чего доброго, подумают, что улыбающийся ни с того ни с сего мичман просто ненормальный. Однако опасения его оказались напрасными. В купе стоял полумрак, и вслед за угасающим днем и отправившимся на покой дневным светилом начали дремать и пассажиры. Успокоившись, Петр попытался смотреть в окно. Но в предвечерней серости мелькали какие-то малоразличимые предметы и глаза стали уставать. Прикрыв их, Петр мысленно возвратился к недавно оставленному им Петербургскому вокзалу.

Кроме тети Ани, проводить его пришли Володя Лесли и Николя Шелгунов.

Перед самым отправлением поезда Петр таки улучил момент и спросил Николя:

– О могиле Софьи Перовской и других казненных народовольцев ничего не удалось узнать?

– Кое-что есть. Но немногое.

– Ну, не тяни же! – оживился Петр.

– Отец написал, что как будто бы по просьбе матери Сони демократически настроенные офицеры-гвардейцы извлекли ее тело из земли и перезахоронили.

– Где же?

– А вот этого я тебе сказать не могу. Будто бы где-то за Александровском. То ли в Ивановке, то ли в Васильевке, то ли в Михайловке…

– Узнать бы! – вздохнул Петр. – Узнать бы и памятник поставить.

– Думаю, со временем так и будет, – нахмурив лоб, отозвался Николай. – Но сейчас есть более важные дела.

– Что ты имеешь в виду?

– Сокрушение царизма, переустройство общества.

– Да, об этом же мечтали и Соня Перовская с Андреем Желябовым…

– Вот, вот! – подхватил Шелгунов. – Только теперь уже ясно, что террором этого не достигнуть. Необходимо искать иной путь.

– Это так. Только где его искать?

– Где? Нужно идти к рабочим. Так что подумай об этом в своем Бердянске. А я буду думать здесь…

Под стук колес хорошо думается. Вместе с километрами, которые оставляет спешащий на юг поезд, в памяти Петра проплывают прожитые им года. Их еще пока немного, но все же он уже кое-что успел сделать. Сбылась его мечта: он стал морским офицером и, кажется, далеко не худшим из их выпуска: что ни говори, а диплом с отличием тому прекрасное свидетельство. Теперь предстоит показать на практике, чего он стоит. У него есть надежные друзья Антон с Израилем и Володя с Николаем. С Израилем они вскоре встретятся в Бердянске. Антон же служит на Черном море, и одному Богу известно, когда им доведется увидеться. Но все равно это рано или поздно произойдет: он ведь, Петр, слово дал, что разыщет друга. А слово свое он привык держать. Тем более если оно касается дружбы – самого большого богатства, которым может обладать человек.

Дружба. Она, давая возможность человеку почувствовать, что он не один, не одинок в этом мире, делает его сильнее. Она, призывая прийти на помощь другому, позволяет ощутить себя не просто человеком, одним из людей, а другом, понимающим другого, живущим с ним одной жизнью, одними интересами, несущим за него ответственность. Перед кем? Да перед самим собой, а значит, перед самым строгим и взыскательным судьей, которого ни обмануть, ни подкупить просто невозможно. Ведь наверняка

каждый из революционеров, в том числе и Софья Перовская со своим другом Андреем Желябовым, начиная опасное дело цареубийства, испытывали чувство страха. И в том нет ничего постыдного. Это чувство присуще каждому, что бы он ни говорил, как бы ни старался спрятать его. Жизнь-то у человека одна и дается она ему только раз. Теряя ее, уже нельзя потом ни купить, ни обменять на что-либо. Так что это не просто одна из потерь, а, что называется, потеря всего и навсегда. И это наверняка осознавали Софья с Андреем, понимая, что свои жизни они могут сохранить, отказавшись от задуманного ими страшного дела. Но это означало бы измену их дружбе, той дружбы, которая родилась на общности их дела, предательством самих себя. Такую цену они не могли платить даже за сохранение собственной жизни.

Хотя, нужно признать, сила той их дружбы, ее возможности оказались не столь большими. Их хватило лишь на то, чтобы лишить жизни всего одного человека, хоть и такого высокого ранга как царь, оплатив это несколькими жизнями отчаянных героев. Вечная им слава. Но это не тот путь, который он, Петр, и его друзья ищут. Нет, далеко не тот. И тут Николя Шелгунов прав. Однако существует ли этот правильный, верный путь вообще? Ведь многие его ищут. Тот же мудрый Герцен, Лавров, Шелгунов, Маркс, с некоторыми работами которого их уже успел ознакомить Николай Васильевич. Герцен звал к топору. Лавров советовал учиться у жизни и тщательно готовиться к грядущим переменам. Но к каким и как готовиться? Маркс говорит о том, что путь в счастливое будущее для всех лежит через пролетарскую революцию. Выходит, опять кровь, опять гибель людей? Неужели нет другого пути? Не может такого быть! А что если подумать над тем, чтобы в самом деле нарастить силу дружбы честных людей? Тех же пролетариев, рабочих, о которых говорит и Маркс. Нарастить до такой степени, чтобы она пересилила силу царя, полиции, чтобы с ней уже не могли не считаться, чтобы голос ее стал могуч и его услышал каждый. Тогда, может быть, появится возможность обойтись без крови, без гибели людей, без ужаса все изменить к лучшему. Ведь сила же рабочих растет. Нужно только помочь им. Именно помочь. И он, Петр Шмидт, тоже не должен стоять в стороне. Что он может сделать? Быть вместе с рабочими, там, где они живут, где трудятся. Да, да! Именно это сейчас нужно. И он начнет с того, что, приехав в Бердянск, сразу же поступит на завод, в самый трудный и грязный цех. Таким будет его отпуск.

О своем плане он сразу же сообщил отцу. В правильности его он еще раз утвердился, едва войдя в дом после посещения кладбища. Там, у маминой могилки, Петр уже не ощущал рвущей сердце боли утраты, которая надолго выводила его из равновесия. Была тихая грусть и душевный покой. Да, да! Именно покой. Так бывало с ним в детстве, когда мама была жива, а он прибегал к ней со своими мальчишескими тревогами. Петя делился ими с мамой, а она то ли ласковым словом, то ли взглядом лучистых глаз, то ли улыбкой, то ли легким прикосновением руки умела их снять, облегчая детскую душу, возвращая уверенность в себе, в своих силах. И, хотя там, стоя

у могилы, он не проронил ни слова, мысленно говорил с нею, делясь своими успехами, сомнениями и тревогами теперь уже взрослого мужчины. И она, вернее, ее душа, проникнувшись его мыслями, восприняла их, взяла тот невидимый, но нелегкий груз на себя, облегчив его, Петра, душу. Дома же он встретил искреннюю, неподдельную радость лишь сестры Аси. Нет, отец, конечно, тоже был рад его приезду. Но на его радости нависала какая-то тень то ли виноватости, то ли растерянности. Разговаривая с Петром, он все время бросал, как ему казалось, незаметные взгляды в сторону новой жены. Словно надеялся получить одобрение либо осуждение своих слов и действий. А она, изображая радушие с помощью вымученной улыбки, то и дело вздыхала, сетуя на семейные заботы, непрестанно одолевавшие ее.

– Как же намерен провести свой отпуск, мичман? – поинтересовался отец.

– Хочу поработать на заводе, – отозвался Петр.

– Вот как! – нахмурил брови отец. – Мичман, сын адмирала и вдруг – завод. Что люди скажут?

– Разве это предосудительно? – сдвинул плечами Петр. – Работа ведь она, по-моему, никогда зазорной не была.

– Это так, – тронув кончиками пальцев усы, одобрил отец. – Но все же как-то странно…

– Ничего странного, папа, нет, – усмехнулся Петр. Он скользнул взглядом по стене и, остановив его на портрете Антона Скоробогатова, вглядывался в лицо моряка. В какое-то мгновение ему показалось, что и тот усмехается.

– Ничего странного нет, – повторил Петр, слыша, как где-то за его спиной опять завздыхала мачеха. – Думаю, что мама, да и дядя Антон одобрили бы мое решение.

– А как же отдых, Петя? – подала голос сестра.

– Ничего, Асенька! – подмигнул ей Петр. – Для отдыха мне достаточно будет и вечеров с ночами.

– Ну что же, – вздохнул отец. – Поступай, как знаешь. Куда и когда намерен направиться?

– На завод Гриевза. Завтра же. Вот только схожу проведаю Изю Черникова…

– Ах! – вскрикнула сестра, закрыв лицо руками.

– Что с тобой, Асенька?! – бросился к ней Петр.

– Изи Черникова нет, – едва сдерживая рыдания, ответила сестра.

– Как нет?!

– Он… он умер.

Опустив голову, Петр молча стоял, никого не видя и не слыша.

– Израиля нет! – билась в мозгу страшная мысль. – Его больше нет. Нет, нет, нет…

Наконец, немного придя в себя, он провел рукой по лицу, затем коснулся ею волос, показавшихся ему необычно жесткими.

– Когда это случилось? – выдавил из себя.

– Неделю назад, – тихо отозвалась Ася. – Мы с Женей Тилло проводили его.

Ну вот и еще одного из близких людей унесла смерть. Зачем? Почему она такая безжалостная к хорошим людям? Ведь тот же Израиль был чистый ангел во плоти. За всю свою короткую жизнь он никому не сделал зла, не сказал ни одного дурного слова. Зато сам как страдал, как мучился от своей жестокой болезни. Боже, как тяжело на душе. Словно чья-то невидимая рука сжимает и сжимает ее. Он потерял одного из двух своих самых близких друзей, друзей детства. Израиль в земле сырой, Антон где-то на Черном море. Он там, на своем миноносце, наверняка, еще не знает об Израиле и, когда до него доползет эта страшная весть, будет страдать. Однако разве можно сравнить страдания даже таких близких людей, как он сам, Петр, и Антон, с горем, которое обрушилось на маму Израиля? Ведь он был ее единственным сыном, для которого она жила, которым, можно сказать, дышала. Как же ей быть сейчас? Нет, нужно идти к ней. Прямо сейчас. Да, да! Только… только сначала он сходит на кладбище и отнесет цветы на могилу друга. Он найдет ее сам. Ведь наверняка на еврейском кладбище не так уж много свежих могил.

Ни слова не говоря домашним, Петр направился к выходу. На Приморском бульваре купил цветы у бойкой тетки. Не пришлось долго искать и извозчика. Быстро нашел он и могилу Израиля: кладбищенский сторож, которого он встретил, подтвердил, что свежий холмик, действительно, место вечного покоя Израиля Черникова.

– Совсем ить молодой! – посасывая люльку, недовольно ворчал старик. – Ишшо жить бы да жить. Дак нет. И он сюда же. И чего спешить? Зачем?

Там, на кладбище, Петр как будто бы и не очень прислушивался к ворчанию кладбищенского сторожа. Но слова его все же запомнились, отложились в памяти. Чего спешить? Так не может же человек иначе! Он все время боится опоздать, не поспеть к своему счастью. Вот и они с Антоном и Израилем спешили. И тогда, когда пробирались еще темными, сонными улицами Бердянска, чтобы поскорее добраться до шлюпки и, выгнав ее дружными ударами весел в море, там встретить восход, приветствовать новый день, который вместе со своими первыми лучами дарит Земле Солнце. Разве можно такое упустить? Они спешили поскорее вырасти, стать взрослыми, чтобы побольше узнать о том удивительном мире, который окружал их и который, как им тогда казалось, так неохотно, а главное медленно открывал им свои тайны. А ну как они опоздают, и до них раньше откроют другие. Чтобы добраться до них первыми, разве не стоит торопиться, не стоит спешить? Они мечтали о добре, о том, что, набравшись сил, став взрослыми, будут дарить его друг другу, другим людям, потому что, в их представлении, именно в этом и был смысл человеческой жизни. Они спешили увидеть, как их светлые мечты становятся явью, реализуясь в действительности. Разве

можно позволить, чтобы мечты, эти предвестники новой жизни, не спешили, плелись в хвосте ее? Нет, это просто невозможно. Они спешили жить. Сам он, Петр, и сегодня спешит, торопится и отказываться от этого не собирается. Это просто невозможно! К тому же теперь у него есть долг перед ушедшими из жизни – перед мамой, перед Софьей Перовской, а также перед Израилем, которые тоже мечтали делать добро и щедро им делиться. Они ушли, а мечты их продолжают жить в близких им людях. Значит и в нем. Он ответственен за их мечты.

Побывав у матери Израиля, Петр решил, что весь свой заработок, который будет причитаться ему на заводе, он будет отдавать ей. Конечно, это, наверняка, будет не слишком большая сумма, но все же хоть на первых порах помощь убитой горем женщине. Потом они встретятся с Антоном и подумают, что делать дальше.

Петр догадывался, что труд заводчан тяжел. Он не раз встречал их, когда брели они домой после смены, едва переставляя ноги. Однако то, с чем он столкнулся в литейном цеху завода сельхозмашин Гриевза, превзошло все самые мрачные ожидания. В клубах дыма, смешанного с удушливым газом, которые то и дело наплывали от дышащих огнем печей, сновали рабочие, больше похожие на тени какого-то подземного царства. Не желая показаться белоручкой, Петр старался изо всех сил. Уставал чертовски. Но держался бодро. Дома, быстро сбросив свою закоптелую синюю рабочую блузу и брюки, умывшись, рассказывал Асе, которая всегда с нетерпением ждала его возвращения, о рабочих, с которыми успел познакомиться.

– Асенька! – уплетая за обе щеки ужин, поданный сестрой, восхищался он. – Ты не представляешь, какие это замечательные люди. Вокруг ад, кромешный ад, а они еще шутят и смеются.

– Шутят?

– Ну да! Говорят, в таком дыму от мастера и других хозяйских надзирателей легче спрятаться. Да! Ты знаешь, с кем я познакомился в цеху?

– С кем же.

– С соседом Антона Пархоменко Сашей Мазиным.

– Вот как!

– Мировой парень!

– Ой, Петя, Петя! Послушать, так у тебя все мировые.

– Нет, нет, – тряхнул головой Петр. – Саша действительно замечательный человек. А силища! Ему скоро на службу идти. Между прочим, мечтает в Севастополь попасть, чтобы там с Антоном встретиться.

– Ну что ж, может и встретится.

– Хорошо бы.

– Конечно. Что ни говори, а когда земляк рядом, все же легче служить.

– Не только, – поднял руку Петр. – Они не только земляки, Асенька: они думают одинаково. Вот что главное. Ну, спасибо тебе за ужин, сестричка, а я пошел.

– Опять к Женечке? – лукаво сощурив глаза, поинтересовалась Ася. – И опять до глубокой ночи?

– Ну, Асенька! – поморщился Петр.

– Ох, господин мичман, – вздохнула сестра, – кажется мне, что дело принимает серьезный оборот и мы имеем шанс погулять на свадьбе.

– Что ты! – отмахнулся Петр. – До свадьбы еще далеко. Слишком далеко.

Ответил решительно, хотя сердце говорило совсем о другом. Несмотря на усталость после тяжелого трудового дня, оно, что называется, пело в груди, звало его в парк, где обычно они назначали с Женей свидания. На первом из них Петр чувствовал какую-то скованность. Хотя в письмах они вели откровенные беседы, но письма письмами, а долгая разлука все же сказывалась. Да и Женя здорово изменилась: стала совсем взрослой, расцвела, превратилась в такую красавицу, перед которой Петр даже робел.

– Может быть, у нее уже появился какой-нибудь молодой человек? – подумал Петр и тут же испугался этой мысли. – А как же я? Как я без Жени?

Однако, взглянув девушке в глаза, сразу же успокоился: в них сияла такая неподдельная радость, такое тепло, что его сердце, тронутое морозным холодом тревоги, тотчас отбросило ее, возвращая уверенность и покой.

Каждый вечер они были вместе. Гуляли по парку, любуясь набравшими силу молодыми деревьями, сидели на берегу, совершали прогулки на шлюпке под парусом, мастерскую постановку и управление которым Петр с явным удовольствием демонстрировал своей спутнице.

– Ты настоящий моряк, Петя! – хвалила его Женя.

– Ну что ты, Женечка! – смущался Петр. – Справляться с парусом может каждый бердянский мальчишка.

– Неправда, – возражала она. – Так, как это делаешь ты, может далеко не каждый. Мальчики из мужской гимназии, правда, приглашали нас, девчонок, покататься на шлюпке раньше…

– И что же?

– Я отказывалась.

– Почему?

– Потому что боюсь. Я ведь трусиха.

– И сейчас боишься?

– Нет, – тряхнув головой, отозвалась Женя и, опустив глаза, добавила: – С тобой не боюсь.

Пойманный полотнищем паруса легкий ветерок гнал шлюпку вдоль залива. Продолжая управлять одной рукой, Петр другою привлек Женю к себе. Она послушно прижалась к его груди и затихла. Женя казалась Петру такой маленькой и беззащитной, что он не удержался и поцеловал ее в щеку у самого виска, прошептав нежно:

– Женечка! Моя дорогая Женечка! Я тебя никому не отдам. Слышишь? Ни-ко-му!

Слегка покачиваясь, шлюпка бесшумно скользила по водной глади.

– Хорошо-то как! – вздохнув, прошептала Женя. – Вот так бы плыть и плыть вместе всю жизнь…

– Так в чем же дело?! – тут же отозвался Петр.

– Но ты же скоро уезжаешь… Мы расстанемся…

– Расстанемся, чтобы вскоре снова встретиться.

– Ты думаешь?

– Конечно, Женечка!

Дни отпуска, которые и так быстро пробегали, после этой их морской прогулки просто понеслись. По крайней мере, так казалось Петру. Да и не только ему.

– Ну почему так получается, Петя, – жаловалась Женя, – когда тебе хорошо, время быстро убегает, а когда плохо, оно тянется так медленно, словно старая кляча с тяжело груженым возом?

Отработав положенный срок и получив причитающийся ему заработок, Петр съездил на еврейское кладбище. Положил цветы на могилу Израиля и, сделав ее карандашный рисунок, отправился к матери друга.

– Это – вам, – протянув листок бумаги, сказал он, войдя в опустевший домик.

Женщина некоторое время молча вглядывалась в рисунок.

– Да, это он, – наконец промолвила она. – Последний дом моего Изи. Вы настоящий художник, Петя.

– Ну что вы! – смутился Петр.

– Да, да! – подняв руку, остановила она его. – Настоящий художник. Вы уже уезжаете? Когда?

– Завтра.

– Как жаль!

– Но я приеду. Следующим летом. Мы вместе сходим с вами на могилку.

– Хорошо, Петя. Мы сходим…

– И вот еще вам… Немного денег.

– Что вы, Петя! – всполошилась женщина. – Какие деньги?

– Я их заработал на заводе. Пожалуйста, возьмите. Я вас очень прошу… Как сын…

– Спасибо! – моргая ставшими вдруг влажными глазами, прошептала она. – Вы хороший человек, Петя. Пусть пошлет Бог вам счастье…

До глубокой ночи они с Женей бродили по улицам давно уснувшего Бердянска. Перед тем, как отправиться к ее дому, вышли к морю. Месяц, по хозяйски устроившись в небе, насмешливо взирал на них с высоты.

– Вот и все, – прижавшись к Петру, обронила Женя.

– Как это все, Женечка?! – возмутился он. – Это только начало. Слышишь? Начало нашего будущего. Нашего с тобой будущего.

С неожиданной для себя смелостью он стал целовать ее нос, щеки, приговаривая:

– Милая, родная моя Женечка!

Она обняла Петра за шею, и он, ощутив на своих губах ее губы, замер, словно пораженный током. То был его первый настоящий, взрослый поцелуй.

Они еще долго стояли на берегу, а потом у ее дома. Говорили, как казалось тогда, о чем-то важном и даже очень важном. Мечтали о будущей встрече, которая должна состояться. А как же иначе?! Ведь теперь у него есть Женя, а у нее – он, Петр. Они, считай, одно целое. В этом ни у него, ни у нее не было никакого сомнения. Однако судьбе было угодно распорядиться иначе.

Часть 2

1.

Пугая честной люд трескучими морозами и по-звериному воющими, пробирающими до костей вьюгами, от которых, казалось, не в силах уберечь никакой, даже самый что ни на есть теплый тулуп, в северную столицу Российской державы въезжал Новый, 1888 год. Горделиво подбоченясь, он промчался в своих волшебных санях вдоль выстроенных, что называется, под линеечку роскошных зданий празднично нарядного, устланного белым, пушистым ковром, сотканным из свежевыпавшего снега, и сияющего новогодними огнями окон Невского проспекта. Игриво подмигнул игле Адмиралтейства, которая тянулась перед ним словно подобострастный урядник, завидя высокое начальство и, не удостоив вниманием уже забывшиеся в тяжелом пьяном сне рабочие окраины города, понесся, помчался засыпанными снегом безбрежными просторами великой империи, сказочно богатой несметными сокровищами, умельцами, отчаянными храбрецами, вызывающими извечную зависть заморских гостей, не устающих в то же время удивляться невесть откуда берущемуся обилию россиян, которые, уповая лишь на божью благодать и манну небесную, в праздном безделии терпеливо пребывают томимые ожиданием чуда, которое неизвестно по каким причинам и каким образом якобы непременно должно снизойти на них.

В ресторанах и гостиных богатых домов во всю веселились офицеры Российского флота, от обилия принятого хмельного уже начавшие постепенно терять свой блеск и чопорность. В одной из таких компаний встречал Новый год мичман Петр Шмидт.

О том, что будет именно так, он за несколько дней до этого даже не подозревал. В самом деле. Разве мог он думать о веселье, когда такая беда случилась с дорогим, одним из самых близких ему людей? И, главное, как будто бы ничего ее не предвещало. Конечно, не все складывалось так, как ему хотелось. Были проблемы. Однако с ними он надеялся справиться.

Простившись с Женей, Петр и Ася направились в Петербург – сестра, чтобы продолжить учебу, а он – приступить к исполнению служебных обязанностей в стрелковой команде 8-го Балтийского флотского экипажа. По правде говоря, служба, на которую определило Петра военно-морское ведомство, мало прельщала его. Во-первых, стрелковая команда – это не

корабль, о котором всю жизнь мечтал Петр, бредивший морем, дальними морскими походами, вахтами на капитанском мостике. Эх, да что там говорить! От мечты оставалась одна морская форма, которая теперь не радовала его, а скорее раздражала, постоянно напоминая о том, что не сбылось. Во-вторых, от Петербурга до Бердянска расстояние огромных размеров. На скорую встречу с Женей надеяться не приходится. Она, в лучшем случае, может состояться не раньше, чем через год, когда придет время очередного отпуска. Значит остаются письма. Они тоже важны для того, чтобы поддерживать дружеские связи. Но только дружеские и только поддерживать. А этого Петру уже было мало. Очень мало! Ему хотелось, чтобы Женя постоянно была с ним рядом, чтобы он мог увидеться с ней, когда захочется, говорить с ней, глядя в глаза, обнимать ее, чувствуя тепло ее тела, слыша стук ее сердца, целовать ее глаза, слегка курносый носик, губы. Да, да! Теперь это желание жило в нем, жгло его изнутри, и он ничего с ним поделать не мог. Разве письма, сколь бы ласковыми и нежными они не были, могут его удовлетворить? Да напиши ты какие угодно слова с самыми горячими признаниями, с тысячами поцелуев, слова застынут на бумаге словно лишенные жизненных сил высохшие листья. Нет, письма нужны лишь для того, чтобы напоминать, что ты есть, что ты жив, существуешь. Для любви же не какой-то заоблачной, а земной их мало. Так думалось ему тогда.

Все более утверждаясь в этой мысли, Петр лихорадочно искал возможность перевода для службы на Черноморский флот. Конечно, можно было бы обратиться с просьбой к отцу, ставшему теперь контр-адмиралом хоть и в отставке, или к его брату, дяде Владимиру, командовавшему с недавних пор Тихоокеанской эскадрой во Владивостоке, чтобы они походатайствовали за него перед начальством военно-морского ведомства. Оба адмирала были довольно известные и авторитетные люди и наверняка бы могли помочь. Только заставить себя решиться на этот шаг Петр не мог. Начинать самостоятельную жизнь с протекции? И кому? Ему, человеку, который поклялся друзьям и, главное, – самому себе посвятить свою жизнь борьбе за честность и справедливость, против всякой лжи и прочей такого рода мерзости? Нет. Это не для него. Он постарается все решить сам. И для этого у него, кажется, есть все основания. Ведь частые простудные заболевания, которые одолевали Петра практически все годы учебы, как не раз заключали доктора, имели своей причиной суровый и сырой климат Петербурга, который был ему противопоказан. Однажды даже стоял вопрос о приостановке его учебы в Морском училище и длительном лечении в теплом Крыму. Так почему бы не воспользоваться этим обстоятельством и не испросить разрешения военно-морского ведомства о переводе его туда для прохождения службы?

Решение Петра поддержали Ася и тетя Аня, у которой они остановились с сестрой по возвращении из Бердянска.

– Конечно, Петя, тебе нужно попробовать, – сказала тетя, – Петербург не каждому подходит, а здоровье – такая штука, которую не купишь: загубишь с молодых лет и всю жизнь будешь мучиться. А мы уж пока с Асенькой здесь поживем. Правда, племянница?

– Правда, – вздохнув, кивнула Ася. Ей хотелось, чтобы брат был рядом с нею. Но и его она понимала: во-первых, – здоровье, а во-вторых, – роман с Женей, ее лучшей подругой, которую она уже давно считала будущей женой Петра, а значит и своей родственницей. Это были важные причины, которые, конечно, могли привести к тому, что Петр оставит Петербург.

Прошение военно-морскому ведомству было отправлено, и Петр стал ждать ответа. Он понимал, что вопрос его в начальственных кабинетах вряд ли скоро решится, если решится вообще. Затянувшееся же ожидание никак не устраивало его деятельную натуру и постепенно стало раздражать. Петр ходил хмурый, стал молчаливым. В голову все чаще лезли грустные мысли, в том числе связанные с Женей. Как там она? Что с ней? Почему она не пишет? Конечно, сам он также не балует ее своими письмами. По приезду в Петербург он отправил ей коротенькое послание, сообщив, что доехали благополучно, разместились с сестрой у тети, приступил к службе. Что еще он мог написать? Не станет же соловьем разливаться, рассказывая о своих чувствах. Их никакими словами не передашь. К тому же мужчина, как говорил Николя Шелгунов, должен уметь себя сдерживать, не показывать даме свою любовь. Об этом и Пушкин писал:

Чем меньше женщину мы любим,
Тем больше нравимся мы ей.

Вот и он решил быть сдержаннее. А Жене, видно, это не понравилось. Свое письмо она прислала не ему, а Асе. Правда, обращалась она к ним двоим – к своей лучшей подруге и к нему, Петру. Но это его почему-то обидело и он, что называется, закусил удила, заявив сестре:

– Раз тебе, Асенька, адресовано письмо, ты и отвечай.

– Но это же только на конверте мне! – возмутилась Ася. – Письмо же нам двоим.

– Все равно, – заупрямился Петр. – Тебе адресовано.

– А как же ты? – нахмурилась сестра. – Ты ничего не хочешь сказать Жене?

– Передай ей привет.

Девушки обменялись письмами, в которых, конечно, были приветы – от него и ему. Потом Женя долго не отвечала на Асино письмо, а Петр ждал весточки из Бердянска. Очень ждал. На душе кошки скребли. Что если Женя его не любит? Может же такое быть. Тогда сказала, что любит, а потом разобралась в себе, и оказалось, что это не так. Встретился кто-то другой, лучше его, Петра. Разве мало в Бердянске хороших людей? Да и почему только там? Кто-то приехал из другого города по делам или Женя ездила в гости в тот же Александровск, и вот вам пожалуйста.

Терзаясь этими невеселыми думами, Петр бродил вечерами в одиночестве по улицам Петербурга или, улегшись на тахту с какой-нибудь книгой, порой так и не удосужившись ее раскрыть.

– Ты бы все-таки написал Жене, – видя страдания брата, не раз говорила Ася. – Вот чудаки! Неизвестно по какой причине дуются друг на друга. Кто-то же должен быть умнее.

– Ладно, ладно тебе, Аська, – продолжал держать марку Петр. – Как-нибудь напишу… твоей подруге.

– Только моей? – подзадорила его сестра.

– И моей…

– То-то же! Женя славная девушка, и я уверена, ты ей нравишься.

– Перестань, Аська! – отмахнулся Петр. Но письмо все же решил написать. Только никаких извинений и тем более признания своей вины в нем не будет. Хотя, впрочем, можно сослаться на свою нелюбовь писать письма. Да, именно с этого он и начнет.

Выбрав момент, когда Ася убежала по своим делам, а болеющая тетя Аня уснула, Петр засел за письмо.

«Многоуважаемая Евгения Александровна! Наконец-то я, безалабернейший из смертных в отношении писем, собрался поболтать с Вами, дорогая Евгения Александровна. Начну с того, что Вы, по-видимому, знать нас с Асей не хотите, т.е. знать, может быть, и не отказываетесь, но говорить с нами уже наверняка не желаете и упорно не отвечаете Асе.

Благо Вам, сударыня, что Вы успели составить себе известность неисправимой лени в переписке, а то бы я, оскорбленный за сестру, обрушился на Вас целым потоком упреков. Право, Евгения Александровна, возьмите пример с меня, не ленитесь и пишите нам. Мы уже так давно оторвались от родины, что вполне успели втянуться в новую жизнь. Устроили свои углы и сидим по целым дням, каждый углубившись в свои занятия; по вечерам почти всегда сидим вместе; читаем или в одиночку, или вместе. Ранее довольно часто летали по театрам, теперь поугомонились. Я даже в пляс пускался и искал в толпе питерских барышень знакомых, но, увы, не находил, т.е. даже не «увы», т.к. их с успехом заменял кто-нибудь не менее интересный. Вот это внешний вид нашей жизни; внутренний же будет посерей. Много обстоятельств последнего времени на меня нагнали изрядное уныние, перешедшее почти в хроническое. Только Аська изредка меня встряхивает, она это умеет делать, но все же не надолго, да я и не вижу надобности в розовом настроении духа, с ним далеко не уедешь. Читаю, по возможности, по истории, да и так посторонние книги животрепещущего содержания. Все это, как всегда, дает и радостные, и грустные минуты, а иногда является точно молитвенное настроение духа.

Все это очень мило, но все-таки жизнь далеко не наполнена, дела нет, а без него все живешь изо дня в день. Когда-то оно будет? И будет ли?

Вот Вам, дорогая Евгения Александровна, в общих, неярких набросках наше житье. Как же Вы убиваете дни?.. Что читаете Вы, и приняли ли Ваши чтения новый характер?

Преданный П. Шмидт.»

Ответ Жени на этот раз не заставил себя долго ждать. Переписка возобновилась, и их отношения как будто бы стали налаживаться. По крайней мере такой вывод напрашивался, если судить по письмам. Но письма есть письма. За словами, пусть даже самыми хорошими, которые выстраивались в строгие ряды на вложенном в конверт листке бумаги, он все же не чувствовал Жени. Каковым, к примеру, было выражение ее лица, когда она писала то или другое из них? Каким было ее настроение, когда она садилась за письмо? Что испытывала, когда ждала его послание (если действительно ждала), как реагировала на него, на то, что он ей писал. А главное – он не видел ее глаз, которые (в этом он был уверен!) могли сказать ему очень многое. О чем именно? Да о том, что действительно происходит в ее душе, раскрыть ее духовный мир, место, которое отводится ему, ту роль, которую он, Петр Шмидт, играет в жизни Жени. И очень, очень многое другое. Они и только они могли дать ответы на волновавшие его вопросы, которые сам он не решался задать в своих письмах, но, тем не менее, пытался отыскать в ее посланиях пусть не прямо, а в полунамеках, содержащихся между строк.

Для этого, опять-таки, необходимо было, чтобы они были вместе, чтобы Женя была с ним рядом. Однако пока это было неосуществимо. В Петербург она в ближайшее время не собиралась. Что же касается его ходатайства о переводе для дальнейшего прохождения службы на корабле Черноморского флота, то оно также по-прежнему оставалось без ответа.

Душевные терзания, сопровождавшие столь неожиданное продолжение их романа с Женей, усиливались отвращением к рутине воинской службы, с которой буквально с первых дней столкнулся Петр. К тому же рядом не было верных друзей, которым можно было бы, не таясь и не боясь, что тебя неправильно поймут или, еще чего доброго, станут смеяться, поведать то, что творится на душе. Володя где-то на Черном море, а Николя ушел в кругосветное плаванье. Не будешь же откровенничать со Ставраки. Тот, конечно, выслушал бы Петра, к которому давно набивается в друзья. Выслушал бы и, наверняка, посочувствовал. Мишка умеет это делать, когда захочет. Когда это ему нужно. Таким добреньким, таким ласковым может стать, что просто диву даешься: Мишка ли это? Как же раньше ты этого не замечал? Друг, настоящий друг с тобой рядом, а ты и не знал. Ну же, доверься ему и все твои беды станут вдвое меньше. Так могут подумать другие, те, которые не знают Мишки. Но не он, Петр, который хорошо знает ему цену. Мишка артист. Бо-о-ольшой артист. И горе тем, кто попадает под его обаяние. За кажущейся отзывчивостью и добротой Ставраки прячется коварство, стремление подчинить себе человека, а потом вить из него веревки, одарив, в конце концов, подлым предательством. В этом многие смогли уже убедиться. В том числе и Петр со своими друзьями.

Но вот что интересно. Зная о душевных качествах Ставраки, об опасности, которую таит в себе сближение с ним, ребята все равно нет-нет, да и попадаются в расставленные им сети. Да что ребята? Разве только другие? А сам он, Петр, не оказывался в такой ситуации? Оказывался и не раз. А виной всему доброта. Собственная доброта. Иной раз посмотришь на Мишку и думаешь:

– Совсем один человек. Никого рядом с ним нет. Наверняка грустит и терзается. Да, грешки за ним водятся. Но ведь он уже расплачивался за них. Не может быть, чтобы выводы из этого не сделал, не изменился. Не дурак же. Понимает, что всегда в одиночестве человек не может существовать.

Такие мысли, надежда на возможность изменений к лучшему в таком странном существе как Ставраки, вызывавшем то негодование и злость, то жалость, уже не раз возникали у Петра. И он откровенно делился ими с Николаем и Владимиром, во многом способствуя тому, что свое, казалось бы, твердое решение раз и навсегда порвать всякие отношения с Мишкой друзья так и не осуществили. К тому же сам Мишка обладал поразительной способностью почувствовать каким-то образом приближение беды или просто неприятности, которые угрожали кому-либо из них и продемонстрировать свою нужность.

Так случилось и в этот раз. Весть о смерти старшей сестры Маши как громом сразила Петра и Асю, не говоря уж о тетушке Анне, которая и без того едва удерживала свою душу в терзаемом неизлечимой болезнью теле. Ничего толком не зная, брат и сестра рванулись на вокзал, чтобы ехать поездом в Орел, а оттуда уже добираться до имения, где жила Маша. К сожалению, дорога оказалась долгой и, когда они приехали на место, Машу уже похоронили.

Постояв с непокрытой головой у могилы сестры, которую успел покрыть густо падавший снег, и немного успокоив рыдавшую Асю, Петр вдруг обнаружил, что до сих пор не видел мужа Маши.

– А где же барин? – спросил у сопровождавшего их мужика. – Как он?

– Барин! – хмыкнув, тряхнул тот головой. – Да што им сделается? Гудят себе…

– Как гудят? – недоуменно переспросил Петр, подумав про себя, уж не сошел ли его родственник с ума, потеряв Машу. Но в ответ услышал совсем другое:

– Оне же пили денно и нощно. Пили, а потом с барышнями соседскими гуляли. Да и нашим девкам доставалось.

– Вот как!

– Ага. А сколько уж вынести Марии Петровне, голубушке нашей, довелось, и говорить не приходится. И лаял ее распоследними словами, и бил нещадно…

– Да как же так!? – кипел Петр. – Как же смел он руку на женщину поднимать? И никто его не образумил, не унял?

– Где там! – махнул рукой мужик. – Барин во хмелю зверь-зверем: попадись кто под руку, враз пришибить могут. Так что едва они появлялись, враз все разбегались как тее мыши. Марья Петровна терпели, терпели ентое щастье, а как моченьки не стало, и в петлю головоньку свою сунули…

– Ну и где же ваш барин сейчас? – играя желваками, спросил Петр.

– Так кто ж их знает, – сдвинул плечами мужик. – Как услышал про ваш приезд, враз велел кибитку заложить и – паняй. Только их и видывали.

Петр кипел лютой ненавистью к обидчику сестры и, попадись он ему под руку тогда, за себя бы вряд ли мог поручиться. Он представлял, как вызовет мерзавца на дуэль и с наслаждением влепит ему пулю в лоб. Что ни говори, а стрелять из пистолета он, слава богу, умел и, кажется, неплохо. Хотя для такой сволочи, какой оказался их зять, даже пули жалко. Его бы палкой, обыкновенной поганой палкой лупить, пока не взвоет по-собачьи и не рухнет на землю. Да, именно такой кары он достоин.

Ах, Маша, Машенька! Бедная их сестренка. Она же была им с Асей вместо мамы. За что же ей такая доля выпала? За какие грехи? И почему она молчала о том, как ей жилось? Почему не дала знать, что попала в лапы к извергу? Да, да! К настоящему извергу, душегубу. Иного названия ему нет. Прождав три дня, Петр понял, что надежда его на то, что ему удастся встретиться с Машиным мужем, напрасна, и согласился возвратиться в Петербург. Но и там продолжал кипеть жаждой мести. Направляясь на службу и возвращаясь домой, он всматривался в лица прохожих, в тайне надеясь, что где-то в толпе мелькнет ненавистная ему рожа, и тогда… Что будет тогда, Петр не представлял, а только хотел этого, страстно желал той встречи.

В один из этих вечеров и явился к Петру Ставраки.

– Куда это ты пропал, Петр? – приговаривал Михаил, поглаживая свои жесткие курчавые волосы и подергивая кончиком носа. – Ищу, ищу вас, а вы как в воду канули. Ну Володьке повезло – тот в теплый Крым подался. Как-никак адмиральский сынок…

– Зачем ты так? – нахмурился Петр.

– Ладно, ладно! – отмахнулся Михаил. – Шучу я. Шучу. Николай в кругосветное плаванье отправился. Видишь ли, землю-матушку решил измерить. А ты-то? Знаю же, что здесь, в Петербурге, а встретить никак не могу. Где пропадал? Что случилось?

– Случилось, – вздохнул Петр и неожиданно для себя рассказал Ставраки о той беде, которая стряслась с Машей. Особенно откровенным с ним он никогда не был, а тут вдруг случилось, что разоткровенничался, открыл душу, что называется, нараспашку. И Ставраки, нужно отдать ему должное, сразу же проникся сочувствием к горю, постигшему Шмидта.

– Ах, скотина! – бушевал он, меряя гостиную своими короткими ногами, которые так дисгармонировали с его высоким ростом. Форменная скотина! Ты должен его убить, Петр. Обязательно должен убить! И в этом я тебе помогу.

– Каким образом?

– Я буду твоим секундантом. Согласен?

– Да, – вяло откликнулся Петр. – Но для этого следует вначале найти того негодяя…

– Найдем! Обязательно найдем. Наверняка он где-нибудь неподалеку прячется, – горячился Мишка, и его глаза сверкали неподдельным гневом, делая страшным негритянского типа лицо.

Он практически не оставлял Петра в одиночестве, стараясь каждый свободный вечер быть с ним рядом. Петр, дивясь такому к себе вниманию, даже корил себя и своих друзей за прежнее, не слишком теплое отношение к Ставраки, которое начинало теперь ему казаться неправильным.

«Вот как случается порой в жизни, – думал он. – Считали человека бездушным, черствым, эгоистом, а он оказывается совсем не таким. Зря мы тогда его в училище оттолкнули и в кружок свой не допустили. Зря. Встречусь с Николя и Володей, обязательно им об этом скажу».

Откуда Петру было знать, что никто иной, как Ставраки, доносил их ротному командиру лейтенанту Верховскому обо всех отклонениях от правил, заведенных в училище, со стороны гардемаринов. Знай Мишка об их тайном кружке, наверняка не миновать бы им троим беды.

Не знал Петр и того, что и сейчас беда была с ними рядом, поскольку на рассмотрение управляющего Морским министерством адмирала Шестакова поступило отношение Главного военно-морского прокурора, в котором говорилось:

«Управляющий Министерством юстиции… препроводил к Вашему превосходительству произведенное в гражданском ведомстве дознание о «военно-революционных кружках» и всеподданнейшее прошение мичмана А. Доливо-Добровольского…

Первоначально к сему делу… были привлечены мичманы Николай Хлодовский, Александр Доливо-Добровольский, Лев Бобровский, Николай Стронский и Евгений Дейновский…

Затем, по привлечении к этому делу находившегося в кругосветном плавании мичмана Николая Шелгунова, Государю Императору богоугодно было… положить следующую резолюцию: «Передать все это дело не в Министерство юстиции, а в военное и морское министерства, кроме лиц гражданских».

Из этого дела видно: в декабре 1886 года возникло при Киевском губернском жандармском управлении дознание по обвинению подпоручика 129-го пехотного Бессарабского полка Михаила Мацера, подпоручика 7-го саперного батальона Ивана Акцентовича и других в государственных преступлениях.

Сознанием большинства привлеченных к сему делу обвиняемых и в связи с содержанием найденной при обыске у подпоручика Мацера и студента Гофмана программы революционного содержания… было установлено

существование в Санкт-Петербурге тайного преступного сообщества, составившегося из воспитанников военного и морского училищ, а также лиц

гражданского звания и направленного к распространению среди военнослужащих противоправительственных убеждений с целью ниспровержения в более или менее отдаленном будущем существующего государственного строя в России.

Первые зачатки этого сообщества появились в конце 1884 года или в начале 1885 года в виде периодических собраний юнкеров военных училищ на частных квартирах для чтения общеобразовательных и по преимуществу социально-экономических сочинений… В конце 1885 года в кружки эти вошли бывшие воспитанники Морского училища, а ныне мичманы Шелгунов, Черневский, Хлодовский, Бобровский, а впоследствии и Доливо-Добровольский, составлявшие до этого времени, по-видимому, отдельный кружок, по своему направлению и цели сходный с военными кружками.

Одновременно с этим, под влиянием… Шелгунова, возникла мысль об организации кружка исключительно революционного направления для революционной пропаганды в войсках и о составлении программы для этой преступной деятельности.

…Преступная деятельность военного кружка по выпуске некоторых юнкеров и гардемаринов из училищ и поступлении на службу в 1886 году продолжалась в переписке между выехавшими из С.-Петербурга по делам кружка, а затем не ограничивалась С.-Петербургом и выразилась в попытках организовать революционный кружок в Киеве среди мастеровых местного арсенала, для чего Шелгуновым была передана подпоручику Ивану Акцентовичу при посредстве студента Технологического института Редько революционная программа, и при пособии Чернявского начались открытые секретным розыском преступные связи с мастеровыми арсенала…

Обращаясь от этого общего изложения к существу дела… я нахожу:

1) Мичман Чернявский… изобличается в принадлежности к «военно-революционному кружку гардемаринов», во главе коего стоял мичман Шелгунов…
2) Мичман Шелгунов при допросах, отобранных у него по возвращении из заграничного плавания, признал себя виновным лишь в принадлежности к революционному кружку. Между тем дознанием установлена не только принадлежность его к военному кружку, но и руководящее значение в этом кружке…

По соображениям вышеизложенного… я полагал бы обвиняемых мичманов Чернявского и Шелгунова предать суду военно-морским судом.

Главный военно-морской прокурор – статс-секретарь Янвич-Яневский.»

Не зная всего этого, Петр терзался свалившимся на него горем, сокрушаясь по поводу так надолго затянувшегося отсутствия Николая. Ведь будь он сейчас рядом, наверняка ему было бы легче. В таком состоянии и

застал Петра Ставраки, неожиданно явившись к нему перед самым Новым годом.

– По-прежнему пытаешься влиять на погоду, господин мичман? – подергивая кончиком носа и, как бы с ленцой, облизывая толстые губы, спросил, едва переступив порог.

– В каком смысле?

– А в смысле добавления хмурости. Только не старайся: ее нынче в граде Петра в избытке.

– Не вижу повода для веселья, – сдвинул плечами Петр.

– Вот как! Разве Новый год не повод?

– Для кого-то другого – да. Но не для меня. Ты же сам это понимаешь, – вздохнув, обронил Петр.

– Э-э-э, нет! – покачал головой Ставраки. – Так дело не пойдет. Тосковать в одиночестве и ронять горючие слезы – это не для морских волков.

– Оставь, Михаил! – вяло махнул рукой Петр. – Какие мы волки? Я по крайней мере. Сплошная шагистика да караулы. Море только с берега и вижу…

– Хм! Ты о море мечтаешь, а меня больше берег манит, – почесав затылок, признался Ставраки. – Я ведь до сих пор к качке привыкнуть не могу. А едва заштормит, меня всего выворачивает наизнанку. В каюте находиться не могу. Только на воздухе и спасаюсь. Завижу огонь маяка, я на него молиться готов. Вот где мое настоящее место: море рядом и земная твердь под ногами…

– Зачем же тогда в Мореходное училище пошел?

– Отец настоял. Сказал, нужно сохранить верность семейной традиции. Да и престижно это – быть морским офицером. Сам ведь, небось, знаешь. Идешь по проспекту, форма на тебе волшебная: она любого урода красавцем сделает. Глядя на нашего брата, девицы млеют от восторга и мечтают заполучить в мужья эдакое, с позволения сказать, счастье…

– Вот именно – с позволения сказать.

– Но, но! – театрально поднял вверх указательный палец Ставраки. – Попрошу не придираться к словам. Разве мы с тобой, Петро, в самом деле не завидные женихи?

– Женихи! – криво усмехнулся Петр.

– А что? Скажешь, не так?

– Не знаю. Я об этом не думал, – решительно, как ему казалось, ответил Петр. Правда, память, управляемая неведомыми силами, тут же напомнила ему о Жене. Нахмурившись, Петр какое-то время молчал, опустив глаза. Да, Женя действительно существовала и жила в его душе. Все чаще задумываясь о своем взрослом будущем, он не раз представлял ее рядом, и это ему нравилось. Больше того, одно время он был уверен в том, что его женой станет именно Женя. Многие километры и долгая разлука, конечно, как-то поколебали эту уверенность, заставили кое о чем задуматься. Но это же

ничего не значит. Он по-прежнему любит Женю. Однако Мишке об этом знать не следует.

А Ставраки, словно подслушав эти мысли Петра, сощурившись, перешел в атаку:

– Да все ты прекрасно знаешь, Петра! Наверняка живет в твоем сердце некое неземное создание. Признайся – так ведь?

– Отстань, Мишка! – нахмурился Петр.

– О! – обрадовался Ставраки. – Значит, я угадал.

– Ничего ты не угадал, – отозвался Петр.

– Лукавишь! Ну не хочешь признаваться и не надо. Только вот что я тебе скажу: все они только кажутся неземными, а на самом деле самые обыкновенные бабы…

– Прекрати пошлить, Ставраки!

– Ну вот, – засмеялся Михаил. – Еще одно свидетельство влюбленности и, очевидно, обета хранить верность до гроба.

– Какого обета?! – чувствуя, что начинает злиться, бросил Петр. – Никакого неземного существа, как ты говоришь, а тем более дурацкого обета нет.

– Нет? – не унимался Ставраки. – Тогда докажи.

– Что? Что тебе доказывать? Каким образом?

– Каким? А давай как настоящие мужчины, чьи сердца свободны от паутины влюбленности, встретим Новый год в холостяцкой компании. К тому же не исключено, что в том ресторане может оказаться и муженек твоей сестры. Как?

– Ну что ж, – подумав, решился неожиданно для себя Петр. – Пусть будет по-твоему…

В «Метрополе» Петр был впервые. Ресторанная суета и шумная компания молодых, в большинстве своем малознакомых морских офицеров, демонстрировавших свою удаль перед девицами, вначале раздражали его. Он на чем свет стоит ругал себя за то, что поддался на уговоры Ставраки и пошел на это дурацкое празднество. Чтобы не быть «белой вороной», пришлось осушить несколько рюмок водки. С непривычки быстро захмелел, слегка кружилась голова, а главное – все вокруг как-то изменилось. Ресторанный зал как будто посветлел и даже раздвинулся, а члены компании уже не казались сборищем праздных гультяев, а воспринимались как милые, добрые и внимательные люди. Какая-то молодая дама за соседним столиком, чему-то улыбаясь, неотрывно смотрела на него и что-то говорила своей соседке. С неожиданной для себя смелостью Петр пригласил ее на тур вальса. Дама согласилась.

Танец следовал за танцем, и Петр с необыкновенной легкостью вел свою даму.

– Вы прекрасный кавалер, мичман, – игриво заметила она. – Так блестяще танцуете.

– Ну что вы! – смутился Петр, отметив про себя, что его партнерша весьма недурна собой. – Это только благодаря вам…

– Не скромничайте, хитрец! – поиграв глазками, парировала партнерша. – Однако, простите, мне пора возвращаться к своему столику.

– Ревнивый муж? – расхрабрившись, спросил Петр.

– Ого! – кивнула дама. – Настоящий лев.

– Морской?

– Нет, сухопутный, – рассмеялась дама и, помахав на прощание пальчиками, тут же одарила лучезарной улыбкой пригласившего ее на очередной танец могучего, как дуб, артиллерийского поручика, который успел уколоть Петра недобрым взглядом.

– Мичман Шмидт, – хихикнув, заметил наблюдавший за этой сценой Ставраки, – вы делаете успехи в общении с прекрасными дамами. Познакомился?

– Брось ты, Мишка! – отмахнулся Петр. – Какое знакомство после двух танцев…

– Напрасно, напрасно! – качая своей лохматой головой, вздохнул Ставраки. – Она хороша! Уж ты поверь мне, Петра.

– Ладно, ладно тебе! К тому же она, к твоему сведению, замужем.

– Значит, это все-таки успел выяснить?! – продолжал свое Ставраки.

– Успел, успел.

– Однако данное обстоятельство, скажу тебе, Петра, еще ничего не значит. Известные слова пушкинской Татьяны «я другому отдана и буду век ему верна» исповедуются далеко не всеми замужними женщинами.

– Опять пошлишь? – нахмурился Петр.

– Не буду, не буду! – поднял руки Ставраки. – Давай лучше выпьем за прекрасных дам.

Они подняли появившиеся на столе бокалы с шампанским. Потом последовали другие тосты. Взявший на себя роль тамады, Ставраки зорко следил, чтобы никто не смел пропускать хотя бы один из них. Почувствовав себя по настоящему пьяным, Петр понял, что нужно уходить. Пошатываясь на нетвердых ногах, он выбрался из ресторана. Морозный воздух пахнул в лицо, тотчас атакованное плотными рядами снежинок.

– Не надо меня целовать! – защищаясь от снега рукой, произнес Петр, с трудом ворочая языком. – Я, кажется, пьян…

От мелькания снежинок перед глазами голова шла кругом. Боясь упасть, Петр огляделся, определяя, куда ему следует идти. Кажется, прямо. Там должны быть извозчики. Прямо… Но почему… почему так душно? Непослушными пальцами расстегнул шинель… Ноги словно сделаны из ваты… Ватные ноги… Ватные… Почему? Он пьян. Пьян… и, кажется, заблудился. Где же извозчики? Ах, как ему плохо! Нужно отдохнуть и все пройдет. Он сейчас ляжет…, совсем на немного и пойдет… пойдет дальше, к тете Анне…

– Миленький, куда же вы?! – послышалось рядом.

Кто это? Голос такой знакомый и такой ласковый… Женя?

– Женечка…

– Я Домна.

– Нет, ты шутишь… Ты Женя…

– Не бойтесь меня.

– Кто боится? Я? Я не боюсь. Я люблю тебя, Же…

Какая-то неведомая сила подхватывает Петра. Он, оторвавшись от земли, летит куда-то вслед за стремительно мчащимися вереницами хохочущих снежинок…

2.

Человек – не только величайшее из творений природы, но и сам великий творец. По планам, которые рождаются в его голове, вырастают прекрасные дома, сказочные дворцы и храмы, возникают радующие глаз цветники и плодоносят сады, создаются машины, творящие чудеса на земле, на воде и в воздухе.

Силен и могуч его величество Человек. Однако не всемогущ. Есть, есть немало такого, что ему не подвластно, чего не смог он постичь за всю многовековую историю своего познания, что остается и, пожалуй, навсегда останется для него загадкою и великой тайной. Одной из них является любовь.

Нет среди множества рассыпавшихся по просторам нашей планеты землян хотя бы одного, кто не думал о ней, не мечтал о ее приходе, испытывая с ее приближением вначале неясный сердечный трепет и сладостное томление души. И она таки приходит. Приходит непременно к каждому. Но приходит по-разному и такою разною, что, встречаясь с нею, невольно задумываешься, ломая голову: она ли это? Неужто это любовь?

Чаще всего она посещает людей весенней порой, когда околдованные зимней стужей наши жизнетворные силы пробуждаются, получая сигнал матушки природы о том, что настало время позаботиться о продолжении нашего рода – рода homo sapiens, человека разумного, а с ним и вечности жизни – дива дивного, которое некогда снизошло на Землю как дар небесный и которое человек как высшее и лучшее из его творений обязан беречь, что называется, пуще собственного глаза.

Бывает, что посещает любовь нашего брата и в иное время года, врываясь, подобно удару грома, зимой, заставляя пробуждаться цветы или оглашая соловьиными трелями пребывающую в осенней дреме природу. Она приходит в молодые лета, когда с отпылавшим рассветом детства начинается загорающийся день жизни – наша молодость. Однако случается, что вдруг постучится она нежданно к человеку, уже обремененному солидными годами – богатством, конечно, но таким, до которого охочих наследников трудно

сыскать. Ведь хоть у природы, как говорится, нет плохой погоды, а любая пора года и каждая часть суток имеет свою прелесть, свое достоинство, все же ясный день лучше его хмурого собрата, буяющая свежей зеленью и распустившимися цветами весна предпочтительнее дождливой осени, а сверкающее улыбками не только людей, но и всей пробудившейся природы утро желаннее навевающего грусть вечера. Любовь – дорогая и всегда желанная гостья. И все же лучше всего, когда она является в свое, наиболее подходящее время, когда душа и тело человека готовы, слившись воедино, подарить ему праздник великой гармонии, вожделенного счастья, благословляющего появление на свет новой жизни.

К сожалению, не каждому, далеко не каждому доводится полной мерой испытать это счастье. Оно приходит лишь тогда, когда любовь соединяет блуждающее в безбрежном человеческом море ищущие друг друга людские половинки. Порой же она ошибочно зажигает свою свечу в душе одной из них, не дождавшись, когда отыщется ее пара, обрекая обманутую душу, а вместе с ней и грешное тело на терзания и муки. Бывает и так, что истомившееся в ожидании желанной гармонии тело само бросается искать ее в потемках, еще до того, как в душе человека по-настоящему разгорится свеча, возвещающая о приходе того чистого и непорочного чувства, которое делает его во много раз сильнее и лучше, готовым во имя другого, своей половинки, сдвигать горы, плыть или лететь за тридевять земель, претерпевать неимоверные лишения, совершать подвиги, рискуя собственной жизнью. Иначе говоря, еще до того, когда снизойдет на человека то чувство, которое называют в народе неземною любовью. Именно она, неземная любовь облекает извечные отношения противоположных полов, присущие всему живому, в человеческие одежды, окрашивая в цвета, неведомые никому из наших „братьев меньших”. Без нее даже самое совершенное тело слепо, а попытки его самостоятельно искать недостающую человеческую половинку чаще всего сопровождаются людскими драмами, а то и трагедиями. Хотя бывают и исключения. Редко, но бывают.

Свеча неземной любви, едва вспыхнув в душе Петра Шмидта, тотчас была атакована порывистым ветром расставания, который унес его на многие сотни километров от солнечного Бердянска, где осталась Женя. По-осеннему дождливый Петербург, казавшийся опустевшим без друзей, редкий обмен письмами с ревностным вчитыванием в каждую фразу, а то и каждое слово, за которым виделся какой-то свой, особый многозначительный смысл, также мало способствовали горению той свечи. А уж неожиданный уход из жизни Маши, напрочь выбивший из колеи и тетю Аню, и Асю, и, конечно, самого Петра, поселил в душе непроглядный мрак.

Однако время шло своим чередом, и молодость брала свое. Петр вдруг стал за собой замечать, что обращает внимание на встречающихся ему девушек и молодых женщин. Взгляд его непроизвольно скользил по каждой из них снизу вверх, как бы ощупывая магнитом притягивающие фигурки. И главное, что при этом сам Петр не испытывал ни малейшего смущения и

робости, которые ранее вызывало в нем присутствие представительниц прекрасного пола, не говоря уж о редких общениях с ними. Да, он рос среди девушек – Маши и Аси. Но они были сестрами и к тому же старшими. Поэтому он до поры до времени и не чувствовал той существенной разницы, которая разделяла его с ними. Они это почувствовали первыми и как-то тонко, по своему объяснили ее, сведя все к тому, что женщины – это особые, слабые существа и долг мужчин защищать их и оберегать. Не зная, кого и как он должен оберегать и защищать, Петр бессознательно сторонился общества девочек. Теперь же его влекло к ним. Влекло с непонятною силою, бросая порою в жар.

Увидев хорошенькую гимназистку на улице в те дни, когда от Жени долго не было писем, Петр почему-то начинал злиться.

– Молчит! – хмуря брови, сердито думал он про себя. – Ну и пусть молчит. Думает, что она единственная и неповторимая! Принцесса! Ты ж понимаешь! Решила, что раз я ее несколько раз проводил домой и поцеловал, то теперь к ней привязан корабельным канатом. Навеки привязан. Значит, теперь из меня можно веревки вить так, как из отца его новая мадам? Этого еще не хватало! Не бывать тому! Подумаешь, красавица приазовская! Да таких красавиц, и даже почище, здесь в столице пруд пруди. Есть из кого выбрать…

С получением очередного письма настроение Петра менялось к лучшему. Однако не надолго. Набирающее силу тело, играя молодыми соками, переставало подчиняться еще не окрепшей, но уже растревоженной душе. Одно из таких состояний переживал молодой мичман, оказавшись по настоянию Ставраки в ресторане в ту новогоднюю ночь. Находясь в непривычном для себя состоянии опьянения, он не помнил, когда покинул шумную компанию, как выбрался на улицу и что случилось с ним потом. Проснувшись, долго не мог сообразить, где он. Тусклый свет, едва пробивавшийся сквозь прорехи какой-то ткани, которой было занавешено окно, неясно высвечивал очертания предметов, находящихся в комнате. Собственно говоря, и комнатой в полном смысле этого слова ее вряд ли можно было назвать. Скорее всего какой-то чулан, большую часть которого занимала кровать, нечто подобное то ли тумбочке, то ли просто ящику, видимо, игравшее роль стола, на котором стояли бутылка и два стакана. Глянув на них, Петр почувствовал, как тошнотворный ком подступает к горлу. Он попытался перевернуться на другой бок и тут же услышал, как под ним противно заскрипела кровать, поморщился.

– Я наг, – приплыла откуда-то мысль. – Но почему? Как это случилось? Где моя одежда? О, дьявол! Неужели я уснул в нетрезвом виде и меня ограбили? Ограбили… Но кто? Кто посмел это сделать? И почему же я все-таки оказался в этой…, в этом помещении? Меня, кажется, никто не обидел. Больше того…

В памяти постепенно всплывали обрывки минувшей ночи. Они не приносили с собой свидетельств борьбы, которая непременно должна была иметь место, если бы кто-то попытался причинить ему зло. Пусть он был тогда в омерзительном, ужасном состоянии, немощен, но все же…, все же не до такой степени, чтобы не оказать никакого сопротивления. Но, кажется, никто ему никакого зла не чинил, а значит необходимости сопротивляться также не было. Более того, с ним обращались нежно. Да, да! Именно нежно. Он не раз испытывал нежность по отношению к себе, когда была жива мама. Но после ее смерти Петр не знал ее и уже стал забывать. И вот теперь снова… Снова ощутил… Однако это было то же самое чувство и в то же время что-то другое, иное. Совсем иное. Кто же? Кто смог подарить его ему? В голове все смешалось, все перепуталось. Вначале ему как будто казалось, что с ним была Женя. Но откуда? Как она могла оказаться здесь? Ведь она далеко в Бердянске и, кажется, не собиралась приезжать в Петербург. Не собиралась… А может быть все же решилась? Собралась и решила ему сделать сюрприз. Такое ведь может быть? Только нет. Это была не Женя. К сожалению, не Женя. Не она обнимала его, Петра, ночью, что-то страстно шепча ему. Не она покрывала его поцелуями, растворяя в сладостной истоме, унося в неведомую даль. Не она… Но тогда кто же?

И, словно услышав этот немой вопрос, над которым бился возбужденный мозг Петра, кто-то, прошлепав босыми ногами по полу соседней комнаты, откинул шторку, прикрывавшую вход в чуланчик, где лежал Петр. Он зажмурил глаза.

– Дрыхнешь, ваше благородие? – брызнув смехом, послышался грудной женский голос.

Петр медленно, как бы с усилием разжал сомкнутые веки и замер, словно околдованный. Перед ним во всем очаровании прелестей юного девичьего тела стояло совершенно нагое существо женского пола. Петр, не открывая глаз, смотрел на это невесть откуда взявшееся перед ним чудо. Он боялся пошевелиться, чтобы не спугнуть, не потревожить сказочное видение.

– Может, подвинешься, ваше благородие? Али совсем решил заморозить девку?

Он торопливо отодвинулся к стене, и чудо тотчас юркнуло к нему под одеяло. Обхватив руками его шею и прижавшись к нему, девушка какое-то время лежала молча. Она была сказочно красивой, и Петру захотелось ее поцеловать. Он робко коснулся ее глаз, щеки, а потом, отважившись, поцеловал в губы. Искра страстного желания пробежала по его телу, и он сжал девушку в своих объятиях.

– Ох, ненасытный! – то ли вздохнула, то ли простонала она…

Девушку звали Домной. Нужда, которая поселилась в их подвале после смерти ее отца мастерового Гаврилы Павлова, таки вытолкала Домну на улицу искать средств для пропитания себе и постельно больной матери. Молодость и природная красота способствовали тому, что вскоре она стала «ходовым товаром». Отбоя от клиентов не было, и Домне не приходилось их

искать. Больше того, она сама старалась выбирать их по вкусу, воображая себя то принцессой, то сказочной красавицей, которая милостиво дарит ласки домогающимся ее женихам. Эта придуманная игра даже нравилась Домне. Что ни говори, а кавалеры к ней захаживали видные. К тому же угощали и платили хорошо. Огорчала лишь мать, которая после каждого визита глубоко вздыхала в своем закутке за старым деревянным шкафом, сколоченным еще в первый год их совместной жизни с покойным отцом. Иногда мать начинала плакать, горько приговаривая:

– До-о-оченька! Родная ты моя кровинушка! Что же ты делаешь?! Неужто уличной девкой тебе суждено быть? Да за что же мне Господь кару таку посылает? Пошто так люто карает грешну на склоне лет?

– Перестаньте, мама! – хмуря брови, злилась Домна. – Никакой кары вовсе нет. И уличной девкой, шлюхой, как вы говорить изволите, я не стану. Вот выберу себе красавчика богатенького и пойду за него замуж.

– Да где ж это видывано, штоб так женихов выбирали? – вздыхала мать. – В наше время таких, гулящих девок парни десятой дорогой обходили…

– То в ваше время! – отбивалась Домна. – А сейчас другое время на дворе и женихи другие. И меня, слава Богу, не обходят. Вон Васька-слесарь который месяц за мной увивается и замуж, между прочим, за себя зовет.

– Дак што ж ты, доченька! Шла бы за Ваську. Он парень видный, кудрявый и работящий…

– Ага! Видный, кудрявый. Будет всю жисть стучать своим молотком за копейки, а мне детей его голодных да сопливых нянчить да самой палец сосать, на ево кудри глядючи. Нет уж! Погожу ишо.

– Ой, гляди! Гляди, доченька, не опоздай. Не упусти свое времечко. Оно убежит и потом уж его не догонишь.

– Не упущу. Не лыком шита. Свое возьму.

Говоря так, Домна не лукавила. Она и в самом деле искала себе подходящую пару. При этом уже давно решила, что ее избранником должен стать морской офицер. Почему? А потому хотя бы, что их благородия не простолюдины, а чаще всего дворяне, к тому же при деньгах. Подолгу бывают в плавании, а в море, как известно, бабу днем с огнем не сыщешь. Так что на берег сходят их благородия, по бабам истосковавшись и на все готовые, согласные любую цену платить. Ресторанный уют да водочка с коньяком их желание любовное подогреют, и вот тебе пожалуйста – клиент готов. Бери его голыми руками, как говорится, и делай что хочешь и как умеешь. Домна хорошо знала, чего она хотела и к тому же умение то самое также обрести успела. Так могла приголубить-приласкать, что касатик буквально таял от ее любовных ласк.

Один лейтенант повадился было к ней ходить и даже ревновать ее стал к другим. Обещал целковый прибавить за посещение. Только Домне он не шибко глянулся. Жадноватый больно их благородие оказался, а главное –

дух от него потный очень противный шел. Домне после каждого его посещения приходилось долго избавляться от него, держа открытой форточку и стирая постельное белье. Заработок, правда, был постоянный, но все же, в конце концов, Домна решилась избавиться от своего ухажера, сказав тому, что собирается замуж и не хочет терять доверие жениха. Их благородие посокрушались немного, туманно намекнули на замужество, которое могло бы состояться в будущем при развитии и укреплении их так славно начавшейся дружбы. Словом, расстались они. Расстались мирно и, надо сказать, не вызвав большого сожаления у Домны. А чего сожалеть? Надеяться на какие-то намеки, на какое-то лучшее будущее, которое неизвестно когда наступит и наступит ли вообще. И даже ежели бы оно в самом деле наступило, то невелика радость нюхать «одеколоны», которые исходят от их благородия.

После расставания Домна перебивалась заработками от случайных, разовых встреч, выбирая клиентов, как правило, неподалеку от ресторанов. Здесь и повстречала она красавца мичмана. Петр ей сразу приглянулся. Он хоть и был основательно во хмелю, но все же старался держаться на ногах и не спешил, как другие, сразу залезть к ней под юбку. Парнишка в любовных делах явно был несмышленышем. И Домна сама вела игру, проводя парня по всем ступеням хорошо отработанной любовной утехи. Наигравшись вдосталь поцелуями, она раздела его и уложила в постель.

Петр ушел от Домны лишь под вечер и то не по собственному желанию.

– Пора бы и честь знать, ваше благородие, – играя глазами, намекнула она, освобождаясь от его объятий. – Ты уж совсем никакой, да и я порядком притомилась. Плати должок и ступай себе с миром.

Достав портмоне, Петр выгреб оттуда все деньги. Не считая, положил на тумбочку.

– Ого! – прошелестев ассигнациями, изумилась Домна. – Больно щедрый ты, ваше благородие. Мне чужого не надоть.

Оставив себе то, что она считала законно заработанным, Домна протянула ему остальные.

– Бери, бери! – взмахнул руками Петр. – Я тебе… я тебе еще завтра принесу.

– Завтра? – стрельнув в него взглядом, переспросила Домна. – Значит, придешь?

– Приду, – кивнул головой он и тут же добавил: – Если позволишь?

– Позволю! – засмеялась она. – Позволю, ваше благородие. Мне твоих денежек не жалко.

Петр шел домой к тете Ане, шатаясь от усталости, но с легким, радостно бьющимся сердцем. Он стал мужчиной. Сколько раз отец, да и не только он, произносили эти слова, когда он был совсем маленьким, и потом, когда он, Петр только шел к этому, поднимаясь по ступеням своей возрастной лестницы, пока достиг, наконец, той из них, которая позволила ему самому понять, что на самом деле означают эти слова – стать мужчиной.

– Оказывается, – думал он, – женщины не только дают жизнь нашему брату, но и делают мужчинами. Но, совершая это, они становятся нашими женщинами. Значит, Домна теперь моя женщина. Моя? Моя ли? Но ведь я у нее не первый и, наверняка, не последний…

Пораженный этой мыслью, Петр даже замедлил шаг. Как же так?! Ведь ему, да и, кажется, ей, Домне, было так хорошо вместе. Да что там хорошо! Было сказочно хорошо, было прекрасно. Неужели такое она может чувствовать и с другими? Нет, этого не может быть! Это просто невозможно! С другими… Да, они есть, они существуют, но это совсем не то, что было с ним и с Домной недавно. Это совсем другое. Она вынуждена на это идти ради денег. Вынуждена, чтобы не умереть с голоду, чтобы прокормить себя и больную мать. А те мерзавцы типа Гиляровского и Васильева ради собственного удовольствия покупают ее тело, ее красоту. Покупают, не чувствуя ее мук, ее страданий. Хотя сам он Петр… Разве он сегодня не платил Домне за полученное удовольствие? Разве он не такой же, как они? О, Боже! Выходит, тогда, когда он возмущался походами Гиляровского и Васильева в «веселый дом», когда корил их, он просто ничего не знал о взрослой мужской жизни. Не знал, а они знали. Теперь и он знает. Знает ту томительную сладость, которую испытывает мужчина, обладая женщиной. Значит, тогда они это уже знали, а он – нет, и посему выглядел в их глазах несмышленым желторотиком, вызывающим смех. Вызывающим смех… Но почему же…, почему тогда они не смеялись, а наоборот были смущены и вынуждены были признать его правоту, его правду? Значит, обладание женщиной у мужчины, если он, конечно, имеет право считаться таковым, не сводится только к получению удовольствия. Этого как раз и не было тогда у Гиляровского и Васильева. Поэтому они и вынуждены были поджать хвосты. Но чего же именно у них не было? Те женщины, близостью с которыми они хвастались, не стали неотъемлемой частью их самих, за которую они готовы были драться, чтобы уберечь, защитить их от других, от кого бы то ни было, подобно тому, как это делает волк или лев, любой самец, оберегая свою самку. Как говорит Карычев, да и Маркс, девушки из «веселого дома» оставались для них обыкновенным товаром. Как булка хлеба, колбаса, селедка или тот же кусок мыла. Они могут нравиться и приобретаться при наличии денег. Но говорить о любви к ним просто неуместно. Любовь… Да, да! Именно любовь к женщине отличает настоящего мужчину. У них не было любви! Они не имели на нее права.

Не имели права на любовь. Не имели права… А он? Сам он, Петр Шмидт имеет это право? Ведь еще вчера он считал, что любит Женю, а сегодня оказался в постели с Домной. Как же так? Как же это можно назвать? Женя… Она была первой девочкой, которая ему понравилась и которой, видимо, понравился и он. Казалось, что это и есть та самая любовь. Казалось. А на деле, выходит, нет? Почему? Ведь Женя красивая девушка. Она близка ему по духу, по своим взглядам. Ему было интересно с ней. Почему же его

женщиной, его первой женщиной стала не интеллигентная Женя, выходец из, как говорят, из порядочной семьи, а простолюдинка Домна? Но коль так было угодно судьбе, то как же он, Петр, должен себя вести? Расплатившись с Домной, забыть о ее существовании и продолжать поддерживать отношения с Женей? Нет. На это он пойти не сможет. Не сможет, ибо вольно или невольно вынужден будет врать – то ли Домне, к которой обещал завтра прийти снова, то ли Жене, которой никогда не отважится открыть тайну минувшей ночи.

Жизнь, построенная на лжи, не для него. Иначе он перестанет быть самим собой. Тогда где же выход? Как это ни горько, но, видимо, придется наступить на горло тому чистому, неземному чувству, неземной любви к Жене и, опустившись с небес, разобраться с земными делами, подумать, как защитить женщину, которая стала твоею, как уберечь Домну от липких лап и масляных глаз охотников за женской красотой, превращенной в товар. Да, именно так. Он, Петр еще не знает, что и как он будет делать, но своего мужского человеческого достоинства не уронит и Домну спасет. Обязательно спасет!

Такие и подобные им мысли не давали покоя Петру все рождественские дни, которые он провел у Домны.

– Грешим мы с тобой, ваше благородие, – качая головой, вздыхала она.

– Ничего, Бог простит нас, – лаская ее, успокаивал он. – Да и какой же это грех любовь? Это высший дар природы.

– Любовь… Про што ты, ваше благородие? Кака любов? Какой еще дар? Одаришь ты меня брюхом, а сам сбежишь, небось.

Петра словно током ужалило.

– Замолчи! – крикнул он, сжав кулаки. Испуганно моргая глазами, Домна отшатнулась от него и даже лицо руками закрыла, словно защищаясь от удара. Она казалась такой маленькой, жалкой и беззащитной, что у Петра больно сжалось сердце.

– Прости, – смутившись собственной вспышкой гнева, пробормотал он. – Только… только больше об этом мне никогда не говори. И сама не смей думать. Слышишь?

– Ага, – всхлипнув, согласно кивнула она.

– Я… я люблю тебя, Домна. Ты моя и только моя. Никому тебя не отдам и никто не посмеет тебя обижать. Слышишь?

– Слышу, – немного успокоившись, отозвалась Домна и тут же, жалко улыбнувшись, добавила: – Любовь твоя, соколик, сладкая. А все ж ею одной сытый не будешь…

– Я сделаю все, чтобы ты ни в чем не нуждалась.

Шли дни, недели, а Петр все больше и больше привязывался к Домне. Он купался в ее обворожительных ласках, думая о них на службе и в редкие часы, когда ему удавалось быть у тети Ани.

– Петя, что с тобой происходит? – тревожилась сестра.

– А в чем дело? – прикидывался непонимающим Петр.

– Ты же совсем не бываешь дома.

– Служба, служба, Асенька.

– Ох, что-то ты скрываешь, милый братец.

– Тебе кажется, Асенька, – отбивался Петр, торопясь поскорее покинуть дом.

– Если бы только мне…

– Ну, тетя Аня вообще склонна все преувеличивать.

– А Женя?

– Что Женя? – нахмурился Петр.

– Она обижается на тебя. Говорит, что ты ей совсем перестал писать письма. Женя перестала тебе нравиться?

– Ах, Ася! Ну что ты пристаешь ко мне с такими вопросами? Женя чудесная девушка, но мы с ней просто друзья. Хорошие друзья.

– Вот как! – недоуменно взметнула брови сестра. – Мне почему-то раньше казалось, что ваши отношения с Женечкой не только чисто дружеские, Петя.

– Мало ли что тебе могло казаться. И давай лучше прекратим этот разговор.

– Понятно, – сощурилась Ася.

– Что? Что тебе понятно, Аська? – начал раздражаться Петр.

– Да то, что у тебя, братец, судя по всему, появилась новая дама сердца.

– И что же из этого следует?

– А хотя бы то, что и в этом случае обижать Женю ты не смеешь.

– Так я же не обижаю…

– Нет, обижаешь! Своим молчанием. Женя ждет писем, надеется, а ты молчишь. Не ожидала от тебя такого, Петя.

– Ну, Асенька! – вздохнул Петр. – Что же мне делать, если такое со мной случилось?

– Так ты влюбился?!

– Да. Влюбился и, кажется, всерьез.

– И кто же она? Из хорошей семьи?

– Она простая девушка. Но очень хорошая и удивительно красивая…

– Из простой семьи, говоришь? И где же вы с ней познакомились? Надеюсь, не на улице?

– Как раз на улице, – усмехнулся Петр.

– Ого! Это что-то новое. Так и с уличной девкой можно повстречаться ненароком, с проституткой.

– А разве эти самые уличные девки, как ты, Ася, говоришь, не люди? – чувствуя, как краска залила его лицо, нахмурившись, спросил Петр.

– Нет, почему же, люди, – слегка растерявшись от такой реакции брата, нашлась все же Ася. – Конечно, люди. Но только несчастные люди, Петя. Которые и другим не могут дать ничего хорошего.

– Ты неправа, Ася, – продолжая хмуриться, вел свое Петр. – Они не всегда были несчастными. Таковыми их сделала наша грязная жизнь, мерзавцы типа наших Гиляровского и Васильева. И если создать им нормальные условия, убрать мерзость, которая делает их несчастными, то они, наверняка, сами в состоянии обрести счастье и сделать счастливыми других.

– Ты так страстно говоришь, Петя, как будто это касается тебя самого или очень близкого тебе человека.

– Да, ты права, Ася! Это касается именно меня и близкого мне человека. Самого близкого!

– Что ты такое говоришь, Петя! – всплеснула руками Ася. – Уж не собираешься ли ты связать свою жизнь с проституткой?

– Ты угадала, Ася! Именно это я и собираюсь сделать.

– Пе-е-е-тя! Ты с ума сошел! – прошептала Ася. – Как ты можешь такое говорить?

– Могу! – стоял на своем Петр. – И не только говорить буду, а именно так и поступаю. Пойми меня, Асенька, Домна чудесная девушка. Она такая красавица, которые раз в столетие появляются на свет. Я уверен, что и ты, и тетя Аня, познакомившись с Домной, сразу же полюбите ее и признаете, что я был прав.

Тетя Аня восприняла известие о решении племянника как некую большую беду, которая свалилась на нее. Она и до этого практически непрерывно болела, а тут слегла окончательно и уже не поднималась.

– Боже мой, Петенька! – обливаясь слезами, причитала она. – Да что же ты такое надумал? За что же ты нас с мамочкой твоей покойницей караешь?

– Ах, тетя Аня, – отбивался Петр. – Как вы такое можете говорить? Я уверен, что мама, будь она жива, все правильно поняла и благословила бы мое решение. Вы только увидите Домну…

– Господь с тобой, Петенька! – взмахнула руками тетушка. – Мне только этого не хватало. На краю собственной могилы смотреть, как родной племянник падает в пропасть. Нет, ты уж уволь меня от этой «радости». Уволь!

А между тем бурно начавшийся роман Петра с Домной набирал новые обороты. Не в силах противостоять любовной страсти Петра, которая, казалось, с каждым днем становилась все сильнее и сильнее, Домна все же не могла до конца поверить в то, что, наконец, обрела своего суженого, с которым ей предстоит жить под одной крышей, деля радости и горести. За время своей уличной жизни она привыкла встречаться с разными клиентами. Ей нравилось сравнивать их друг с другом, сопоставляя достоинства и недостатки, нравилось само ожидание чего-то нового, неизвестного как в самих мужчинах, так и в угощениях, а также подарках, которые ей иногда дарили. Теперь всего этого уже не было. Правда, Домна перестала испытывать нужду в пище, одежде для себя и больной матери. Заботу о том, чтобы все это было в доме, сразу же взял на себя Петр. Однако с его появлением в жизни

Домны установилось какое-то однообразие, которое постепенно начало тяготить, а временами и раздражать ее.

Почувствовав, что ей предстоит стать матерью, Домна встревожилась. Судьба одинокой женщины, которая произвела на свет ребенка без законного мужа, явно не устраивала ее. Да и само будущее материнство также не вызывало большой радости. Ведь она хорошо понимала, что с появлением малыша ей придется отказаться от многих земных радостей.

– Петь, соколик, – выбрав, как ей показалось, удобный момент, заговорила она, прижавшись к Петру, – а ить мы, кажись, доигрались.

– Что ты имеешь в виду? – насторожился Петр.

– То и имею, – вздохнула Домна. – Понесла я.

– Ты ждешь ребенка? – вскинулся Петр.

– А то.

– Домначка, родная моя! – обрадовался Петр. – Какая радость!

– Кому и радость, – хмыкнула она. – Рожать же, поди, не тебе.

– Ну что ты такое говоришь! – смутился Петр. – Я знаю, что все это очень не просто, что труд матери – это тяжкий труд. Но это же здорово! У нас будет сын. Еще один Шмидт.

– Это у невенчанной-то бабы? – хмыкнула Домна. – Будет он Павловым. Если, конечно, появится…

– То есть как это?! – задохнувшись от возмущения, выдавил Петр.

– Да так. Схожу к бабке Тарасенковой с соседней улицы. Она многим девкам от греха избавляться помогала. Схожу и дело с концом.

– Ты с ума сошла! – сжав плечи Домны, выкрикнул Петр. – Не бывать этому.

– Пусти, задушишь, – поморщив носик, попросила она.

– Прости. Но ты и думать не смей о всяких глупостях. Слышишь? Ты – моя жена.

– Невенчанная…

– Пока невенчанная! – оборвал ее Петр.

Приняв решение о женитьбе, Петр сразу же развернул бурную деятельность. Прежде всего он решил сделать так, чтобы у Домны исчезли всякие сомнения относительно серьезности его намерений. Петр перевел на ее имя все свои сбережения, которых к тому времени накопилось свыше двенадцати тысяч рублей. Затем направил письмо отцу в Мариуполь, где, покинув Бердянск, теперь жил тот со своею новой семьей, прося его благословения на брак.

Петр весь был поглощен думами о своей будущей семейной жизни, не видя ничего вокруг. Между тем его судьба не переставала волновать тетю Аню и сестру. Сговорившись, они также направили письма отцу Петра и его брату вице-адмиралу Владимиру Петровичу Шмидту с просьбой остановить Петра, помешать его браку с Доминикой Павловой. Командующий Тихоокеанским флотом дядя, хорошо зная фамильное упрямство своего

племянника, понимал, что никакие уговоры на него не подействуют, а посему использовал другой прием. Он обратился к своим бывшим сослуживцам из Морского ведомства с просьбой срочно перевести племянника для прохождения службы с Балтийского на Черное море. И просьба Владимира Петровича возымела действие. Неожиданно для себя Петр получил известие о том, что его ходатайство, о котором он уже начал забывать, удовлетворено: приказом по Морскому ведомству за №86 от 17 июля 1888 года он зачислялся в Черноморский флотский Его Королевского высочества Герцога Эдинбургского экипаж.

Получив это известие, Петр вначале несколько растерялся. Ведь Домна может подумать, что он просто бежит от нее и тогда следует ждать очередной вспышки гнева с истерикой и бранными словами – неприятной черты характера, открывшейся совсем недавно у его возлюбленной. Потом решил, что полученное им предписание высокого начальства может быть даже и к лучшему: он увезет Домну из Петербурга, подальше от родственников и знакомых, там они обвенчаются и начнут для него, а, главное, – для нее новую жизнь.

Однако вскоре последовал удар, которого Петр совсем не ожидал. Получил он его в письме из Мариуполя, от отца.

«…Хочу сообщить тебе, сын мой, – после достаточно прохладного приветствия писал контр-адмирал в отставке, – что дать тебе своего благословения на брак с означенной тобой девицей Домеником не могу. Не могу, поскольку, следует тебе знать, офицеры Российского флота, согласно уже давно существующей традиции сочетаться браком не могут с кем попало. Их избранницами могут стать либо дочери дворянского рода, либо, как исключение, девицы, чьи отцы являются купцами первой гильдии. И тебе, потомственному моряку, следовало бы знать сие, поступая соответственно…»

Словно пораженный ударом грома, расколовшим небо над его головой, Петр долго сидел, сжав пальцами листок родительского письма вместе с конвертом.

– Вот и все! – билась в разгоряченном мозгу мысль. – Вот и все!

Постепенно он стал приходить в себя, пытаясь избавиться от сковавшего его волю шока.

– Неужели все? – тоскливо думал он. – Неужели нет никакого выхода? Но такого не может быть. Просто не может быть! Да, традиция на флоте – великая сила, и переступать через нее никто не станет – ни отец, ни командование. Но как же быть мне, человеку, который теперь слит со своей половиной воедино, который несет ответственность за новую жизнь, которая зародилась благодаря нашей любви? Теперь бросить все, отказаться и от Домны, и от будущего сына? Нет! На такое предательство я не пойду. Я на него не способен. Мне легче умереть, чем поступить так подло. Выход… Есть ли он? Существует ли он вообще? Он должен быть. Обязательно должен. Пусть я, как офицер Российского флота, не могу жениться на Домне, но ведь я

же могу перестать быть им, офицером флота, оставаясь при этом человеком. Да, это трудно, это тяжело расстаться со своею самой заветной мечтой, которая жила в тебе с детства. Но я должен это сделать, чтобы сохранить в себе человека. И кто сказал, что наше расставание будет вечным? Ведь я наверняка могу потом возвратиться к службе на флоте. Не сразу, со временем. А мечта пусть пока подождет, пусть побудет со мной.

3.

В пору детства и юности наши мысли, словно резвые кони, неудержимо рвутся вперед, стремясь поскорее добежать, домчаться до станции взрослости, побыстрее заглянуть в тот неведомый, но отчего-то такой манящий мир. И вот мы достигаем желанной цели. Мы уже здесь. Только нет нам покоя. Молодые силы, нерастраченная энергия зовут нас все дальше и дальше, унося в безбрежное пространство, где в кипении радостей и страданий, торжеств и горестей вершатся человеческие судьбы. Продираясь сквозь их толчею, наши мысли продолжают свой полет. Но теперь они устремлены не только в таинственную неизвестность будущего. Они все чаще окидывают взглядом былое, то, что уже пройдено, пережито нами, как бы оценивая завоеванное, осматривая полученные раны, неизбежные в жизни каждого потери с тем, чтобы взвесить на каких-то своих, невидимых весах наши возможности в предстоящих боях и сражениях, которые готовит нам судьба.

Страницы былого неоднократно подтвердят нам мудрость слов, некогда выведенных рукою древнего мастера на кольце легендарного царя Соломона о том, что «все проходит», что время – великий искусник, врачующий любые раны. Но они же напомнят нам и о том, что сами раны бывают разные и болят и лечатся они также по-разному и в разные сроки. Есть среди них нанесенные нам в пору босоногого детства, такие, о которых мы с годами забываем совсем, которые исчезают из нашей памяти так же, как исчезает ужас, иногда посещающий нас во сне, вместе с пробуждением. Но есть и такие, которые долгие годы, а то и всю жизнь преследуют нас, боля и кровоточа, словно в каком-то затянувшемся страшном сне, терзая чаще всего не тело, а нашу такую хрупкую и так легко ранимую душу. При этом нередко, стремясь ее порадовать и утешить, мы, не ведая того, наносим их сами.

Новизна и свежесть чувства, которое испытывал Петр к Домне, усиленные ответственностью за судьбу как своей возлюбленной, так и будущего ребенка, вдохнули в него не только силы, но и решимость защитить их от любых невзгод и угроз, откуда и от кого бы они ни исходили. А их таки оказалось немало. Чего стоило преодолеть сопротивление самых близких людей – отца и, особенно, тети и сестры. Сколько слез ими было пролито во время практически непрерывных увещеваний. Сколько упреков довелось услышать.

– Боже мой, боже мой! – стонала, всхлипывая, тетя Аня. – Да за что же нам кара такая? За что?! Ведь мамочка твоя святою была…

– Я прошу вас, тетя, – играя желваками, но все же стараясь сдерживать себя, отбивался Петр, – прошу не впутывать в эту историю маму и мою память о ней. Мама здесь ни при чем.

– Как же ни при чем, Петя? – вздыхала, тут же включаясь в разговор Ася. – Как же ни при чем? Ведь ты был ее любимцем…

– Мамочка одинаково любила нас всех!

– Ты прав. Любила всех. Но к тебе она испытывала особые чувства.

– Почему это?

– Да потому что ты был единственным из оставшихся в живых мальчиком. Продолжателем нашего рода.

– И не только! – подала голос тетя Аня. – В тебе, Петенька, продолжала жить ее самая первая любовь.

– Ну что вы такое говорите, тетя! – возмущался Петр. – Какая там самая первая любовь? Мама всю жизнь любила нашего отца…

– Любила! – остановила его, подняв руку, тетя. – Но не всю жизнь. В юные годы ваша мамочка любила другого человека и даже была его женой.

– Вот как! – пораженный открывшейся вдруг ему тайной, воскликнул Петр.

– Что вы такое говорите, тетя?! – прошептала, сделав большие глаза, Ася.

– Да, дети. Я говорю вам святую правду. Вот вам крест.

– И кто же… кто же этот человек? – потирая висок, выдавил Петр. – Почему же мы о нем ничего не знали?

– Да нет, – усмехнулась тетя, – о нем вы как раз знали. И видели его не раз.

– Но кто же это? Как его имя?

– Имя? Имя ему Антон Скоробогатов.

– Дядя Антон?! – одновременно воскликнули брат и сестра.

– Да, дети, – вздохнув, покивала головой тетя. – Именно он. Именно он был первой любовью моей сестрички, а вашей мамочки. Любовью чистой и светлой, которую Катюша подобно божественному, сказочному напитку в драгоценной чаше пронесла в своем сердце через всю жизнь, не расплескав ни капельки.

– Но как же тогда отец? – развел руками Петр. – Он знал об этом?

– Конечно, знал, – тут же ответила тетя Аня и, немного подумав, добавила: – Ваш отец тоже любил маму. Любил крепко, больше жизни. Любил и уважал ее прежнее чувство, ее любовь. И это, это уважение позволило им быть вместе и в то же время сохранить ту первую любовь.

– Странно, – хмыкнул Петр. – Какая-то неземная любовь.

– Вот именно, неземная! – подхватила тетя. – Неземная любовь! Разве это плохо, дети?

– Нет, – сдвинул плечами Петр. – Но все же. Любить человека, который погиб, которого давно уже нет…

– Да, Петя, да! Так, оказывается, тоже случается. Особенно тогда, когда рядом с тобой на земле ходит человек, который постоянно напоминает о том, давно умершем.

– Что вы имеете в виду?

– А то, что ты, Петя, очень похож на Антона Скоробогатова.

– Вот как! – растерявшись, обронил Петр. – А я и не знал…

– Да, да, племянничек! – усмехнулась тетя. – Больше того, уж коль раскрывать тебе эту тайну, то до самого конца. Вы похожи с Антоном не только внешне, но и по духовному складу.

– Родство душ?

– Вот именно!

– Странно все это, – обронила Ася.

– А в жизни всегда много странного, – отозвалась тетя. – Уж вы поверьте, дети, человеку, который прожил жизнь и уже, можно сказать, стоит одной ногой в могиле.

– Ну что вы, тетя! – попыталась остановить ее племянница.

– Успокойся, Асенька, – подняла ладонь тетя. – Я знаю, что говорю. Жизненный путь мой приближается к последней станции. Потому и думаю больше о тех, кто останется здесь, на земле, о вас. Хочу уберечь вас от беды. Теми сбережениями, которые завещаю, а главное – опытом своим. Боюсь, чтобы не совершили вы по молодости, по неопытности чего-нибудь такого, о чем потом всю жизнь жалеть будете. Вот ты, Петя, девушку встретил, говоришь, полюбил и даже жениться собрался. А уверен ли ты, что выбор твой правильный?

– Уверен!

– Что Домна эта станет тебе хорошей женой и верным другом?

– Уверен! Я сделаю все, чтобы она стала такой, – горячо отозвался племянник.

– Э-э-э! – покачала седой головой тетя. – Если бы все это только от нас зависело. Если бы счастье вершилось по нашему желанию, тогда никаких семейных драм и трагедий на земле не случалось.

– У меня…, у нас не случится! – тряхнул головой Петр.

– Дай-то Бог, племянничек!

– И все же, Петя…, – попыталась было вмешаться в разговор Ася, но Петр ее тут же решительно остановил.

– Так. Все. Давайте оставим эти ненужные споры. Я люблю девушку, мать моего будущего ребенка и сделаю все, чтобы они были со мною счастливы.

Тете Ане и Асе ничего другого не оставалось, как смириться с тем, что случилось. Не могли же они в самом деле рвать отношения с Петром, в котором души не чаяли и который, судя по всему, действительно готов был пойти на разрыв даже со своими близкими. Прекратил же он переписку с отцом, отказавшем ему в благословении. Поэтому тетя и Ася старались просто не касаться больного для всех троих вопроса и молча переживали случившееся, в тайне от Петра обливаясь слезами.

А Петр со всей энергией вел подготовку к вступлению в брак. Не получив, как и ожидалось, согласия на брак с простолюдинкой от морского начальства, он тут же подал прошение об отставке.

– Ты решил променять флот на какую-то шлюху? – узнав о решении Петра, возмутился Ставраки. – Выходит, твоя любовь к морю – это одни слова?

– Вот что, Михаил, – едва сдерживая вспыхнувший гнев, ответил Петр. – Море жило во мне с детства, продолжает жить и умрет вместе со мной. И флот я ни на кого не собираюсь менять. Но в данном случае речь идет о судьбе человека, живого человека, за которого я несу ответственность. Это самый близкий мне человек, и его социальное положение никакого значения для меня не имеет. Прошу это учесть, если хочешь оставаться моим товарищем.

– Как знаешь, – подергивая носом, сдвинул плечами Ставраки. – Только смотри, чтобы потом не пришлось кусать локти.

– А уж это не твоя забота.

– Ну, ну.

На том они и расстались.

Командование Петра не хотело даже слушать о том, чтобы согласиться на его брак с Доминикой. Она же, вначале боготворившая Петра, уверовавшая в его большие возможности, видя, как безрезультатно он пытается пробиться сквозь возникшую перед ними стену, сникла. Несколько раз Петр заставал ее с сильным запахом спиртного.

– Доминика! – возмущался Петр. – Ты с ума сошла. Пить в твоем положении – это же преступление.

– А какое мое положение? – пьяно улыбаясь, дурачилась она. – Как у всякой брюхатой бабы…

– Но о ребенке ты подумала? О нашем с тобой ребенке.

– Нет, ваше благородие! – поводив пальцем у него перед носом, отвечала она. – Дите то будет мое. Мне с им горе мыкать. Так што пущай в брюхе обвыкается.

– Как ты смеешь такое говорить?! – задохнувшись от гнева, воскликнул Петр. – Что за дурацкие мысли бродят в твоей голове?

– Могеть и дурацкие, зато правдивые, – стояла на своем Домна. – Ить не дадут тебе твои енералы жениться на мне. Не дадут, хучь тресни. Выходит по всему мне одной бедовать.

– Да не бывать этому! – крикнул Петр. – Завтра же схожу в церковь и договорюсь с батюшкой о венчании.

– Без дозволения начальства?

– А хотя бы и так!

– Дак турнут же тебя с командирства, ваше благородие.

– Не турнут. Я сам уже подал прошение об отставке.

– Вона как! – сделала большие глаза Домна. – А жить же на што будешь? Ить отставленному тебе никто платить не будет.

– Не будет. Однако не волнуйся. С голоду не умрем и не пропадем.

Во время этого разговора Петра поразили две вещи. Первой была явная тяга Домны к бутылке, стремление искать в ней забвения своих невзгод. Второй же – открытый практицизм. Как она спросила: «на что жить будешь?». Выходит, это ее интересует прежде всего, а не то, будут ли они вместе. Нет, Женя бы так не поступила. Она никогда бы не посмела задать этот вопрос. Она наверняка бы пошла на все, чтобы быть с ним, Петром, не задаваясь вопросами, где они будут жить, как и на какие средства. Конечно, это важные вопросы. Но девушка, которая любит, по-настоящему любит, доверив свое сердце, свою душу, а не только тело любимому человеку, не станет их касаться. Да, да! Не станет!

За время знакомства с Домной Петр впервые вспомнил о Жене. Почувствовав, что сравнивает их друг с другом, и это сравнение явно не в пользу Домны, он смутился. Попытался прогнать возникшие вдруг мысли, подумав:

– Ну при чем тут Женя? И я тоже хорош. Затеял к чему-то это дурацкое сравнение, словно какой-то купец на базаре, выбирающий товар вместо того, чтобы быстрее уладить свои семейные дела.

Приняв решение обвенчаться с Домной, Петр довольно легко договорился со священником, и тот их через неделю обвенчал.

А время, между тем, делало свое дело. 28 февраля 1889 года у молодых супругов родился сын. Радости Петра не было предела. Он, Петр Шмидт, стал отцом! И не просто отцом, а отцом сына, будущего мужчины, продолжателя их рода. И пусть отец пока возражает, но факт остается фактом. Не может быть, чтобы дед-адмирал не признал своего внука. А уж он-то, отец (звучит-то как странно и в то же время здорово!) позаботится о том, чтобы малыш стал настоящим, хорошим человеком. Конечно, не сам он этого добьется, а вместе с матерью мальчика, с Домной. Правда, сейчас Домна почти совсем неграмотна. Но ничего. Он, Петр, обучит ее грамоте и позаботится о ее культуре. Это будет не просто, но без этого нельзя.

Когда стали решать вопрос, какое имя дать новорожденному, мнения родителей разошлись.

– Гаврилкой пущай будет, – предложила Домна. – Как дед его.

– Ну почему Гаврилкой? – возразил Петр. – Тогда мой отец обидится.

– Тада нехай будет Петром как адмиральский дед.

– Послушай, – подумав, нашелся Петр. – А что, если назвать нам его Евгением.

В памяти его снова всплыла Женя Тилло, девушка, с которой он тогда обошелся, мягко говоря, не лучшим образом и о которой теперь все чаще и чаще вспоминал. Петр пытался о ней забыть и даже думал, что это ему удалось. Но оказывается, что это не так. Женя какими-то неведомыми нитями продолжала держать его душу, которая где-то в своих потаенных уголках хранила, сберегала оставленное ею тепло. И оно было приятно и дорого ему, Петру. Так пусть же это тепло и дальше живет в нем и… передастся его сыну…

– Ивгений? – засомневалась Домна. – Какое-то не наше имя.

– Почему не наше?! – настаивал Петр. – Такое же русское имя как Петр, Иван, Гаврила и другие. Вон у Александра Сергеевича даже роман так называется «Евгений Онегин».

– Ляксандра Сергеевич кто таков?

– Поэт Пушкин.

– А! Про Пушкина слыхала. Хороший был мужик.

– Ну вот! – обрадовался Петр. – Значит согласна?

– Коли у Пушкина Ивгений есть, пушшай и у нас будет, – согласилась, наконец, Домна.

Летом того же 1889 года Петр вышел в отставку с присвоением ему звания лейтенанта флота. Чтобы помочь Домне окончательно избавиться от кошмара прежней жизни, Петр решил сменить место жительства. Молодая семья переехала в Москву, где поселилась в доме Банникова в Лазаревском переулке. Жили пока на сбережения, которое некогда удалось скопить Петру и которыми теперь распоряжалась Домна. Хозяйкой она оказалась неважной и весьма расточительной. Видя, что в доме появляются совершенно ненужные вещи, Петр пытался говорить об этом с женой, но та начинала злиться. Деньги таяли как весенний снег, и Петр с тревогой думал, что же будет с ними, когда они совсем иссякнут. На что жить? Как он сможет прокормить семью? Ведь поступлений никаких и ни от кого ждать не приходится. Отец давно о себе не дает знать. Да и, если бы отношения их не разладились, разве мог он из своей даже, казалось бы, солидной адмиральской пенсии выделить для него, Петра что-либо существенное. К тому же и сам Петр не мог бы позволить себе влачить иждивенческое существование. Нет, это не для него. Он должен, обязан обеспечить и себя, и жену, и ребенка сам. Да, да! Именно сам, потому что Домна ему здесь вряд ли может стать помощником. По крайней мере в ближайшие годы. Дай Бог ей управиться с воспитанием Жени.

Воспитанием… Каким оно будет? Ведь для того, чтобы воспитывать другого, человек сам должен быть достаточно образован и воспитан. Ни того, ни другого у Домны нет. Пока нет. Образовавшееся свободное время Петр рассчитывал использовать для того, чтобы как-то восполнить этот пробел, научить жену хотя бы читать и писать, помочь освоить хотя бы азы самых необходимых знаний. Но его намерение не встретило желанной реакции со стороны Домны. За урок она садилась, что называется, из-под палки, книгу брала в руки с явной неохотой и после занятий старалась спрятать ее как можно быстрее и куда-нибудь подальше, чтобы потом труднее было найти. Зато появление бутылки вина в доме моментально озаряло ее лицо радостной улыбкой, в корне меняло настроение, делало ласковой и обаятельной.

Петр обошел уже всех знакомых, побывал во многих местах, но найти подходящего для себя места работы пока не удавалось. Когда же он совсем готов был впасть в отчаяние, пришла весточка от Аси. Сестра сообщала о том, что вышла замуж за инженера и теперь носит фамилию Избаш, а также о том, что они с мужем мечтают переехать на постоянное место жительства куда-нибудь на юг.

«…Хотелось бы, Петенька, – писала Ася, – поселиться в теплом месте. Лучше всего для нас подошел бы Крым. Представляешь, рядом ласковое море и горы, покрытые лесами. Это же поистине сказочный рай. Почему, спросишь, сказочный? Да потому, любимый братец, что пока для нас это неосуществимая мечта. Ведь наша дорогая тетя Аня по-прежнему прикована к постели и никаких надежд на то, что она сможет поправиться нет. Сколько еще будут продолжаться ее муки, врачи предсказать не решаются. Говорят, что это одному Богу известно. А раз так, то и мне суждено быть у ее постели, по мере своих сил и возможностей облегчая ее страдания…»

Прочитав письмо сестры, Петр долго сидел, понурив голову. Уходит из жизни дорогой человек, тетя, родная сестра мамы, которая так много сделала для них. Асе сейчас наверняка очень трудно. Да разве только трудно? Ведь наверняка она несет большие расходы на лекарства и приглашение докторов. Одна несет. А он совершенно ничем не может ей помочь. Уже заложено все, что только было можно. Как жить дальше? На что кормить семью? Неужто ему так и не удастся вырваться из нужды, которая все сильнее сжимает его своими железными пальцами?

Теряя надежду найти подходящее место работы, Петр нередко остается дома. Возится с маленьким сынишкой. Мальчик растет и уже что-то лепечет на своем языке. Боже, у него, Петра, который, кажется, совсем недавно сам был ребенком, уже есть сын. Он – отец. Как это приятно и как больно осознавать, что ты ему не можешь дать то, что считаешь нужным. Ведь Петр хорошо помнит, что сам он в пору детства никогда не испытывал нужды. Отец с мамой обеспечивали их всем необходимым. Денег, которые зарабатывал отец, вполне для этого хватало. А мама умело вела хозяйство и занималась воспитанием детей. Какая хорошая у них была семья!

Семья… Семь «Я»… Какая же, оказывается, это сила, когда она есть, когда она существует. Когда все семь «Я» (пусть не семь, а три, четыре, пять) живут одной жизнью, общими интересами. Казалось бы, все просто, все естественно. Полюбили друг друга двое, освятили свою любовь в церкви. Нарек их батюшка мужем и женой, и родилась семья, которой остается крепить свою любовь, растить детей да радоваться. Только почему-то не всегда так получается. Всегда какие-то недобрые силы вмешиваются в их жизнь, выстраивая всяческие преграды. Словно испытывают на прочность саму любовь.

Вот и у них то же самое. Молодая семья еще не успела сложиться, окрепнуть, а житейские штормы уже обрушиваются на нее. Кому это надо? Зачем? Ему, Петру, не везет с работой. А Домна все чаще стала исчезать из дома. Говорит, была у какой-то своей новой подруги. Но что она за человек, эта самая подруга, чем занимается, неизвестно. Сама Домна об этом рассказывать не хочет. Только отмахивается:

– Зачем тебе мои бабские дела?!

Бабские дела. В них мужчине, как будто бы, в самом деле не следует вмешиваться. Не должен же муж контролировать каждый шаг жены. Тогда ведь никаких семи «Я» не получится: будет одно его, мужнино «Я» и только. Этого он, Петр, не хочет. Больше того, такое положение ему просто претит. Его мечта о том, чтобы они с женой были друзьями, которые во всем поддерживают друг друга, всегда готовы прийти на помощь и во всем доверяют. Тогда, он уверен, и третий член их семьи, маленький Женька, который смотрит на него доверчивыми глазами, будет расти таким же как они.

Однако почему-то таких отношений у них с Домной пока нет. От своих подружек она приходит, как правило, поздно и к тому же нередко под хмельком. Вот и сегодня Домна явилась домой, когда на землю первопрестольной столицы опустилась ночь. Он сам искупал, покормил и уложил спать сынишку. Домна же, как сразу обнаружил Петр, вошла, едва держась на ногах.

– Ну что же ты, голубушка? – покачал головой Петр.

– А што?! – воинственно подбоченясь, вскинулась Домна. – Думал, привязал меня? Бабе теперича и с подружками посидеть не можна? Чашку чаю выпить возбраняется?

– Ох, и крепкий чай у вас нынче вышел! – хмыкнув, покачал головой Петр.

– Всяко бывает, – сбросив пальто, буркнула Домна и тут же торопливо юркнула в комнату, где спал Женя.

Испытывая дрожь во всем теле, Петр пересек комнату и опустился на скрипнувший под ним топчан. Какое-то время сидел молча, пытаясь подавить в себе вспыхнувшую злость. Тяжелый взгляд его усталых глаз медленно перемещался по комнате, переползая с одного предмета на другой. Вот он скользнул по поверхности старенького шкафа, перебрался на приткнувшийся в углу стол и остановился на основательно потертом футляре виолончели. Его

старая подруга, играть на которой Петра учила когда-то мама. После ее смерти он часто играл на этом инструменте. Казалось, что, беря его в руки, он как бы прикасается к маме, изливая издаваемыми звуками то, что накопилось в его детской душе, чем болело его сердце. Играя, Петр приходил в себя, успокаивался. Ах, как это было давно! И как давно он не открывал футляр и не касался смычком струн своей подруги.

Прикрыв дверь в соседнюю комнату, где спали Домна с Женечкой, Петр подошел к футляру, напоминавшему по форме важно подбоченившуюся барыню.

– С чего бы это вам важничать? – грустно усмехнувшись, подумал про себя Петр. – Нам с вами, сударыня, сегодня можно только грустить.

Достав инструмент, Петр осторожно коснулся смычком струн. Послышался звук, похожий на всхлипывание. Видимо, давно не работавшие струны утратили свою упругость. Привычными движениями Петр настроил виолончель и снова провел по струнам. Теперь они, как ему показалось, облегченно вздохнули, словно сбросив с себя неудобный, мешавший им как-то груз и готовые послушно следовать движениям его души. Петр прикрыл глаза, и по комнате, тускло освещаемой догорающей свечой, поплыли нежные звуки. Виолончель, словно слившись с Петром, став его неотъемлемой частью, своим голосом озвучивала то, чем жило его раненное сердце. Она как бы самостоятельно, без его участия пела о безысходной тоске замерзающего в заснеженной степи ямщика, который, собрав последние силы, через товарища обращается к своим близким, о больном кочегаре, который, теряя сознание, не может оставить свой каторжный труд, поскольку механик им и так недоволен, о чьей-то неразделенной любви, которая губит страдающего человека. Петру казалось, что в звуках виолончели он слышит голоса этих людей, изливающих свою боль и даже различает слова, которые шепчут их губы. Ах, как они были духовно близки ему. Как хорошо он понимал и сочувствовал этим людям, терпящим бедствия, испытывающим нужду.

Задумавшись, Петр не заметил, когда отворилась дверь, ведущая в соседнюю комнату. Возникшая в проеме Домна какое-то время, пошатываясь и держась за лутку, недоуменно смотрела на играющего мужа.

– Все пилишь? – зевнув, бросила она.

Прервав игру, Петр поднял голову.

– Ни сна тебе, ни отдыху! – обрушилась на него Домна. – Тольки голову к подушке прислонила, а тут будто хто шелудивого кота за хвост таскает. Што, думаю, за зараза такая. Встала, гляжу, а тут муженек мой бавится. Нечего сказать, нашел времечко нитки пилить на чертовой деревяшке. Кинь ие, будь она неладная. Бо завтре спалю.

Отгремела, отбарабанила и, громко хлопнув дверью, скрылась в комнате, все еще продолжая что-то сердито бубнить.

– Ну вот тебе и душевная близость, а с нею-то и вся любовь, – горько усмехнулся Петр, укладывая в футляр виолончель.

4.

Бесцветные и серые дни томительно медленно проплывают один за другим словно осенние тучи, складываясь в такие же бесцветные и серые месяцы. Вот уже который из них он, Петр, живет в Таганроге, куда неожиданно забросила его судьба, ведя какие-то свои, мало понятные ему игры. Пытаясь разобраться в них, уловить их сущность, сознание неторопливо листает страницы книги памяти, вглядываясь в прошлое, утратившие своей четкости следы, приведшие их сюда.

Тогда он, Петр, почти целую неделю находился в Туле, городе русских оружейников, о котором ранее ему доводилось читать в книгах да в газетах, либо просто слышать. Там как будто бы намечалось место его будущей работы. Петр планировал обернуться в два дня. Однако непредвиденные обстоятельства вынудили задержаться: то приходилось ждать выяснения чересчур осторожными хозяевами какого-то мелочного, как казалось Петру, вопроса, то вовремя, как на грех, не оказывалось на месте нужного человека, то еще какая-либо преграда, неожиданно возникающая там и тогда, где и когда ее просто-напросто не должно было быть. Петр нервничал, возмущаясь, во всю ругал про себя русскую расхлябанность и нераспорядительность, но терпеливо ждал. Однако с местом снова не получилось. Предполагаемая работа требовала переезда и, к тому же, жалованье, которое сулил хозяин-банкир, было крайне низким.

Менять первопрестольную с ее, конечно же, далеко не петербургской, но все же своей, заметной и известной в стране театральной, литературной и

вообще культурной жизнью, с хоть и небольшим, но все же уже сложившимся кругом знакомых людей на эту самую Тулу совсем не прельщало Петра. Город хоть и губернский, но малопривлекательный. Там же от скуки одними картами только спасаться можно, а то еще чего доброго, запьешь с тоски зеленой. Тогда в вине навеки утонет мечта о море, о кораблях и дальних морских походах. А о том, чтобы поднять образование Домны хотя бы до более-менее пристойного уровня, который бы позволил ей взглянуть на себя со стороны и понять всю несуразность, нелепость своего прежнего поведения, пробудить хотя бы желание, простое желание попробовать искать выход из того состояния, в котором она находится. Ведь он же, Петр, понимает, что Домна так и не смогла оторваться от того дна, на котором она оказалась. Оно, словно липкая трясина, засасывает ее. Петр изо всех сил старается удержать жену от гибели (а о том, что путь, которым идет она, вернее на который толкает ее нечто, ему не ведомое, непонятное и ужасное) ведет именно туда, он нисколечко не сомневался ни разу. И тогда Домна, возвратясь к прежнему, пропадет сама. Он, Петр, лишится жены, а их сынишка, такой славный и такой беззащитный, – столь необходимой ему матери, которая прежде всего призвана согревать маленького человека своей любовью в то время, когда он делает первые шаги, отправляясь в дальнюю дорогу по крутым тропам жизни, а также научить его любить других людей. Да, да! Именно научить любить. Так, как это сделала некогда его, Петра, мама.

Словом, переезд в Тулу мало прельщал Петра, вернее – совсем не прельщал. Свою поездку туда он считал напрасной, зря потерянным временем. О чем честно признался Домне.

– Ну вот опять! – недовольно проворчала жена. – Я ить знала, что ничего путнего не выйдет. Тольки деньги зря проездил. Псу под хвост кинул.

– Странно ты рассуждаешь, Домна! – сдвинул плечами Петр. – По твоему выходит, что я должен сидеть возле тебя безвыездно, а дело как-то само собой решится. Так что ли?

– Дело! – продолжала ворчать Домна. – Како там дело? Я уж вижу, что никакого дела нет и не будет. Так, одни пусты слова…

Они в очередной раз поругались. Вернее, ругалась одна Домна, почему-то все более раздражаясь и обрушивая на Петра потоки всяческих злых слов. Петр больше отмалчивался. Потом махнул рукой и ушел из дому. Долго бесцельно бродил по улицам, пытаясь успокоиться, прийти в себя. Думал над неудавшейся с самого начала их с Домной совместной жизнью. Почему так выходит? Пусть ее судьба помять успела. Но на свою-то судьбу он ранее жаловаться не мог. Жил в достатке, был всеми любим. Получил образование в одном из лучших учебных заведений России, об учебе в котором мечтали многие мальчишки. Впереди маячила судьба служить на кораблях Российского флота. Правда, пока, конечно, о кораблях тоже приходилось только мечтать. Но ведь это же пока. Рано или поздно, но и эта мечта его сбылась бы. Словом, человеком с трудной, а тем более исковерканной

судьбой он, Петр, себя не считал. Ранее не считал. Судьба, следует признать, была милостива к нему. Теперь же она показывала свой норов, поворачиваясь к нему совсем другой стороной. Почему? За какие грехи? И есть ли они у него?

Нет, конечно, он, Петр, не святой. Все время презирал «зеленого змия» и удивлялся тем людям, которые тянулись к рюмке, и во хмелю куролесили, творили всяческие чудеса. Думалось, как это нормальный человек может доходить до такого, что теряет разум, а с ним и облик человеческий? Такое просто не укладывалось в сознании. И вот тебе на. Других осуждал, а сам же на их месте оказался. Напился в ту новогоднюю ночь, что называется, до состояния риз. Да что там говорить! До свинского состояния. Мало того, что домой не смог добраться, угодил в постель к совершенно незнакомой девице. Разве не грех это? Ого! Еще какой. Он это понимает и отрицать не собирается. Да, здесь он, Петр, выглядел не лучше тех же Гиляровского и Васильева. Не лучше, а может быть даже хуже. Только есть между ним и ими одна существенная разница: он не бросил встретившуюся ему на пути падшую Домну, как это неоднократно делали они, удовлетворив свою похоть в «веселом доме». Не бросил, напротив, он протянул ей руку помощи, пытается спасти. Одно это если не снимает полностью его грех, не освобождает от него, то, по крайней мере, делает гораздо меньшим. Кроме того, само решение спасти Домну было продиктовано не простой жалостью к девушке, которая, при внешнем, кажущемся благородстве, все же таила в себе унижение ее человеческого достоинства. Скрытого от других, невидимого другим, но все же существующего в жалельщике, живущего в нем как некое самостоятельное существо, постоянно напоминающее о себе, возвышающее его над тем, к кому проявлена жалость и кто, по его мнению, должен быть всегда благодарен за это. Нет, нет! Петр не считал себя таким жертвенником-жалельщиком. В основе его решения лежала не жалость, а любовь. Да, да! Именно любовь. Любовь к Домне. Именно она, любовь, это благороднейшее и загадочное чувство, вспыхнув в его, Петра, сердце повелело ему быть вместе с Домной, идти с нею по жизни рядом, защищать от всяких невзгод и напастей и поддерживать.

Защищать и поддерживать… Каким легким делом это казалось тогда, когда пылающая любовным жаром Домна, такая беззащитная, маленькая и хрупкая в его глазах, доверчиво прижималась к нему. Он готов был прикрыть ее своим телом, защитить от всего и вся своими руками. Потому решительно и смело позвал ее за собой на свой жизненный корабль и повел, даже не считаясь с тем, хочет она этого или нет. Правда, тогда для него сияло солнце, дул попутный ветер и его корабль, подняв паруса, легко скользил по жизненному морю. Это нравилось ему самому да и, видимо, ей. Теперь же все обстояло иначе. Их настиг шторм, который с каждым днем крепчает. Семейный корабль терпит бедствие. Да, да! Именно бедствие. Это надо признать со всей откровенностью. И у него, Петра, капитана этого корабля, все чаще возникают вопросы: посильный ли груз он взял на свой борт?

Хватит ли у него сил материально, финансово обеспечить свою семью, поднять на ноги маленького Женечку? Нет, нет! Он не думает отступать, а тем более сдаваться, ни при каких обстоятельствах. Будет бороться до конца и с той задачей, которую поставила перед ним судьба, справится. Постарается решить ее. Вот только как? Как отыскать правильный подход к этому?

Возможно, если бы рядом были друзья, он в первую очередь посоветовался бы с ними. Нет, он не из тех, кто живет, как говорится, чужим умом. У него есть свой. Есть кое-какое видение и путей выхода из кризиса, в который он попал и который с каждым днем давит его все сильнее и сильнее. Пусть он долго не может найти для себя подходящего места работы с приличным жалованьем. Тогда, может быть, рискнуть и открыть какое-нибудь свое дело. Какое? Ну хотя бы воздухоплаванье. Разве не мог бы он научиться летать? Ведь в Париже существуют для этого специальные школы. Он не хуже других и наверняка справился бы с этим. Потом приобрел бы летательный аппарат и устраивал платные представления в той же Москве. Говорят, в других больших городах на этом кое-кто неплохо зарабатывает. Опасно? Конечно! Но где вы найдете работу, чтобы была она денежной и в то же время безопасной, а тем более не трудной? Главное – найти эти самые деньги. Во-первых, для учебы, а во-вторых, – для покупки подходящего летательного аппарата.

Были бы рядом Николай и Володя, они бы помогли их достать. В долг, в кредит, как угодно. Со временем он бы рассчитался. Только где они, друзья? Семеро бывших воспитанников Морского училища были арестованы за участие в военном кружке после его провала, нити которого тянулись в киевский арсенал. Среди арестованных был и Николай Шелгунов, признанный военно-морской прокуратурой в качестве одного из организаторов кружка в Морском училище. Следствие по этому делу велось энергично и результаты его были увенчаны резолюцией самого царя-батюшки, которая гласила:

«…Его Императорское Величество в присутствии своем в Гатчине… соизволил отдать следующий приказ:

…Сослать Шелгунова и Черневского на каторжные работы: первого – на 8 лет, а второго – на 6 лет…»

Не были забыты и другие кружковцы, отправившиеся в ссылку на разные сроки в Сибирь. Правда, в не столь отдаленные ее места. Узнав об адресе товарищей-кружковцев, Петр опасался, что и его постигнет та же участь. Однако на сей раз беда, больно ударив по одному из самых близких друзей, его обошла стороной. Обошла, поскольку на допросах друзья не выдали его.

На свободе оставался и Лесли. Однако служба Володи протекала далеко, на Черном море. Как-то месяцев пять тому назад получил Петр от него письмо, где тот, поведав о своем житье-бытье, сообщал и о том, что встретился в Одессе с их соучеником.

«…Представь себе, Петра, такую картину. Иду я с патрулем по Ришельевской улице. На душе покой и благодать. Одесса ведь и впрямь прекрасный город. Тут, надо признать, Мишка Ставраки был прав, когда расхваливал ее в бытийность нашей учебы на все лады. Не любил я этого субчика и, видимо, никогда не полюблю, что бы ты мне не говорил, Петра, и как бы ни убеждал. Но в данном случае вынужден разделить его мнение и признать себя поклонником этого прекрасного града… Так вот, милый, шествую себе спокойно по улице. Матросы из караульной команды сзади, а я отчего-то расчувствовался, размечтался. Эх, думаю, хорошо бы с тобой и Николя повстречаться. Подхожу вон к тому перекрестку, а тут – вы. Вот бы радость-то была. Сколько бы вспомнили всякого разного, сколько бы проговорили! Наверняка бы ночи нам не хватило. Подхожу к этому самому перекрестку и вдруг (мать честная!) вижу в двух шагах от меня за углом офицер дубасит кулаками здоровенного матроса. Да не просто лишь бы как, а норовит попасть ему в лицо. Тот закрывается, как может, руками, но не всегда ему это удается, судя по тому, что на губах кровь. И кем, ты думаешь, оказался тот боксер? Им был наш Гиляровский. Да, да! Тот самый. Я с трудом удержал его, прервав «труд праведный». Оказывается, матрос тот небрежно приветствовал офицера. Я, конечно, увел с собой того матроса. По дороге же выяснил, что он, оказывается, земляк твой, Петро, из Бердянска. Да не просто земляк, а твой хороший знакомый Антон Пархоменко. Когда я про то узнал, решил взять грех на душу и отпустить парня, чему он, естественно, не противился и был несказанно рад, благодарил «наше благородие». Я же пошел дальше и записал ему твой московский адрес. Так что жди теперь посланьице от спасенного мною из лап нашего Гиляра своего знакомца…».

Письмо от Антона и вправду нашло Петра. Читая его, он испытал двойное чувство. Было радостно, что отыскался друг его детства, один из тех, с кем был он особенно близок в годы жизни в Бердянске. Но то же письмо расстроило Петра сильно. Расстроило из-за того, что писал его не тот Антон, с которым они были на равных тогда, который некоторыми своими качествами даже заметно выделялся в их тройке. Ведь и он, Петр, и ныне покойный Израиль видели, что Антон много сильнее каждого из них, что никто так, как он, не сможет быстро поставить парус или управиться с веслами, когда по морю гуляет волна. Да и в смелости Антону отказать нельзя было. Словом, по целому ряду личностных качеств был Антон среди них первым. Правда, это свое первенство сам он никогда не подчеркивал. Но они-то с Израилем хорошо знали его достоинства. Теперь же, читая письмо, Петр диву давался: Антон почему-то обращался к нему не на «ты», как в прежние годы, а на «вы». Что это? Результат того, что они долго не виделись и Антон отвык от него? Но ведь и он, Петр, так же давно не видел Антона, однако ему бы и в голову не взбрело смущаться при встрече или обращаться на «вы». Что же произошло с Антоном за эти годы? А ведь произошло.

Тогда они были детьми. Оба мечтали о море. Но мечты их были разными и уже тогда отличались. Помнится, как-то Антон сказал, что Петру в

будущем предстоит быть офицером, а ему самому тянуть лямку матросской службы. Он, Петр, тогда горячо возражал, убеждал друга, что, стоит лишь обучиться грамоте, получить образование, и он также может добиться права носить офицерские погоны и кортик. Он верил, что это вполне осуществимо и даже взялся помогать другу детства. Прошли годы. Кто же оказался прав? Он, Петр, вчерашний гимназист, сын морского офицера, имеющего высокий чин, или Антон, мальчишка из бедной рыбацкой семьи? Почему же Антон уже тогда знал, что будет с ними через несколько лет, а он, Петр, не знал? Не потому ли, что для него и ему подобных Россия открывала практически все дороги жизни и ему казалось, что это делается для всех. Оказывается, это не так. Далеко не так. Большинство мальчишек из рабочих семей, да и крестьянского сословия имеют лишь одну уготованную им судьбой тернистую дорогу – ту, где кусок хлеба добывается тяжким трудом. И флот Российский с армией могут открыть им одни двери – душных матросских кубриков и солдатских казарм. Блеск офицерских мундиров и золото погон не для них. А те, кому они доступны, отцы-командиры должны не только обучать матросов и солдат воинскому делу, но стараться, чтобы их подчиненные никогда не забывали, кто они и знали свое место. При этом особенно ретивые старания проявляют, используя для своих уроков все – и кулаки, и пинки, и, если потребуется, то и оружие. Один из таких «уроков» как раз и довелось наблюдать Володе Лесли, как его преподавал Антону Гиляровский. Конечно, никто из них от этого мерзавца иного и не ожидал. Но разве мог Петр подумать даже, что свое «искусство» тот будет демонстрировать на его друге? Ведь Антон за эти годы, пожалуй, вымахал в здоровенного детину. И, будь они в одинаковом положении с Гиляровским, наверняка себя бы в обиду не дал. Мог так двинуть этого щеголя, что от того одно мокрое место, как говорится, осталось бы. Но не смеет, поскольку за оскорбление офицера, не говоря уж о том, чтобы дать сдачи как следует, матросу грозит суд и жестокая кара. Бедолагу в такие места сошлют, так закатают, что свет белый ему не мил станет, а прежняя служба раем покажется. Вот и приходится терпеть. И Антону придется очень нелегко. Ведь, если они служат с Гиляровским на одном корабле, то этот мерзавец обязательно будет искать возможности отомстить, отдать ему то, что тогда помешал сделать на улице Ришельевской Володя Лесли. Конечно, корабль кораблю рознь: если это, скажем, броненосец, то он – махина огромная. Может, и службу они с Гиляровским несут в разных местах. Но все же корабль есть корабль. И вероятность избежать встречи со своим злопамятным, желчным обидчиком у Антона очень маленькая. Что же делать? Как помочь другу детства?

Понимая, что письма, прежде чем попасть в руки матросам, которым они адресуются, внимательно прочитываются теми, кто несет охранную службу и отвечает за спокойствие на кораблях, Петр тщательно обдумывал свое послание Антону.

Описав, как был рад получить весточку от друга детства, напомнив о том, что увлекало и объединяло их в те далекие годы, Петр заверил Антона, что он все тот же, все такой же, как был прежде, и для него никакой не «ваше благородие», а просто Петр Шмидт. Таким он был, таким и останется. Поэтому незачем его величать на «вы» и, к тому же, по имени отчеству. Сообщил о том, что женат и у них с Домной растет сын Женька.

«…А мечтаю я, – писал он, – о том, чтобы сын, Антон, рос здоровым и сильным, как ты. Признаюсь тебе, друг мой дорогой, что в детстве мы с Израилем очень завидовали твоей силе и твоей ловкости. Теперь я понимаю, что их обрести можно было только трудом, работою. Думаю, настанет время, когда все люди будут равными, будут трудиться, когда труд будет у всех в почете, а праздно проживающие свою жизнь подвергнутся позору и презрению. Я верю, что такое обязательно будет и все дети будут расти в труде, любви и радости. И все мы должны к этому готовиться и, по мере своих сил, стремиться приближать это время.

Зная тебя, Антон, верю, что и ты в стороне не останешься, внесешь свою лепту в это большое дело. Об одном тебя прошу: будь осторожнее, ибо, кроме тех, кто жаждет его приближения, а значит заботится о благе нашего отечества, о благе России и ее народов, есть и те, кто не желает этого. Они действуют коварно и нагло, а бьют по лучшим. Остерегайся их.

Жму твою могучую трудовую руку.

Твой Петр Шмидт.»

Ах, как много хотелось еще сказать Антону, дать совет, как вести себя дальше! Ведь написав о необходимости остерегаться недругов, Петр и не думал о том, что Антон теперь должен прятаться от того же Гиляровского и иже с ним, либо совсем сложить руки и, вобрав голову в плечи, ждать, когда другие будут добывать ему вожделенную свободу, братство, равенство и счастье, о которых столько написано. Он не усидит и будет, конечно же, среди тех, кто будет подниматься на борьбу. Вот только бы не торопился, не лез, как говорят украинцы, поперед батька в пекло. Там, в том самом огне, можно погибнуть ни за понюшку табака. Нужен, очень нужен батька, который бы сплотил всех честных людей, прежде всего рабочих, работный люд, объединил в единую силу и, стукнув кулаком по столу, сказал мироедам: «Все, хватит! Поизмывались над народом и хватит. Долой! Обойдемся и без вас. А коль сами уйти не хотите, силой заставим!» Нужен такой человек, такой «батька». Ах, как нужен. Только где он? Нет его сейчас…

– Господи! – тряхнув головой, прервал свои размышления Петр. – Мечтаю о благе других, всех людей, а свою семью обеспечить как следует не в состоянии. Того и гляди, настанет день, когда в доме куска хлеба не будет. Где искать выход? Да и есть ли он?

Уже в который раз нужда подсказывала ему: «Обратись к тете Анне. Попроси у нее взаймы на какой-то срок». Но Петр упорно отвергал этот путь.

Тетушка сама живет, мягко говоря, не слишком богато. Конечно, кое-какие накопления у нее есть и деньги водятся. Но ведь она постоянно болеет. Приходится нести большие затраты и на врачей, и на лекарства. И, как пишет Ася, эти затраты не уменьшаются, а с каждым днем растут. Доходы же… Ну, какие у одинокого и старого человека доходы? Так что обращаться к ней со своей просьбой просто стыдно. Тетя Аня, конечно, не откажет ему и, наверняка, выделит какую-то сумму из своих сбережений. Но как он сможет возвратить ей долг при своем таком, прямо скажем, катастрофическом положении? Главное же, что он и обратиться к ней с просьбой своей не имеет морального права. Они же с Асей просили его не жениться на Домне, предупреждая, что этот брак сулит только одни лишения и всякие другие неприятности. Он же решительно отверг их советы, заверив, что со всеми трудностями справится сам. Отверг. А теперь, выходит, пойдет просить взаймы, а значит тем самым признает, что они были правы. Нет, так не пойдет!

Набродившись по заснеженным и безлюдным в этот час московским улицам и основательно продрогнув, Петр нехотя направился к своему дому. Смахнув огрызком метелки снег с обуви и отряхнув одежду, вошел в переднюю. Она была пуста. На столе тускло мерцала догорающая свеча.

– Опять Домна свечу задуть забыла, – недовольно подумал Петр, направляясь к столу. Приблизившись, заметил лежащий посреди стола конверт. Потирая озябшие руки, взял письмо и сразу же узнал знакомый почерк сестры. Вскрыв конверт, быстро пробежал глазами первые строки письма и тут же бессильно опустился на стул.

«Дорогой Петя! – писала Ася. – С прискорбием сообщаю тебе о кончине нашей дорогой и незабвенной тети Ани. Покинула этот мир поистине святая женщина, которая всю свою жизнь думала не о себе, а о других и которая все последние годы нежно согревала нас с тобой по-настоящему материнским теплом и заботой…»

Прочитав письмо, Петр какое-то время сидел молча, прикрыв глаза и положив руки на краешек стола. Услужливая память воссоздала образ еще живой тети Ани. Вот она, переваливаясь с ноги на ногу словно огромная утка, грузно движется по просторной комнате. Годы и болезнь уже дают себя знать. Но глаза ее (такие знакомые и родные мамины глаза!) по-прежнему блестят молодо, излучая добрую улыбку. Тети Ани уже нет. Но в это никак не хочется верить. Кажется, что весть о ее кончине – это просто дурной сон. Может быть, это и в самом деле так? Стоит ему, Петру, только пробудиться, открыть глаза, как сразу все изменится. Не будет тех многих километров, что отделяют его от знакомого петербургского домика, в котором им с Асей всегда было тепло и уютно. Не будет заснеженной Москвы, оказавшейся столь негостеприимной по отношению к его семье. И вообще никакой семьи, ничего того, что случилось с ним в последние два года тоже не будет. Он окажется все тем же беззаботным гардемарином Морского училища, рядом с

которым верные друзья Николай Шелгунов и Володя Лесли, и живая, здоровая тетечка Аня, ждущая прихода в гости своего племянника и, конечно же, приготовившая свои знаменитые пирожки.

Эх, если бы все это было действительно так! Если бы. Только этого уже нет и не будет. Не будет никогда…

На следующий день он выехал в Петербург. Вместе с Асей и ее мужем побывали на кладбище. Поклонились могиле тети Ани, ее последнему земному пристанищу.

– Вот и все, – помолчав и промокнув платочком слезы, вздохнула Ася. – Теперь из старшего поколения у нас остался только папа.

– Да, Асенька, – кивнул головой Петр. – Только папа…

Дальше говорить об отце не хотелось. Старый адмирал продолжал демонстрировать свой характер: на свои два посланных ему письма ответа Петр так и не получил. То ли столь сильной была обида на сына, что тот женился без его позволения и благословения, которую он вынашивал в себе сам, терзая душу, то ли новая жена, которая почему-то с самого начала невзлюбила пасынка, подливала масла в огонь, мешая наладить им отношения. Кто знает. Только образовавшийся между ними разлад существовал и возможности его ликвидировать он, Петр, тогда не видел. Временами он корил себя за то, что не был более покладистым и не проявил должного терпения, убеждая отца в правильности своего решения вступить в брак с Домной. Как-то даже закралась мысль, что свой шанс помириться с отцом он упустил, назвав сына Евгением, а не Петром по сложившейся в их семье традиции. Но он тотчас ее отверг, поскольку, предприми он такой шаг на тот момент, был бы очень похож на нашкодившего кота, который, стремясь загладить свою вину, пытается ходить на задних лапках.

– Нет! – решительно сказал себе. – Это не для меня. Да и память о Жене я не предам. Хотя бы память, если уж так у нас с ней вышло…

Так думалось тогда в Петербурге. О смерти отца они с Асей еще ничего не знали. Эту весть принес бывший управляющий пароходства, основанного отцом в Мариуполе, Ненцель. Собственно говоря, и пароходством его назвать можно было только условно. Скорее всего это была небольшая судовладельческая кампания. Она владела тремя шхунами, на кормах которых владельцы устроили беседки, увитые зеленью, предназначавшиеся для перевозки пассажиров. Кампания быстро прогорела, видимо, ускорив уход из жизни старого адмирала.

Ненцель же, к тому времени ставший членом правления коммерческого банка в Таганроге, услышав о сложностях, переживаемых Петром, предложил ему место служащего в банке. Наследство, которое завещала ему тетя Аня, позволяло каких-нибудь год-два обеспечивать семью материально. Однако возникал вопрос: что делать потом, когда средства иссякнут? Подумав, Петр согласился. Все же какая ни есть, а работа. К тому же на юге, в приморском городке, чья история тесно связана с деяниями Петра I, с созданием флота российского.

Домна, услышав о предстоящем переезде, закатила скандал.

– Не поеду, хоч реж! – кричала на весь дом, пугая соседей и маленького Женечку, который, прижавшись к отцу, молча моргал глазенками. Однако, перебушевав, все же согласилась. Теперь, кажется, пока довольна. Еще бы! Деньги в доме, хоть и небольшие, но постоянно водятся. По крайней мере, семья его нужды не знает. Да и Домна стала больше внимания уделять их дому и сыну. Правда, пару раз он, Петр, обнаружил, что от нее пахло спиртным. Но Домна божилась и клялась всеми святыми, что со старым покончено, а запах тот оттого, что зуб у нее разболелся и она его лечила.

Что же касается самого его, Петра, то он вначале как будто бы имел основания быть довольным своим нынешним положением. У него была более или менее пристойная работа, хороший начальник Михаил Маркович Фумели, который в нем, что называется, души не чаял и, введя в свою семью, относился как к родному человеку. Да и сам он, Петр, уже давно не чувствовал себя так тепло и уютно, как в доме Михаила Марковича, среди его домочадцев. Он с удовольствием катался по воскресеньям в городском саду с Михаилом Марковичем и его сыном на велосипедах, вызывая восторг наблюдавшего за ними Жени. А тот и хотел, и боялся взобраться на диковинное сооружение с огромным передним и малюсеньким задним колесами, на сидении которого восседал его отец. У Петра выкраивалось время почитать, заняться рисованием, где он, как будто бы, даже достиг некоторых успехов. Его акварель «Зимний вечер в деревне» вызывала восторг у многих, кто ее видел. А управляющий банком Наманский даже хотел ее купить, предлагая 25 рублей. Ого! Выходит, у него появляется еще одна статья дохода. Совсем неплохо.

По иному теперь запела и виолончель Петра. Кроме грустных народных мелодий в доме все чаще звучала веселая музыка, под которую приплясывал сынишка. Петр принят местной интеллигенцией. Бывает на музыкально-вокальных вечерах, которые устраиваются ее представителями. Благоприятный климат способствовал укреплению его здоровья. Забыты часто донимавшие его в Петербурге, да и в Москве насморк и кашель. Он снова полон сил и, ощущая, как они играют в его ставшем удивительно легким теле, в каждой его мышце, радостно, полной грудью вдыхает живительный морской воздух.

Море. Оно было рядом с ним. Стоило лишь выйти на берег и он видел это, кажущееся опрокинутым на землю небом, творение. Спокойное и доброе в теплую безветренную погоду. Но временами сердитое и даже грозное. Его любовь, его давняя мечта. Море, словно живое существо, порой говорило с ним, нашептывая о давно и безвозвратно ушедшем детстве, ласково касаясь песчаного берега губами прибоя, чаще грохотало, наваливаясь на него громадами волн, словно возмущаясь теми несправедливостями, которые творились на земной тверди людьми и которых здесь, в Таганроге, было нисколько не меньше, чем в каком-либо другом городе Российской империи.

Но больше всего, а вернее – постоянно море звало Петра к себе, тревожа его сердце и душу, напоминая о его призвании, о некогда данной клятве на верность ему.

Оттого-то те обретения и достоинства, которые имел Петр, переехав в Таганрог и которые, казалось бы, должны были радовать его, вскоре как бы поблекли, отступили на задний план, уступая позиции грусти и тоске. И эта последняя все больше и больше овладевала им. Почувствовав, что дальше терпеть ему просто нет сил, Петр решился наконец поговорить об этом начистоту с Домной.

– Не могу без моря, Домночка! – разводя руки, признался он. – Просто не могу!

– Како тебе ишшо море?! – хмыкнув, возмутилась она. – Вона оно, рядом.

– В том то и дело, что оно рядом, – вздохнул Петр. – Оно рядом, а я на берегу. Моряк же должен быть в море. Там его жизнь.

– А я же как? – посопев, глухо обронила жена, видимо все же поняв, что этот вопрос для Петра очень важен. – Ты будешь плавать, а мне с Женькой пропадать?

– Так я же буду приезжать к вам! Как и все моряки. А как же! Разве ты одна будешь такой? – бросился убеждать жену Петр. – Восстановлюсь на службу и деньги у нас будут, и все другое. Не то, что сейчас. Со временем купим собственный дом. А там Женя подрастет, определим его в Мореходное училище…

– Ишшо чего! – возмутилась Домна. – Мальца в мореходы! Нет уж, хватит нам и тебя.

– Ладно, ладно, – не став спорить, согласился Петр. – Пусть Женя подрастет, а там видно будет…

Не раз он подступался с этим вопросом к Домне и та в конце концов согласилась.

– Делай, как знашь! – махнув рукой, сказала однажды. – Тольки шоб деньги у меня были. Вот так.

Обрадовавшись, Петр в тот же день написал прошение на имя Александра III, занявшего престол после убийства своего предшественника. «Просит отставной лейтенант 2-го флотского Черноморского экипажа Петр Петров Шмидт, – старательно выводила слегка подрагивающая от волнения рука, – о нижеследующем: здоровье мое позволяет мне продолжать службу Вашего Императорского Величества, а посему, представляя при сем медицинское свидетельство, всеподданнейше прошу: дабы повелено было определить меня на действующую службу…

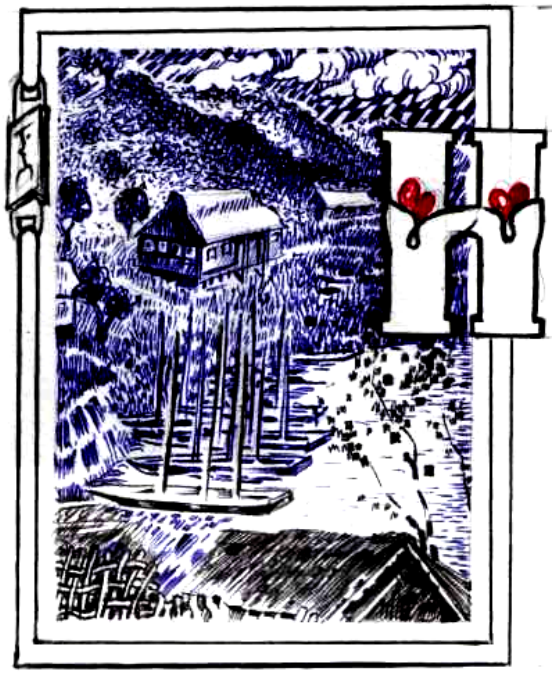
К сему П.П. Шмидт.

Марта 27 дня 1892 года».

Зная, как долго решаются подобные дела в столичных кабинетах высоких чиновников, Петр приготовился терпеливо ждать решения своей судьбы. Пусть это будет целый год или даже больше, лишь бы решение было положительное. Ведь без моря ему нельзя. Без него он просто пропадет.

Однако ответ пришел гораздо быстрее, чем он ожидал. Вскрыв конверт, доставленный ему из Морского ведомства, Петр узнал, что 22 июня 1892 года приказом за № 94 он определен на службу с зачислением в 18-й флотский экипаж. Правда, не в чине лейтенанта, а – мичманом.

– Ну и черт с ними! – ругнулся про себя Петр. – Главное сделано: я возвращаюсь в строй и смогу заняться любимым делом.



5.

Над бухтой Золотой Рог во всю сияло солнце. Его несущие тепло и свет лучи, касаясь поверхности воды, баюкали дремлющую в редком покое громаду Тихого океана, ласкали сопки, которые безмолвными часовыми застыли, охраняя безопасность самых дальних берегов российской земли. И, словно поддавшись чарующему волшебству небесного светила, наполненные его энергией, на глазах менялись люди. Лица встречных значительно чаще, нежели прежде, озарялись улыбкой, вызывая ее же в ответ. Базарные торговцы обретали редко присущие им вежливость и сговорчивость. Даже обычно преисполненные важности и пренебрежения, а то и открытой ненависти к назойливым посетителям чиновники, которые, по их мнению, бессовестно отравляют жизнь и лишают заслуженного покоя столоначальников, в тот день были заметно добрее и терпеливее. Только младший флагман русской эскадры в японских водах контр-адмирал Чухнин упорно не желал замечать радующей человеческую душу игры сияющего в

безоблачном небе золотого диска и пребывал в отвратительннейшем настроении.

Причиной тому послужило донесение жандармского ведомства об обстановке, которая складывалась на кораблях эскадры. А она, нужно признать, складывалась не лучшим образом. Да что там говорить: обстановка была препаршивейшая. Практически не было ни одного благополучного корабля. На каждом из них секретное ведомство фиксировало позорные случаи если не казнокрадства, то пьянства и разврата, процветавшие в офицерской среде, не говоря уж о мордобое матросов, который процветает сплошь и рядом. Конечно, чего-то особенно нового, из ряда вон выходящего во всем этом нет. И сам он, Григорий Павлович, за годы флотской службы не раз встречался и с пьянством и с загулами своих коллег, господ офицеров флотов его императорского величества, в которые нередко ударялись те, обезумев от долгого пребывания на металлических коробках среди обманчивого шепота волн, сулящих так редко сбывающееся счастье морской жизни. Где оно, то самое счастье? Откуда ему взяться у того же лейтенанта флота, когда он болтается где-нибудь посреди морской стихии, а его жена тоскует, мается, скучая на берегу? К тому же поди узнай, одна ли она и, коль тоскует, то по нему ли. За далью – даль, куда уносятся, играя в свои бесовские игры, громады волн, того не разглядеть. Да и чайки, казалось бы, верные подруги моряков, про то также не рассказывают. Вот и мечется в тревоге молодая лейтенантская душа, то кипя злостью лютой к своей избраннице, подозреваемой в мыслимых и немыслимых грехах, о которых она, бедная, и думать никогда не смела, то млея от невысказанной любви и нежности, которые моряк готов излить на свою подругу, едва оказавшись на столь желанном берегу, осыпая ее золотом и всякими там жемчугами. А для того ведь деньги нужны. И к тому же немалые. Лейтенантского жалованья на это не хватит. Куда там! Вот и приходится думать-гадать, где добыть эти проклятые деньжата. Нет, конечно, кое у кого из офицеров они водятся. Некоторые из них из состоятельных семей и нужды в деньгах не испытывают. Только таких не так уж и много. Да и служат они то ли в столице, поближе ко двору, то ли в теплых краях, на Черном море. Здесь же, на самом краешке земли российской, на грозном с обманчивым названием Тихом океане таких и вовсе единицы. В основном же сюда попадают романтики. А у этих откуда деньги? Как правило, – ни кола, ни двора. Но жить же, жить, как другие, по-людски, в достатке, ни в чем себе не отказывая, и им хочется. Вот и едут на край света в поисках счастья своего. Едут, думая, что, коль здесь солнце раньше всего встает, то им, может быть, поболе других его тепла достанется. Только дудки. Оно раньше встает, но не каждого согревает, не каждого счастливым делает. Тем же, кому того самого счастья не достается задаром, просто так, пытаются добыть его либо за карточным столиком, надеясь на то, что придут к ним, приплывут вожделенные тройка, семерка да туз, просаживая свое жалованье, либо запуская руку в корабельную казну. А при неудаче чаще всего – сгоняя злость на матросне.

Он, Григорий Павлович, это знает не понаслышке. На себе испытал, сколь не просто совершать восхождение по служебной лестнице к тому самому счастью. В карты он не играл и воровство тоже считал делом богопротивным. Так что единственным путем для себя видел старательную службу. Ради нее и себя не жалел, и подчиненных щадить не считал нужным. Служба ведь тогда видна, когда вся команда действует как часовой механизм, когда не только офицеры, но и матросы, все нижние чины волчками вертятся, исполняя любую команду. Один сплоховал – усилия десятков насмарку пошли и капитана прежде всего. С него же начальство в первую очередь спрашивать станет. И спрашивало. Ну и он, Григорий Павлович, конечно, то же самое делал. Может быть даже в еще большей степени. Не одна матросская морда под его кулаками кровавой юшкой умывалась. Так ведь это же ради службы, ради дела, ради порядка, черт побери! Это же понимать надо. Да-с! И понимают. Только не все.

Взять того же бывшего командующего Тихоокеанским флотом адмирала Шмидта. Дело свое он, конечно, знал. В этом ему не откажешь. Но либерал ужасный! Во время очередных учений он, Григорий Павлович, будучи старшим офицером на одном из кораблей подчиненной Шмидту Дальневосточной эскадры, решил блеснуть меткостью артиллерийской стрельбы. А тут, как назло, канониры завозились и, к тому же, промазали. Что ты скажешь! Он, естественно, не сдержался, дав волю рукам. Адмирал тогда ему ничего не сказал. Только криво усмехнулся. Думалось, что на том все дело и закончится. Ан нет! Не простил ему Шмидт той слабости: лишил Григория Павловича очередной награды за грубое обращение с матросами.

Грубое обращение, видите ли! А каким оно должно быть, извольте объяснить? Цацкаться с этими самыми матросиками, ручкаться что ли? Нет, сударь мои, с этим он, Григорий Павлович Чухнин никогда не соглашался и согласиться не может. Так порядка на флотах не добиться и дисциплины не удержать. И обиду свою, нанесенную тогда адмиралом Шмидтом, он не забыл. Не забыл! Живет она в нем. Болит, ноет, нет-нет да и напомнит о себе, поскольку он, Григорий Павлович, не считает себя виноватым. Подумаешь, ткнул он тогда матроса в морду. Ну и что? Для того эти самые морды и существуют, чтобы учить матросню службе, воспитывать. А то разводим антимонии всякие, либеральничаем кто его знает зачем.

Громко, вслух такое Григорий Павлович старался не говорить. И Владимир Петрович Шмидт про его обиду тоже ничего не знает. Зачем? Он нынче далеко, в самой столице. Старший офицер всего Российского флота. Величина ого-го! Да и про тот давний случай, может быть, забыл. А вот он, Григорий Павлович, нет-нет да и вспоминает.

Вот и сегодня он опять вспомнил о том же. Почему? Да потому, что в докладе жандармской службы промелькнула знакомая фамилия – Шмидт. Думал вначале – сынок адмиральский. Так нет. Сынок Владимировичем бы значился, а этот – Петр Петрович. Может быть, племянник? Или он, Григорий

Павлович, ошибается? Так ему Владимир Петрович насолил тогда, что на нескольких недругов хватит. Хотя нет, был и еще какой-то Шмидт. Точно был! О нем Григорию Павловичу то ли в газете, то ли в приказе, то ли еще в какой казенной бумаге доводилось читать. Только вот что именно, о чем речь шла, сейчас он не мог вспомнить. Ну да ладно. Раз не может вспомнить, значит не такая уж и важная шишка тот Шмидт. Да и жив ли теперь? Значит, судя по всему, опасаться его нечего. Страшнее тот, Владимир Петрович, который нынче в главном морском штабе сидит. Этот, пожелай только, достать может. Ого! Еще как может. Одно спасение, что нынче далеко он, в Петербурге. А оттуда не все видно и не все слышно. Не все. К тому же есть такие вещи, о которых кое-кому в столице не очень и хотелось бы слышать. Вот как, скажем, тому же почтенному Владимиру Петровичу о своем однофамильце лейтенанте Шмидте же Петре Петровиче. Сидит он себе спокойненько в своем тихом и теплом столичном кабинете и тут бумажку ему кладут на стол. А в той бумажке за его, Григория Павловича, подписью сообщение-с: так, мол, и так, хочу сообщить вам, ваше превосходительство, что племянничек ваш (Ну да! Скорее всего племянничек!) в неблаговидных поступках замешан, якшается с матросами, допускающими противоправительственные разговоры, угрозы неповиновения офицерам и всякое другое прочее. Факты? Их сколько угодно. Как пишут жандармские писаки, даже собственная жена показывает против этого самого лейтенанта Шмидта. Так то! Обрадует такая бумага Владимира Петровича? Ясное дело, не обрадует. Огорчится адмирал. Ох, как огорчится. И наверняка его, Григория Павловича вспомнит. Может, и пожалеет, что когда-то обидел.

Пожалеет. Хорошо бы! Ну а вдруг и нет? Не пожалеет и не раскается, а только еще больше осерчает, подумав:

– Что это ты мне, адмирал Чухнин, мерзопакостные депеши шлешь? Видать ты, как и прежде, человек недобрый к людям и наказывал я тебя тогда совсем не напрасно. Доверили тебе большую должность, а ты вот каков. Так что не о дальнейшем повышении твоем, а о соответствии думать надо.

Н-да! Так то ведь тоже может обернуться. Еще как может. И тогда прощай надежда на столь желанный перевод на Черное море, прощай карьера. Вот такая штука получается. Посему черт с ним, с этим лейтенантом. Пусть пока служит, а там видно будет. Служить ведь тоже по разному можно. И это не только от всяких там лейтенантов зависит, но и от него, Григория Павловича тоже.

– Вот, вот! – найдя, как ему показалось, правильное решение, произнес Григорий Павлович. – И от нас тоже…

Сказал и впервые за этот день улыбнулся.

Петр Шмидт не был свидетелем ни мрачного настроения контр-адмирала Чухнина, ни озарившей вдруг его суровое лицо лучезарной улыбки. Изменчивая злодейка судьба продолжала играть с ним свои коварные игры. Будучи зачисленным на службу в 18 флотский Балтийский экипаж с

понижением в звании, Петр так и не смог почувствовать себя комфортно в сановном и парадном Петербурге.

Целыми днями пропадая на службе, он лишился возможности контролировать действия Домны. А та, возвратившись в столицу, быстро восстановила старые связи со своими подружками и все возвратилось на круги своя. Забыты были реки пролитых ею слез раскаяния, которыми сопровождалось практически каждое похмелье после очередных пьяных сцен, забыты клятвы все изменить и стать совсем другой, примерной женой и ласковой матерью. Домна пила запойно, неделями и нередко на несколько дней исчезала из дому. Возвращалась измочаленная, с серым испитым лицом и страшными синяками под глазами. Еле ворочая языком, лепетала что-то несвязное в свое оправдание. То на нее напали какие-то урки, которые, оглушив, затащили в подвал и, угрожая убить Женечку, вымогали деньги. То какая-то из подружек подсыпала ей колдовское зелье в чай и она несколько дней проспала. То еще какое-то приключение, которое случилось почему-то именно с ней, Домной.

Петр видел, что жена ему безбожно врет, все больше и больше отдаляясь от него и сына. Мальчик по целым дням был предоставлен самому себе и это больше всего беспокоило Петра.

– Ну, хорошо! – кусая губы, в который раз думал он, отправив спать угомонившуюся наконец жену. – Женя пока послушный мальчик и находит, чем занять себя дома. Какое счастье, что я научил его читать и привил любовь к книгам. Теперь он живет среди книжных героев, которые умеют различать добро и зло, умеют встать на защиту первого и противостоять второму. Поэтому пока я могу быть спокойным, что он не свяжется с ватагой каких-нибудь бродяг, которых полно на улицах столицы, особенно здесь, на окраине, где живем мы. Но это пока. Однако нельзя же надеяться на то, что мальчик и дальше будет пребывать в своем сказочном мире и в один прекрасный день не захочет открыть дверь и переступить его порог. Какой мир он встретит и на какую тропу отважится вступить?

Петр старался как можно чаще бывать с сыном. Рассказывал ему всякие жизненные истории, которые, по его мнению, должны были бы помочь мальчику в жизни. Однако служба отнимала уйму времени, оставляя ему самую малость для домашних дел.

После очередной пьяной выходки Домны, на этот раз избившей до полусмерти сына, который, едва вырвавшись из рук разбушевавшейся матери, убежал полураздетый на улицу, где и нашел его дрожащим как осиновый лист отец, терпение Петра лопнуло.

– Ты не мать! – играя желваками, но стараясь сдержать бушевавшую внутри ярость, сказал он ей.

– А кто я, по-твоему? – глядя на мужа затравленной волчицей, попыталась огрызаться Домна.

– Ты… ты дрянная женщина! Мать не может так поступать со своим ребенком. Я решил забрать Женечку и уехать с ним, оставив тебя.

– Пе-е-етр! – простонала она. – Ты бросаешь меня? Я же пропаду! Я сгину без тебя, без вас!

Снова была истерика. Лились слезы. Произносились клятвы и … Петр сдался.

– Хорошо! – решился он. – Я прощаю тебя в последний раз. Слышишь? В последний раз. Но отсюда, из Петербурга, из этого города разврата и всякой мерзости мы уедем.

Начав хлопоты о переводе куда-нибудь подальше от столицы, он довольно быстро добился своего. 5 марта 1894 года Высочайшим приказом по морскому ведомству Петр был назначен производителем гидрографических работ отдельной съемки Восточного океана с переводом из Балтийского флота в 18-й флотский Сибирский экипаж под начало капитана 1 ранга Брандта.

В начале марта они отправились в путь. Это было поистине сказочное путешествие, которому больше всех радовался Женя. Еще бы! Ведь перед мальчиком открывался невиданный мир. Вначале поездом они добрались до Одессы. Петр, в ожидании оформлявшихся проездных документов на дальнейший путь, целыми днями бродил вместе с сыном по знакомым улицам родного города. Женя, сияя глазенками, заворожено слушал рассказы отца о том, как тот, таким же мальчишкой, как и его сын, когда-то играл в сыщиков и разбойников.

Они постояли у их дома, того самого дома в Струдзовском переулке, где тогда жили Шмидты. Глядя на окно, из которого он любил в детстве смотреть на море, Петр задумался. Боже мой! Как все это было недавно, совсем недавно и, в то же время, как давно. Он зажмурил глаза и так стоял молча, не решаясь их открыть. Мысленно он возвращался в свое детство. Ему казалось, что в шуме волн, который доносился с моря, ему слышатся голоса его товарищей. Да, да! Это они! Вот сейчас он откроет глаза, повернется и сразу же увидит их озорующими на берегу. Сейчас, сейчас! Только нет. Сначала перед ним откроется то самое окно и в окне он, Петя, а рядом мама. Вот она неслышно подходит к нему сзади, кладет свои теплые руки ему на лечи и целует его в голову, ласково спрашивая:

– Мечтаешь, капитан?

– Ага, мамочка, – смутившись, признается он. – Мечтаю…

– Ой, папочка! – неожиданно вскрикнул Женя. Открыв глаза, Петр недоуменно смотрит на сына.

– В чем дело? – спрашивает он, нахмурившись.

– Так больно же! – отдернув руку, обиженным голосом жалуется Женя. Оказывается, он не заметил, как, задумавшись, сильно сжал руку мальчика. Вот чудак!

– Прости, сына, – смущенно покашливает Петр. – Я нечаянно… Болит? Дай ручку.

– Нет, нет, папочка! – трясет головой сынишка. – Уже не болит.

– Совсем не болит? – усмехается Петр.

– Совсем. Ну, разве что капельку. Самую капельку.

– Ну хорошо. Теперь пойдем к морю.

Там, на берегу, под шелест набегающих друг за дружкой волн Петр рассказывает о том, как когда-то мальчик Миша подстрелил чайку. Женя молча слушает, провожая взглядом снующих над волнами чаек.

– То был плохой мальчик, – наконец, глубоко вздохнув, роняет он. – Очень плохой.

– Да уж, – кивает Петр. – Хорошим его, пожалуй, не назовешь.

А потом… Потом на пассажирском пароходе «Москва» вечером они отправились в плаванье. Черное море пересекли спокойно. К середине следующего дня вошли в пролив Босфор. Высыпав на палубу, пассажиры любовались минаретами, которые остроконечными свечками украсили скалистый берег турецкого Стамбула.

– Вот вам и Константинополь, – обронил Петр.

– Какой там Костинополь! – недовольно буркнула Домна. – Говорят же тебе Стабул.

– Не Стабул, а Стамбул, – усмехнувшись, поправил жену Петр.

– Ну дак а ты гриш Кастинополь какой-то.

– Константинополь – это прежнее название города. Он тогда, до завоевания турками, был столицей могучего государства Византия.

– Вона как, – зевнув, нехотя согласилась Домна. – Тольки в сон меня чтой-то клонит. Пойдем поспим, Женька.

– Не-е-е! – затряс головой Женя. – Ты иди. Иди себе. А я здесь с папочкой побуду. Посмотрю.

– Чего там глядеть. Скрозь горы и горы иголками утыканные.

– Это не иголки, а минареты, – рассмеялся Петр.

– Да ну тебя! – махнула рукой Домна. – Все одно глядеть не на что. Пойду.

– Иди, иди, – не стал удерживать Петр. Он уже давно стал замечать, что Домна отдаляется от них с Женей. И чем дальше, тем больше. В то же время, как ни странно, это обстоятельство, которое раньше наверняка вызвало бы у него бурю чувств – обиду, тревогу, злость – теперь мало заботило его. Больше того, он даже рад был, когда Домна, замыкаясь в себе, где-нибудь уединялась, оставляя на его попечение сына. А Женька всем сердцем стремился к нему. Он старался быть с отцом все время, которое тому удавалось выкроить от службы, засыпая его десятками вопросов.

Вот и сейчас, едва Домна успела отойти на несколько шагов, они последовали один за другим.

– Папочка! – теребил его сын. – А кто такие эти турки?

– Народ такой. Очень воинственный.

– Но откуда он взялся, этот народ?

– Из Азии, сын, пришел.

– Ну а где эта Азия?

– Так вон же она, – рассмеялся Петр. – На той стороне.

– Как так? – сделал большие глаза Женька. – А на этой что?

– На этой – Европа.

– Там Азия, а здесь Европа?

– Конечно! Вот этот пролив, который называется Босфором, разделяет два континента – Европу и Азию.

Выйдя в Средиземное море, они узнали, что такое настоящий шторм. Громадные горы-волны швыряли их пароход, такой огромный и могучий с виду, словно малую щепку. Домна с Женей остались спать в каюте, а Петра потянуло на капитанский мостик.

– Позволите? – поднявшись по трапу, спросил он бородача-капитана.

– Не сидится в каюте? – бросив на Петра недовольный взгляд, спросил капитан. – Пусть уже мы грешные…

– Так я тоже из грешных…

– Моряк, что ли?

– Так точно.

– Оставайтесь, коли так, – подобрев, разрешил капитан. – Поможете продираться.

– Если буду полезен. Что там по прогнозам впереди?

– Шторм во всю. До самого канала.

– Неужто все время так идти будем?

– А что же нам остается? – развел руками капитан.

Петр окинул взглядом карту, на которой был прочерчен курс корабля.

– Долгонько еще болтаться, – присвистнул он. – Долгонько.

– От шторма не спрячешься.

– Так-то оно так. Только, может быть, можно Кипром прикрыться.

– Кипром? – вскинулся капитан.

– Ну да! – отозвался Петр. – Обойти его слева. Вот так.

Он показал на карте, как следует миновать остров Кипр.

– Так, так, – задумчиво произнес бородач, разглядывая карту.

– Василий Васильевич, – поддержал Петра штурман, – а ведь коллега дело советует. Слева от Кипра сейчас потише. Пока пройдем его, глядишь, и дальше успокоится.

– Так крюк же придется делать какой.

– Зато штормягу обманем.

– Ну что ж. Давай будем пробовать. А вам, коллега… Простите, не знаю, как вас величать?

– Петр. Петр Петрович Шмидт.

– Очень приятно. Известная на флоте фамилия. – Адмирал Шмидт вам батюшкой доводится?

– Который из них? – усмехнулся Петр. – У нас в роду два адмирала с такой фамилией.

– Ах, вот как! – смутился капитан. – Я имею в виду того Шмидта, что на Тихом океане.

– Нет, тот дядя мой. Моего же отца уже нет в живых.

– Простите великодушно.

– Ничего, ничего.

– Значит, видно по всему, быть и вам адмиралом, Петр Петрович.

– О! – рассмеялся Петр. – От лейтенанта до адмирала путь огромного размера.

– Пройдете. Обязательно пройдете. А пока спасибо вам за совет. Большое спасибо.

В Порт Саид пришли ранним утром с некоторым опозданием. Вошли в Суэцкий канал. Измученные ночным штормом пассажиры спали. Стараясь не разбудить Домну и Женю, Петр тихонько покинул каюту и, осторожно прикрыв за собой дверь, вышел на палубу. Долго стоял, наблюдая, как уверенно и спокойно их пароход режет своим острым носом гладь ровного как стрела канала.

– Ах, вот ты где от меня спрятался, папочка! – послышалось сзади и в тот же миг сын юркнул Петру под руку.

– Проснулся, соня?

– Ага! А мамка все спит.

– Почему мамка? – нахмурился Петр.

– Ну, папа! – скривился Женя. – Она же такая…

– Какая? – допытывался Петр.

– Ну, вредная и… злобная.

– Неправда. Мама добрая…

– Злобная, злобная! – затряс головой сын и, видимо, не желая продолжать разговор на эту неприятную для него тему, схитрил: – Смотри, смотри, папочка, какая красивая чайка. И вон, и вон еще. Это, наверное, мама с детками.

– Может быть, – вздохнул Петр. Он уже давно заметил, что Женя не питает особой привязанности к матери и старается при первой же возможности уйти из-под ее контроля. Это его огорчало, но пока возможности как-то поправить положение он не видел. Главное же, что к этому не стремилась сама Домна, которую Женя, необходимость заботиться о нем, заниматься его воспитанием попросту обременяли и которая при первом удобном случае старалась избавиться от сына, охотно оставляя их вдвоем с отцом или даже одного.

Они пробыли на палубе почти весь день с небольшим перерывом на обед. В Суэц прибыли к вечеру. Город не произвел на путешественников какого-либо особого впечатления. Город как город. Не вызвал он интереса и у Жени. Окинув взглядом его окрестности, начавшие теряться в вечерних

сумерках, Женя вдруг принялся допрашивать отца, почему море, в которое пароход их входит, называется Красным и где оно начинается.

– Ведь мы же плывем все время по одной воде, папочка? – недоумевал мальчик. – Почему же имена у нее разные?

– Но, сынок, усмехнулся Петр. – Мы все время плыли по морю. Только моря те были разные. Помнишь, до Турции мы шли Черным морем.

– Помню.

– Потом миновали пролив Босфор, который разделяет два материка – Европу и Азию. За ним кончилось Черное море и началось Средиземное.

– Ага.

– Потом, когда вы с мамой еще спали, наш пароход у Порт Саида вошел в Суэцкий канал. Он является как бы границей между Азией и Африкой. А вот за этим городом Суэцком начинается то самое Красное море.

– Но почему его так зовут?

– Почему? Говорят, потому что живет в этих водах большое количество морских водорослей и вот от них то вода становится красноватого цвета.

– А как она становится?

– Как? – переспросил Петр. – Да я и сам толком не знаю. Вот вырастешь большой, выучишься и, может быть, откроешь эту тайну. Хорошо?

– Ладно, – кивнул головой Женя. – Я люблю открывать тайны.

– Ну вот и молодчина!

Следующую остановку пароход «Москва» сделал в порту города Коломбо – административного центра английской колонии Цейлон. Субэкваториальный, муссонный, влажный климат зоны Индийского океана, по которой пролегал маршрут парохода, угнетающе действовал на многих пассажиров, в том числе и на Домну. Большую часть пути она пластом лежала в каюте, во всю проклиная Петра и его решение о далеком переезде.

– Люди живут себе по-людски, – постанывая, бубнила она. – А тут сам на месте не сидишь и меня за собой черт его знает куда таскашь.

– А мне нравится с папочкой ехать! – подал голос Женя.

Домна какое-то время молча сверлила мальчика злым взглядом, а потом, сжав зубы, выдавила из себя:

– У-у-у, волчонок!

Ни в Коломбо, ни в Сингапуре, где затем делал короткие остановки пароход, на берег Домна не сходила. Осматривать города Петр и Женя отправлялись вдвоем. Только в Шанхае она отважилась спуститься по трапу на землю. Но, немного походив по порту, повернула назад, заявив:

– Ну их, косоглазых! Снуют будто те мурашки. От их в глазах рябит и голова кругом идет. Гуляйте одне.

21 апреля 1894 года Петр с семьей прибыл во Владивосток.

– Ох и дырищша! – оглядевшись, оценила Домна. – Одно только название што городом прозывается. А так глянуть не на че. Чисто тебе деревня.

Петр же, едва решив вопрос с устройством на жительство семьи, тотчас погрузился в служебные хлопоты. Встретившись с дядей Володей, договорился, что родственные отношения никак не должны влиять на его службу.

– Если кто будет спрашивать, – настаивал Петр, – я буду отвечать, что мы с вами никакие не родственники, а просто однофамильцы. Хорошо?

– Стыдишься родства? – пряча улыбку в глазах, спросил Владимир Петрович.

– Напротив! – тряхнул головой Петр. – Горжусь им. Горжусь нашей фамилией, дядя Володя. И хочу, чтобы она и в дальнейшем оставалась чистой, без единого пятнышка.

– Ну что ж, Петр, – согласился адмирал, – быть по твоему. Служи и пусть Бог пошлет тебе удачу, а славу ты, надеюсь, сам себе добудешь.

И Петр служил. Впервые занимаясь делом, о котором мечтал с детства, он старался изо всех сил, с радостью приступая к выполнению той службы, на которую определяло его начальство, зная, что за ним, где-то наверху, стоит его дядя, адмирал Владимир Петрович Шмидт.

Большую часть своей службы на Тихоокеанском флоте он провел в должности старшего офицера ледокола «Силач». Старался быть строгим, но справедливым. Сам не допускал хамского отношения к подчиненным и не терпел его со стороны офицеров по отношению к матросам судовых команд. На этой почве у Петра и возник первый конфликт с мичманом Пашовым, который, возвращаясь с берега в нетрезвом виде, ударил не успевшего поддержать его матроса.

– Потрудитесь попросить у матроса прощения, – дождавшись, когда «герой» проспится, предложил Петр.

– Не понял! – нагло глядя в глаза Шмидту, ответил Пашов.

– Повторяю: потрудитесь попросить прощения у матроса, которого вы вчера оскорбили, возвращаясь в нетрезвом виде на судно.

– И не подумаю!

– Тогда я вынужден буду подать на вас рапорт.

– Пожалуйста!

Рапорт капитану Петр подал и Пашов получил взыскание. Но с тех пор старался всячески пакостить Шмидту, настраивая против него других офицеров. Назревал очередной скандал, от которого Петра избавил перевод на должность вахтенного начальника на кононерскую лодку «Бобр».

Кононерская лодка под командованием капитана 2 ранга Молоса плавала тогда в Японских водах. Поскольку же порт и база русского флота в Японском море находилась в Нагасаки, то туда разрешалось офицерам привозить и свои семьи. Что и сделал Петр. Служба его складывалась как нельзя лучше и он всякий раз спешил на нее как на праздник. Немногие часы, свободные от службы и занятий с сыном, Петр посвящал изучению истории

Японии, культуры ее народа, увлекался живописью, литературой, записывал народные мелодии. Отцу охотно помогал Женя.

Однако неожиданно Владимир Петрович Шмидт получил назначение на высокую должность в Морское ведомство. Отъезд адмирала произошел столь стремительно, что Петр с ним даже не успел проститься. Столь же быстро состоялась смена младшего флагмана русской эскадры в японских водах. И надо же было такому случиться, что, еще находясь во Владивостоке и знакомясь с делами своих будущих подчиненных, контр-адмирал Чухнин, оказавшийся на посту нового флагмана, натолкнулся на ненавистную ему фамилию Шмидт. С этого все и началось.

Последовали совершенно непонятные для Петра приказы о его переводах с одного корабля на другой. Вначале это был ледокол «Надежный». Петр едва успел ознакомиться с кораблем, его службами и командой, как вскоре был переведен вначале на транспорт «Алеут», а затем – на «Ермак».

Возвратившись однажды домой после плаванья, которое продолжалось несколько дней, Петр совершенно неожиданно вновь встретился с Пашовым, который, оказывается, стал к тому времени лейтенантом. Судя по всему, ни Домна, ни Пашов никак не ожидали появления Петра и, устроившись за столом, уставленным спиртными напитками и закусками, говорили о чем-то приятном, смеясь и перебивая друг друга. Увидев мужа, Домна оборвала смех, испуганно прикрыв рот рукой. Однако быстро нашлась и тут же, вскочив со своей табуретки, затарахтела:

– Гляди, Петруша, каков гостюшка к нам припожаловал. Товарищ, стало быть, твой по службе. Так ить, Василий?

– Так, так, – все еще пребывая в растерянности, кивал головой Пашов. – Вот мириться к тебе пришел, понимаешь…

– Ой! – всплеснула руками Домна. – Выходит, вы в войне состоите? А я дура такая и в толк никак не возьму, про какой такой мир мне Василий толкует… Дак мы сей момент обстаканемся и ссоре вашей конец.

– Да! Петр Петрович, – обрадовался Пашов, – супруга ваша, так сказать, дело говорит. Присаживайтесь и давайте поднимать бокалы за воцарение мира и дружбы между нами. Ну что нам делить?!

Петра всего трясло. Он с огромным трудом удерживал себя от того, чтобы не схватить в охапку этого наглеца, который (это он сразу понял!) подло влез в семью своего коллеги, воспользовавшись его отсутствием и женской слабостью.

– Ну вот что, господа, – наконец проговорил Петр. – Гостей, тем более таких, как вы, мичман Пашов, я не ждал и видеть не желаю.

– А я, между прочим, уже лейтенант, – встав со своего места и пьяно пошатываясь, заявил Пашов.

– Не вижу, Пашов! – отрезал Петр. – По крайней мере поступки ваши, любезный, этот и предыдущие, никак не совместимы с честью офицера флота.

– Но, но! – набычился Пашов. – Ты еще… Вы еще ответите за это, Шмидт.

– Отвечу! А сейчас убирайтесь вон из моего дома, пока я вас не вышвырнул.

Быстро собравшись, Пашов торопливо покинул квартиру Шмидтов. Наблюдавшая за всем происходящим Домна, вобрав голову в плечи, молча ожидала, как дальше поведет себя Петр.

– Может, поешь? – поняв, что опасность физической расправы со стороны Петра ей не угрожает, робко спросила она.

– Спасибо! Сыт! По самое горло. Где Женя?

– Дак на улице! – затарахтела Домна. – На улице сыночек наш бегает, Петенька. Давеча все про тебя спрашивал, все про тебя. А Василий пришел и он на улицу выскочил. Чего ему в избе сиднем сидеть?

Не проронив ни слова, Петр вышел из дома. Хотел громко хлопнуть дверью, но сдержался и, тихо прикрыв ее за собой, шагнул во мрак уже вступающей в свои права ночи. Обошел соседние дворы, в которые, как ему было известно, сын бегал в его отсутствие поиграть со сверстниками. Но там его теперь не было. Испытывая тревогу, вышел на берег океана. Лениво шелестя волнами, водный великан ласкал утомленную дневными хлопотами землю.

– Где же Женька? – думал Петр, вглядываясь в темень.

– Папа? – послышалось вдруг робко откуда-то совсем рядом и тотчас радостный крик сына огласил весь берег, заглушая все звуки. – Папочка! Милый папочка! Ты приехал! Приехал!

– Женечка! – подхватив сына на руки и прижимая к груди, прошептал Петр. – Сыночек мой родненький. Как же ты? Почему здесь, среди ночи один?

– Папочка, миленький! – целуя отца и обливаясь слезами, лепетал мальчик. – Прогони! Прогони этого противного дядьку Ваську. Прогони! Он плохой! Он очень, очень плохой!

– Хорошо, Женечка! Хорошо! Я обязательно это сделаю.

– И мамку… Мамку тоже прогони. Она тоже плохая.

– Ладно, ладно, родной мой!

Несколько дней они с Домной не разговаривали. Спали отдельно. Он вставал, одевался, оставлял нетронутым приготовленный ею завтрак и уходил на службу. А там шли сплошные проверки, вернее придирки бесконечных проверяющих, которые сменяли друг друга.

Петр, оставаясь верным своему давнему правилу, искать причину собственных неудач в самом себе, в своих действиях, старательно анализировал каждый свой шаг, пытался отыскать ошибки и не находил. Это нервировало его, выводило из равновесия.

Наконец расположенный к нему командир Сибирского флотского экипажа капитан 1 ранга Брандт, пригласив Петра, сообщил:

– А ведь это все проделки Григория Павловича, милый мой.

– Чухнина?! – изумился Петр.

– Именно.

– Но почему?! За что он так со мной поступает? Чем я перед ним провинился?

– Вы – ничем. А вот на дядюшку вашего Владимира Петровича он имеет зуб. Бо-о-ольшой зуб, лейтенант.

– Вот как! – изумился Петр.

– Именно так. Уж вы мне поверьте: мстит вам Григорий Павлович за дядю вашего. К тому же кто-то ему усиленно «капает» на вас.

– Но как же быть?

– Как быть, спрашиваете? Я бы на вашем месте написал обо всех этих фокусах Чухнина вице-адмиралу Шмидту.

– Ни за что на свете! – отрезал Петр. – Втягивать дядю в эти грязные дела я не собираюсь.

– Не собираетесь, значит? – прищурился Брандт.

– Нет.

– Ну тогда вот что я вам скажу, молодой человек: съест вас контр-адмирал Чухнин. Съест со всеми потрохами. И здесь ни я, ни кто другой защитить вас, помочь как-нибудь не смогут. У Григория Павловича челюсти почище самой хищной акулы.

– Тогда лучше отставка.

– Смотрите сами, – пожал плечами Брандт.

Ситуация складывалась ужасная. Служба превратилась для Петра в сплошной кошмар. Да и дом, семья, которые призваны были играть роль надежного тыла в открывшейся против него грязной войне, давно утратили эту свою роль. Петру стало известно, что, кроме Пашова, Домну в его отсутствие навещал и какой-то жандармский чин.

– Что же это такое?! – кусал губы Петр. – То, что Домна снова вернулась к распутству, теперь ясно. Но неужели же она так низко пала, что начала шпионить за мной и доносить этим типам в жандармерию. Ведь они только за телом не приходят. Им, кроме него, еще и душу подавай.

Все взвесив, Петр решил, что лучшим выходом из создавшегося положения будет его отставка. Рапорт о ней он и подал вскоре командиру Сибирского флотского экипажа.

– Значит, все же решились? – покачав головой, спросил капитан 1 ранга Брандт.

– Решился! – ответил Петр.

– Ну что же. Пусть будет по вашему, – он встал из-за стола и, сделав несколько шагов по своему кабинету, добавил: – А все-таки мне жаль с вами расставаться, Петр Петрович. Очень жаль!

И это были не просто слова. В конце послужного списка Петра Шмидта он сделал такую приписку: «В службе сего обер-офицера не было обстоятельств, лишающих права на знак отличия беспорочной службы или отдаляющих срок выслуги к сему знаку. Командир Сибирского флотского экипажа капитан 1 ранга Брандт».

Ответа на свой рапорт об отставке Петру не пришлось долго ждать. Она была быстро удовлетворена. Вскоре на соответствующем документе рука чиновника Главного Морского штаба вывела такие строчки: «Лейтенант Петр Петрович Шмидт – 3 зачислен в запас флота приказом по Морскому ведомству от 24 сентября 1898 года за № 204. Срок запаса оканчивается 29 июля 1903 года».

Завершив все необходимые формальности, Петр решает возвратиться в родную Одессу.

6.

ставив за кормой Одесский порт, пароход дальнего плавания «Кострома» деловито вспарывал морскую гладь, едва успевшую установиться после недавнего шторма. Конец января и первую декаду февраля море удивляло одесситов необыкновенным для этой поры годы спокойствием и даже ласковостью. Поблескивая в лучах основательно утратившего за лето свой жар зимнего солнца, оно лениво покачивалось в полудреме, баюкая слегка прикрытый тонким слоем снега берег шепотом неспешно набегающих и тотчас уползающих обратно волн. Казалось, на этот

раз и оно решило, нарушив многолетнюю традицию, провести зиму спокойно, не демонстрируя мореходам свой норов.

Однако те, кто поверил в смиренность Черного моря и готов был отстаивать эту точку зрения в спорах с коллегами, вскоре вынуждены были изменить ее. Недавно дремавшее и дивившее своим покоем и покорностью море вдруг стало совсем иным. Мало кто даже из одесситов-сторожилов обратил внимание на легкий ветерок, пронесшийся по улицам и бульварам, как бы проверяя крепость утрамбованного людскими подошвами, колесами и полозьями снежного покрывала. А тот шалун, присвистнув, тотчас стремительно умчался куда-то в неведомую морскую даль. Потом следом за ним по небу неторопливо поплыли темно-серые, беременные влагой тучи, то и дело закрывая собой поблекшее светило. Море вначале недовольно нахмурилось, угрожающе поигрывая волнами словно борец, готовящийся вступить в схватку с противником мускулами и, наконец, заревело, завыло, ворочая многотонными водными глыбами, в которых жалкими и беспомощными щепками выглядели даже величавые океанские суда-гиганты, обрушивая свои удары на испуганно жавшуюся прибрежную полосу.

Временами казалось, что разгулявшаяся стихия вот-вот выплеснется из своей гигантской чаши и, сокрушая все и вся на своем пути, в какое-то мгновение уничтожит то, что веками творил человек, не оставив и следа от созданной многими поколениями людей цивилизации.

Конечно, при такой погоде никто из капитанов судов, застигнутых в Одесском порту разыгравшимся штормом, даже не помышлял о том, чтобы выйти в море.

Вынужденная задержка, казалось бы, была на руку Шмидту. Год назад Петр был зачислен вторым помощником капитана на пароход «Кострома», который числился в составе Добровольного флота России. Этот флот начал создаваться после подписания Сан-Стефанского мирного договора, которым завершилась русско-турецкая война 1877-1878 гг. В результате её Болгария, Босния и Герцеговина получили автономию, Сербия, Черногория и Румыния обрели независимость. К России отошли Южная Бессарабия, крепости Ардаган, Карс, Батум и Баязет. Кроме того, для страны открывалась какая-то возможность преодоления запрета, наложенного Парижским мирным договором 1856 года после поражения России в Крымской войне, держать на Черном море военный флот.

Добровольный флот, создаваемый на пожертвования населения с целью развития отечественного мореплавания, должен был одновременно служить резервом военно-морского флота. А посему на кораблях его, среди которых насчитывалось полтора десятка пароходов, существовали полувоенные порядки, а личный состав формировался из числа лиц, отбывающих военную повинность.

«Кострома», носившая как и другие пароходы название одного из городов России, совершала регулярные рейсы между Петербургом и Владивостоком с обязательным заходом в Одессу, которая являлась базой и

центром управления важной мореходной линии. Это позволяло Петру хоть и не часто, но все же видится с семьей.

В этот раз ему, казалось бы, повезло. По расписанию «Кострома» должна была принять груз в Одессе, пробыв здесь минимум двое суток. Петр уже представлял, как встретиться с сыном, видел его радостно сияющие глазёнки, слышал его голос и готовился отвечать на множество вопросов, которые Женя наверняка обрушит на него. О том, что эти двое суток он проведет на берегу, было заранее оговорено с капитаном, уроженцем Петербурга. Однако буквально за день до того, когда «Кострома» бросила якорь в Одесском порту, капитана свалила жесточайшая ангина и он с почти сорокаградусной температурой метался в бреду. Теперь о том, чтобы Шмидту оставить пароход, не могло быть и речи. К тому же все более усиливающийся шторм не позволял вести погрузочные работы. Приходилось принимать все возможные и невозможные меры к тому, чтобы ревущая подобно разъяренному зверю стихия не сорвала с якоря жалобно скрипевшее и стонущее под ее напором судно и, швырнув на берег, не превратило его в беспомощную и жалкую груду металла. А тут, как назло, занервничал первый помощник, почувствовав это, Петр всю инициативу по руководству действиями команды взял на себя. Он практически целую неделю не сходил с капитанского мостика и вместе с командой, которая, надо сказать, четко и безукоризненно выполняла его распоряжения, сумел избежать беды. Когда же шторм начал стихать, Петр, шатаясь от усталости, с огромным трудом добрался до своей каюты и тут же, даже на успев раздеться, рухнул на койку.

Проснувшись, долго не мог сообразить, где он и что с ним. Сквозь стекло иллюминатора, вымытое и надраенное до зеркального блеска, вливались потоки солнечного света. Казалось, он заполнил собою всю каюту, делая ее просторнее и необычно, по праздничному нарядной.

– Что же это я?! – всполошился Петр, услышав какой-то рабочий шум, доносившийся снаружи. Мельком взглянув на себя в зеркало и оправив форму, он поднял валявшуюся под столом фуражку и направился к выходу.

Корабль стоял под загрузкой, которая шла полным ходом.

– Проснулись, батенька? – заискивающе улыбнулся первый помощник.

– Устал чертовски! – сдвинув фуражку на затылок, признался Петр.

– Верю! – покивав головой, вздохнул первый помощник. – Еще бы не устать! Ведь когда разгулялись эти морские черти я, признаться, растерялся. Думал, конец пришел и нашему трудяге «Костроме» и нам вместе с ним. Если бы не Вы, Петр Петрович…

– Да бросьте вы, Андрей Степанович! – махнул рукой Шмидт.

– Нет, нет! – стоял на своем первый помощник. – В том, что мы остались целы, целиком Ваша заслуга. Я об этом так и капитану доложил.

– Напрасно! – поморщился Петр. – В такой ситуации одни человек ничего бы не сделал. И в том, что все сложилось благополучно, заслуга общая, всей команды.

– И все же!

– Сочтемся славою, коллега! – рассмеялся Петр. – Тем более, что больших наград, как я понимаю, нам не предвидится.

– Это точно!

– Ну вот видите! А покормить команду хорошим обедом было бы совсем не лишнее. Она заслужила. Да и нам бы, думаю, также.

– Капитан уже распорядился.

– Прекрасно. А как его ангина?

– Отпускает потихоньку. Через пару дней обещает быть молодцом.

– Отлично.

– А вас, батенька, он просил, как только проснетесь, заглянуть к нему и немедленно отправляться на берег к семье.

Зайдя в капитанскую каюту, Петр застал хозяина в постели с замотанным шерстяным шарфом горлом.

– Подвела проклятая! – смущенно развел руками капитан. – В самый неподходящий момент.

– Бывает.

– Но я ее уже почти одолел.

– Стоит ли спешить? Ангина дело не шуточное. Может быть, нужно как следует полечиться?

– Нет, нет. Я уже почти здоров и к выходу в море буду совсем молодцом. А вы, Петр Петрович, тотчас отправляйтесь на берег. Трое суток ваши.

– Целых трое? – удивился Петр. – Неужто раньше погрузиться не успеем?

– Погрузиться – то успеем. Но требуется кое-какой ремонт.

– Так, может быть, мне…

– Нет и еще раз нет! Вполне управимся без вас.

Сойдя на берег, Петр отправился к себе на квартиру. Ноги, казалось, сами торопили его. Однако спешил моряк не так, как это обычно делали его коллеги, возвращаясь после долгой разлуки, не к жене, а к сыну. С Домной они давно уже были практически чужими, хотя и старались скрывать это от Женьки. Делать же это становилось все труднее и труднее. Мальчик, которому вот-вот должно было исполниться десять лет, уже хорошо понимал, что в отношениях

между отцом и матерью давно существует трещина, которая со временем не устраняется, а становится все шире и глубже. Оценив своим детским умом сложившуюся ситуацию, он сразу же принял сторону отца. Мать же осуждал, но не за пристрастие к спиртному, которое вызывало в нем только жалость, поскольку делало ее слабой и немощной. В Женькином понимании это было равнозначно болезненному состоянию человека, которое неоднократно доводилось переживать ему самому. Поэтому, видя ее возвращающуюся домой пьяной, бредущей нетвердой походкой, а иногда и падающей на землю или на пол, он старался как-то поддержать ее, помочь. Не ленился бегать для

нее на базар за «лекарствами», которыми чаще всего оказывались огуречный рассол либо вино. Это второе Женя приносил матери редко и после длительных уговоров.

– Не пойду! – тряс головой мальчик в ответ на просьбу Домны.

– Ну почему?! Почему, сыночек? – стонала та.

– Потому что папа говорил, что это отрава.

– Ой, господи! – сжимая ладонями разрываемую похмельным синдромом голову, роняла слезы Домна. – Отрава! Да, отрава, но когда ее пьют много. Ты ж сам глотал всякие порошки как болел. Глотал ить?

– Глотал, – соглашался сын.

– Дык што они скусные? Сладкие?

– Горькие.

– Во! Их ить много не съешь. А немного нужно. Доктора и те велят… Так и это мое лекарство. Много – отрава, а самую малость – лекарство.

– Ладно, – вздыхал, соглашаясь, Женя. – Куплю тебе стакан! Будешь принимать по ложке три раза в день.

– По ло-о-о-жке?! – ужасалась Домна. – Ты чё? Очумел совсем? Кто ж такое лекарство ложками пьет? Дураки одне.

Мать клялась, что это в последний-препоследний раз, что она хорошо понимает, что «отрава» вредит ее здоровью, умоляла сына не сообщать отцу о ее «болезни».

– Ить он же прийдет заморенный, – пуская слезу, вздыхала она. – Ему, чай, отдых нужон, а ты ему про мои болезни. Молчи уж. Молчи, сынок. Я уж как-нибудь сама это… Сама одолею ее проклятую. Сама справлюсь.

Вначале Женя верил матери. Но со временем понял, что ее «болезнь» чаще всего связана с появлением в их квартире какого-то чужого мужчины. А это он сразу же оценил как предательство отца, которое, в его представлении, было самым тяжким грехом на свете. И тут жалость к матери, сострадание к ней с ее «болезнями» сменились обидой, которая, больно раня детское сердечко, постепенно перерастала в презрение, а затем и ненависть.

Это свое чувство к матери он старался таить в себе, ничего не говоря отцу, к которому привязывался все больше и больше, всякий раз с нетерпением ожидая его возвращения из рейса. Петр же, считавший себя неплохим психологом, сердцем чувствовал ту бурю, которая бушевала в душе сына. Чувствовал по некоторым фразам, которые словно раскаленные ядра, готовые тут же разорваться, вырывались из уст Жени, лишь только Петр пытался заговорить о любви к матери как первому и важнейшему долгу сына.

Догадывался и о причинах, посеявших ту самую бурю. Для себя Петр уже давно решил, что его совместная жизнь с Домной не сложилась и вряд ли когда-либо сложится.

– Ну что ж, – рассуждал он, – к сожалению, так бывает. Видно, так было угодно Богу или кому-то другому, определяющему нашу судьбу. Почему? Да кто же это скажет. Наверняка в наказание за какие-то неправильные шаги, за

грехи наши. Грехи? А что? Конечно, каждый из нас видит себя безгрешным, считает ангелом, а то и самим господом Богом. Ведь, совершая тот или иной поступок, мы руководствуемся пониманием того, что поступаем справедливо, а значит и правильно. Не задумываемся, что тем самым причиняем обиду, а порой и боль другому человеку, считающему наши действия несправедливыми и даже порочными. Пусть я не шлялся по «веселым домам» подобно Гиляровскому и его дружкам, не искушал легковерных и мечтательных девиц. Я встретил и полюбил Домну и, став ее фактическим мужем, юридически оформил наш брак, несмотря на препятствия, которые встали передо мною на пути к этому. Любовь земную благословила церковь. Да, да. Все это так. У меня растет сын. Прекрасный мальчишка – плод любви, которая считается высшим даром человеческим.

Высшим даром… Но чьим именно? Кто именно его делает и как? Ведь, коль это высший дар, то он должен явиться как нечто необычное, неземное, ниспосланное откуда-то свыше и проявиться прежде всего в самых высоких, самых важных этапах человеческой … материи, в его душе. Именно она, в первую очередь, должна возвещать о рождении любви. Той самой неземной любви, которая является к людям подобно первому солнечному лучику, согревающему продрогшие от холодного прикосновения росы еще пребывающие в дреме листики деревьев, лепестки цветов и стебельки травинок, подобно соловьиной трели, заставляющей замолкать все иные звуки, делающей совершенно излишними даже самые красивые слова. Была ли у него, Петра, такая любовь? Довелось ли ему когда-нибудь испытать ее? Безусловно была! Разве, встретившись с Женей Тилло, он не испытал этого чувства? Ого! Еще как испытал! Оно и сейчас живет в нем, все чаще воскрешая в памяти те радостно счастливые дни, восстанавливая их одни за другим по часам и даже минутам.

Первая любовь! Тот, кто однажды испытал это чувство, знает, что его ни с чем нельзя сравнить. Разве что с верой. Только не той дежурной, на всякий случай, к которой иные прибегают с тем, чтобы, помимо прочих предпринимаемых ими мер предосторожности, заручиться поддержкой неведомых им таинственных сил, в существовании которых они в общем то и сами сомневаются, но говорить об этом с другими, а тем более вслух, опасаются, рассуждая примерно так:

– Кто его знает, может быть, и в самом деле они есть, существуют и при случае могут либо помочь, либо навредить. Так зачем же понапрасну гневить их, делать своими противниками, накликая беду? Лучше уж помолиться им, поклониться. От этого ведь меня не убудет, а там, глядишь, за мою покорность и мою старательность это таинственное и неведомое в нужный момент возьмет и пожалеет меня.

Нет, первая любовь, если она настоящая, не имеет ничего общего с той, внешне выставляемой на показ верой – страховкой, приберегаемой на всякий случай. Она, наш бесценный дар, ниспосланный невесть откуда и кем, овладевает всем естеством человека, наполняя его какой-то особенной силой,

делая способным, кажется пойти на все, совершить невозможное. Но неосторожное отношение к ней, а тем более отказ, предательство грозят суровой карой.

Допустивший их человек то ли умышленно, то ли случайно, сам не замечая того, опустошает свою душу, лишается тех замечательных качеств, которые некогда наполняли его уверенностью и силой, становится совершенно иным, не похожим на себя прежнего, которого перестают узнавать не только другие, но и он сам. Проходит время и, оглядевшись, человек начинает понимать, что с ним происходит что-то неладное. Прошлое, воскрешаясь в его памяти, навязчиво напоминает о том, чего он лишился. И это постоянное напоминание превращается в настоящую болезнь. Она безжалостно истощает, гложет человека, терзая его душу и лишая былой силы тело. Исцелиться от той хвори можно лишь обретя утерянное. Скажете, невозможно? Да, действительно есть такие вещи, потеряв которые, уже нельзя обрести вновь. Но есть ведь и такие, которые обладают свойством возвращаться. К ним как раз и относится любовь. Будучи утраченной, она иногда возвращается при встрече прежних возлюбленных, некогда расколовших объединявшую их чашку счастья, когда у еще до конца не погасших, тлеющих углей их чувств хватает энергии на то, чтобы вновь вспыхнул любовный костер. Однако чаще всего этот костер суждено разводить с другим или другой. И пусть они кажутся на первый взгляд совсем иными, совершенно не похожими на того или ту, от встречи с которой либо которым вспыхнула когда-то та самая искра дорогой вашему сердцу первой любви, не верьте этому. Знайте, что у объекта вашей новой любви есть немало общего и в чувстве к вам, в доброте, сердечности и ласке и во многом, многом другом, что дорого вам и что больше всего ценилось и цениться вами. Не будь этого, не подари его вам ваша судьба, вы бы наверняка уже давно погибли либо продолжаете гибнуть, изнуряемый той самой, непонятной для вас болезнью.

Расстояние и длительная разлука, а может быть и некоторые другие причины, не позволили Петру и Жене развести костер любви, который, разгораясь, наверняка бы согревал их обоих. Он принял решение греться с другой у иного костра. Но и тот, быстро воспламенившись, столь же быстро стал угасать. Между тем, ветры жизни, непрестанно дующие ему в лицо, угрожая сбить с однажды избранного пути, а то и совсем свалить с ног, все чаще обращали мысли Петра к его первой любви, а Жене. Нет, нет, о каком-либо возврате к прежним отношениям он не думал. У Жени своя судьба, своя дорога, у него – своя. Сойтись, пересечься в какой-либо точке они уже не могут. Да и зачем? Чтобы ловить в ее глазах если не прямое осуждение, то сожаление, тоску по несбывшимся девичьим мечтам о единственном и верном до гроба принце и самому постоянно корить себя за то, пусть и невольно совершенное, предательство? Нет, вынести такое он будет просто не в силах. Здесь даже Женька, сын, который носит имя его первой любви, как бы храня и

оберегая память о ней, помочь будет не в силах. К тому же сама Женя наверняка уже забыла о нем, Петре, вышла замуж и счастлива. Ведь не зря же сестра Ася, которая раньше нет-нет да и напоминала ему о Жене, передавая приветы или сообщая в письмах что-либо так или иначе связанно с ней, уже давно не делает этого. Сам же он, Петр, хоть и часто думает о Жене, также не может открыться в этом сестре. Данную тему разум Петра уже давно поставил под запрет, несмотря на мольбы стонущего сердца.

Поднимаясь на знакомое крыльцо, он готовился прижать к груди сына, холодно кивнув Домне, которая, если конечно окажется дома, наверняка встретит его коль не злым, то настороженным взглядом и потом постарается побыстрее куда-нибудь исчезнуть, оставив их вдвоем.

– Ну да Бог с ней! – подумал про себя Петр, взявшись за ручку двери. – Пусть живет как знает.

Однако вышло совсем иначе. Первым кого он увидел, едва переступив порог, была Домна. Какое-то мгновение она смотрела на Петра широко распахнутыми от удивления глазами, а потом бросилась к нему с объятиями и поцелуями, приговаривая:

– Господи! Наконец-то! А мы уж не знали что и думать.

– Ну что ты?! Что ты?! – растерянно пробормотал Петр, совершенно обескураженный таким приемом. – Зачем же…

Но Домна не дала ему договорить, осыпая поцелуями его лицо.

– Па-а-а-ппа! – выскочив на шум из соседней комнаты, радостно закричал Женя. – Папочка! Папочка миленький приехал!

Обхватив за шею отца, мальчик повис на нем, целуя и одновременно пытаясь что-то рассказывать ему, перебивая тут же тарахтевшую мать. В глазах Домны светилась уже забытая Петром и, как показалось ему, неподдельная радость, пробивавшаяся сквозь слезы, которые она то и дело промокала передником.

– Ах, господи! – всплеснула она руками. – Што ж я тут стоймя стою дура эдакая?! Давай чамойдан твой, Петенька. Раздевайся, а я враз на стол соберу.

Она весь день юлой носилась по квартире, старалась угадать малейшее его желание, угодить во всем.

– Вот тебе раз! – не переставал изумляться Петр. – Да Домна ли это? А если она, то что с ней приключилось?

А она все больше продолжала удивлять его. Встретила его совершенно трезвой и даже в честь приезда наполненную вином рюмку не стала пить до дна, как бывало раньше, а лишь пригубила и поставила на стол рядом с тарелкой. Обняв за плечи Женю, она рассказывала Петру, какой хороший у них сыночек:

– Да такой вумный, Петь! Училка намеднись хвалила, што у мене аж сердце зашлось. А как мне помогает. М-м-м! Што ни попрошу, враз сполнит.

– Молодец, сынок! – улыбнулся Петр, уже давно заметив, что Женя ждет и никак не дождется, когда они окажутся вдвоем с отцом и он сможет

поделиться с ним своими новостями и задать свои вопросы, которых ой как много накопилось за время отсутствия отца.

Однако Домна, неотлучно находившаяся рядом и удивлявшая Петра все новыми и новыми проявлениями радушия и заботы, в тот первый день так и не дала ему сделать этого. К неудовольству Жени она, убедив сына, что отец устал с дороги и ему нужно помыться и отдохнуть, постаралась пораньше отправить его спать.

Не переставая дивиться тем неожиданным и, нужно признать, приятным для него переменам, которые происходили с женой, Петр не стал возражать. Приняв ванну и, обтеревшись полотняным полотенцем, облачился в чистое белье и с удовольствием растянулся на диване. Он уже давно привык сам себе готовить постель, а после сна сам же и убирать. Теперь же, пока Петр принимал ванну, это сделала Домна.

– Прямо чудеса какие-то творятся в этом доме! – усмехнувшись, подумал про себя Петр. – Была чистая тебе волчица и вдруг обернулась овечкой. Да что там овечкой: ласковым ягненочком. Что это с ней?

Подложив руки под голову, он прикрыл глаза, наслаждаясь воцарившейся в доме тишиной. Что ни говори, а дом есть дом. На корабле в море, даже когда оно спокойное, этого, конечно, нет. Даже при задраенном иллюминаторе и закрытой двери в каюте все равно слышатся и работа машины, заставляющая вибрировать корпус корабля, и другие нарушающие тишину звуки. А тут – ни единого тебе шороха или скрипа. Даже ушам больно.

– Женька наверно уже давно спит, – мелькнула мысль. – Да и Домна, пожалуй, тоже уснула. Интересно бы знать, что же все-таки с ней происходит.

И едва он об этом успел подумать, как дверь, ведущая в комнату, где спали жена и сын, слегка скрипнув, отворилась и в проеме ее появилась Домна. Осторожно прикрыв ее, она прошлепала босыми ногами по полу и, остановившись у изголовья Петра прошептала:

– Слышь, Петь, а можно я к тебе?

Петр молча подвинулся, освобождая ей место, и она, сбросив с себя ночную сорочку, тотчас юркнула к нему под одеяло. Ощутив прикосновения ее обнаженного тела, знакомый запах, ранее всегда дурманивший его, Петр почувствовал, как сладостно заныло сердце. Страстные поцелуи Домны сделали свое дело. Забыв все обиды, еще совсем недавно казавшиеся ему страшными, которых он уже никогда не сможет забыть, а тем более простить, Петр, что называется сломя голову, бросился в пучину любовной страсти увлекаемый Домной. О! Здесь она была великой мастерицей. Настоящей жрицей любви, противостоять чарам которой было просто невозможно. Да Петр и не думал об этом. Едва отдавшись ей полностью, израсходовав, казалось бы, все свои физические силы без остатка, он через какое-то время хотел ее снова и снова. Так продолжалось всю ночь. Лишь под самое утро,

когда сквозь окно стал пробиваться темно-серый, самый ранний рассвет, Домна оставила его.

– Спи, милый! – прошептала, коснувшись губами щеки Петра.

Какое-то время он молча лежал усталый до изнеможения, не пытаясь осмыслить, что же произошло. Потом незаметно для себя уснул. Даже, как ему показалось, не уснул, а так просто вздремнул, когда его разбудил Женя.

– Папа! – вначале тихо, осторожно, а потом все настойчивее и громче звал его сын. – Ну, папочка же! Проснись! Сколько же можно спать?!

Притворяясь спящим, Петр сквозь полузакрытые глаза наблюдал за мальчиком. А когда тот приблизился к его изголовью, готовясь взять за нос, схватил в охапку и повалил к себе на диван. Под хохот и визг они долго барахтались, пока в комнате не появилась Домна.

– Совсем очумели! – всплеснув руками, возмутилась она. – Што большой, што малый – одного ума. Все бы им брыкаться да бодаться, козлиные ваши души. Нет штобы матерь пожалеть да едой обзаботиться. Все самой да самой робить приходится. Уже весь Привоз оббежала, про вас супостатов думаючи. А ну, полощите лицы да айда к столу быстро.

Трое суток промелькнули как одно мгновение. Петр, казалось, никогда не чувствовал себя таким счастливым. Еще бы! Ведь рядом была заботливая жена, которая старалась угадать каждое его желание. Все, что готовила Домна и чем угощала Петра, казалось ему необыкновенно вкусным.

– Ох, какая прелесть! – не переставал восторгаться он, уплетая за обе щеки то наваристые щи, то котлеты, то еще какие-нибудь кушанья. – Да когда же ты научилась так вкусно готовить? Ни один кок, не только корабельный, но и самых лучших ресторанов, не может сравниться с тобой.

– Да ну уж! – смущаясь, отмахивалась Домна. – Скажешь такое.

– Правда, правда! – убеждал ее Петр.

Дни они проводили с сыном. А ночи… Ночи, похожие и совсем непохожие, все более жаркие и страстные были только их. Вспыхнувший ярким пламенем любовный костер разгорался все сильнее и сильнее. Но время шло и настал час расставания.

После той скандальной истории, когда, вернувшись из плаванья, Петр застал у себя в квартире пировавшего Пашова, которого столь радушно принимала и щедро угощала Домна, его все годы службы на пароходах «Орел» и «Тамбов», принадлежащих Добровольному флоту, провожал в очередное плавание только сын. В этот же раз с ними пошла и Домна. Такое ее решение как бы служило продолжением начавших было восстанавливаться их семейных отношений и Петр воспринял его вполне нормально. Однако вскоре он обнаружил, что этим явно был недоволен Женя. Едва Домна успела сообщить, что пойдет вместе с ними, мальчик надул губы и, сердито засопев, первым выскочил из дому. По дороге же в порт он был необычно молчалив и все время норовил занять место между отцом и матерью, оттесняя Домну.

– Иш как тулится к папке! – в очередной раз вынужденная менять свое место, пыталась шутить жена. – Будто девчонка какая, а не мужик.

Но Женя шутливого тона матери так и не принял. Вплоть до самого расставания оставался хмурым. Прощаясь, он повис на отце и, обхватив руками его шею, срывающимся голосом прошептал:

– Папочка! Милый! Приезжай скорее. Я очень тебя прошу. Очень, очень!

У Петра на глаза навернулись слезы.

– Ну что ты, сына, – стараясь скрыть свои чувства, деланно рассмеялся Петр. – Конечно, я скоро приеду. Вот только доставим груз во Владивосток и тотчас обратно.

Уже поднявшись на борт парохода, Петр видел, как Домна пыталась обнять Женю за плечи. Но мальчик всякий раз выскальзывал из ее рук и, отдалившись от матери, не отрывая глаз смотрел на отца.

– Да, – заступив на вахту и вглядываясь в морскую даль, которую уже раскрасила в темные тона наползающая ночь, – думал Петр. – Одна семья, но какие мы разные. Домна себе места в жизни согреть не может и меня озноб трясет. А что же Женьке делать? Пока я с ним на берегу, он как-будто бы нормальный мальчишка. Неплохо учится, книжки запоем читает, рисует. Только с матерью у них контакта нет. Больше того – кажется, не любит он Домну. Почему? Да из-за выпивки той проклятой! И она это хорошо понимает. Понимает, а переломить себя, измениться не может. Не может? Или не хочет, не желает? Ведь знает же, что из-за вина с водкой жизнь ее пошла кувырком. Когда поженились, вначале держалась. То ли меня стеснялась, то ли еще что-то сдерживало. Потом опять все покатилось, поехало. По пьянке тогда и Пашов подвернулся. Один ли он, такой мерзавец? Может быть, и Женя из-за того Домну сторонится? А ведь она мать, родная мать ему!

Петр в сердцах даже зубы сжал. Тяжело вздохнув, сунул руку в карман, намереваясь достать носовой платок. Пальцы коснулись какой-то бумаги. Что это? Развернув сложенный вчетверо листок бумаги, Петр поднес его к фонарю.

«Дорогой папочка! – прочитал он аккуратно выведенные рукою сына слова. – Поздравляю тебя с днем рождения. Я тебя крепко-крепко люблю и желаю здоровья и счастья. Твой сын Евгений».

– Господи! – изумился Петр. – У меня же завтра действительно день рождения. Нет, уже сегодня – пошел ведь первый час 17 февраля 1900 года. Ай-да Женька! Все-таки какой замечательный у меня сынка. Надо же – вспомнил. Не забыл. Домна та наверняка забыла.

Легкая обида кольнула сердце моряка. Но он ее тут же прогнал.

– Ладно! Подумаешь, событие! К тому же, может быть, они это вместе с Женей придумали. Конечно, вместе! Хотя нет, подпись только его, сынульки. Н-да. Ну, ничего. Еще есть время все исправить, глядишь, и Домна другой станет. Ведь мне сегодня всего 33 года стукнуло. Всего? Может лучше сказать «уже»? Возраст Иисуса Христа, когда он, если на самом деле существовал и свой подвиг совершил, мучительную смерть на кресте принял. А я? Я пока

еще ничего особенного не совершил. Хотя все же стал моряком и к тому же, говорят, неплохим. Не зря же место капитана обещают. Значит, все же чего-то достиг? Достиг. Но это – так сказать, я делал во имя отца, который мечтал видеть меня моряком. Его желание совпало с моим, с мечтой моего детства, которая стала явью. Доволен ли я? Конечно. Но только отчасти. Ведь раньше представлялось, что море всех моряков делает братьями. Но, как оказалось, это не так. Далеко не так. Практически на каждом судне мне встречаются и те, кто делает тяжелую работу, и те, кто понукает рядовыми трудягами. Нет, нет! Речь не о том, чтобы оставить корабли без капитана, его помощников, офицеров. Такая глупость может прийти в голову только сумасшедшему или круглому дураку. Однако можно же сделать так, чтобы каждый был тружеником и, уважая свой труд, столь же уважительно относиться к другим труженикам, не выставляя на показ свое старшинство. Тогда команда превратиться в братство. Братство тружеников моря. Что? Разве это плохо? Нет, хорошо. Прекрасно! И главное – вполне возможно. Да, да. Я постараюсь доказать это на практике. Доказать во имя Женьки, во имя моего сына, во имя других мальчишек и девчонок. Во имя будущего. Ради этого стоит жить!

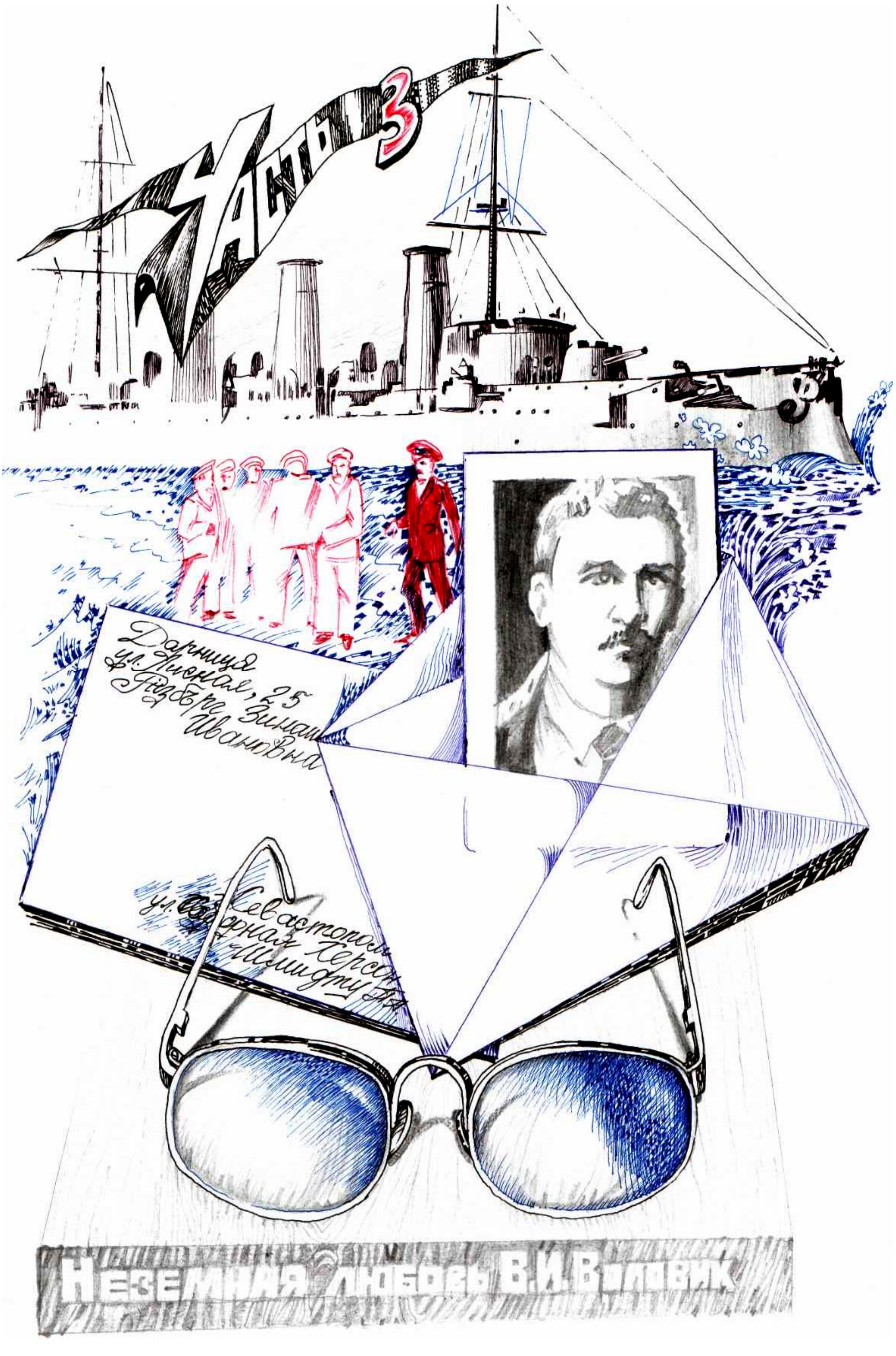
Где-то далеко-далеко впереди по курсу сверкнул огонек.

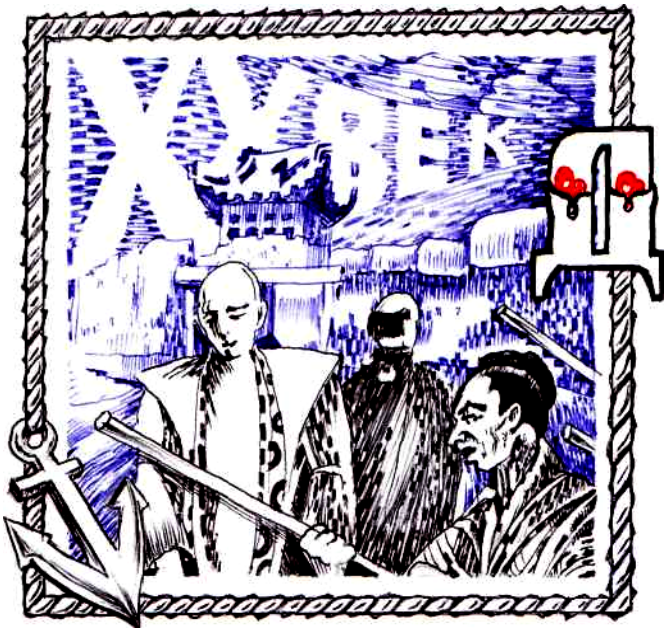
– Встречный, – обронил рулевой, прервав размышления Петра.

– Вижу, – кивнув, отозвался Петр. – Так держать.

Пройдет немного времени и суда сблизившись, разойдутся, чтобы дальше следовать каждый своем курсом.

– Так и люди, – подумалось Петру, – встречаются, чтобы потом разойтись и нередко навсегда. Почему так? Почему не сделать так, чтобы, однажды встретившись и избрав общий курс, дальше идти вместе, уже никогда от него больше не отклоняясь. Тогда наверняка не было бы разбитых судеб, не было бы несчастных. А сколько дел полезных удалось бы сделать для людей! Только так не бывает и, пожалуй, никогда не будет. Почему? До потому что не будет. Потому что так устроена жизнь.


Часть 3
Неземная любовь В.И. Воловик



1.

вадцатый век, едва успев ступить на грешную землю-матушку, сразу же заявил о том, что совсем не собирается быть покладистым, тихим и мирным. Вначале свой неспокойный норов он продемонстрировал на востоке, в Северном Китае, где набирало силу движение крестьян и городской бедноты, получившее название «боксерского восстания». Начатое еще в 1898 году в провинции Шаньдунь под предводительством тайного общества Ихэцюань – «Кулак во имя справедливости и согласия», получившего позже название «Отряд справедливости и согласия», движение вначале было направлено против иностранного засилья в стране. Однако, по мере своего развития, обрело и антиправительственный характер. Властьпредержащие трех континентов – Европы, Америки и Азии, хотя и с тревогой внимательно следили за развитием событий в этой экзотической для них стране, все же пока надеясь, что правящая династия Цин сама управится с ними. Однако, когда повстанцы вступили в Пекин, стало ясно, что разгневанные не на шутку желтолицые «боксеры» разожгли такой костер, огонь которого может перекинуться и на другие страны. Медлить больше было нельзя. В Китай срочно были направлены войска Германии, Австро-Венгрии, Франции, Италии, Японии и России, которые, действуя жесточайшим образом, неся с собою огонь и смерть, что называется, задушили восстание. 7 сентября 1901 года Китай подписал кабальный «заключительный протокол», который окончательно превратил его в полуколонию мирового империализма.

Петр Шмидт, перешедший в декабре 1900 года на службу в Русское общество пароходства и торговли (РОПИТ), в то время служил капитаном океанского парохода «Орел», который обслуживал военные перевозки. Слушая рассказы раненных солдат, увозимых для лечения во Владивосток, Хабаровск или другие города России, Петр возмущался жестокостью интервентов по отношению к китайцам.

– Проходили однажды деревней, которую перед тем брали японцы, – вздыхая, рассказывал георгиевский кавалер собравшимся на палубе покурить товарищам.

– Большая? – поинтересовался кто-то из солдат.

– Чаво большая? – переспросил рассказчик.

– Дярёвня, грю, большая?

– А! Дык, оно кому как. По-нашему, по курским меркам, вроди немаленькая. А там кто ж его знает.

– Дак, гришь, видал же сам. Как же не знать?

– Об этом то и речь, – хмурясь, неторопливо продолжал георгиевский кавалер. – Дерёвни той самой как раз и нет.

– Как так?

– Да вот так! Была и нетути. Усю чисто, япошкина мать, спалили. Там ить у тых китайцев избы не как у нас из бревен, а из соломы ихней.

– Камышовые, – подсказал кто-то.

– Навроди того. Сухие. Чистый тебе порох. Все сгорели.

– Ну а людям теперича игде жить?

– Людям? Дык некому жить. Нету людёв: усех япошки побили.

– Чисто усех?

– А то. Ни старого, ни малого не пожалели. Сам видел и баб ихних, китайских и мальцов. Какие пулями побитые, какие снарядами, а какие штыками поколотые.

– Мать честная! – вздыхал кто-то.

– Япошки оне такие.

– Германцы, думаешь, лучше?

– Ну, германцы с французами тоже. Тольки япошки особо лютые, мать их за ногу. Прям зверьё.

Молча слушавший до этого разговор раненных солдат Петр не выдержал:

– А мы-то как? – поинтересовался он. – Наши солдаты как себя ведут на китайской земле?

Обнаружив присутствие Петра, солдаты на какое-то время замолкли.

– Да вы не бойтесь, братцы, – успокоил их Шмидт. – Я ведь просто для себя знать хочу, каково здесь нам на чужой земле, как люди здешние нас встречают.

– Как стречают? – усмехнувшись, переспросил георгиевский кавалер. – Как положено – пулями да пиками. Мы, ить, для китайцев супостаты. Потому они в нас стреляют. Ну а мы – в их, как положено. Чтобы младенцев да баб ихних стрелять либо штыком колоть, такого не видал. Не было такого. Правда, на войне, как на войне. Намеднесь подходим к деревне, а оттеда по нас пулемет. Троих наших враз на смерть положили, а меня вот в грудь и руку. Вся огнем взялась. Дохтора пилить хотели.

– Собирались ампутировать?

– Ага, путировать. Тольки я не дал. Нам без ее нельзя. Какой крестьянин безрукий?

– А как же с той деревней китайской?

– С деревней? Дык чё с ей? Полковник наш приказал развернуть батарею и вдарить по ей. Враз огнем взялась. Ну тут меня аккурат санитары в

оборот взяли, и я памяти лишился. Что дальше было, не видел и врать не буду. Тольки думаю, сладко тем китайцам не было.

– С чего бы их сластить? – подал голос кто-то. – Заслужили – получай.

– Так-то оно так, – вздохнул Петр. – Только не они на нашу землю воевать пришли, а мы, братцы.

– Сами бы не пошли, ваше благородие. Солдат есть солдат: дали команду и, хошь не хошь, сполняй.

– Н-да! – кивнув, согласился Петр и, вобрав голову в плечи, направился к капитанскому мостику.

– Какая большая страна Китай! – думал он. – И народу в ней видимо-невидимо. Казалось бы, никакая сила ему не сможет помешать жить так, как ему хочется. А оно, выходит, не так. Совсем даже не так. Захотели люди сбросить с себя гнет, то чужестранное ярмо, которое надели на него, заставляя не поднимая головы работать на кого-то. Решили добиться своего права жить так, как им хочется. Ну что в этом плохого? Ровным счетом ничего. Ведь другим же народам можно, а почему китайцам нельзя? Так не дали же! Всем миром навалились и не дали! Залили землю кровью, заткнули орущие от обиды и гнева глотки свинцом и всё. За что? Что здесь нужно немцам, австрийцам, французам, итальянцам? Что они здесь забыли? Куда приперлись? На край света. Да и нам, россиянам, с теми же американцами также далековато было добираться. Пусть уж японцы, у которых территории маловато. Так, по крайней мере, они говорят, уже давно в эту сторону поглядывая. Но у нас же своей, как говорится, не меряно, а туда же лезем. Зачем? Спроси у любого рабочего, у простого русского мужика-крестьянина, которым сунули в руки винтовки или поставили у орудия, заставив стрелять в китайцев: «Вам это нужно?» Наверняка будут растерянно моргать глазами и, пожимая плечами, ответят: «Да на кой ляд нам те китайцы сдались!» А вот, поди ж ты, стреляют. Стреляют, потому что и они отказаться от этого права не имеют. Их лишили этого права те, кто жирует на поте и крови трудящихся, сами пребывая в достатке, купаясь в роскоши. И главное ведь в том, что так было всегда! Хотя кто его знает. Может и было когда-то время, когда люди были равными. Все трудились, добывая пищу, живя в пещерах или строя свои шалаши и согреваясь шкурами убитых ими во время охоты животных. Тогда, правда, делить было нечего.

Делить нечего… Вот-вот! Нечего было делить. Довольствовались тем, что удалось добыть, что давала природа. В ней, в природе, жили, в ней растворялись и ей поклонялись. Потом люди выделились из неё, возвысились над ней, возомнили себя властелинами. Вначале над природой, которая кормила и поила, а следом и друг над дружкой – сильные над слабыми. Сильные ещё сильнее и богаче становились, а слабых гнули, ломали, требуя покорности. Отсюда, говорят, вся гнусность современная, потеря доброты и совести происходят.

Не случайно великий француз Жан Жак Руссо зовет людей обратно вернуться в природу. Только это, наверное, зря. Не бывать тому, что было

прежде. Человек, познавший современную жизнь, живущий в домах, в тепле и уюте, вкусивший современную пищу, никогда не захочет жить в пещере или в ветхом шалаше, довольствоваться кореньями и ягодкой. Нет. Это не тот путь к добру и нравам, делающим каждого двуногого человеком. Не тот. Но тогда есть ли тот? В поисках его Софья Перовская, Андрей Желябов и другие народовольцы на смерть шли. Своими молодыми жизнями жертвовали, убивая царей. Народ на борьбу против неволи и гнета поднять хотели. Только что из этого вышло? Герои гибли, а народ за ними не пошел. Не пошел и все! Почему? Ведь его же к свободе и равенству звали! Звали ведь умные люди. Не услышал их голос? Может и так. Ведь тех героев было мало, считай, единицы. А один, говорят, в поле не воин. И здесь тот общий, невесть откуда берущийся разум народный, который угнетенных, неграмотных и забитых людей наделяет мудростью, подсказал, что зовут они не туда, что час избавленья еще не настал.

Не настал… Еще не настал. Но когда-то же он все равно настанет. Только когда? Когда?! Кто о нем возвестит? Пролетарии, о которых пишет Карл Маркс? Ну что тут сказать? Здорово пишет! Миртову, то бишь, Лаврову, чьими «Героическими письмами» мы когда-то с Николаем Шелгуновым и Владимиром Лесли зачитывались в училище, далеко до него. Лавров будил гнев, призывал готовиться и… ждать. Вот только к чему готовиться и чего ждать было неясно. А у Маркса все как будто бы ясно. Пробьет час и экспроприаторов экспроприируют. Да! Только дальше то что? Ответ четкий – диктатура пролетариата. Вот так. Она то меня как раз и пугает эта самая диктатура. Выходит, снова насилие? Одно насилие сменяется другим. А дальше что? Моему естеству противен гнет трудящихся, который они испытывают от капиталистов и помещиков, издевательства над солдатами и матросами со стороны офицеров-мордобойцев. Одним словом, насилие над человеком, против чего я готов восстать. Но ведь это самое насилие не исчезает и с победой пролетарской революции, обретая иную форму – диктатуру пролетариата. И это насилие я, покидая в свое время мир земной, должен буду оставить своему сыну Жене? Нет. Здесь что-то не то. Что-то не так!

От этих дум, которые постоянно сверлят его голову, нет покоя и на душе у Петра. Да и откуда ему взяться, тому покою? Куда ни кинь, всюду клин. Позади корабля, за его кормой остался пылающий и захлебывающийся от реками льющейся крови восставших Китай. А впереди – стонущая от гнета трудовая Русь. Того и гляди не сегодня так завтра лопнет у нее терпение и тогда грянет буря. Да что буря – ураган. К тому же невиданной силы, который все сметет на своем пути, не считая ни правых, ни виноватых. Не зря же Пушкин в свое время писал: «Не приведи вас бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный». А он в теперешних условиях и не может быть иным. Ведь обездоленный люд на всех зол. И на себя в том числе за свою униженность и немощь, свое долготерпение, которое длится не годами, а

целыми веками. Пойдет крушить налево и направо сколько сил и дури хватит. Вот только что потом будет? Куда Россия после того, как ураган разорительный пролетит-промчится, пойдет? Ведь коль сам он, Петр, дороги праведной не знает, как не знают ее Шелгунов и другие образованные люди, то что же говорить о простом забитом рабочем или темном мужике. Горевать и горько плакать на пепелище? Нет. Это путь не тот. Нужно искать другой.

Да, другой! Какой именно, он не знает. Ясно лишь то, что тот путь не должен вести к очередному разбитому корыту, к пожарам и смертям тысяч людей. Конечно, без силы здесь не обойтись. Те, кто стоят у власти, ее просто так не отдадут. Но это должна быть такая сила, которая убедит их в бесполезности сопротивления, поставив перед выбором: либо добровольно передать власть, либо лишиться всего, в том числе и самой жизни. Так что нужно ковать, готовить эту силу, растить. Готовить не только к тому, чтобы взять власть, но и умело ею распорядиться для будущего. А им, этим самым будущим, как теперь уже ясно Петру, станет, конечно, социализм…

Ах, как он устал! Чертовски устал. Устал болтаться месяцами в море, вдали от родной земли. Петру уже не раз во сне являлся согретый ласковыми солнечными лучами мягкий бердянский песок, на котором он валяется с друзьями, греясь после долгого плаванья в море. Только сны эти не сегодняшние, а из прошлого, из их далекого детства. Посапывающий от усталости Антон с облупленным носом и дрожащий от усталости Израиль с синими губами и гусиной кожей, а между ними сияющий от счастья и избытка гуляющих в его молодом теле сил он сам, Петр Шмидт. Боже, как давно это было! И было ли вообще когда-нибудь? Может быть, вся та его прошлая жизнь – это тоже только сон?

Только нет, она все же была. Были беззаботное детство в Одессе и первые рассветы юности в Бердянске. Были друзья рядом с ним, и была Женя. Женечка Тилло. Они ждали его, и сам он, Петр, тоже ждал встречи с ними. Волнуясь, перебивая друг друга, они спешили поделиться новостями, рассказать о том, что успел узнать каждый из них. И все это казалось тогда жутко интересным и важным. Теперь все иначе. Давно уже нет в живых мамы, ушел из жизни и отец, так и не простивший Петру женитьбы на Домне. Спит в сырой орловской земле сестра Маша, заменившая ему маму после ее смерти. Где-то в Керчи живет с семьей Ася. Туберкулез свел в могилу одного из верных друзей детства Израиля. Другого же власти отправили на долгие годы служить на флот. Разбросала судьба и друзей по училищу.

Уходят, расстаются с ним самые близкие ему, Петру, люди. Казалось бы, что тут такого? С одними расстался, а с другими встретился. Разве мало их находится с ним рядом? Да, действительно, самому ему практически никогда не приходится оставаться. Даже когда ночь глухая за бортом корабля, бредущего в океанской пустыне и все, кому положено, кому можно, отдыхают, а он, капитан, несет свою вахту на мостике, рядом находится рулевой. Выходит, об одиночестве нечего говорить? Но Петр знает, что это не так. Бывает, что человек, даже постоянно находясь среди людей, среди

знакомых, чувствует себя одиноким. Разве не таким был Чацкий из «Горя от ума» Грибоедова? Как там у Александра Сергеевича сказано:

Ученых много, умных мало.
Знакомых тьма, а друга нет.

А друга нет… Нет человека, которому бы ты смог доверить самое сокровенное, с которым мог поделиться последним, не сомневаясь, что в случае необходимости он поступит точно так же, разделит с тобой горе и радость, почувствует и поймет твою слабость, вовремя подставит плечо, беря на себя часть твоего груза, делая тебя сильнее. Боже, как он мечтал иметь таких друзей! И они у него были. Все время были. Но только раньше. Вначале мама, отец… Хотя нет. Отец скорее всего был товарищем. Старшим товарищем. С ним Петр никогда не чувствовал себя так легко и свободно, как с мамой, в доброте и ласках которой он растворялся, сливаясь с нею в одно целое. С отцом же всегда испытывал настороженность, желание собраться, подтянуться, боясь проявить свою слабость, поскольку это не подобает мужчине. Друзья были рядом с ним и в Бердянске, и все годы учебы в Мореходном училище в Петербурге. Были… Но, как чайки, подрастая, покидают свои гнезда, отправляясь в самостоятельный полет, так и человек. Вначале он оставляет гнездо, которое свили его родители, давшие ему жизнь. Расставаясь с ними, отправляясь в учебное заведение либо в люди, он обретает и новых друзей, близких по возрасту и по духу, которые идут с ним рядом. Сердца их стучат в унисон, они чувствуют локоть друг друга. Им хорошо и кажется, что это навеки, что так будет всегда. Всегда они будут вместе и никакая сила не разорвет, не разрушит их юношеский или девичий союз. Они искренне говорят и верят в это, скрывая не только от друзей и подруг, но даже от самих себя то томительное чувство ожидания чего-то нового, неизвестного им, но такого желанного, боясь назвать его тем, чем оно есть на самом деле – любовью. И вот она приходит. Приходит в образе человека другого пола, совсем не похожего на друзей, которые неожиданно под воздействием чуда, которое творит любовь, как-то блекнут. Нет, они не исчезают совсем, но как бы отступают на задний план, уходят в тень. Вначале не замечая этого, человек со временем обнаруживает, что остался лишь вдвоем и начинает чувствовать себя как бы обделенным дружбой. Все чаще дающую о себе знать потребность в ней он пытается удовлетворять, отыскивая качества друзей или подруг в любимом или любимой. И те, кому это удается, кому повезет, обретают подлинное счастье: их любовь, обогащаясь дружбой, обретает второе дыхание, украшая своими яркими цветами человеческую жизнь.

К сожалению, Петру не судилось оказаться среди них. Ему не повезло. Он так мечтал, что будущая жена станет ему настоящим другом. Был почти уверен, что им будет именно Женя. К этому готовил и ее. При встречах и в письмах. А потом вдруг эта новогодняя история в ресторане, куда его чуть ли не силой затащил Мишка Ставраки. И вот что странно. Ведь раньше он

никогда не пил этих проклятых водки и коньяка. Бывало, конечно, за праздничным столом в том же Бердянске доводилось выпить немного хорошего вина, а чаще всего домашней наливки. Но чтобы напиться, что называется, до беспамятства, а потом неведомо как оказаться в постели с совершенно незнакомой женщиной, извините. Такое и в самом дурном сне не могло присниться. И, тем не менее, это случилось. И случилось именно с ним, человеком, который в пьянстве и разврате видел одну только мерзость, против которой открыто выступал. Попав в эту историю, Петр вначале ощутил себя падшим, несчастным, который с какой-то высоты свалился вниз, угодив в нечистоты. Он был омерзителен самому себе. В минуты отчаяния к нему не раз приходила мысль о том, что он не достоин своих близких и друзей, что он вообще не имеет права ходить с ними по одной земле, дышать с ними одним воздухом. Подумывал даже о самоубийстве. А потом… потом он влюбился в Домну.

Влюбился… Теперь-то Петр, анализируя все, что происходило с ним после той новогодней ночи, сомневается, что то была любовь. Сомневается, хотя и до сих пор объяснить не может то чувство к Домне, которое владело им тогда. Ведь он, действительно, был очарован ею. Ее красотою, нежностью, умением вселить в него силу, дать почувствовать себя мужчиной. Домна умела это делать. Умела околдовать. Да, да! Именно околдовать. Эти ее невесть откуда и как обретенные колдовские способности Петр и потом не раз испытывал на себе, прощая жене такую провину, после которой, казалось, непременно должен бы следовать разрыв.

Видно, под воздействием чар Домны он принимал решение спасти ее, вытащить из той грязи, в которой оказалось это милое и хрупкое существо, надеясь, что так и сам он очистится от того дерьма, в которое попал. Нет, нет, он не корит себя за то решение. Оно, конечно, было благородным и правильным. И, стань Домна ему другом, пожелай идти этой трудной дорогой вместе с ним, он не пожалел бы ни сил, ни энергии, чтобы довести задуманное до конца. Но вышло совсем иначе. Он вовсю старался поднимать ее наверх к нравственной чистоте, к свету, к грамоте, к нормальной человеческой семейной жизни, а она не только не помогала ему в этом, но всячески вредила, превращаясь в опасный не лишь для совместного, но и одиночного плаванья в житейском море груз.

Пристрастие к алкоголю, к разгульной жизни, сопровождаемое постоянной ложью, создавали угрозу не только возможности их дальнейшего семейного проживания, но и воспитанию ребенка, на глазах у которого творила безобразия мать в отсутствии находящегося большую часть времени в плавании отца. Ее многочисленные раскаяния со слезами, обещания изменить свое поведение превратились в пустой звук. Петр уже неоднократно решал для себя больше не верить жене и обдумать, как с ней расстаться, естественно, оставив с собой сына. Но всякий раз мысль о том, что Женя будет расти без матери, заставляла его откладывать выполнение этого решения.

Вот и в тот раз Петр возвращался домой с самым серьезным намерением сообщить Домне о том, что им предстоит расстаться. Готовился увидеть слезы, услышать угрозы, мольбы, раскаяние, обещания. А его встретила совсем другая Домна – заботливая, ласковая и нежная. И он… опять отступил, подумав: «А может быть и вправду она перебесилась и поняла, что дальше так быть не может». Правда, сын, уже давно потерявший уважение к матери и терпящий ее лишь благодаря уговорам отца, который что называется выжимал из него слово быть рядом с ней и заботиться о ней как мужчина, прощаясь перед выходом в море, снова шептал Петру: «Папочка, миленький! Мамка плохая. Она врет тебе. Не верь ей!» И он таки оказался правым: она вновь взялась за старое. Только теперь нашла новый способ, как удержать мужа: в очередной приезд вдруг сообщила, что беременна и ждет ребенка…

– Петр Петрович! – прервал думы Шмидта взволнованный голос старшего помощника капитана. – Судя по всему, нам не миновать встречи со штормом.

– Похоже, – кивнул Петр. – Заступайте на вахту, а я спущусь вниз. Посмотрю, как там раненные. Опасаюсь за них.

Опасения его были не напрасны. Пароход «Орел», мягко говоря, был мало приспособлен для транспортировки раненных. Особенно если учесть, что среди них было около двух десятков тяжелых.

– Как ваши пациенты, доктор? – спросил Петр у сопровождающего врача, спустившись на нижнюю палубу.

– Неважно, капитан, – покачав головой, вздохнул тот. – Даже, можно сказать, плохо.

– Что так?

– Четыре часа назад скончался один. А только что укрыли простыней второго.

– Н-да! Действительно, дела скверные.

– Как там наверху? Что с погодой?

– Пока спокойно. Однако… однако, судя по всему, море может разгуляться.

– Этого еще не хватало! – всплеснул руками доктор. – Неужто нам еще шторм испытать придется?

– Сие только Господу Богу известно, – пожал плечами Петр. – А нам нужно быть готовыми ко всему. Хорошо ли укреплены койки?

– Как будто бы нормально.

– Давайте пройдем к раненным.

Пропустив Шмидта вперед, доктор двинулся за ним следом. Петр неторопливо шагал между рядами подвесных коек, внимательно осматривая их крепление. Изредка останавливался, стараясь ободрить словами немощных людей:

– Ничего, ничего, братцы! Потерпите малость. Уж коли живы остались, коль вражеская пуля вас пощадила, то лекари постараются и в обиду не дадут. Доставят до места, а там и на ноги поставят.

– Хорошо бы! – доносилось сквозь вздохи и стоны. – Спаси вас Бог, ваше благородие, и нас вместе с вами.

– Бог милостив, а вы держитесь.

Они уже заканчивали обход, собираясь покинуть пропахшее спекшейся кровью и всяческими лекарствами помещение, когда Петра окликнул один из раненных.

– Ваше благородие! – тяжело дыша, прохрипел он. – Зупыныться на хвыльку.

– Что тебе, братец? – повернулся к нему Петр. – Ты, видать, с Малороссии.

– Украинець я. З Андрийовкы, що пид Олександривськом. Може чулы?

– Ну, Александровск я, конечно, знаю. Я ведь сам в Бердянске жил.

– Землякы, выходыть! – обрадовался раненный.

– Выходит, так, – улыбнулся Петр. – Слушаю тебя, братец.

– Прохання до вас маю. Може, останне, – облизав пылающие жаром губы, прошептал раненный.

– Зачем же так?! – поправляя сползшее одеяло, остановил его Петр. – Довезем тебя до места, доктора на ноги поставят, а там, глядишь, и встретимся еще, земляк.

– Ой, мабуть, уже ни! – покачал головой раненный.

– Ну, ну, – погрозил ему пальцем Петр. – Слушаю твою просьбу. В чем она?

– Прошу вас, якщо помру, не кыдайте мене у море…

– Да что ты все о смерти?! – нахмурился Петр.

– Чую ии. Иде вона по мене. Мыколу Мороза з Гуляйполя вже забрала, а по мене йде. Мы обыдва вид земли з дида-прадида. По ний ходылы, у неи сиялы, у ний и поховайте. Чуете?

– Чую. Только, думаю, что ты еще походишь по земле, братец. Как звать-величать тебя?

– Сывый я. Андрий Сывый.

– Ну вот и добре. Держись, братец Сивый.

– А вы обицяете, ваше благородие? – не унимался раненный и в глазах его была такая мольба, что Петр не смог уклониться от ответа.

– Обицяю! – с трудом проглотив комок, перекрывший горло, тихо отозвался он. – А ты все же держись, брат Сивый. И вы все тоже…

Выйдя на воздух, Петр глубоко вздохнул, вбирая грудью влажный морской воздух, и направился к рубке.

– Сколько нам еще идти? – поинтересовался у штурмана.

– При хорошей погоде часов восемь, Петр Петрович, – отозвался тот. – Ну, а заштормит…

– Многовато! – оборвал его Петр и, окинув взглядом небо, добавил: – Попробуем убежать от шторма. Прибавить обороты!

Пароход, вздрогнув, пошел резвее. Шторм нагнал «Орел», когда он уже входил во Владивостокскую бухту

Разгрузка корабля продолжалась несколько часов. Наконец последний раненный покинул пароход.

– Всего хорошего, Петр Петрович! – подошел проститься к Шмидту доктор. – И спасибо вам.

– Прощайте, доктор! – улыбнулся Шмидт. – Ну а как там ваш Сивый?

– Помер, – вздохнул доктор.

– Жаль, – нахмурился Петр. – Вы уж о просьбе его не забудьте. Предайте тело земле-матушке. Я ведь слово дал.

– Да, да! Конечно. Исполним просьбу. Будьте спокойны. Я прослежу. Непременно прослежу.

2.

оенные события в Китае, жестокость, проявленная карателями при подавлении боксерского восстания, бессмысленная гибель русских рабочих и крестьян, облаченных в солдатские шинели, за непонятные им интересы толстосумов так подействовали на Петра, что, возвратившись из очередного рейса, он решил оставить Добровольный флот. Начальство без энтузиазма встретило ходатайство опытного капитана. Однако Шмидт все же сумел добиться увольнения, аргументируя его необходимостью быть ближе к семье, заниматься воспитанием сына и будущего ребенка, который должен появиться на свет.

Он искренне верил в рождение второго сына (именно сына!). Надеялся, что это поможет коренным образом изменить поведение Домны и наладить нормальную семейную жизнь. К появлению на свет братика Петр старался подготовить и Женю, убеждая сына в необходимости более снисходительно относиться к капризам матери, заботиться о ней во время его, отца плаванья. Однако все надежды Петра на перемены к лучшему рухнули. Едва он успел переступить порог квартиры, возвращаясь с документами об увольнении его со службы в Добровольном флоте, как услышал истошный крик Домны:

– Паразит! Сучонок! – рыдая, надрывалась она. – Над родной мамкой изголяешься? Задушу своими руками!

– Ты мне не мама! – отбивался сын. – Ты злая тетка.

Отчужденное отношение к Домне сына Петр замечал и раньше. Однако он и думать не мог, что все это когда-то может вылиться в откровенную вражду.

– Что здесь происходит у вас? – стараясь быть как можно более спокойным, спросил Петр.

– Па-па-папочка! – обливаясь слезами, бросился к нему Женя. – Она… она опять пьяная!

– Да! Да! – зло сверкая глазами, наступала на него Домна. – Пила и пить буду! И не твое собачье дело. Понял?!

– Ну вот видишь!? – вскрикнул Женя и, махнув рукой, выскочил из квартиры.

Пытаясь унять начавшую колотить его нервную дрожь, Петр положил на тумбочку фуражку и, неторопливо сняв плащ, повесил его на вешалку. Машинально поправил волосы и, пройдя через комнату, опустился на стул.

– Вот! – надрывалась Домна. – Вырастила на свою голову выродка!

– Что у вас происходит? – повторил вопрос Петр.

– Что происходит, что происходит! – размазывая по щекам слезы, выкрикнула Домна. – Жисти от тваво сына мне нет.

– Это наш с тобой сын, Домна, – не повышая голоса, отозвался Петр.

– Какой там наш! Твой он, твой. А мне чистый враг. Даже в горе матери войти и понять не хочет.

– Какое горе?

– Како, како! Материнско! – выкрикнула Домна и тут же с подвывом начала причитать: – О горюшко-горе! Одна я одинешенька! Никому не нужна сиротинушка!

– Успокойся, Домна. Тебе ведь нельзя волноваться. Это плохо для будущего ребенка.

– Ребенка?! – вскрикнула Домна. – Не будет вам никаких ребенков! Вот!

– Как не будет?! – опешив, даже встав со стула, выдавил из себя Петр.

– Да так! Не будет и все. Довели вы меня с выродком!

Почувствовав, что эта весть как громом поразила Петра, Домна, продолжая рыдать, пыталась что-то объяснить ему. Лепетала о горькой бабьей доле, о своем подорванном здоровье, о коварной бабке Акулине, которая, сказав, что она беременна, обманула ее.

– И когда ты об этом узнала?

– Про што?

– Ну про обман этот самый?

– Да тепереча вот, – всплеснула руками жена. – Так больно мне стало, что дальше некуда. Чую, не сдюжит мое сердце. Умру. По дороге взяла казенки и приняла. Домой еле пришла, а тут Женька на меня, звереныш проклятый, накинулся. У-у-у собачье семя!

– Так. Ясно, – играя желваками, произнес Петр.

– Чаво тебе ясно?! – насторожившись, спросила Домна.

– А то, что все твои слова и обещания ничего не стоят! – повысив голос, отчеканил Петр. Ты как была тряпкой, так и остаешься ей. Думаешь только о том, как бы залить глотку этой вонючей мерзостью, а до нас с сыном тебе никакого дела нет. Ну что ж, живи как знаешь. Ты сама по себе, а мы с Женей как-нибудь сами.

– И-и-и! Петичка! – с новой силой завыла Домна. – Не кидай! Не гони меня! Поверь в последний раз. Я тебе верней собаки стану.

– Не верю тебе! Слышишь? Не верю! – бросил Петр и, накинув на плечи плащ, отправился искать сына.

Мольбы и клятвы Домны продолжались еще несколько дней. Но Петр уже не обращал на них внимания. Внутри что-то лопнуло, оборвалась какая-то ниточка, которая удерживала то, что называлось их семьей, и она перестала существовать. Оставаться вместе с Домной под одной крышей Петр просто не мог. Видно, это поняла и она, вскоре молча покинув дом.

Однажды, бесцельно бродя по улицам Одессы, Петр обнаружил, что находится рядом с конторой Русского общества пароходства и торговли (РОПИТ). Основанное вскоре после Крымской войны, это коммерческое предприятие обслуживало пассажирскими и грузовыми судами все мировые водные пути.

– Заглянуть, что ли? – подумал Петр, а ноги сами уже несли его к двери. Думал просто познакомиться, приглядеться вначале, не раскрывая себя. Однако, как выяснилось, тамошние чиновники знали его, и вместо первого, так сказать, прикидочного знакомства сразу получился деловой разговор. Петру предложили должность капитана грузового океанского парохода «Иртыш», и он согласился.

После капитального ремонта судно готовилось в первое плаванье. Комплектовался экипаж, и Петр подивился, а больше порадовался тому, что многие моряки РОПИТа хотели служить под его командой. Откуда ему было знать, что слава о нем, как об опытном, культурном и справедливом офицере уже успела долететь сюда? Ведь ранее он с Русским обществом пароходства и торговли никаких дел не имел, да и знакомств с его моряками не водил. А оно вон как получается. Выходит, у доброй славы тоже бывают быстрые ноги. Ну что ж, это приятно.

Будучи строгим и требовательным к себе и к другим, Петр высоко ценил человеческое достоинство, добиваясь того же от командного состава судна. Комплектуя его, он не раз повторял:

– Мордошлепам у меня места нет: я от них ушел с военной службы. Здесь только свободный матрос, гражданин, строго подчиняющийся своим обязанностям во время службы.

Благодаря стараниям капитана, на судне сформировался деловой и в то же время теплый душевный климат взаимно уважающих друг друга людей-тружеников. Петр на «Иртыше» обрел то, чего ему так не хватало на берегу, в своей семье. И от того боль, которую причиняли ему семейные неурядицы, поведение Домны, становившейся все более наглой и истеричной, ощущалась особенно сильно. Стараясь заглушить ее, Петр до изнеможения загружал себя работой. Находясь большую часть времени в плавании, он иногда по десять часов не покидал капитанский мостик. И хоть нервы были, что называется, на пределе, напоминая готовую вот-вот лопнуть струну, он ни разу не позволил себе сорваться и чем-то обидеть подчиненных.

– Андрей, – услышал он однажды разговор двух матросов, – сдается шось-то неладное с нашим капитаном.

– Почем знашь?

– А ты очи его бачил?

– Ну.

– Та ты не нукай. Ты загляны у ных.

– И шо ж там?

– Шо? Так тоска и биль. Як у тои хворои собаки. Шось же його точить. Ой, точить. Боюсь я за нього.

Постаравшись остаться незамеченным, Петр тихонько удалился, подумав про себя:

– Ишь ты, какой глазастый! Все замечает. Нужно будет покрепче держать себя в руках и не расслабляться. Слабость капитана – лишний и ненужный груз в море.

Недолго проплавав на «Иртыше», он неожиданно для себя получил предложение перейти капитаном на пароход «Диана». Это имя было хорошо знакомо Петру. Его некогда носил шлюп под командованием легендарного Василия Михайловича Головнина, который прославился в эпоху российских кругосветных путешествий, вписав, вслед за капитаном Крузенштерном и Лисянским, ярчайшую главу в историю мореходства, географии и океанографии. Книгами Головнина «Путешествие на шлюпе «Диана» и «Сокращенные записки о плавании для описи Курильских островов» Петр зачитывался во время учебы в Мореходном училище. Нынешняя «Диана» была лучшим пароходом РОПИТа, и Петр, не задумываясь, согласился стать ее капитаном ко всеобщей радости всей команды.

Но особенно радовался приходу на судно Шмидта ученик штурмана Карнаухов-Краухов. Как и Петр, с детства влюбленный в море, он сразу увидел в нем образец для себя и жадно ловил каждое слово капитана, называя за глаза «учителем Петром».

– Ишь ты, учитель! – узнав об этом, усмехнулся Петр. – А ведь это хорошо! Поистине хорошо! Старшие – учителя, которые передают свой опыт, а младшие, осваивая его, идут дальше, радуя старших. На этом и должна строиться настоящая флотская семья.

Флотская семья… А его, Петра, семья? Та, что на берегу. Тень грусти наползала на лицо капитана, а глаза заволакивала пелена печали. Нет, нет. Их не должна видеть команда. Это его и только его проблема, с которой он обязан справиться сам. Только сам! Да, сейчас ему тяжело, поскольку с Домной они расстались. Встала проблема, как быть с Женей. Мальчишка же. Совсем мальчишка. Пока его выручила сестра Ася, согласившись на время взять племянника к себе в Керчь, где жила ее семья.

– Будут вдвоем с нашим кавалером бегать, – убеждала она Петра. – Все же веселее ребятам.

– Вот спасибо тебе, Асинька! – расчувствовался Петр. – Ты так меня выручила.

– Ну что ты, братец! – отмахнулась сестра. – Это ты меня выручил: двоих-то легче воспитывать.

Это был первый рейс, во время которого он был спокоен за сына, за то, что тот будет присмотрен, вовремя накормлен, что его подготовка к занятиям будет проконтролирована. И теперь, возвращаясь из Владивостока, Петр с нетерпением ждал встречи с сестрой и сыном. Огорчало лишь то, что эта встреча будет опять короткой: «Диана» заходила в Керчь всего на несколько часов. Ну, ничего, он постарается сделать все, чтобы как можно больше порадовать своих родных.

Ранним утром «Диана» бросила якорь в Керченском порту. Оставив пароход на попечение старшего помощника, Петр съехал на берег. Почти бегом добрался до дома, в котором жила Ася со своим Избашем, как про себя Петр именовал ее мужа, и, едва успев поздороваться, пригласил их к себе на пароход. Радости мальчишек не было предела. Перебивая друг друга, они засыпали Петра вопросами. А он с сияющими от счастья глазами водил их по судну, показывая во всех подробностях.

В кают-компании внимание ребят привлек прелестный бюст Дианы. Рассказывая о богине, Петр поведал, что бюст ее был куплен в складчину офицерами и сообща установлен в месте, где они чаще всего собираются. Он был необычно оживлен, постоянно шутил с детьми, угощал их сладостями и фруктами, заводил для них граммофон, не забыв сообщить, что и это «чудо» также сообща приобретено кают-компанией.

Потом позвал гостей в свою каюту.

– А вот и моя морская квартира, – пошутил он. Когда же ребята, обшарив все углы каюты, стали проявлять признаки скуки, Петр, к великой их радости, позволил самостоятельно побродить по пароходу.

– Только осторожнее! – предупредил он. – И не мешать работать команде. Ты за старшего, Женя.

– Есть! – ответил сын, и они тотчас исчезли за дверью.

На некоторое время в каюте воцарилось молчание. Только снаружи доносились какие-то звуки, свидетельствующие о том, что на судне продолжается своя жизнь. Окинув очередной раз взглядом каюту, Ася остановила взгляд на виолончели.

– Она все время с тобой? – спросила негромко.

– Конечно! – кивнув, отозвался Петр. – Мамина память…

– Может сыграешь?

– Сыграть? Ну что ж…

Петр раскрыл футляр и, достав инструмент, коснулся его струн смычком. Лицо его вдруг стало печальным и строгим, а в звуках льющейся музыки звучало столько скорби, что у Аси даже слезы выступили на глазах.

Но вот он кончил играть и, оставив инструмент, бережно опустил на стол смычок. Поднял глаза на сестру и, застенчиво улыбнувшись, тихо обронил:

– Вот так в этой каюте во время плаванья сижу один поздней ночью и играю… Вернее, разговариваю с виолончелью. Она жалуется мне, а я – ей.

Потом, проводив брата в очередной раз, Ася долго будет вспоминать свой визит на «Диану», представляя корабль, бредущий во тьме ночного океана и Петра, одиноко сидящего в своей каюте и играющего ту же грустную мелодию, название которой она так и не успела узнать. Она будет тревожиться о нем и, став на время незаслуженного, как Ася была глубоко убеждена, одиночества брата, ниспосланного ему невесть за какие грехи безжалостной судьбой, его тайной и самой преданной берегиней будет терпеливо и подолгу молиться, выпрашивая у всевышнего милостивого к нему отношения. Она будет дарить ему то загадочное сестринское чувство, поражающее своей теплотой, героической самоотверженностью и бескорыстностью, которое свойственно далеко не каждой женщине и которое по силе может уступить разве что материнской любви.

Асе временами казалось, что каждой клеточкой своего тела, всеми фибрами души она чувствует опасность, которая может угрожать либо уже угрожает ее брату. И тогда она втайне от мужа и всех домашних творила свою молитву, страстно взывая к Богу о милости к ее Петру. А узнавая о том, что он жив и здоров, благодарила небо за то, что была услышана. Кто его знает, может быть это, а быть может и какие-то другие силы оберегали Петра от всяких напастей, которых немало встречалось на морских и океанских путях его корабля. Только Ася считала, что ее сестринская любовь является самой надежной защитой, и щедро делилась ею с братом.

Боже, как тревожно билось ее сердце той осенней ночью, когда «Диана» совершала рейс из Риги в Одессу! А тревожиться и в самом деле было отчего. Шторм, начавшийся через несколько часов после того, как корабль покинул Рижскую гавань, трепал их двое суток подряд, и Петр все это время ни на минуту не покидал капитанский мостик. На третий день море, словно выбившийся из сил дебошир, успокоилось.

– Отдохнули бы, Петр Петрович, – предложил капитану старший помощник, поднявшись на мостик. – Все таки третьи сутки без отдыха.

Окинув взглядом как будто бы ничего плохого не предвещавший горизонт, Шмидт согласился.

– Пожалуй пойду, Сергей Сергеевич, – покидая мостик, сказал он. – Только прошу вас, в случае чего, немедленно дайте знать.

– Не извольте беспокоиться, Петр Петрович, – успокоил Шмидта старший помощник. – Все будет нормально.

Едва добравшись до своей каюты, Петр упал на койку и тут же уснул. А заступивший на вахту старший помощник, справившись у штурмана о

местоположении судна, стал мурлыкать полюбившуюся ему песенку из оперетты:

Красотки, красотки, красотки кабаре,
Вы созданы для наслажденья…

По своему он уважал капитана, который всегда и со всеми был корректен, прекрасно знал свое дело и охотно делился опытом с другими. Однако были вещи, которые казались Сергею Сергеевичу странными. Зачем, скажем, по многу часов торчать бессменно на мостике, когда есть он, есть другие помощники? Ну взять хотя бы нынешний рейс. Да, простым его не назовешь. Шторм хулиганил порядком. Болтанка была приличная. Но что из этого следует? Неужели уважаемый Петр Петрович думает, что кроме него никто не в состоянии управиться в этих условиях с красавицей «Дианой»? Пардон, сам он Сергей Сергеевич, да и не только он, за милую душу провели бы ее под белы рученьки совсем не хуже капитана. Так нет же. Никому не уступил этой чести. А почему? Думает, что только ему это под силу, а им нет? Хочет показать свою исключительность просвещенного капитана? Странно все это. Очень странно. Ну что ж, как говорится, капитан он и есть капитан. Пусть поступает, как считает нужным.

Между тем не прошло и двух часов, как старший помощник, сменив капитана, заступил на вахту, погода стала меняться. На море опустился туман.

– Черт побери это белое молоко! – выругался про себя старший помощник.

– Видимость ухудшается, – вздохнул рулевой.

– Не слепой! – зло отозвался старший помощник, но, поняв, что рулевой ни в чем не виноват, тут же добавил более мягче: – Ничего, братец. Думаю, что эта манная каша не надолго. Как-нибудь проскочим.

Мелькнула мысль:

– Возможно, стоит разбудить капитана? Как-никак, а он же все-таки просил в случае чего… А впрочем, где он, этот случай? Пока «Диана» спокойно режет туман. Зачем зря человека тревожить? Пусть отдохнет.

Приняв такое решение, старший помощник успокоился и вновь замурлыкал песенку о красотках. Но спокойствие это длилось совсем недолго. Страшный удар, сопровождаемый раздирающим душу скрежетом, отбросил его назад, свалив с ног.

– Тысяча чертей! – больно ударившись о стенку, выругался старший помощник. Поднявшись, он попытался понять, что случилось и тут же пришел в ужас: «Диана» на полном ходу врезалась в каменную гряду.

Неожиданно сильный удар, треск всего корпуса парохода заставили выскочить на палубу всю команду. Непроглядная темень ночи, периодически повторяющиеся удары о камни, неизвестность положения, в котором находился пароход, вызвали панику. Команда шумела, начался беспорядок. И тут раздался негромкий, но твердый и спокойный голос капитана:

– Всем по местам. Доложить состояние служб обеспечения. Штурману определить местоположение судна.

Не прошло и минуты, как все успокоились и заняли свои места, определенные расписанием. Вскоре выяснилось, что «Диана» налетела на гряду камней у острова Мэн, что расположен у берегов Дании.

Два дня продолжалась борьба команды за живучесть парохода. Все трудились, что называется, как черти, четко выполняя команды, которые подавал Шмидт. На третий день вновь начался шторм и судно оказалось в опасном положении. Не желая рисковать жизнями людей, Шмидт приказал команде сесть в шлюпки и выброситься на берег острова. Он спокойно распоряжался загрузкой каждой шлюпки, заботливо относясь не только к людям, но и к каждому матросскому узелку с вещами.

Когда все сели в шлюпки, Шмидт, находясь на пароходе, скомандовал:

– Ну, с Богом!

– Петр Петрович, а вы?! – вскрикнул, боявшийся ранее поднимать глаза от стыда за свою оплошность старпом.

– Я остаюсь, – грустно усмехнувшись, ответил Шмидт. – «Диану» я не покину до конца.

– Петр Петрович! – послышались голоса членов команды. – Ваше благородие! Гражданин капитан! Так нельзя! Не можно! Вы же пропадете за зря! Садитесь к нам.

– Нет, – покачав головой, решительно ответил Петр.

Тогда команда, зашумев, приняла решение:

– Раз так, то и мы остаемся с вами. Все остаемся!

Шмидт на какое-то мгновение задумался и тут же принял решение:

– Всем здесь делать нечего. Зря рисковать не будем. Со мною останутся четверо из вас, те, кто может понадобиться для сигнализации и общения со спасателями, если таковые будут…

На «Диане» Петр со своими товарищами провел шестнадцать суток, пока прибывшие на место аварии буксирные суда не сняли пароход с каменной гряды. Вся команда кипела гневом, была готова убить, разорвать в клочья старшего помощника, по чьей вине случилась такая беда. Шмидт же всячески успокаивал людей и своему помощнику не сказал ни слова упрека. В рапорте же директору РОПИТа о случившемся всю вину за аварию взял на себя, написав: «Я капитан, значит я один виноват».

Специально созданная комиссия долго и придирчиво исследовала причины аварии лучшего парохода Российского общества пароходства и торговли. Волновалась вся команда. Не был спокоен и Петр Петрович. Еще бы! Ведь «капитан за все в ответе» – это не просто слова. Так оно и должно быть на самом деле. В этом он был уверен и придирчиво анализировал каждый свой шаг, начиная от подготовки к рейсу, загрузки судна, профессиональных способностях членов экипажа. Все как будто бы делалось правильно. Но беда случилась. Почему? Возможно, разбуди его вовремя Сергей Сергеевич, он бы заметил приближение этой чертовой каменной гряды. Ну, не заметил, так почувствовал бы, каким-то шестым чувством

ощутил ее проклятую, которая так больно ранила его «Дианушку». Хотя, кто его знает. Будь сам Бог в это время на капитанском мостике, и он бы мог попасться в каменные сети. Разве можно их разглядеть в таком тумане? Что бы там ни было, независимо от того, какое решение вынесет следственная комиссия, он сам для себя уже решил: с подчиненными, в том числе и с ближайшими помощниками, надо быть не только добрым, но и требовательным, более требовательным, нежели он был прежде. От каждого из них зависит и судьба судна, и жизнь – как их собственная, так и других…

Комиссия, расследовав аварию, пришла к выводу о полной невиновности капитана «Дианы» Шмидта в случившемся. А вскоре Петр Петрович получил предложение стать начальником Рижского мореходного училища. Этим предложением он был польщен: значит, никто не ставит под сомнение его мореходные способности. Не ставит, несмотря на неудачу, горечь которой ему довелось испытать.

– Ну что ж, – решил про себя он. – Я, пожалуй, соглашусь. Перееду с Женей в Ригу, а там, глядишь, и семейные дела как-то устроятся на новом месте.

Но тучи, что сгущались на Востоке, вскоре разрушили планы, которые начал строить Шмидт.

острова Пэнхулидао, а также должен был уплатить крупную контрибуцию. Кроме этого усилился
империалистических держав
концессии. В результате Ге
Россия получили в аренду
называемые сферы влияния.

По китайско-русской к
полуострова была передана Р
морской крепости, получивш
позиций в Северо-Восточно
экспансионистские аппетиты
мечтала одним мощным уд
Выбирался лишь удобный м
решило, что такой момент на
миноносцы внезапно атаковали русскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде

3.

ушевавшие с начала 40-х годов войны – англо-китайская, англо-франко-китайская, китайско-французская, японо-китайская, которые предшествовали боксерскому восстанию, предельно ослабили Китай. Потерпев ряд поражений в войне с Японией, он вынужден был подписать в 1895 году Симоносекский договор. В соответствии с ним Китай признавал независимость Кореи, которая до этого номинально находилась под его суверенитетом, передавал Японии Тайвань,

в Порт-Артуре, повредив два броненосца и один крейсер. Началась русско-японская война.

Попытки главных сил японского флота вначале полностью уничтожить русскую эскадру, а затем закрыть ей выход из Порт-Артура путем затопления судов, груженных камнем, желанного успеха не принесли.

В войну постепенно втягивалась вся страна, лихорадочно наращивая военную мощь, облачая в солдатские шинели и матросские бушлаты сотни тысяч россиян. В апреле 1904 года на действительную службу был призван и Шмидт. Он был направлен в Севастополь в распоряжение штаба Черноморского флота, где его зачислили в 33-й флотский экипаж. Стремясь быть как можно больше рядом с сыном, Петр вскоре и его перевез к месту своей службы с тем, чтобы Женя смог продолжить учебу в реальном училище. С жильем они устроились довольно удачно, сняв квартиру в самом центре Севастополя на Екатерининской улице в доме №83, чем были вполне довольны.

О Домне хоть и думал каждый из них – Женька с непрекращающейся злостью на мать за причиненные обиды, а Петр с возмущением на ее необъяснимое пристрастие к пьянству и разгулу, в которых видел отвратительнейшие из людских пороков, и негодованием на собственное бессилие справиться с ними, – но вслух старались не говорить. Да и как, о чем они могли говорить? Вспоминать о плохом, связанном с некогда близким человеком, которого сейчас рядом не было, ни Петру, ни Жене не хотелось, а совместного будущего с ней они не представляли. И отец, и сын в душе были глубоко убеждены, что измениться к лучшему Домна не сможет, как не смогут дальше терпеть ее мерзости и они. Так что отъезд Домны, а вернее ее бегство от них и тот, и другой восприняли не только спокойно, но даже с некоторым облегчением. Нечто похожее бывает, когда в доме, в семье долгое время находится неизлечимо больной человек. Все близкие уже выбились из сил, ухаживая за ним, стараясь как-то облегчить его страдания, помочь, но, понимая, что этого сделать нельзя, мучаются сами. И вот, наконец, по тело и душу страждущего является косматая с косой и прибирает его. В дом приходит горе. На первых порах оно, кажется, заполняет собою все. Весь мир видится в черных, траурных красках. Однако проходит какое-то время, и близкие сознают, что покойник отмучился, ушел в иной мир, а они остались в этом. Постепенно наступает облегчение. Жизнь наполняет дом, даруя свои радости, свои наслаждения. Именно это, жизнь со всеми ее радостями и наслаждениями испытывали сейчас Петр и Женька. Оказавшись вместе, когда их никто не огорчал, никто ими не понукал, они старались как можно быстрее восполнить тот пробел в общении, который образовался за годы долгих странствий по морям и океанам Петра. Бродя по бульварам и улицам Севастополя, они жадно вчитывались в строки его героической истории, запечатленные в памятниках, в названиях курганов и площадей. Петр торопился как можно больше показать и рассказать сыну о том, что знал сам,

чем гордился, словно боясь не успеть передать обретенное им за прожитые годы духовное богатство своему наследнику.

Между тем основания для того, чтобы торопиться, у него были. Военные события на Дальнем Востоке обретали все более грозный характер. 22 апреля севернее Порт-Артура высадилась 2-я японская армия, которая нанесла русским войскам поражение у Цзинь-чжоу и Вафангоу. Намереваясь захватить крепость, японское командование создало 3-ю армию, которая в конце июля начала осаду Порт-Артура. За обороной крепости следила вся мыслящая Россия, не говоря уже о военных, каждый из которых надеялся, что героизм и мужество, проявленные на крымской земле, в Севастополе, будут приумножены 50-тысячным гарнизоном дальневосточной твердыни. Однако неудачи одна за другой преследовали русское воинство как на суше, так и на море.

Петр несказанно обрадовался, узнав, что командующим Тихоокеанской эскадрой назначен вице-адмирал Макаров.

– Наконец-то! – ероша пальцами волосы, ликовал он. – Теперь, япошки, держитесь. Уж Степан Осипович вам покажет.

– А кто такой Степан Осипович? – поинтересовался сын.

– Степан Осипович? – недоуменно переспросил Петр, пораженный вопросом сына. – Да это же Макаров! Я тебе о нем, кажется, рассказывал. Это же крупнейший специалист морского дела, человек самых прогрессивных взглядов, любимец флота. Ведь это он в 1877 – 1878 годах осуществил атаки турецких кораблей шестовыми минами, впервые применил самодвижущуюся мину – торпеду...

– Да, да, папочка! – смутившись, попытался исправить свою оплошность Женька. Я вспомнил!

– Ну вот! Таких людей надо знать, сынок. Они наша гордость, гордость России.

Однако в конце весны 1904 года броненосец “Петропавловск”, флагман Тихоокеанского флота России, на котором находился вице-адмирал Макаров, подорвался на японской мине у входа в Порт-Артурскую гавань. Погиб почти весь экипаж во главе с командующим, в том числе и сводный брат Петра мичман Леонид Шмидт. Другому же его сводному брату – флаг-адьютанту Макарова, мичману Владимиру Шмидту удалось спастись.

Последовавшие затем две попытки русской эскадры прорваться во Владивосток окончились неудачей, и в дальнейшем она вынуждена была поддерживать огнем сухопутные войска.

Обеспокоенное событиями на Востоке, русское военное командование спешно формировало на Балтике Вторую Тихоокеанскую эскадру под командованием вице-адмирала Зиновия Петровича Рожественского. В ее состав входило семь крейсеров, закупленных морским ведомством в Аргентине. Узнав об этом, Петр подал рапорт с просьбой зачислить его на один из военных кораблей, либо на подводную лодку. Однако получил отказ.

Не останавливаясь на этом, он обращается с рапортом непосредственно к вице-адмиралу Рожественскому, предлагая использовать для прорыва блокады Порт-Артура транспортные суда, пустив их впереди эскадры. На один из таких транспортов-тралов он предлагает назначить себя. Однако снова получает отказ.

Наконец в середине мая Петр Петрович получает направление в Либавский порт.

– Кажется, дело сдвинулось с мертвой точки, сына! – делится он известием с Женей. – Мои рапорты подействовали на высоких чиновников. Надо собираться.

– Папа! – выслушав взволнованного отца, неожиданно попросил сын. – А можно и я с тобой поеду?

– Ты? – растерянно заморгал глазами Петр. – Со мной? В Либаву?

– Ну да! – настаивал Женька. – Туда и обратно.

– Как то есть туда и обратно?

– Обыкновенно! Туда – с тобой вместе, а провожу тебя и уже сам сразу вернусь.

– А учеба как же? – слабо сопротивлялся Петр.

– Так мы же на каникулах в это время будем.

– Ах, да, конечно! – потирая затылок, кивнул Петр. Ему очень хотелось подольше побыть вместе с сыном. Кто его знает, какая судьба ожидает: война есть война, а там всякое может случиться. Женька и впрямь уже большой, самостоятельный парень и, в случае необходимости, вполне сможет найти обратную дорогу в Севастополь. Это в случае необходимости. Но ведь и без нее можно будет попробовать посадить Женьку на какой-нибудь пароход, который наверняка будет следовать, если не прямиком из Либавы в Севастополь, то уж через него это точно. А там, глядишь, так выйдет, что доведется им вместе этот путь проделать на одном судне. Тогда и совсем повезет.

– Ну что ж, – приняв решение, подмигнул сыну Петр. – Собирайся в дорогу, будущий капитан.

– Ур-р-ра! – закричал, обрадовавшись, Женька, повиснув у отца на шее. – Едем япошек бить!

– Ну, ну! – хохоча, отбивался от наседавшего сына Петр. – Эдак ты меня с ног свалишь.

– Не свалю! Не свалю!

– Ладно. Хватит, тебе баловать.

– Слушаюсь, господин лейтенант.

– Лучше – гражданин лейтенант, – поправил сына Петр.

– Пусть будет гражданин! – махнув рукой, легко согласился Женька. – Ну теперь мы покажем япошкам.

– А вот это ты зря, сынок, – став сразу серьезным, покачал головой Петр. – Японец – вояка сильный. Так что, дай Бог, тебе с ним лучше не воевать. Да и война эта какая-то странная.

– Почему?

– Да началась она, сына, как-то непонятно. И ведется не в лучших традициях русского воинства. Так что... Поживем – посмотрим, как оно пойдет дальше. А пока давай собираться.

До Либавы добирались хоть и долго, но без особых приключений. Зато они, а вернее неожиданности, начались буквально с первого дня приезда к месту назначения Петра. В тайне мечтая попасть на военный корабль – пусть не линкор или крейсер, хотя бы приличный миноносец – Петр был просто ошарашен, узнав от чиновника порта, что его назначили на должность старшего офицера военного угольного транспорта “Иртыш”.

– Прошу, господин лейтенант, – вручая предписание, как показалось Петру, издевательски усмехнулся чиновник, – безотлагательно приступить к исполнению своих обязанностей.

– Слушаюсь, господин капитан второго ранга, – с трудом сдерживая злость, отозвался Петр и поспешил покинуть кабинет.

– Вот тебе и крейсер, и миноносец! – едва закрыв за собой дверь, ругнулся Петр. – Чиновние неучи, черт побери, с нетерпением ждали вас, гражданин Шмидт. Да, да! Ждали, чтобы указать вам место на этой угольной посудине.

Прибыв на «Иртыш» и представившись его командиру капитану 2 ранга Егоршишеву, Петр начал знакомство с судном. Это был пароход, который царское правительство только что купило у Бельгии и передало флотскому командованию, а последнее спешно приспосабливало его под военный транспорт, для снабжения углем боевых кораблей формирующейся Второй Тихоокеанской эскадры.

Осмотрев судно, Петр пришел к печальному выводу, что “Иртыш” по оборудованию, оснащенности никак не отвечает своему назначению и не в состоянии оперативно снабжать углем боевые корабли в море и тем более в условиях штормовой погоды. А она, как успел убедиться Шмидт, далеко не редкость в тех широтах, где предстояло действовать Второй Тихоокеанской эскадре.

– Что же делать?! – ломал голову Петр. – Потащим эдакую махину на край света через моря и океаны, а, когда дойдет до дела, она окажется просто ненужной и будет служить японцам в качестве беспомощной мишени.

Взяв себя в руки, он таки находит, как ему кажется, нужное решение: нужно срочно механизировать “Иртыш”. Да, да! Именно механизировать. Это дает возможность ускорить погрузочно-разгрузочные работы и тем самым подготовить судно к выполнению функций угольщика. Это – во-первых. Кроме того, “Иртыш” ведь можно использовать и как боевую единицу для траления.

Засев за обоснование своей задумки, Петр вскоре подготовил проект механизации работ и оснащение судна оборудованием для траления. Поделился своими соображениями с капитаном.

– Так, так, – выслушав старшего офицера, покивал головой Егоршишев. – Интересные мысли, лейтенант.

– Вы согласны? – обрадовался Петр.

– Я-то согласен, – усмехнулся капитан. – Только вряд ли из этой затеи что-либо выйдет.

– Но почему?! – недоуменно сдвинул плечами Шмидт.

– Да потому, что нашим чиновникам, как штатским, так и военным, где бы не работать, как бы ни работать, лишь бы не работать. Так-то, Петр Петрович. К тому же Вторая Тихоокеанская эскадра вот-вот в поход двинется.

– И все же я буду настаивать на своем предложении. Прошу позволить мне подать рапорт командующему.

– Подавайте! – махнул рукой капитан.

Подав рапорт вице-адмиралу Рожественскому, Петр ждал ответа, но минали дни, недели, а его все не было. Возмущаясь бюрократическими порядками, которые царили на флоте, медлительностью в принятии и исполнении решений, бесхозяйственностью и почти неприкрытым казнокрадством, Петр с тревогой думал о том, как эта разлаженная и неповоротливая машина поведет себя в бою. Ведь там придется расплачиваться за все это кровью, жизнями русских людей, одетых в матросские робы. Что ждет их впереди?

Время Жениных каникул истекало, и Петр отправил его обратно в Севастополь, устроив на пароход к знакомому по службе в РОПИТе капитану.

– Поезжай, сына! – прощаясь, обнял он Женю. – И смотри там у меня, чтобы все было в порядке и в реальном училище, и вообще.

– Хорошо, папа! – прижимаясь к отцу, успокаивал его сын. – Все будет так, как ты говоришь.

– Я на тебя надеюсь.

2 октября 1904 года основная часть Второй Тихоокеанской эскадры, наконец двинулась в путь. Предстояло совершить небывалый в истории переход через три океана, преодолев путь длинною в 18000 миль.

– А что же мы? – поинтересовался Шмидт у капитана.

– Нам приказано ждать, – недовольно буркнул тот.

– Доколе? – не унимался старший офицер. – Так и всю войну простоим...

– Командованию виднее! – оборвал разговор Егоршишев.

Закусив губу от обиды, Шмидт промолчал. Поздно вечером, добравшись наконец до своей каюты, он долго не мог уснуть. На душе было тоскливо, и так хотелось с кем-то поделиться своими думами. Но с кем? Сын уехал. Ася, с которой они всегда понимали друг друга, а в последнее время особенно сблизились, теперь так далеко.

– Напишу-ка я сестренке ответное письмо! – решил Петр. – Как там она со своим маленьким сынишкой, моим крестником? Завет к себе в гости. Хорошо бы! Только как это сделать?

Он зажег свечу и сел к столу. «Дорогая Ася, – торопливо бежало перо по листку бумаги, – получил твое письмо. Приехать у меня нет ни малейшей

возможности, это совершенно немыслимо. Ты не знаешь, что такое за прелесть быть старшим офицером на военном корабле. Мне невозможно отлучиться даже в город, даже на три-четыре часа. Это считается уже целым происшествием и почти преступлением. Я нахожусь уже полгода в настоящем тюремном заключении. Простоим мы здесь до начала, а может быть, и до половины декабря, потом пойдем вместе со второй частью эскадры Рожественского, состоящей из вновь купленных крейсеров Аргентинской Республики, – семь штук, – да мы, транспорты. Догоним мы Рожественского, должно быть, в Зондском архипелаге и тогда уже вместе двинемся на вражеский флот, от которого, думаю, нам не посчастливится: силы будут равные, но искусство стрельбы, конечно, на стороне японцев, которые много лет готовили свой флот к войне, а не смотрам, как готовили мы. На подводную лодку меня, к сожалению, не назначили, т.к. Рожественский просил, уходя, никого не перемещать с места на место. Приходится оставаться на угольном транспорте, тяжело, грязно, утомительно. Принимать все опасности целиком и быть в стороне от всех «выгод» войны – довольно жалкая роль.

Может быть, ты, Ася, навестила бы меня здесь, в Либаве, денька на два, на три. Рад был бы видеть тебя, голубка моя, и переговорить с тобой на долгую разлуку. Думаю, что если не укокошат, то, во всяком случае, на Востоке задержат года на два. Война не может окончится скоро, если даже положение не осложнится с Европой, а если осложнится, то на многие годы польется кровь! Зазевались мы с нашей манией расширять территории и горько расплачиваемся теперь. Обними мужа, а деток расцелуй. Сильно хотелось бы вас всех повидать и маленького крестника моего. Христос с тобой.

Твой Петя.»

Минуло еще несколько дней томительных ожиданий. Наконец пришел приказ. Но не догонять ушедшие корабли, а следовать в Ревель для участия в царском смотре.

– Нашли время их императорское величество! – не сдержался Егоршишев и, тут же, спохватившись, бросил настороженный взгляд на Петра. Тот сделал вид, что занят неотложным делом и оплошности капитана не заметил. Тем более, что дело и впрямь было неотложное: громоздкий транспорт выводили из канала два буксирных катера, а заведующий гавани, руководивший буксировкой, вел себя, как показалось Петру, не совсем уверенно.

Капитан, оставив мостик, отправился к себе в каюту. И вдруг, (надо же такому случится!) при повороте лопнул буксирный канат. “Иртыш”, набравший к тому времени приличную скорость, на полном ходу устремился к берегу. Еще немного и катастрофа неизбежна. А тут, как на зло, растерялся заведующий гавани.

– Слушай мою команду! – раздался усиленный рупором решительный голос Шмидта.

– Что... что вы себе позволяете, лейтенант?! – приходя в себя, забормотал заведующий гавани, пытаясь вновь взять на себя командование буксирами. Но Шмидт этого ему не позволил.

– Прошу покинуть мостик и не мешать! – обрубил он.

– Вы... вы за это ответите...

– Отвечу, отвечу! – махнул рукой Петр и тут же перевел обе ручки телеграфа в машинное отделение, отдавая команду. Обе машины заработали полный ход назад. Старший офицер командовал, как всегда, красиво, отдавая приказания звучно, но спокойным голосом:

– Комендоры к канату! Оба якоря к отдаче изготовить. Из правой бухты вон! Отдать якорь!

Якорь полетел в воду.

– Канат травить до пяти сажен!

Комендоры едва успели застопорить канат, как с мостика последовала новая команда:

– Из левой бухты вон! Отдать якорь, канат травить до пяти сажен!

Матросы работали, что называется, как часы, четко и быстро выполняя то, что от них требовали с мостика.

– Как на лоте? – справился Шмидт у лотового.

– Остановился! – последовал ответ лотового, который вскоре вновь прокричал: – Назад пошел!

Петр быстро перевел телеграф на “стоп” и катастрофа миновала.

Окончив операцию по спасению “Иртыша”, он прикрыл глаза и на какое-то время замер, пытаясь успокоиться. Все тело дрожало.

– Спокойно! – сказал он себе, до боли сжимая пальцы в кулаки. – Спокойно! Уже все позади... Все позади... Только где же этот индюк?

Сердито тряхнув головой, Петр поискал глазами заведующего гавани. Тот куда-то исчез.

– Какая безответственность! – кипел Петр. – Надувать щеки, когда от тебя по сути дела ничего не зависит, и пускать слюни, когда нужно дело, когда жизнь корабля и людей находятся на волоске.

Оглядевшись, Петр увидел капитана. Тот стоял на палубе и, опустив голову, молча слушал, что ему сердито выговаривал заведующий гавани. Выслушав, кивнул, то ли соглашаясь, то ли прощаясь, и направился к трапу, ведущему на капитанский мостик. Неторопливо поднялся и, усмехнувшись уголками губ, произнес.

– Благодарю вас, Петр Петрович. Блестящая работа!

– К сожалению, пришлось вмешаться...

– Я все видел! – остановил Егоршишев Шмидта. – Вы все делали правильно. Хотя этот субчик и грозится подать рапорт. Ну да черт с ним. Пусть подает.

Заведующий гавани таки выполнил свою угрозу и подал рапорт Рожественскому. Не став долго разбираться, вице-адмирал наказал Шмидта. “За дерзость”. Петр вынужден был сидеть в своей каюте под охраной часового.

А «Иртыш» продолжали преследовать неприятности. При выходе из порта после царского смотра в Ревеле судно напоролось на каменную гряду и было отбуксировано в док для ремонта, который продолжался больше месяца.

– Чертовщина какая-то! – играя желваками, бубнил Егоршишев. – Наверняка сидит где-нибудь в трюме какой-то из нечистых. Надо будет взгреть боцмана и заставить, чтобы поискал как следует это паскудство да вышвырнул за борт.

– Думаете, что нечистый? – усмехнувшись, поинтересовался Петр, зная за капитаном странность верить во всякую чертовщину и разные приметы.

– Непременно он! – не задумываясь, ответил Егоршишев. – Судите сами, лейтенант. Мы только в поход тронулись, а уже дважды на краю беды побывали. С чего бы это? Кому мы с вами задолжали? Кому на хвост наступили?

– Не знаю даже, что сказать, – пожал плечами Петр.

– Во! И я тоже не знаю. А посему делаю вывод: он проклятый, его козни. И я вам это докажу.

После ремонта “Иртыш” уже несколько недель стоял в Либаве. Егоршишев чуть ли ни через день запрашивал Главный Морской штаб, что делать. Однако ответов оттуда не было.

– Они что там себе думают? – злился капитан. – Не знают, как с нами поступить или забыли о том, что мы еще существуем.

Петр стал замечать, что Егоршишев пристрастился к водке и уже несколько раз появлялся на людях в нетрезвом виде.

– Сказать ему, что так не годится? – ломал голову Петр. – Но ведь он и сам не маленький и должен понимать, что пьющий капитан в походе не меньшая опасность, нежели каменная гряда или песчаная коса. Нет, все же подожду немного. Может быть образумится человек, возьмется за голову. А если нет, тогда уже придется говорить с ним начистоту, по мужски.

Наконец по телеграфу был получен приказ: “Иртышу” загрузиться в трехдневный срок и, взяв на борт 8 тысяч тонн угля, идти в Порт-Саид.

– Они что там в Главном Морском Штабе с ума сошли?! – не удержавшись, возмутился Петр. – За три дня принять восемь тысяч тонн! Это при нашей то механизации.

– Н-да, – неопределенно развел руками Егоршишев. – Но приказ есть приказ, и его придется выполнять.

– Как? Как выполнять?! – кипел Петр. – Чем? Матросскими спинами? Да, чтобы выполнить эту работу в две недели, потребуется как минимум полторы тысячи человек. Как минимум! А у нас весь экипаж только двести сорок девять.

– Но приказ...

– К черту дурацкий приказ!

– Э-э-э нет, батенька! – помахав прокуренным пальцем у носа Шмидта, возразил капитан. – Приказ будет выполнен.

– Но как? Как?

– Как? Загрузим углем то, что успеем за три дня.

– Ну и что? А потом?

– Потом? – переспросил Егоршишин и, наклонившись к самому уху Шмидта, прошептал: – Зальем балластные цистерны морской водой, чтобы «Иртыш» дал осадку и казался полностью загруженным.

– Вы что?! – отшатнулся в ужасе Шмидт. – Везти через моря и океаны к эскадре, кораблям которой каждый пуд угля на вес золота, морскую воду? Рисковать жизнью людей, успехом дела только для того, чтобы доложить вице-адмиралу Режественскому, что дурацкие приказания выполнено. Да это же настоящее преступление! Я в нем участвовать отказываюсь.

– Отказываетесь? – прохрипел Егоршишин.

– Да! Отказываюсь.

– Тогда я вас арестую.

Вызвав конвой, капитан, сделавшись красным как варенный рак, скомандовал:

– Проведите лейтенанта в каюту и выставьте караул.

Однако, едва дверь каюты Петра успела закрыться, Егоршишев сам пришел к арестованному. Молча опустился на диванчик и, сдвинув на затылок фуражку, сердито засопел.

– Ты вот что, Петр Петрович, – помолчав, заговорил, с трудом подбирая слова. – Ты не серчай на меня. Приказ ведь нужно выполнять.

– Дурацкий – не нужно.

– Это как же?

– Да вот так!

– Так что же прикажите делать?

– Выйти из порта только после полной загрузки трюмов углем.

– А срок? Срок же нарушим.

– Зато дело сделаем и честь сохраним.

– Ну что ж, пусть будет по твоему, лейтенант, – поднимаясь с дивана, махнул рукой капитан. – Приступай к погрузке.

Вскоре работа закипела. Петр все эти дни сам трудился без отдыха и никому не давал покоя. Наконец в двадцатых числах декабря «Иртыш», загрузившись углем, снялся с якоря и взял курс на Дальний Восток.

Нечеловеческие нагрузки, которые пришлось испытывать в последнее время Петру, не прошли даром. Уже на подходе к Константинополю он почувствовал признаки почечной болезни, о которой уже потихоньку стал забывать.

– Черт возьми! – сжимая зубы ругался про себя Петр. – Неужели они снова меня подведут?

Какое-то время он старался держаться, думая, что все обойдется. Так ведь бывало раньше: поболит, поболит, а потом утихнет. Может быть, и в этот раз минует. Однако при подходе к Порт-Саиду острый приступ свалил его в постель.

– Немного отлежусь, – морщась от боли, смущенно говорил он капитану. – Думаю, что приступ продлится недолго.

Егоршишин, будто соглашаясь с Петром, молча кивал головой и, лишь покидая каюту, обронил бесстрастно:

– Здоровье нужно беречь, Петр Петрович. Нужно беречь. Н-да.

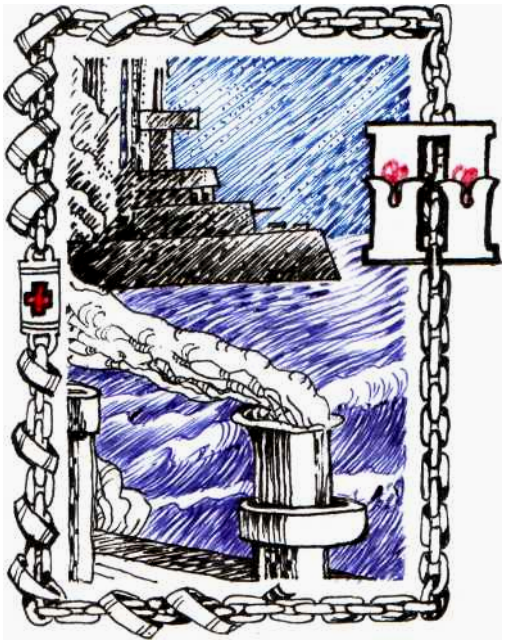
То ли и вправду жаль ему было Шмидта, то ли лукавил старый морской волк перед не раз проявившим строптивость старшим офицером, а только вскоре после того, когда «Иртыш» бросил якорь в Порт-Саиде, доктор сообщил Петру, что принято решение списать его на берег для лечения в госпитале.

– Да как же так?! – едва сдерживая слезы обиды, возмущался Петр. – Как же я?

– Ничего, ничего, голубчик! – успокаивал его доктор. – Подлечитесь и снова встанете в строй.

– Лечись, лейтенант! – моргая глазами, добавил прощаясь Егоршишин. – Мы за тебя повоюем. Пока ты поправишься, мы, глядишь, и одолеем самурая. А там, даст Бог, еще свидимся.

Вся команда вышла проводить полюбившегося старшего офицера. Матросы не уходили с палубы и махали бескозырками до тех пор, пока катер, на который погрузили больного, не скрылся из виду.



4.

опав в госпиталь, Петр надеялся, что там его быстро поставят на ноги и он все же сумеет на каком-нибудь быстроходном попутном судне догнать не отличавшийся большой скоростью и к тому же тяжело груженный “Иртыш”. Однако проклятая почечная болезнь на целый месяц приковала его к больничной койке. Петр нервничал: он здесь валяется, а его товарищи без него идут в бой.

– Как там они? – думал Петр, вспоминая членов команды, с которыми он таки сумел найти общий язык и которые, несмотря на тяжелую, практически каторжную, работу по погрузке судна все же поняли ее необходимость и не сетовали на него – Успеют ли вовремя соединиться с эскадрой? Как поведут себя в боевой обстановке? Будут так же четко и слаженно трудится, как тогда в Либаве при погрузке, или растеряются?

Он попытался представить себе армаду Второй Тихоокеанской эскадры, которая, вспарывая металлическими носами безбрежную океанскую ширь, двигалась на Дальний Восток на выручку русских кораблей, запертых коварными японцами у оборонявшегося Порт-Артура. Вторая как будто бы имела довольно внушительный вид и должна была бы вселять в него уверенность в успех и спокойствие за исход предстоящей операции. Однако этого-то спокойствия как раз и не было. Почему-то думалось о всяческих

опасностях, которые подстерегают русских моряков, отправившихся в столь дальнее плавание. Каких именно? Да кто же это может сказать. Ну хотя бы штормы, которые в это время свирепствуют по всем широтам и уж наверняка встретятся на пути эскадры. И, может быть, не однажды. Сумеют ли выдержать их суда, а главное – люди? Как будут встречать русских моряков в иностранных портах, в которые им так или иначе придется заходить для заправки топливом, пополнения запасов воды и пищи? Сколь надежным будет управление корабля или эскадры? Ее ведет вице-адмирал Рожественский. Петр не раз слышал эту фамилию от дяди Владимира. Тот похвально отзывался о нынешнем командующем Второй Тихоокеанской. Но как он покажет себя в деле, все же было неясно. Петра, как и других офицеров, одолевали сомнения. Другое дело Степан Осипович Макаров. О! Это был флотоводец милостью божьей. Находясь под его командой все офицеры чувствовали себя уверенно и надежно. Чувствовали... Наверняка и тогда они это чувствовали, когда броненосец «Петропавловск» отправлялся в свой последний поход. Кто мог знать, что на пути его встанет проклятая японская мина? А сколько этих мин еще поджидает русские суда?

Предчувствия Петра подтвердились. Неудачи продолжали преследовать русское воинство. На этот раз на суше.

Внимание русской общественности было приковано к Порт-Артуру. Достаточно многочисленный гарнизон крепости, имевший в своем распоряжении 646 орудий, к тому же поддерживаемый огнем корабельной артиллерии Первой Тихоокеанской эскадры, успешно отразил три мощных штурма, предпринятых японцами. Получив пополнение, осаждавшая Порт-Артур 3-я японская армия 13 ноября начала четвертый штурм. Осажденные вначале успешно отражали яростные атаки. Однако во время одного из боев был убит командовавший обороной и, по сути дела, ее душа, генерал-лейтенант Кондратенко. В командование гарнизоном крепости вступил генерал-лейтенант Стессель. Мнения этих двух генералов о перспективах обороны были диаметрально противоположными. Кондратенко был глубоко убежден в том, что крепость готова к длительному противостоянию и ее можно и нужно удерживать во что бы то ни стало, и эту свою убежденность старался вселить в каждого офицера и солдата 50 тысячного гарнизона. Стессель же считал саму оборону Порт-Артура, отдаленного от России, к тому же при закупоренном японцами флоте делом безнадежным. Вступив в командование, он вскоре собрал военный совет, где попытался провести свою точку зрения. Однако члены военного совета встретили предложение нового командующего, что называется, в штыки.

– Порт-Артур в состоянии выстоять, выдержав еще не один штурм, – горячо говорили они.

Стессель чувствовал себя как на раскаленной сковородке. С военного совета он ушел хмурый и злой как черт. Продолжая мысленно спорить со

своими коллегами, он в тайне от них уже давно принял решение и 20 декабря 1904 года отдал приказ прекратить сопротивление.

О падении Порт-Артура Петр узнал, пребывая в госпитале в Порт-Саиде перед самым новым годом. Не сдержавшись, он даже заплакал. Впрочем не он один. Ведь русские моряки, глубоко переживая за судьбу крепости, надеялись, что Порт-Артур все же выстоит, а его гарнизон, покрыв себя славой, впишет новую героическую страницу в историю России, как это было пятьдесят лет тому назад во время героической обороны Севастополя.

– Выстоит! – твердил про себя Петр. – Должен выстоять до подхода Второй Тихоокеанской эскадры. А там уж... Там полегче будет.

Таков был настрой. Так хотелось. Очень хотелось. Хотя он видел те безобразия, которые творились на флоте.

– Но ведь это у нас, на флоте, где всегда было больше порядка, – думал Петр. – А что же тогда творится в армии? И не с этого ли начинается то самое предательство, о котором шепчутся многие, хоть и боятся сказать громко? Пока боятся. Однако все равно скажут когда-нибудь. Обязательно скажут! И виноватых найдут. Только тогда будет поздно, ибо прольется большая кровь народа, много жертв будет принесено неизвестно за что и зачем.

“Дорогой сына! – играя желваками и не стесняясь горючих слез, что стекали по небритым щекам, писал он. – Сердце обливается кровью. Мы, русские люди, в глубоком горе оплакиваем безвинно павших воинов, истинных сынов своего народа...”

Болезнь основательно прихватила Петра и, несмотря на старания лекарей, никак не хотела отступать. Лишь после Нового года Петр почувствовал некоторое облегчение и понял, что дела пошли на поправку. Душа же его продолжала болеть и плакать от сознания того позора, который, казалось, лег на Россию в целом и на каждого россиянина вместе с позорной сдачей Порт-Артура. Нет, нет. Петр не сожалел о том клочке китайской земли, который теперь перешел в руки японцев. Хотя, по правде говоря, и его было жалко. Но обидней всего казался сам факт сдачи крепости. Позорной сдачи!

Наконец врачи решили, что их пациент поправился и его можно выписывать. Настало время возвращаться на родину. Петр не стал медлить с отъездом и устроился на ближайший пароход, который шел в Петербург. Это Петра вполне устраивало, поскольку определить его дальнейшую судьбу, указав место будущей службы, должны были в Главном Морском штабе.

Поездка прошла спокойно, без каких-либо приключений. Однако, едва успев сойти не берег в столичном порту, Петр был как громом поражен известием о том, что 9 января на Дворцовой площади была расстреляна мирная манифестация рабочих, которая направлялась в Зимний дворец, чтобы вручить царю Николаю II свою петицию.

– Бож-ж-же праведный! – кусая губы, думал Шмидт – Да как же такое возможно?! Войска стреляют в толпы безоружного народа. И какие войска! Русская гвардия, созданная еще незабвенным Петром Алексеевичем, которая, получив крещение в походах под Азов и тяжком испытании под Нарвой,

участвовала во всех без исключения войнах, которые вела Россия. Под Полтавой и у стен Измаила, на Бородинском поле и на бастионах Севастополя гвардейские знамена развевались в первых шеренгах наших войск. Их видели в Берлине и Париже, других городах Европы. И ни разу, ни единого разу эти знамена не становились добычей врага, даже тогда, когда русская армия терпела неудачи. Их берегли как зеницу ока. Ими гордились. А что же теперь? Теперь эти знамена обагрены кровью народа. Своего народа. На них позор и проклятье.

Дворцовая площадь была оцеплена войсками, и Петр мог рассматривать ее только издали. Он пытался представить, как все это было тогда, 9 января, в день кровавого воскресенья, как успел окрестить его народ, со злобой и ненавистью поглядывавший в сторону Зимнего дворца.

– Позор! – прошептал, сжимая зубы, Петр. – Позор и вечное проклятье вам, палачи народа...

Получив предписание отбыть на Черноморскую эскадру в должности командира одного из номерных миноносцев, Петр не стал задерживаться в столице и тотчас отбыл к месту службы. Он ехал домой, ехал к сыну, и это радовало, согревало его сердце. Петр почти явственно ощущал, как прижмет к груди лохматую голову Женьки, будет, впитывая до боли знакомый, родной запах, ерошить его волосы. Боже мой! У него, Петра, который, казалось, еще вчера сам был мальчишкой, теперь такой сын. Почти взрослый, почти настоящий мужчина! А как же! Пятнадцать лет человеку. Его родному человеку. Его родному человеку и другу.

Да, да! Именно другу! Ведь родные дети не всегда становятся друзьями. Больше того, иногда случается так, что у родителей вырастают такие дети, которые ничего, кроме огорчений, неприятностей, а то и горя, не приносят. Так что можно сказать, что дети бывают разные – обыкновенные дети, хорошие дети и сукины дети. Как кому повезет. Ему, Петру, по-настоящему повезло. И еще как – его Женя не просто хороший сын, а он к тому же хороший друг. Как он не прятал свои отношения с Домной, а Женька все же увидел. Увидел и, во всем разобравшись, рассудил справедливо, принял его сторону, сторону отца. А ведь он, Петр, не учил его этому. При всех кознях женушки, какими бы они мерзкими не были, слова плохого сыну о ней не обмолвился. Напротив, всякий раз не забывал ему твердить, что мать есть мать и он ее, как сын, обязан почитать и любить. К сожалению, с любовью к Домне у Женьки, конечно, не получилось. Но в том не его, Петра, вина и он здесь уже ничего поделать не может. Для него же жена попросту перестала существовать. Так не бывает? Да, раньше и он так считал. А теперь видит, что ошибался: оказывается, бывает. Конечно, прошлое нельзя выбросить из жизни и из памяти стереть, словно слова, написанные на листе бумаги резинкой. Нет такой резинки, не придумали ее люди да и, видно, никогда не придумают. Оно, прошлое, до конца жизни остается с человеком, то согревая его душу своим слабеющим с годами теплом, то садня и ноя, как некогда полученная и

зажившая или заживающая рана. О своей Петр может сказать, что она уже зажила. Почти зажила. По крайней мере, мысли о Домне хоть и посещают изредка его голову, но уже не рвут его сердце на куски, как это было раньше. Оно бьется спокойно и ровно. Правда, тоскует душа, которая, видно, по-прежнему не оставляет мысли найти его, Петра, вторую половину, одарив род людской еще одним чудом счастливой любви. Ну что ж, может быть, и вправду такое свершится. Не сейчас, конечно, не скоро. Когда-нибудь. Ведь каждый имеет на это право...

А пока – впереди Севастополь, встреча с Женькой. Они снова будут вместе все свободное время. Будут вместе бродить по бульварам, по набережной, следить за полетом чаек, слушать их крики... От предчувствия той радости, которая его ожидает впереди, Петр даже зажмурился. Блаженная улыбка озарила его лицо, но тут же исчезла, напуганная шевельнувшейся в мозгу неприятной мыслью.

Чухнин... Черноморским флотом, на одном из кораблей которого по предписанию Главного Морского штаба предстояло служить Шмидту, командовал вице-адмирал Чухнин. Тот самый известный реакционер и жестокий самодур, который, будучи капитаном военных суден, некогда входил в иностранные порты с повешенными по его приказу матросами, болтавшимися на ноке. За свои безудержные зверства Чухнин был окрещен матросами “драконом”. Однако не только матросам довелось испытать на себе свирепый норов этого самодура. Среди его жертв было немало и офицеров. Одним из них довелось стать и Петру. Не расскажи ему тогда капитан первого ранга Брандт историю о том, как дядя Володя, брат отца, лишил некогда Чухнина за жестокие обращения с матросами очередной награды, он так и не узнал бы, за какие грехи снискал ненависть и вражду столь высокого начальника. Он ведь буквально поедом ел его, ничего не подозревавшего молодого лейтенанта. Пришлось даже с флота уйти.

Теперь вот снова предстоит служить под его началом. Что следует ожидать впереди? Ведь Чухнин едва увидит его фамилию в документах (а он обязательно ее увидит), сразу же закипит лютой злобой и захочет насолить ненавистному, видимо, до конца дней его Владимиру Петровичу Шмидту. Поскольку же до него ему добраться не суждено, то отыгрываться он наверняка будет снова на племяннике, то есть на нем, на Петре.

– Черт возьми! – выругался про себя Петр. – Это же надо такому приключиться: тогда я из его лап еле-еле вырвался и уже порядком стал забывать об этом страшном типе и вот тебе раз – снова он встает на моем пути. Что же делать?

Петр еще долго ломал голову над тем, как ему следует вести себя в той ситуации, в которой он оказался. Но, так ничего и не придумав, решил, что, видно, такова его судьба, от которой, как говорят, не уйти. А коль так, то пусть уже будет так, как будет, и думать о плохом заранее пока не стоит.

Добравшись до дома, в котором он, переехав в Севастополь, снял квартиру, Петр, чувствуя волнение, взялся за ручку двери. Дверь оказалась незапертой.

– Значит, Женька дома! – обрадовался Петр и, перешагнув через порог, остановился пораженный шумом, который стоял в квартире. Собравшись вокруг стола, добрый десяток подростков о чем-то оживленно спорили.

– Это царь довел до такого позора Россию! – размахивая руками, надрывался какой-то вихрастый оратор.

– Почему царь?! Почему царь?! – отбивался от наседавшего на него товарища худощавый очкарик. – Зачем ты все на царя хочешь свалить, Василий?

– А кто же? Кто по-твоему виноват в том, что нам япошки зад надрали и Порт-Артур захватили? Кто?

– Да уж, по крайней мере, не царь, поскольку его там даже не было.

– Ага! Не было, не было! А кто наместник Бога на русской земле? Кто? Не царь, скажешь?

– Ну царь, царь! – слабо защищался очкарик. – Только разве же он за всем может уследить?

– А должен же, раз назвался царем! – включился в спор третий паренек, решительно стукнув кулаком по столу. – Должен! Я так считаю, братцы. Сам не можешь, так помощников хотя бы себе хороших найди. А так что же получается? Порт-Артур просрали, потому что воевать с япошками как следует не умели...

– Зато в Петербурге на Дворцовой площади свою “доблесть” показали, когда в народ безоружный стрелять стали, – подал голос Женька. – Говорят, так мастерски палили, что просто...

– Здравствуйте, ораторы! – все еще оставаясь незамеченным, подал голос Петр.

– Ой, папка! – взвизгнул Женька и, опрокинув стул, бросился к отцу. – Папка! Папочка родненький!

Его друзья, пользуясь тем, что отец с сыном были заняты друг другом, быстро собрались и гуськом двинулись к выходу.

– Куда же вы, господа ораторы? – сделав серьезный вид, остановил их Петр.

– Да нам домой... домой пора, – шмыгнув носом, буркнул вихратый.

– Уроки нужно готовить, – поддерживая своего недавнего противника в споре, добавил очкарик и, нахлобучив почти по самые уши форменную фуражку, прошмыгнул мимо Петра к двери. За очкариком один за другим покинули квартиру другие мальчишки.

– Отчего это так быстро ретировались твои гости, сынок? – усмехаясь одними глазами, поинтересовался Петр.

– Ну ты же слышал, папа, что ребятам нужно готовить уроки! – стараясь быть как можно более убедительным, ответил Женя.

– Ага! Уроки значит? – переспросил Петр, не отрывая взгляда от сына. Боже мой, ведь они расстались с ним всего несколько месяцев тому назад. Всего несколько месяцев. И тогда он был еще самым обыкновенным, таким знакомым ему мальчиком. А сейчас так здорово изменился. Нет, конечно, за это время он еще не превратился в мужчину. Все тот же смешной вихорь, вызывающе задиристый, как гребень у молодого петушка, ломающийся голос. Но плечи как будто бы немного раздались, стали шире, и шея не такая тоненькая, казавшаяся тогда ему, Петру, хрупкой и даже жалкой. Однако главные перемены виделись Петру не в этих внешних признаках, а в той внутренней перемене, которая произошла с его Женькой. Ишь ты как он про Дворцовую площадь рассуждал: в безоружный народ стрелять стали и так мастерски палили... А друзья его? Тоже не лыком шиты! И про позорную сдачу Порт-Артура судят по-взрослому, и самому царю-батюшке достойную оценку дают. Только держись! Видно, у них тут не в первый раз такие разговоры ведутся между собой. Может быть, и кружок какой-нибудь революционный успели организовать сорванцы? Такое ведь тоже не исключается. Ведь и они в свое время в училище тем же занимались с Николаем Шелгуновым и Владимиром Лесли. Занимались и могли попасть в беду, если бы тогда из-за неосторожности Николая их занятия не стали известны его отцу, Николаю Васильевичу. Он им хороший урок преподал. Рассказал, чем могут быть чреваты эти самые их занятия, как могут сломать их юные жизни, не принеся существенной пользы делу. И об осторожности, конечно, о конспирации тоже, конечно, говорил. Она, эта самая конспирация, умение скрывать от посторонних ушей и глаз то, что не всем следует слышать и видеть, как показала жизнь, большое значение имеет для тех, кто ищет пути к свободе и равенству всех людей. В этом он, Петр, на собственном опыте сумел убедиться: прояви он где-то неосторожность, наверняка загремел бы из Морского училища или, того хуже, пришлось бы познакомиться с тюремной камерой либо со ссылкой, как Николай. Не хватало еще, чтобы подобная беда постигла его Женьку.

– Уроки значит? – повторил свой вопрос Петр.

– Ну, конечно, уроки, пап! – стараясь не встречаться со взглядом отца, ответил сын. – Знаешь какая сложная у нас сейчас математика? Да и по русской литературе, по истории и другим предметам столько задают, что просто не успеваем учить...

– А митинги устраивать успеваете? – сощурившись, поинтересовался Петр.

– Какие митинги?! – сделал большие глаза сын. – Я тебя, папа, не понимаю...

– Ладно, сын, – остановил Женьку Петр. – Все ты прекрасно понимаешь и врать не умеешь.

– Ну при чем здесь врать?! – все еще пытаясь сопротивляться, проворчал Женька. – Ты же знаешь, что я тебе всегда правду говорю...

– Всегда говорил, раньше говорил,– поправил сына Петр. – Только не сейчас. Сейчас ты пытаешься скрыть от меня, утаить то, что я уже знаю, чему я был свидетелем, поскольку стоял вот здесь и слышал, как вы, митингуя, ругали царя и всю правительственную бюрократию, обвиняя их в неумелой войне с японцами, позорной сдаче Порт-Артура, в расстреле мирных людей на Дворцовой площади...

– А что? Разве это неправда? – насупился Женька. – Гвардия стреляла боевыми патронами в безоружных людей. Это правильно? Да люди знаешь как тот день назвали? Знаешь?

– Знаю – “кровавым воскресеньем”.

– Ну вот. А ты хочешь...

– Я хочу, чтобы мой сын вырос, стал взрослым человеком и научился не только различать добро и зло, но и умел бороться со злом и защищать добро, – отчеканил Петр. – При этом хочу, очень хочу, чтобы эту свою учебу ты проходил в нормальных условиях, сидя за партой, как положено человеку твоего возраста, а не в тюремной камере...

– Значит, спокойно взирать на всю ту мерзость, которая творится вокруг?

– Зачем спокойно? Думаю, что такому я тебя, Женя, не учил. На зло и мерзость нормальный человек спокойно смотреть не может...

– Ну вот!

– Но и не бросается сломя голову схватиться с ними, не зная как это сделать и как их победить.

– А ты знаешь?

– Я? – растерялся Петр, услышав столь неожиданный для себя вопрос.

– Ты, папа! – глядя прямо в глаза отцу, тут же отозвался Женька. – Ты знаешь?

Петр понял, что сейчас сын ждет от него ответа, как видно, на очень важный для него вопрос, ответа, от которого, возможно, зависят их дальнейшие отношения. Уйти от него было нельзя и уклониться также, ибо могла оборваться та невидимая ниточка доверия между ним и Женькой, которой Петр особенно гордился и дорожил.

– Кое-что, сын, – решившись, признался он. – Кое-что знаю. Но не все. Далеко не все. Много, очень много вопросов для меня по-прежнему остаются без ответа. И не только для меня. Сколько людей их ищут, сына! Сколько лучших, умнейших, благороднейших людей ломают головы над этими вопросами...

– Так, может быть, это такие вопросы, на которые просто нет ответов?

– Нет, Женя! – грустно усмехнувшись, покачал головой Петр. – Должны быть. Понимаешь? Должны быть ответы. Обязательно должны. И мы их с тобой попробуем вместе искать. Согласен?

– Конечно, папа! Но где и как?

– Будем учиться!

– Учиться? – удивленно заморгал глазами сын. – Но где? У кого, папа?

– О! – засмеявшись, ответил Петр. – Учителей у нас с тобой много, Женя. Самый главный из них, конечно, сама жизнь. Нужно только внимательно вглядываться в нее и уметь читать. Это тебе первый учитель. А второй – книги, дружок. В них собран весь опыт человечества, накопленный за всю историю его существования. Там, наверняка, мы с тобой найдем ответы на мно-о-гие вопросы. Ну, а на те, которые все же останутся без ответов, попробуем искать сами. Глядишь, и мы что-то дельное, полезное сумеем сделать и оставить грядущим поколениям.

– Папка! – глядя на Петра повлажневшими глазами, выдохнул Женька. – Вот ты какой у меня!

– Какой это такой?

– Самый лучший и самый умный. Вот!

– Да брось ты, сын! – смутился Петр. – Никакой я не “самый, самый”, а просто обыкновенный.

– Не-е-ет! – покачал головой Женька, готовый отстаивать свою точку зрения. Но Петр тут же, уловив его намерение, перевел разговор на другую тему.

– Слушай, Женя, – оглядевшись вокруг, удивленно спросил он, – а что это у нас как-то пусто стало в квартире? Или же мне кажется?

– Кажется! – нахмурился Женька. – Ничего тебе не кажется. Это же она здесь побывала.

– Кто это?

– Да мамка же!

– Вот как! И когда же она побывала здесь?

– А когда мы с тобою, папа, были в Либаве. Я приехал, а они с тем дядькой Васькой хозяйничают. Ну с тем, что на Дальнем Востоке к нам приходил и с мамкой пьянствовал. Помнишь?

– Да, да! Припоминаю...

– Ну вот. Я спросил: “Что вы делаете в нашей квартире?” А мамка ответила, что она с тобой решила расстаться и приехала забрать вещи свои. Раз так, подумал я, пусть себе забирает. Зачем нам с тобой ее тряпки? Правда ведь?

– Правда, сын. Правда...

– Ну вот. Днем я в реальном училище был. А потом к ребятам уходил, чтобы с ними не встречаться. Прихожу домой, закрываюсь в своей комнате и сразу же ложусь спать. Что там они делали, какие вещи брали и куда девали, меня не интересовало. А вот, когда они уже в Петербург уехали, в квартире такой беспорядок был, что просто ужас. Я решил убрать. Смотрю, а она, папа, не только свои вещи, но и твои кое-какие прихватила.

–Ладно, сынок! – махнул рукой Петр. – Не будем об этом. Что нам с тобой много надо? Мы же не тряпочники, а мужчины...

Он помолчал, потирая занывший затылок. Ну что ж. Теперь, по крайней мере, все ясно. Никаких недомолвок нет и уже не будет. Концы отрублены

окончательно. Собственно говоря, для него они уже давно отрублены. Вот только Женька... Его было жалко оставлять без матери. Хотя какая из Домны мать? Так, одно название, видимость. И Женька это понял. Понял раньше его, Петра. Молодец все же у него сын. Молодец!

– Что же ты мне ничего обо всем этом не писал, сын? – отойдя к окну и глядя на гнущиеся под порывистым ветром ветви деревьев на улице, спросил негромко.

– А зачем, папа? Ты ведь на войну собирался. Сам же говорил мне, что там всякое может случиться. Зачем же тебя еще этим волновать?

– Ну ты хорош! – усмехнувшись, покачал головой Петр. – Хо-о-орош!

– Ладно, папа, – шмыгнул носом Женька. – Не горюй и не думай о ней. Она... она поганая и не стоит тебя. А мы как-нибудь с тобой и без нее проживем. Ведь так, папа?

– Эх, Женька, Женька! Сынуля мой дорогой. Конечно, проживем!

– Ну вот! – обрадовался сын. – А мамка пусть...

– Стоп, Женя! – остановил его Петр. – Христос с ней. Пусть живет, как знает. А мы с тобой не пропадем. Только вот о чем давай подумаем, зачем нам с тобой вдвоем такая большая квартира?

– Правда, папа! – тут же подхватил его мысль сын. – И я об этом думал. Хотел сам поискать что-нибудь поменьше, а потом не решился: вдруг ты возвратишься, а меня не найдешь. Испугался.

– Вот тебе и раз! Как это я да своего сына не найду,– обняв за плечи Женьку, засмеялся Петр. – Найду! Обязательно найду. А квартиру мы все же новую себе подыщем.

Искать ее долго не пришлось. Приняв командование миноносцем №262 и ознакомившись с состоянием судна и командой, Петр уже собирался домой, когда за ним пришел матрос.

– Господин лейтенант! На берегу вас паренек дожидается.

– Какой паренек?

– Не могу знать, – смутился матрос.

– А ты бы спросил у него, братец.

– Так молчит!

– Ах, вот как. Ну что ж. пойдем посмотрим,– улыбнулся Петр, уже догадавшись, что это наверняка сын.

И он не ошибся.

– Чего тебе дома не сидится? – нарочито сердито спросил Петр. – Бездельничаешь?

– Никак нет, гражданин лейтенант. Дельничаю.

– И что же?

– Нашел квартиру.

– Сам нашел? – удивился Петр.

– Не сам, – признался Женька. – Ребята помогли. Соседка одного из них как раз сдает. Пойдем посмотрим.

Предлагаемым жильем оказался флигель из трех небольших комнат и кухни во дворе дома номер 14 по улице Соборной.

– Ну что ж,– осмотрев квартиру, сказал Петр. – По-моему, неплохо. А как тебе?

– Еще бы! – поддержал сын. – Тебе на службу близко, а мое реальное совсем рядом.

На следующий день, наняв извозчика, они переехали на новое место.

5.

Дел на миноносце № 26 пору было не слишком много. язык с командой, справлялс

апризная, как женщина на сносях, севастопольская зима неохотно сдавала позиции наступающей весне в столице моряков-черноморцев. Море хмурилось волнами, которых без устали гнал сердитый

быстро. Это давало ему возможность больше внимания уделять сыну, проводя с ним и его друзьями долгие споры, отвечая на многочисленные вопросы. А им, этим самым вопросам, казалось, не будет конца и краю. События, как местные, локальные, так и общероссийские, сотрясающие страну, следовали одно за другим. И разобраться в них, а тем более дать толковые объяснения, которых требовали пытливые молодые глаза, выдавая томящиеся в ожидании невидимые беспокойные души, было совсем непросто. Чувствуя, что самому с этим не справится, Петр решил записаться в Севастопольскую Морскую офицерскую библиотеку.

„Я здесь, в нашем чисто военном городке, – писал он сестре Асе, – почти одинок, но ни мало не ропщу, потому что эта военная среда ставит передо мной свои специальные задачи и работу, может быть, даже более неотложную и значительную, чем та, которая могла бы представиться в умственных центрах. Одиночество же в смысле малого числа единомышленников наверстывается превосходной библиотекой нашего морского собрания..."

Пожаловаться на полное отсутствие знакомых Петр не мог. В короткое время своего пребывания в Севастополе он успел встретиться с несколькими из своих соучеников по Морскому училищу. Правда, долгое время среди них не было его однокурсников. Но совсем недавно он, отправившись с Женькой на Графскую пристань, буквально нос к носу столкнулся с Михаилом Ставраки. Увидев издали движущегося им навстречу высокого офицера с непомерно длинной талией и не по росту короткими ногами, Петр вначале не поверил, что это Ставраки. Откуда ему взяться здесь, когда известно было, что Мишка служил на Балтике? Однако, когда тот подошел поближе, понял что это действительно он.

– Михаил! – обрадовался Петр, раскрывая руки для объятия.

– Он самый, – облизав языком толстые мясистые губы, криво усмехнулся Ставраки, продолжая рассматривать Петра. – Он самый. И ты, выходит, Шмидт, здесь?

– Как видишь, – несколько обескураженный холодком то ли высокомерия, то ли безразличия, который веял от Ставраки, ответил Петр. – А ты то как здесь оказался? Давно в Севастополе?

– Твой отпрыск? – в очередной раз коснувшись языком и без того влажных губ и оставив без ответа вопрос Петра, поинтересовался Ставраки.

– Да! – кивнул головой Петр – Это мой сын Евгений.

– Небось тоже в адмиралы метит? – продолжая бесцеремонно рассматривать исподлобья глядевшего на него Женю, вел свое Ставраки. – Значит, еще один адмирал Шмидт!

– Не знаю, – сдвинул плечами Петр. – Пока мы с сыном его будущее не обсуждали. Но, по-моему, его море не слишком влечет...

– Вот как! Это странно...

– Папа, – вклинился в разговор взрослых Женька. – Я, пожалуй, пойду.

– Иди, иди, сына, – тотчас согласился Петр, видя, что манера поведения Ставраки и сам он уже успели вызвать у Женьки неприязнь.

Простившись кивком головы, Женька поспешил удалиться.

– Видно, с норовом малец, – хмуро глядя вослед мальчишке, вздохнул Ставраки. – А где же жена твоя. Как ее?

– С Домной мы расстались, – коротко ответил Шмидт и, желая уйти от неприятной для него темы, спросил: – Что поделываешь здесь ты, Михаил? Расскажи о себе лучше.

– Значит, расстались вы со своей? – не желая оставить заинтересовавший его вопрос, шевеля кончиком носа, протянул Ставраки. – Правильно сделал, Петр! Правильно! Я и тогда, когда ты жениться собирался, знал, что этим все закончится...

– Слушай, Михаил! – поморщился Петр. – Давай оставим эту тему. Я совсем не склонен перебирать грязное белье.

– Ну как хочешь! Как хочешь, Петр! – сдвинул плечами Ставраки. – Поговорим о другом.

– Вот-вот! Расскажи, давно ли здесь, где служишь.

– А что рассказывать? – развел руками Ставраки. – Два года как покинул сырую Балтику и переведен сюда, на юг, поближе к солнышку. Служба тоже нормальная – командую канонерской лодкой “Терец”.

– Ого! Видел твою красавицу.

– И как она тебе?

– Серьезная дама.

– А ты как думал! Орудийная мощь – будь здоров.

– С командой отношения хорошие?

– Да что там команда! – махнул рукой Ставраки. – Команду я держу вот так.

Он сжал пальцы в кулак, и Петру показалось, что они даже хрустнули. Да, Мишка такой! Это хорошо было известно еще в училище. Матрос для него ничто. Просто полосатая скотинка, которая безропотно должна выполнять его команды. Ну, а коль осмелится ослушаться либо возражать, то Мишка не задумается над тем, чтобы кулаки в ход пустить, как тот же Гиляровский, о «подвигах» которого однажды рассказывал в своем письме Володя Лесли. Это одного поля ягодки – мордошлепы. В этом весь их воспитательный арсенал.

– У меня на судне порядок, – продолжал, попыхивая театрально извлеченной из серебренного портсигара папиросой, продолжал разглагольствовать Ставраки. – Военное судно есть военное судно. Тем более в наших сегодняшних условиях, когда Россия ведет войну...

– Да! – вздохнул Петр. – Ведет войну... А мы здесь...

– Ну да! – недоуменно поморгав глазами, прогудел Ставраки. – Я и говорю, что ведет войну. Потому и дисциплина должна быть на кораблях и в воинских частях железная. А то всякие там субчики-умники воду мутят, матросов и солдат смущают. Разве это порядок? Как считаешь?

– Да что тут говорить! – усмехнулся Петр, думая как бы побыстрее отделаться от так быстро надоевшего ему Ставраки. Но тот и не собирался расставаться.

– Ты вот меня спрашиваешь, что я да где я, – взяв Петра под руку, словно боясь, что тот куда-то исчезнет, вдруг вскинулся он. – Все спрашиваешь, а про себя ничего не говоришь.

– А что говорить? Служу.

– Вижу, что служишь и не на Тихом океане, где уже жарко и, видно, еще жарче будет.

– Шел туда, – нахмурился Петр. – Шел с кораблями Второй Тихоокеанской эскадры...

– Но не дошел, – оскалился Ставраки.

– Заболел. В Порт-Саиде меня с острым приступом почечной болезни с судна сняли и в госпиталь положили.

– Вот как! Ну, ничего. Не печалься. Считай, что тебе повезло.

– Послушай, – собрался было возмутиться Петр. – Ты понимаешь...

– Понимаю! – хихикнул Ставраки. – Все я понимаю. Героизм, патриотизм и все такое прочее – это хорошо, это здорово. Но война есть война. И там, помимо геройства, еще и смерть гуляет. Я на свидание с этой дамой спешить не собираюсь. Меня назначили здесь служить и тебя также, значит, так надо начальству. Мы не виноваты. Так где ты все же служишь?

– Командир миноносца №262.

– А-а-а! – пренебрежительно скривив губы, протянул Ставраки. – На малышке, значит?

– Почему на малышке? – обиделся Петр.

– Ну это мы так ваши кораблики называем.

– Зря ты так, Михаил! – чувствуя, что начинает раздражаться, покачал головой Петр – Миноносцы стоящие корабли, и они еще свое слово скажут.

– Может быть, может быть, – уже в который раз облизывая губы, милостиво согласился Ставраки. – Хотя все же это не броненосец и не крейсер. Ты знаешь...

– Прости меня, Михаил, – освобождая руку, остановил его Петр. – Давай поговорим в другой раз. Сейчас же я спешу. Рад был тебя встретить.

– Я тоже...

Козырнув, Петр оставил растерянно моргавшего Ставраки и торопливо зашагал прочь.

– Так я найду тебя, Петра! – крикнул ему вдогонку Ставраки. – Слышишь? Найду.

Петр ничего не ответил, только помахал на прощанье рукой. Говоря по честному, его уже давно совсем не прельщали ни сам Ставраки, ни какие-либо возможные встречи с ним. Есть люди, с которыми встреча после долгой разлуки всколыхнет в памяти столько хорошего, так высветит из глубин прошлого уже забытые страницы былой радости, что ты потом еще долго

будешь ощущать излучаемое ими тепло, которое согрело твою душу, мечтая о том, чтобы встреча повторилась вновь. Это встречи с друзьями, с теми, кто, став таковыми однажды, уже никогда не станут иными, пронося через всю жизнь вспыхнувший некогда огонек дружбы. Их, настоящих друзей, не бывает много. У каждого их считанные единицы. Вот, скажем, у него, Петра, всегда было много товарищей. И в Одессе, и в Бердянске, и во время учебы в Петербурге, да и потом. Расставаясь с одними, он обретал других. А вот с друзьями совсем иначе. Израиль ушел из жизни давно, а место его в душе так никто и не занял. И не займет, ибо друга заменить нельзя. Потерять можно, обрести нового – редко, но все же можно, а вот заменить нельзя.

Эх, как бы Петру хотелось сейчас встретиться с Антоном Пархоменко, Николаем Шелгуновым и Володей Лесли! Да, да! Со всеми вместе. Пусть они разные, непохожие, но он, Петр, уверен, что они нашли бы общий язык. Поняли бы друг друга. Им было бы интересно общаться и они наверняка бы нашли ответы на вопросы, которыми сегодня болит душа Петра: что происходит с Россией? Какая сила толкает ее в пропасть? Почему народ только злобно ворчит, словно обложенный в берлоге медведь, не предпринимая никаких шагов, чтобы спасти свою родину? И, наконец, кто это сделает, кому это под силу?

При встрече наверняка Антон, не таясь, рассказал бы, что думают, о чем мечтают рабочие и крестьяне, одетые в матросские бушлаты и солдатские шинели, раскрыв до донышка ту самую народную правду, о которой так много говорят и спорят интеллигенты, всякие болтуны и писаки, ничего о ней в сущности не зная. Володя подтвердил бы или опроверг обоснованность его, Петра, душевных болей и тревог. Ну, а Николай (их мудрый Колька!) подсказал бы, что им всем следует делать, как себя вести в этом обезумевшем мире. Только где они, его верные друзья? Почему судьба, или кто там еще, однажды разлучив их, так и не подарила ни разу встречу? Это же надо такому случиться! С надоевшим Мишкой Ставраки она после окончания Морского училища и в Петербурге их сколько раз сводила, и, вот тебе пожалуйста, снова здесь свела. Прямо наказание какое-то! Кара господняя!

Между тем, судьба, словно играя с Петром в какие-то свои коварные игры, готовила ему новые встречи с Мишкой. В первые дни марта тот сам отыскал его и, вызвав с находившегося на ремонте миноносца на берег, взволнованно спросил:

– Слыхал об «успехах» нашего воинства на Дальнем Востоке?

Петр внимательно следил за газетами, которые о продолжавшейся войне с Японией давали дозированную информацию. Периодически встречался с теми, кто по той или иной причине оказывался в Севастополе, побывав в местах боевых действий. Не гнушался пользоваться и данными, которые доносил чуткий к военным делам “матросский телеграф”. Ему было известно, что в начале года Российское военное командование, стремясь вернуть утраченную стратегическую инициативу, развернуло на базе Маньчжурской

1-ю, 2-ю и 3-ю армии. Однако в сражении у Сандепу успеха русским войскам так и не удалось добиться, хотя потери были большими.

– Ты о боях у Сандепу, Михаил? – спросил Петр.

– О-о-о! – присвистнув, закатил глаза Ставраки. – То – дела давно минувших дней, Петра.

– Не понял, – нахмурился Петр. – Ты говоришь какими-то загадками, Михаил.

– Загадки не здесь, а там, – подергав кончиком носа, вздохнул Ставраки, показывая большим пальцем себе за спину.

– Ну и что же там происходит?

– А то, что под Мукденом наших расколошматили вдребезги.

– Да ты что? Когда? Откуда знаешь?

– Ну, положим, откуда, – снова дернув кончиком носа, многозначительно заявил Ставраки, – я тебе не скажу. Только, можешь не сомневаться – сведения верные. Надавали нашим по первое число.

– Жертвы... потери большие?

– Огромные!

– Н-да! Несчастный народ. За что только страдает бедняга?

– Народ! – хмыкнув, проворчал Ставраки. – При чем здесь народ? Я не за тем к тебе пришел, чтобы поплакать о нескольких десятках тысяч мужиков, которые полегли где-то там у черта на куличках.

– Не за этим? Тогда зачем?

– А чтобы о нас с тобой, Петр, подумать.

– Вот как! – усмехнулся Петр.

– Да, да! – горячо заговорил Ставраки. – Ты думаешь, что нас та далекая мясорубка не коснется? Еще как может коснуться! Царь-батюшка, получив по морде, на этом не успокоится. Народишка у России много и вместо тех десятков тысяч, которые в землю под Мукденом полегли, новые тысячи на Дальний Восток погонят.

– Пожалуй, ты прав, Михаил, – согласился Петр.

– Прав! Конечно, прав!

– Боюсь только, что поражениями нашей армии та драка не закончится. Я ведь видел, как готовили к походу Вторую Тихоокеанскую эскадру. Такого безобразия, такого, прямо скажу, бардака как у нас на флоте, я даже не предполагал. Офицеры сплошь и рядом, если не ворье и жулики, то пьяницы и мордошлепы...

– А ты их не вини, Петр, – облизав губы, хихикнул Ставраки. – Не вини. Они тоже люди и жить хотят.

– Жить за счет других?! – вскинулся Петр.

– Да ну тебя! – отмахнулся Ставраки. – Я о нас с тобой говорю.

– О нас? Что именно ты хочешь сказать?

– А то, что я тоже смотреть умею и видел, чего стоит та Вторая Тихоокеанская эскадра, которую повел на Дальний Восток вице-адмирал Рожественский. Где гарантия, что и ее японцы не расковыряют?

– Такой гарантии никто, даже Господь-Бог дать не может.

– Ну вот! Что тогда будет?

– И что же?

– А то, что до нас с тобой очередь дойдет, чудак-человек!

– Ну что ж, – поиграв желваками, вздохнул Петр, – значит, и нам туда дорога – раз... раз такое правительство бездарное терпим.

– Но, но! – пугливо оглядевшись по сторонам, погрозил ему прокуренным пальцем Ставраки. – Ты это брось. Правительство ему плохо! Да хрен с ним... Словом, ты меня понимаешь. Нам нужно думать, как на Дальнем Востоке не оказаться и не кормить тамошних рыб океанских.

– Прятаться?! – сощурив глаза, выдавил из себя Петр. – Не-е-ет! Прятаться, Мишка, я не собираюсь.

– А что же ты прикажешь делать? – хлопнув себя по ляжкам, театрально развел руки Ставраки – Что?

– Нужно бороться!

– Как?! – сделав большие глаза, взвизгнул Ставраки. – С кем? С царем? С правительством?

– И с ними тоже! – отрубил Петр.

– Ты с ума сошел!

– А мы давно уже среди сумасшедших живем, Мишка, – криво усмехнулся Петр. – Прости за откровенность и будь здоров.

Они снова расстались, так и не найдя общего языка.

Весна, пробудив благоухающую южную природу Крымского полуострова, уже готовилась уступить свой пост жаркому лету, когда с Дальнего Востока черным вороньем прилетели новые печальные вести. 28 мая у островов Цусима Вторая Тихоокеанская эскадра, которой командовал вице-адмирал Рожественский, вступила в бой с японским военным флотом под командованием адмирала Того. Российские моряки имели всего 30 боевых кораблей при 228 орудиях. Японцы же – 121 боевой корабль и 910 орудий. Кроме того, помимо численного превосходства и явного преимущества в мощности артиллерийского огня, японцы опережали россиян в бронировании кораблей и скорости хода. Много выше был и уровень подготовки их флотоводца да и всего офицерского состава флота. Разгром русского флота был полный.

Среди кораблей, расстрелянных японской артиллерией, которых поглотили морские волны, оказался и углевоз «Иртыш». Он таки догнал ушедшие вперед корабли адмирала Рожественского и присоединился к ним возле Мадагаскара. После Цусимского сражения, в котором довелось принять участие и «Иртышу», японцы подорвали израненный транспорт и пустили его на дно. Лишь немногим из бывших сослуживцев Шмидта посчастливилось остаться в живых и, отбыв позорный плен, вернуться затем на родину.

Но об этом Петр, горько переживая весть о Цусимской трагедии, пока ничего не знал. Мечась в отчаянии, он приходит к мысли, что дальше бездействовать не может. Нет. Это не для него! Что он один в силах сделать? По крайней мере, не молчать, а помочь людям разобраться в том, кто же виноват в случившемся, в том позоре, который вынуждена переживать сейчас его родина. Конечно, выступить в открытую он не может. Пока не может, поскольку его, морского офицера за это сразу же разжалуют и отдадут под суд. От этого пользы будет мало. Но, к счастью, сейчас уже есть газеты, в которые он может писать статьи. Естественно, под псевдонимом. Пусть это будет, скажем, “Старый капитан”. А что? Совсем неплохо.

Не откладывая в долгий ящик, Петр засел за статью, и она вскоре появилась в газете “Сын Отечества” под названием “Морские разговоры”. “Я был там, – делился с читателями автор, – был в Либаве, был в Ревеле, видел своими собственными глазами все ужасы этого приготовления... Видел все покупочки этих вспомогательных крейсеров-разведчиков, видел их подготовления к боевой службе, видел личный состав..., видел адмиралов, которые при осмотре ведомых в бой кораблей впадали в истерический гнев при виде неправильно развешанных для просушки командных подштанников и не могли задать ни одного вопроса о морских или боевых элементах судна... Посмотрите на лицо “идеального офицера”, который без сучка и задоринки проходит служебную лестницу, добираясь благополучно до адмирала, – оно полно апатии и индифферентизма, и нарочно заделано под англомана с тупо торчащими воротниками... Многолетняя стоянка на якоре, ... бессмысленная вахтенная служба, состоящая из одних формальностей и не освященная ни малейшей идеей, полное незнание ни морского дела, ни моря, формальное смотровое отношение к боевым тревогам выродили его, бедного, в тип, какого нет на Руси: ни живой мысли, ни живого чувства, ни интересов, ни цели, хоть шаром покати, чист человек до полной безнадежности...”

Статья не осталась незамеченной. Ее прочел даже Ставраки, который до этого не раз высказывал Петру свое пренебрежение “бумажному шелесту”, как он называл чтение газет.

– Послушай, Петра, – делился он со Шмидтом, встретив его в офицерском собрании, – а ты читал разглагольствования “Старого капитана”?

– Имеешь в виду статью в газете “Сын отечества”? – стараясь казаться равнодушным, спросил Петр.

– Ну да!

– Пробежал глазами.

– Пробежал! – скривившись, покачал головой Ставраки.

– А что? По-моему, ничего нового. Автор говорит о вещах, которые многим хорошо известны. В том числе и нам с тобой. Разве не так?

– Так-то оно так, – подергал кончиком носа Ставраки. – Да только не совсем так.

– Что ты имеешь в виду? – насторожился Петр.

– Да то, что статейка эта дышит такой ненавистью к помазаннику божьему и тем, кто к нему поближе, что даже у меня мурашки по спине пробежали.

– У тебя-то отчего?! – усмехнулся Петр. – Пусть уж тем, кто высоко сидят да сладкое едят за чужой счет, нашей бюрократии, она почему-то может не понравиться. Но ты-то, мы с тобой здесь при чем? Ты ведь хочешь честно служить России?

– Само собой.

– Вот и служи себе на здоровье.

– Я бы рад! – прижал руки к груди Ставраки. – Только же не дают...

– И кто же тебе не дает? – сощурился Петр.

– А ты будто бы не знаешь, – сердито засопел Мишка. – Эти же самые...

– Бюрократы что ли? – подсказал Петр.

– Ну, они.

– Так чего же ты злишься на “Старого капитана”?

– Но он же с такой злостью, с таким ехидством про всех про нас пишет подлец.

– Ага! Значит, и себя там увидел?

– Да при чем здесь я?! – взорвался Ставраки. – Ты, знаешь, думай, что говоришь.

– А я стараюсь думать, Михаил. Ты ведь сам сказал: про всех про нас пишет. Сказал?

– Сказал.

– Ну вот. Значит, задела тебя та статейка. Задела. И меня, признаюсь тебе, также задела.

– Тебя-то почему?

– Да потому, что и ты, и я живем среди этой мерзости, о которой говорит автор, видим безобразия и... и молчим.

– Что поделаешь? Мы на службе государевой.

– В том-то и дело, что служим государю мы, а не народу, не России.

– Ну, знаешь ли! Ты рассуждаешь как какой-то... – Ставраки замялся, подбирая нужное слово.

– Говори, говори, Михаил! Не стесняйся. Режь правду-матушку.

– Ты меня не учи! Смотри какой учитель нашелся. Мне стесняться тебя нечего, и я не побоюсь тебе сказать, что ты сейчас рассуждаешь как самый настоящий социалист. Вот! Хочешь обижайся, а хочешь нет.

– Даже не подумаю, поскольку знаю, что среди социалистов много толковых, думающих людей.

– Вот как! Значит, ты им сочувствуешь?

– В какой-то мере.

– Ну, знаешь ли! Тогда мы с тобой разные люди. Совершенно разные! – сорвался на крик Ставраки и, махнув в сердцах рукой, почти бегом удалился.

– Так, так, – думал Петр, глядя во след смешно вилявшему ляжками Ставраки. – Выходит, с одним объяснение состоялось.

Все последние месяцы после своего возвращения из госпиталя Петр не переставал удивляться, как буквально на глазах меняется настроение народных масс. Совсем недавно казавшиеся тихими и покорными люди стали совершенно иными. К царскому трону ливнем хлынули различного рода мольбы, просьбы, стенания, петиции, резолюции и даже требования в таком количестве, что ими, казалось, можно было бы обклеить всю гигантских размеров решетку у Зимнего дворца. Заговорила, заголосила, закричала вся Россия-матушка, взывая к переменам. Не доставало только голоса людей, одетых в военные мундиры, солдатские шинели и матросские бушлаты. Они стояли в качестве живого барьера, отделявшего жиреющую на поте и крови трудящихся бюрократию от кипевшего гневом, доведенного до отчаяния народа, готового вот-вот взорваться.

– Эх, – не раз думалось Петру, – присоединись войска к народу, к его праву и правде и скажи об этом решительно и прямо, взрыва, того самого страшного бунта, который вот-вот разразится, можно было бы избежать. Бюрократия, потеряв почву, наверняка отошла бы в сторону. Без крови, без гибели тысяч и тысяч людей, как это бывает при всякого рода бунтах и революциях. И здесь, конечно же, свое слово должны сказать офицеры. Да, да! Именно они. Но для этого их нужно убедить.

Петр хорошо знал, что собой представляют его коллеги и как будет нелегко это сделать. Чтобы стать им понятней и доступней, он попытается стать на их же собственную точку зрения, взяв за исходный момент ту присягу, о которой так много говорят господа офицеры и которая, по их же словам руководит их поступками. Говорил, естественно, не со всеми, а прежде всего с теми, кого уже успел узнать, кто хоть немного приоткрыл свою душу. А такие были. Он встречался с ними и в библиотеке, и на бульваре, и в Офицерском Собрании. Он убеждал их в том, что льстивая и преступная бюрократия не может быть твердым оплотом государства, что они обязаны открыто сказать государю, что совесть им не позволяет быть силой, на которую опирается власть изменников родины, что они – офицеры флота, дети народа, не могут и не хотят идти по велению преступных царских чиновников против своего народа, их вскормившего. Петр искренне верил в то, что, подай офицеры петицию царю, за ними последуют другие военные, и царь согласится на реформы, которые в корне изменят Россию. И эту свою веру он пытался передать другим. Однако большинство его коллег, как и Ставраки, лишь только Петр заводил с ними разговор о политике, тотчас мрачнели и старались уйти в сторону.

И все же среди офицеров Черноморского флота нашлись такие, которые разделяли взгляды Петра. Его единомышленниками стали недавно призванный из запаса инженер-механик броненосца “Потемкин” Коваленко, инженер-механик военного транспорта “Дунай” Володзько. Их совсем мало, всего несколько человек. Но это ничего. Придет время и их поймут другие и, поверив, присоединятся к ним. А пока начало положено – они решили создать

Союз офицеров – друзей народа. Петру, возглавившему Союз, поручено подготовить воззвание ко всем офицерам флота, и он горячо берется за дело.

“Мы, – ложатся на бумагу слова полные боли, печали, гнева и надежды, – переживаем дни горя и позора, не имеющие себе равных в истории флота... Честь ваша, офицеры флота, должна быть восстановлена... Вы должны честно сказать, что вы не встанете в ряды жандармов, казаков, полиции и всей опричнины, а присоединитесь вместе со своими командами к своему родному народу.

Присоединяйтесь к нам!

Офицерский Союз друзей народа”.

Гектограф, который некогда друзья по Морскому училищу передали на хранение Шмидту и который Домна не раз грозилась выбросить, вновь заработал. Отпечатанное на нем воззвание “К офицерам флота” ходило по каютам броненосца “Потемкин”, крейсеров “Капитан Сакен”, “Казарский”, транспорта “Дунай” и ряда других судов.

Читали его и в севастопольском жандармском управлении. В своем донесении департаменту полиции его начальник признавал со смущением: “Вместе с воззванием препровождаю 2 конверта, подписанные одной рукой. Прокламации эти, несомненно, местного происхождения. Представляя один экземпляр, имею честь донести до сведения, что мной производится негласное расследование в целях выяснения виновных”.

Найти виновных жандармам не удалось. Однако удар по Шмидту и едва начавшему действовать Союзу офицеров – друзей народа был все же нанесен. 31 мая 1905 года вице-адмирал Чухнин, наткнувшись на ненавистную ему фамилию и смачно выругавшись, издает приказ: “Предписываю командующему миноносцем №262 (лейтенанту Шмидту) с порученным ему судном временно окончить кампанию. Назначаются: лейтенант Шмидт командующим миноносцем №253 вместо капитана 2-го ранга Колбасьева. Капитан 2-го ранга Марин командующим миноносцем №262 вместо лейтенанта Шмидта”.

Чухнину не везет. Не везет с первых дней пребывания его на посту командующего Черноморским флотом, когда в ноябре 1904 года пришлось применять вооруженную силу для ликвидации нарастающего революционного брожения в Лазаревских казармах и казармах ряда флотских экипажей. Дошло же практически до бунта матросни. О! Тогда довелось поволноваться. Правда, и возгордиться немного, знакомясь с резолюцией царя на собственном рапорте вице-адмирала. Ее слова и сейчас вдохновляют Чухнина “Не думал, – начертал государь, – что распущенность в Черноморском флоте достигнет таких безобразных размеров. Конечно, виновато прямое начальство. Только неослабное исполнение офицерами своего долга и усиленными мерами строгости можно водворить порядок. Благодарю Главного командира за его энергию и приверженность к службе и убежден, что он выбьет позорный дух некоторых экипажей в Севастополе”.

И Чухнин старался. Во всю старался. Ужесточение дисциплины, самые суровые наказания за любое непослушание, малейшую провинность, отмена увольнительных на берег были его непременными требованиями. И работа, работа, работа! Вот и сейчас команды кораблей во всю готовятся к очередным морским учениям, которые выбьют бунтарский дух у матросни.

12 июня Севастополь покинул броненосец “Потемкин”, направляясь к острову Тендра, куда вскоре должна прибыть вся эскадра. 14 июня из Севастополя вышел и миноносец №253 под командованием Шмидта, направляясь для патрулирования по Дунаю со стоянкой, которая была определена командующим в Измаиле.

Покинув гавань, миноносец вышел в открытое море, постепенно набирая ход. За кормой оставался город, к которому Петр не только быстро привык, но который даже успел полюбить, оставались новые товарищи и его сын. Простившись с Женькой, Петр занял место на капитанском мостике и уже больше не оглядывался. Но он хорошо знал, был уверен, что Женька и сейчас еще продолжает стоять на пирсе, провожая его взглядом, и уйдет лишь тогда, когда миноносец отца совсем скроется из виду.

– Это, конечно, ссылка! – с грустью подумалось Петру. – Быть вдали от сына, от товарищей. К тому же в такое время, когда каждый день, каждый час может всякое случиться.

На душе у Петра было тревожно. А безбрежная морская даль была полна каким-то необыкновенно дивным покоем и, нежась в ласковых лучах южного солнца, манила, звала к себе, обещая встречу с чем-то неизвестным, но непременно приятным и радостным.

– Врет ведь, бестия! – окинув взглядом раскрашенный радужными красками горизонт, усмехнулся Петр. – Наверняка что-то скверное скрывает. Но что, что именно? Не скажет же. Нет, не скажет.

6.

скадренный миноносец «Князь Потемкин Таврический», выйдя в заданный район у острова Тендры, приступил к учебным стрельбам. Работы хватало обслуге всех артиллерийских установок. А количество ее было немалое. Еще бы! Ведь на вооружении «Потемкина» имелось четыре 305 мм орудия, шестнадцать 152 мм, одно 475 мм, 10 малокалиберных орудий и пять торпедных аппаратов. Понукаемая офицерами трудилась вся команда, все 730 человек. А хороший труд требует и соответствующего питания. И его получали исправно, но только офицеры. Что же касается матросской братии, то она нередко завершала обед в полуголодном состоянии.

– Сами жрут от пуза, а на нас экономят! – скрипя зубами, шептались в кубриках.

– Та хоча б мьясо як мьясо, хлопци! Свиженького хоча б шматочок. А то все солонына та солонына, бодай ий!

– Ишь чего захотел! – скрипнул зубами Антон Пархоменко, который недавно был переведен сигнальщиком на «Потемкин» из дивизии миноносцев.

Ворчали, но терпели. Куда деваться?

Однако за обедом 14 июня команду взорвало.

– Бра-а-атцы! – поднеся ложку ко рту, простонал любимец команды матрос Вакуленчук. – Черви в пище!

– Черви! – подхватил Антон.

– Нас кормят червями! – пронеслось по рядам.

Оставив обед, матросы рванулись на палубу.

– Молчать! – пытаясь заглушить шум, рявкнул во всю глотку явившийся к матросам старший офицер Гиляровский.

– Ваше благородие! – обратился к нему Вакуленчук. – Погляньте, чем кормят…

– Бунтовать?! – хватаясь за кобуру, все больше распалялся Гиляровский. – Бунтовать, сволочь, вздумал?

– А ты не страши, ваше благоро…

Закончить фразу Вакуленчук так и не успел. Грохнул выстрел и матрос замертво рухнул на палубу.

– У-би-ва-ют! – раздался чей-то истошный крик. Вскакивая со своих мест, матросы стеной двинулись на старшего офицера.

– Назад! – размахивая револьвером, взвизгнул Гиляровский, пятясь назад к испуганно жавшейся за его спиной кучке офицеров. – Буду стрелять!

– Драконов за борт! – скомандовал товарищ убитого матрос Матюшенко.

– Смерть драконам! – подхватили тут же десятки голосов. – Бей гадов!

В считанные секунды с офицерами, пытавшимися оказать сопротивление обозленным матросам было покончено. Остальных арестовали и, заперев в каютах, выставили вооруженный караул.

Центральный комитет социал-демократической организации Черноморского флота, или как его называли «Севастопольская матросская централка», уже задолго до этого вел подготовку восстания. Оно должно было начаться одновременно на всех кораблях флота осенью 1905 года. И то, что случилось на «Потемкине», основательно путало планы. Но дело было сделано, и теперь восставшей команде броненосца предстояло решить, что делать дальше. Понимая, что для нормальной жизни корабля необходимо организующее начало, избрали судовую комиссию во главе с матросом Матюшенко. Дружным «Ура!» приветствовали присоединившийся к восставшему броненосцу сопровождавший его миноносец № 267 и, подняв красный флаг, взяли курс на Одессу, где происходила всеобщая стачка.

Появление на рейде восставших кораблей одесские рабочие встретили ликованием. Последовало предложение потемкинцам высадить десант и помочь рабочим вооружиться, а затем уже действовать совместно с моряками. Однако, «выпустив пар», команда броненосца к дальнейшим решительным действиям была не готова. Ограничились прощанием с погибшим товарищем Вакуленчуком, похороны которого превратились в политическую демонстрацию.

Выпустив два артиллерийских снаряда по району, где располагались напуганные власти и войска, «Потемкин» двинулся навстречу объединенной эскадре кораблей Черноморского флота, имеющей приказ понудить броненосец сдаться либо потопить его. Решительно отвергнув предложение о сдаче, «Потемкин» гордо прошел сквозь строй кораблей, так и не рискнувших атаковать его ввиду отказа матросов эскадры стрелять по своим товарищам. К тому же к «Потемкину» присоединился его «собрат» «Георгий Победоносец», его поддержала команда учебного судна «Прут». Правда, по прибытию восставших кораблей в Одессу, его кондукторам удалось сдать этот броненосец властям, которые вскоре задушили матросское выступление и на «Пруте».

«Потемкин» же в сопровождении миноносца № 267 ушел в Румынию. Прибыв в Констанцу 20 июня, Судовая комиссия передала воззвания «Ко всему цивилизованному миру» и «Ко всем европейским державам», заявив о решимости потемкинцев бороться против царизма. Румыны пока никаких репрессивных мер против гостей не предпринимали, однако нашли способ показать, что они не являются желанными, наотрез отказавшись отпустить

«Потемкину» необходимые припасы. Не удалось их получить и в Феодосии, куда заглянул мятежный корабль, которого продолжали манить родные берега. Однако лишенный их гостеприимства он вынужден был 23 июня вновь уйти в Констанцу. 25 июня матросы сдали корабль румынским властям. Большинство их, в том числе и Коваленко, единственный из офицеров, который добровольно и искренне поддержал матросов, остались за границей. А те, кто все же отважился возвратиться в Россию, были тут же арестованы и преданы суду. Среди них оказался и Антон Пархоменко.

Осуществляя патрулирование по Дунаю, Петр не сразу узнал о восстании на «Потемкине». С большим опозданием, да к тому же отрывочно, доходили до него вести и о дальнейшей судьбе восставших.

– Выходит, Коваленко знал о том, что выступление готовится, – думал Петр. – Знал и ничего не сказал мне? Почему? Ведь мы же, кажется, с ним были откровенны и почти одинаково смотрели на то, что происходило вокруг. Хотя были и разногласия…

В памяти всплыл один из их последних разговоров незадолго до выхода «Потемкина» на учебные стрельбы. Коваленко горячился, убеждая Петра в том, что никакими петициями, требованиями власти у царя и его окружения не отнять.

– Да они ее просто не отдадут! – настаивал он. – Нужно вырвать силой оружия.

– Выходит, стрелять? – отстаивал свою точку зрения Петр.

– Если хотите, то стрелять!

– Но в кого? В своих же товарищей – солдат и матросов, которые еще чего-то не поняли и потому стоят на страже трона?

– А что же прикажете делать? Уже триста лет одни охраняют его, а другие своей шкурой, кровью своей расплачиваются за благополучие царской семьи и иже с ними.

– Готовиться и ждать.

– Чего?! Чего ждать?!

– Когда народ осознает свою силу и сможет решительно сказать: «Хватит надо мной издеваться. Сдайте власть и отойдите в сторону».

– О-о-о! – закатив глаза под лоб и качая головой, простонал Коваленко. – Да такого никогда не будет. Чтобы наш народ весь вдруг проснулся и такое сказал. Нет, уважаемый, Петр Петрович! Его будить нужно. Нам, военным. Будить грохотом орудий…

– Вы так считаете?

– Да! Я так считаю. И не только я.

– Кто же еще? – насторожился Петр.

– Неважно, – уклонился от ответа Коваленко.

– И все же. Давайте до конца будем откровенны, голубчик, если уж мы образовали союз.

– Ну что ж. Пусть будет по-вашему, – согласился Коваленко. – Вы о большевиках что-нибудь слыхали?

– Так вы большевик?!

– Как вам сказать, – смутился Коваленко. – Нет. Пока еще нет. Однако многие их взгляды разделяю. В частности, я согласен с ними в том, что передача власти возможна только путем победоносного вооруженного восстания.

– А потом?

– Что потом? Потом установление диктатуры пролетариата.

– Значит, все по Марксу?

– Конечно.

– Понятно. Опять диктатура. Пусть целого класса. Но диктатура. А как же другие классы, другие слои русского народа?

– Так государство диктатуры пролетариата будет выражать и их интересы…

– Э, нет! – тряхнул головой Петр. – Так не пойдет! Как может кто-то один выражать интересы целого народа?

– Что же вы предлагаете?

– Народ должен это сделать сам.

– Каким образом?

– Избрав Учредительное собрание. Оно-то пусть и решает, какой дальше быть России и куда идти.

– Наивный вы человек, Петр Петрович! – покачал головой Коваленко.

Тогда они так ни до чего и не договорились. И вот теперь Петр мысленно возвращался к тому разговору. Будить грохотом орудий… И они таки будили! Он видел орудийную мощь «Потемкина». «Разговор» его орудий должен был разбудить народ. Должен был, но не разбудил. Почему? Не потому ли, что народ, Россия устали от боли и крови? А не через них ли, через ту же боль и кровь, и не к ним ли звали потемкинцы? Конечно, к ним! Может быть, потому и не услышали их, вернее не захотели услышать, продолжая ждать, когда укажут другую дорогу? Да, это, видимо, так. У народа должна быть такая дорога – дорога согласия, и она лежит через Учредительное собрание.

Все более убеждаясь в этой мысли, Петр готов был отстаивать ее правоту перед любым оппонентом. А они таки были.

Расправившись с участниками восстания на «Георгии Победоносце» и «Пруте», превращенном в забитую до отказа плавучую тюрьму, где среди десятков других матросов томился и Антон, казнив Дейнегу, Кашубу, Петрова, Черного и Адамова, признанных организаторами беспорядков, царское правительство не добилось воцарения мира и согласия. Матросские кубрики продолжали дышать гневом и ненавистью. Это ощущал вице-адмирал Чухнин, продолжая закручивать и без того до предела затянутые дисциплинарные гайки на кораблях Черноморского флота. Но об этом знали и большевики, которые, несмотря на трагический исход восстания на «Потемкине», не собирались отказываться от намерения организовать революционное выступление одновременно на всех кораблях Черноморского

флота. Они усиленно искали подходы к тем офицерам, на которых можно было положиться в этом опасном деле.

В один из июльских дней к Шмидту, едва успевшему сойти на берег в Измаиле после очередного патрулирования по Дунаю, подошел невысокий господин в очках и соломенной шляпе.

– Здравствуйте, Петр Петрович! – приподняв шляпу, негромко поздоровался незнакомец.

– Простите, с кем имею честь? – нахмурился Петр. – Мы ведь, кажется, с вами не знакомы.

– Да, да! – улыбнулся подошедший, обмахиваясь полами шляпы. – Но я вас знаю.

– Откуда?

– От ваших друзей.

– Каких именно? – продолжая оставаться в напряжении, спросил Петр.

– Да вы не волнуйтесь, – снова улыбнулся незнакомец и, оглядевшись, тихо добавил: – Вам привет от Николая Николаевича Шелгунова.

– Что?! – изумился Шмидт. – От Николая?

– Тише, пожалуйста! – поморщился незнакомец и, взяв Шмидта под руку, предложил: – Позвольте, я вас провожу, как ваш старый знакомый, скажем, из Бердянска.

– Из Бердянска?

– Ну да! Вы ведь там бывали?

– Конечно…

– Вот и хорошо! А я там учительствовал, но не в этом дело. У меня к вам послание от вашего друга.

Оказавшись в безлюдном месте и убедившись, что никому до них дела нет, незнакомец протянул Петру сложенный вчетверо лист.

– Ознакомьтесь, пожалуйста.

Развернув лист, Петр быстро пробежал глазами по строчкам, сразу же узнав почерк Шелгунова.

«Здравствуй, дорогой Петр! – писал Николай. – Податель сего послания мой старый друг. Можешь ему довериться во всем, как мне самому и как я сам доверился бы тебе. Он расскажет тебе обо мне и, по возможности, ответит на твои вопросы, задав свои. Хотя хочется (ой, как хочется!) увидеть и обнять тебя самому. Только когда это случится, не знаю.

Твой Николай».

– Где он? – немного придя в себя, спросил Петр. – Что с ним?

– Сейчас все в порядке, – успокоил его незнакомец. – Пока все в порядке. А был он далеко – и в тюрьме, и в ссылке в Сибири. Так что довелось, как говорится, всякого повидать, Петр Петрович.

– Вы меня по имени отчеству величаете, – усмехнулся Петр. – А вас как прикажете называть?

– А Максим Петрович я. Максим Петрович.

– Очень приятно. И какие же у вас ко мне вопросы?

– Гм. Вопросы. Вопросы у меня…, у нас, Петр Петрович, есть. Только было бы лучше, чтобы их вам задал Николай Николаевич сам. Он – вам, вы – ему.

– Да. Вы правы. Но как это сделать? Ведь, коль его здесь нет, то какие-то причины помешали этому.

– Совершенно верно.

– Вот видите! Тогда что же нам делать?

– А вы, Петр Петрович, не смогли бы на два-три денька отлучиться, скажем, в Киев?

– В Киев? – сделал большие глаза Петр. – Это зачем?

– Затем, чтобы встретиться там со своим другом.

– Вот как! Даже не знаю, – задумавшись, покачал головой Петр. – Вряд ли. Хотя, впрочем, я должен подумать.

– Подумайте. Только недолго.

Все хорошенько взвесив, Петр решил, что ради встречи с Николаем он должен пойти на этот шаг. И предлог для этого есть: почки снова начали давать о себе знать, а в Киеве, говорят, есть хорошие доктора. К тому же миноносец должен, как минимум, на неделю встать на ремонт двигателя. Механик вполне с этим справится.

– Я еду, – сообщил он на следующий день Максиму Петровичу.

– Прекрасно, – обрадовался тот.

– Так где я смогу найти Николая?

– А его не нужно искать, – усмехнулся Максим Петрович. – Он вас сам найдет.

– Каким образом?

– Скажите, Петр Петрович, а вы любите скачки?

– Скачки? – поднял удивленно брови Шмидт. – Как-то не думал…

– Придется полюбить, – развел руками Максим Петрович. – Там вас Николай Николаевич и найдет в один из дней от пятницы по воскресенье. Согласны?

– Ну что ж. Пусть будет так.

– Тогда – счастливого пути.

Дорога от Измаила до Одессы, а от нее до Киева тянулась, как казалось Петру, утомительно долго. Чтобы как-то скоротать время, он перебирал события последних лет своей жизни. Жизнь… Она как будто бы была, и в то же время ее у него, по правде говоря, не было. Он что-то делал – ходил на Дальний Восток на суднах Добровольного флота, а затем – Русского Общества Пароходства и Торговли, был снова призван на воинскую службу и шел воевать с японцами, хотя испытать себя в той войне ему из-за проклятой болезни так и не удалось, потом – Севастополь, Черное море и, наконец, Дунай. Его нанимали, призывали, назначали, списывали. Словом, все решал за него кто-то. Сам же он, оказывается, не жил так, как считал нужным, а как бы со стороны наблюдал за своей жизнью, вернее за тем, как ее вершили другие.

Даже в семейных делах, возложив на себя задачу перевоспитания Домны, он поступал в соответствии с ее поведением, ее ласками, ее капризами, ее фокусами, то есть, опять-таки, был подвластен чужой воле. Вот ведь какая интересная штука получается!

Конечно, в мире все взаимосвязано. И даже самые большие, самые высокие правители зависят от кого-то или от чего-то. Не зря ведь говорится, что все под Богом ходим. От этого никуда не уйти. Здесь действует непреложный закон, который нарушить никому не дано. Не дано… Хорошо ли это? И да, и нет. Хорошо в том смысле, что действия каждого определяются и контролируются другими, которые в них видят не только добро, достойное поощрения и поддержки, но и зло, чье воздействие можно и нужно ограничить. Плохо же потому, что счастье конкретного человека зависит не только от него самого, но и от других людей, которые нередко препятствуют его достижению. Да, да! Именно препятствуют. Так было и так, видимо, будет всегда.

А если все же представить, что дано право самому ковать это самое счастье, без вмешательства других. Это, конечно, никогда не будет на матушке-земле. Но представить, вообразить ничто и никто не мешает. Итак, пусть бы его, Петра Шмидта прямо сейчас Христос, Бог, словом, какие ни на есть высшие силы наделили такой возможностью, сказав: «Твори, Петр, свое счастье так, как тебе хочется. Никто тебе препятствовать не будет».

С чего бы он начал? Ну, скорее всего, с того, что задумался над тем, а какое оно это самое его счастье. Ведь мы, люди, мечтая, мягко говоря о нем, нередко даже не знаем, что это такое. Разве не так? И это не удивительно, ибо счастье многолико и у каждого свое. Когда счастлив человек? Когда он достигает самой главной цели своей жизни, когда реализует свои мечты. Не все, конечно, а основные, главные.

– Так какие же они, эти самые главные мечты, гражданин Шмидт? – усмехнувшись про себя, подумал Петр и, прикрыв глаза, продолжал захватившую его игру.

Главные мечты. Сколько их может быть у него? По крайней мере, не одна. Это точно. Он мечтал о море, мечтал стать моряком. И он им стал. К тому же, кажется, неплохим. Так считают люди. А сам он? Здесь он согласен с другими. Значит, можно сказать, что он достиг счастья? Нет, нет. Он сделал к нему только первый шаг. Его мечтой было иметь хороших, надежных друзей. И они у него есть. Но судьба разбросала их по разным углам России. Что же отсюда следует сделать ему как наделенному правом творить свое счастье? Само собой разумеется, он добился бы, чтобы Антон, Николай и Владимир были сейчас с ним рядом. Где именно? Конечно, в Севастополе! Все трое и, конечно, никогда не разлучаясь. Это был бы второй шаг к счастью. Важный. Очень важный! Но не последний.

Разве может быть счастье без любимой? После того, когда они с Домной расстались, он, Петр, не только не страдал, не мучился какими-либо переживаниями, но даже испытал чувство облегчения. Будто кто-то взял и

снял с его души камень, который долгое время давил ее, мешая работать сердцу. Освободившись от груза, оно застучало легко и ровно. Рядом был сын и, казалось, он теперь может быть доволен вполне. Но это только казалось. На самом же деле он вскоре стал ощущать нехватку чего-то очень важного в своей жизни. Испытывая непонятную тоску, начал замечать, что обращает внимание на встречных женщин, окидывая их оценивающим взглядом. Эти его душевные томления особенно усилились с приходом весны. Нет, нет. О каком-либо примирении с Домной, а тем более возврате к прежним отношениям не могло быть и речи. Для этой женщины двери его души были наглухо закрыты. Она перестала существовать для него не только как женщина, но и как человек. В то же время Петр стал замечать за собой, что все чаще обращается мысленно к Жене. Понимал, что прошло уже достаточно много времени с тех пор, как они расстались, что давно уже нет той хрупкой, казавшейся ему когда-то такой слабой и беззащитной девочки, которую кто-то может обидеть, и только он, Петр, может и должен защитить, уберечь от всяких мыслимых и немыслимых бед. Понимал, что она уже изменилась, стала другой, но в памяти раз за разом всплывал образ той, прежней Жени Тилло.

Вот и сейчас, стоило ему лишь подумать о любимой женщине, как этот образ вновь явился ему. Неужели так будет всегда, до конца его дней? Неужели Женя была ниспослана ему самой судьбой, а он, проигнорировав ее волю, так и будет жить терзаемый душевными муками за собственное непослушание, за совершенный некогда грех? Эх, была бы действительно его воля, он бы сделал все, чтобы искупить его и возвратить утраченную любовь Жени. Ведь мог же он вместо бесцельного и нудного патрулирования по Дунаю оказаться в том же Азовском море со стоянкой не в Измаиле, а, скажем, в Бердянске.

Петр представил, как его миноносец, разрезая носом ровную, как стол, изнеженную жаркими лучами июльского солнца поверхность воды, подходит к знакомому порту. Уже хорошо видны очертания Бердянска с ее золотистой косой, утыканной редкими хатками-мазанками, и башней маяка. А вот и порт. Сойдя на берег, он неторопливо шагает по набережной, вслушиваясь в разноголосицу расположившихся на пляже отдыхающих. Боже, как это все знакомо! Сколько раз он прибегал сюда в детстве с друзьями и, до посинения наплававшись в море, грелся на прокаленном солнцем песке. Сюда они любили вечерами ходить с Женей, любуясь звездами, которые, покинув небосвод, как шаловливые девчонки, нежились в ласковых водах Азовского моря под присмотром дядюшки Месяца, с улыбкой взирающего на них свысока. Здесь все так же, как было тогда. А вот и сама Женя. Она идет ему навстречу. Увидела его и, слегка растерявшись, остановилась. Глядит то ли удивленно, то ли испуганно. Кажется, еще мгновенье, и она развернется и убежит от него.

– Женя! Женечка! Куда же ты? Постой! – зовет он, бросаясь к ней. – Я тебя нашел! Слышишь? Я снова тебя нашел!

– А я и не терялась, Петя, – слышит он ее голос и видит, как обиженно подрагивают ее губы. – Это ты… ты ушел от меня…

– Женечка милая! Подожди! Послушай меня, – молит он. – Я тебе все объясню.

Все объясню… А что, собственно говоря, он может объяснить? Что может сказать в свое оправдание? Да ничего. Он, он сам во всем виноват, и об этом он скажет ей. Скажет честно и откровенно. И тогда она поймет. Должна понять. Иначе… Иначе не может быть! Ведь это третий шаг к счастью, который он имеет право сделать. Ему такое право дано. Хотя бы только в мыслях. Пока в мыслях, а там, кто знает…

Сделав этот шаг, ему не составит труда сделать следующий – решительно включиться в борьбу за счастье других – обездоленных и обиженных. Легче, потому что рядом с ним будут не только друзья, но и любимая женщина.

Значит все? Выходит, все шаги к счастью сделаны и их достаточно, чтобы достичь его? Нет, нет. Есть еще один. Очень важный и всегда сложный – добиться, чтобы понимало и разделяло твои мысли и твои действия идущее следом поколение, твои дети. Не зря же в народе говорят о проблеме отцов и детей. Она существует давно, пожалуй, столько же, сколько существует человечество. Но не для всех. По крайней мере, для него, Петра, этой проблемы нет. Она для него не существует, поскольку он открыл секрет ее разрешения, который состоит в том, что уже давно Женька служит самым главным и справедливым его судьей. И он тому рад и безмерно счастлив…

Приехав в Киев, Петр не без труда отыскал адрес врача, которого порекомендовал ему знакомый флотский медик. Полученная консультация, советы киевской знаменитости, хоть и мало чем отличались от тех, которые Петру довелось слышать во время лечения в госпитале Порт-Саида, в то же время немного успокоили его: состояние почек не ухудшилось.

– Бойтесь переохлаждения, молодой человек, – завершая аудиенцию, назидал лекарь. – И соблюдайте режим питания…

Поблагодарив за консультацию и уплатив гонорар, Петр отправился на ипподром. Занял место за указанным ему столиком и вместо того, чтобы следить за скачками, все время поглядывал по сторонам. Прощаясь с ним в Измаиле, Максим Петрович сказал, что Шелгунов сам найдет его, но Петра все же брали сомнения. Ведь сколько лет прошло с тех пор, как они расстались. Наверняка Николай выглядит иначе, чем тогда. К тому же он знал, что революционеры, бежав из ссылки (а Шелгунов несомненно из их числа), стараются изменить свой облик, да и сам он, Петр, также изменился: похудел, постарел и усы завел.

Однако в тот день Шелгунов так и не появился. Переночевав в гостинице, Петр позавтракал в кофейне и, чтобы скоротать время до скачек, отправился бродить по городу. К назначенному часу снова занял место за

столиком. Окинув взглядом сидящих перед ним зрителей, вздрогнул: буквально в нескольких метрах от него сидела… Женя.

– Она! – обожгла его радостная мысль. – Женя!

Петра даже в жар бросило. Стараясь убедиться в том, что это не какое-то волшебное видение, а реальная действительность, он даже глаза зажмурил, прикрыв ладонью. Досчитав до десяти, открыл их вновь и с досадой понял, что ошибся. Девушка, а, может быть, молодая женщина, сидевшая за соседним столиком в компании еще двух женщин и мужчины, и в самом деле чем-то была похожа на ту, прежнюю Женю и овалом лица, прикрытого вуалью, и разрезом глаз с тяжелыми ресницами, и манерой величаво поворачивать голову, обращаясь к собеседнику. И все же это была не Женя, а другая. Поборов в себе досаду, Петр снова обратил взгляд в сторону потревожившей его сердце соседки и, что называется, прикипел к ней.

– Боже! Какая прелесть! – восторгался он, в упор рассматривая ее. – Какое совершенство и… тоска. Почему? Откуда это?

А женщина, почувствовав на себе этот взгляд, стала проявлять беспокойство. Стараясь скрыть его от своих соседей, она то отворачивалась от Петра, подолгу глядя куда-то в сторону, то принималась оправлять платье и шляпку, то поднималась со своего места и переходила к барьеру, а потом, возвращаясь к своему столику, бросая на Петра осуждающие взгляды.

– Ишь ты какая! – усмехнувшись про себя, подумал Петр. – Недовольна, обижена, но не злится. Почему? Видимо, не умеет. Да, пожалуй. Домна, когда было что-то не по ее, сразу вспыхивала как спичка, становясь похожей на кошку, готовую исцарапать. А эта совсем иначе…, как Женя. Та ведь тоже только обижаться может, вернее – могла.

Вскоре вся компания, сидевшая за соседним столиком, поднялась и куда-то удалилась. Петр продолжал оставаться на своем месте. Скачки заканчивались.

– Видимо, Николая и сегодня не будет, – с сожалением подумал он. – Если даже мы встретимся с ним завтра, все равно не успеем поговорить как следует: пора возвращаться.

Едва он успел об этом подумать, как заметил пробиравшегося между столиками Максима Петровича.

– Идите за мной, – шепнул тот, поравнявшись со Шмидтом. Посидев еще немного, Петр двинулся следом.

Он догнал Максима Петровича, когда тот остановился у рекламных щитов ипподрома, делая вид, что внимательно вчитывается в какие-то объявления.

– Николай Николаевич арестован, – сообщил он Петру, не отрывая взгляда от афишного щита.

– Как? – изумился Петр. – Когда?

– Позавчера. В поезде московском взяли.

– Вот беда.

– Да. И вам уезжать нужно. Сегодня же.

– У меня же еще нет билета!

– Вот он ваш билет, – тут же отозвался Максим Петрович, протягивая его Петру вместе со сложенными вчетверо какими-то листками, добавив: – А это спрячьте подальше и прочтите по приезду. Там при встрече и продолжим наш разговор.

Простившись с Максимом Петровичем, Петр нанял извозчика и отправился на вокзал.

Поезд отправлялся вечером и в купе, в котором, согласно билету, устроился Петр, вошла минуту спустя молодая женщина. Он узнал ее сразу: это была все та же незнакомка с ипподрома.

– Господи! – вздрогнув от изумления, подумал Петр. – Прямо чудо какое-то.

Видимо, она тоже узнала его и, стараясь скрыть смущение, делала вид, будто что-то внимательно рассматривает за почти темным окном. Затаив дыхание, Петр, как ему казалось, незаметно продолжал наблюдать за таинственной соседкой. Сейчас она казалась ему еще красивей, еще очаровательней и, главное, какой-то совершенно беззащитной. Едет одна в такой поздний вечер. Даже никто не провожал ее. Странно! Ведь там, на ипподроме, рядом был мужчина. Неужели не догадался проводить? А может быть, поленился? Все равно! Но это же просто бестактно и некультурно отпускать даму без сопровождения и к тому же в такое время. Просто свинство. Интересно бы узнать, кем ей доводится тот мужчина – муж, брат, просто знакомый? Впрочем, какое это имеет значение. Важнее узнать, куда она едет. Хорошо бы, если бы она стала его попутчицей до Одессы. Хотя нет. При ней ведь совершенно нет багажа. Одна сумочка. Разве какая-нибудь уважающая себя женщина решится отправиться в столь дальнюю поездку с одной сумочкой? Нет, нет. Видимо, их соседство продлится недолго. Ах, как жаль! Как жаль! Пройдет какое-то короткое время, и они расстанутся. Расстанутся, так и не сказав друг другу ни слова. Даже не познакомившись. Нет. Это невозможно! Сама судьба дает ему шанс сделать шаг к своему счастью, а он сидит как истукан и слова вымолвить не может. Проклятая робость! Не мужчина, а мальчишка пятнадцатилетний, да и только…

Дали отправление и вагон, дернувшись слегка, покатился по рельсам, отстукивая на стыках свое, как показалось Петру, осуждающее «так-так».

– Простите, – наконец решившись, промолвил он. – Странно, удивительно, но мы встречаемся с вами сегодня второй раз.

– Действительно странно, – со вздохом отозвалась незнакомка и Петру показалось, что она улыбнулась. Значит, не обиделась, не рассердилась на него и готова продолжить разговор.

– А что если это судьба? – спросил он и тут же смутился: еще чего доброго решит, что сосед ее какой-нибудь повеса и замкнется в себе или постарается избавиться, перейдя в другое купе. Однако незнакомка, как

видно, ничего плохого о своем случайном спутнике не думала и не старалась никуда переходить.

– Судьба? – задумчиво переспросила она.

– Конечно! – горячо подхватил Петр. – Вы знаете, так бывает. И мне кажется, она существует. Только мы не всегда замечаем или не всегда понимаем ее знаки.

– Вы думаете?

– Уверен! Вот сегодня она дважды нас свела, а мы можем, не обратив внимания на ее знаки, расстаться, так ничего и не узнав друг о друге. Почему же нам все таки не послушать ее?

– Каким образом?

– Ну, хотя бы для начала познакомиться. Позвольте представиться: лейтенант Шмидт, Петр Петрович. А вас как зовут, прекрасная незнакомка?

– Так уж и прекрасная! – отмахнулась шутливо ладошкой соседка. – Я – Зинаида Ивановна. Зинаида Ивановна Ризберг.

– Очень приятно. Ну, вот и познакомились, – облегченно вздохнул Петр и, уже чувствуя себя более свободно, спросил: – Далеко ли путь держите?

– Нет, – покачала головой соседка, – через одну остановку мне выходить.

– Ах, как жаль! – воскликнул Петр. – Значит, у нас совсем мало времени?

– До Дарницы сорок пять минут идет поезд…

– Всего сорок пять минут! – продолжал сокрушаться Петр. – Всего сорок пять минут. Мы же ничего не успеем узнать.

– А что бы вам хотелось узнать? – немного игриво спросила она.

– Ну, хотя бы замужем вы, Зинаида Ивановна, или нет.

– Была, – немного помолчав, обронила она. – Была замужем…

– Вот как! Вы знаете, я тоже был женат…

– Видимо, жена умерла?

– Нет, нет! Мы расстались с нею. Просто расстались. Пятнадцать лет прожили вместе и, наконец, поняли, что мы не только разные, но и чужие люди. Совершенно чужие.

– Понимаю, – грустно усмехнувшись, кивнула головой она. – У нас это произошло гораздо раньше…

– Прекрасно! – оживился Петр.

– Что же вы находите здесь прекрасного?

– Да то, что вы свободны и я также. Значит, у меня есть шанс.

– Да вы же совершенно не знаете меня, смешной! – рассмеялась она и Петру показалось, что где-то рядом зазвонил колокольчик. – Может быть, я злюка и скандалистка. Этакая Баба Яга.

– Не верю! – решительно отверг ее слова Петр. – И, пожалуйста, не смейте наговаривать на себя. Вы чистый ангел, и я убежден в этом.

Петр чувствовал себя легко и свободно и, казалось, готов был продолжать разговор без конца, открывая для себя все новые и новые достоинства своей спутницы. Но их прервал проходивший по вагону кондуктор, который зычным голосом оповестил:

– Господа! Подъезжаем к станции Дарница.

– Как?! – недоуменно воскликнул Петр. – Уже подъезжаем?

– Да, – с явным сожалением вздохнула соседка. – Вот и конец нашему знакомству, Петр Петрович.

– Почему конец?! Я уверен, что это только начало.

– О!

– Да, да! – настаивал Петр, с ужасом отмечая, что поезд уже начал замедлять свой бег. – Простите меня, Зинаида Ивановна, но я просил бы вас оставить свой адрес и позволить мне написать вам. Пожалуйста. Очень прошу вас!

– Ну что ж, – подумав, ответила она. – Пишите.

– Но куда? Куда вам писать?

– Киев, Дарница, улица Лесная, дом 25. Ризберг Зинаиде Ивановне.

– Спасибо, Зинаида Ивановна! – торопливо записав адрес, обрадовано воскликнул Петр. – Большое спасибо. Вы – ангел мой. И да хранит вас господь.

Проводив свою спутницу к выходу, Петр еще долго сидел в своем опустевшем купе, вспоминая детали неожиданного знакомства. Потом прилег и под мерный стук колес незаметно для себя уснул. Спал спокойно и проснулся с радостным и светлым чувством чего-то уже свершившегося, которое сулило что-то новое и, конечно, хорошее, приятное.

Мурлыча себе под нос какую-то веселую мелодию, побрился. Заказал чаю и, помешивая ложечкой брошенные в стакан кусочки сахару, вдруг вспомнил о листках, которые передал ему Максим Петрович, прощаясь у ипподрома. Достал их из кармана кителя и, развернув, увидел перед собой листок газеты «Пролетарий».

– Посмотрим, что же здесь интересного, – сделав глоток, подумал Петр. Взгляд скользнул по заглавию статьи «Революционная армия и революционное правительство» и тут же заспешил от строчки к строчке:

«Восстание в Одессе и переход на сторону революции броненосца «Потемкин» ознаменовали новый и крупный шаг вперед в развитии революционного движения против самодержавия. События с поразительной быстротой подтвердили современность призывов к восстанию и к образованию временного революционного правительства – призывов, обращенных к народу сознательными представителями пролетариата в лице III съезда Российской социал-демократической рабочей партии…

– Так вот с чем связал свою судьбу Николай, – подумал, продолжая читать:

«…Посланные против революционного броненосца «Потемкина» военные суда отказались бороться против товарищей. Распространив по

Европе известие о сдаче «Потемкина», о царском приказе потопить революционный броненосец, самодержавное правительство только окончательно опозорило себя перед всем миром. Эскадра вернулась в Севастополь, правительство спешит распустить матросов, разоружить военные суда; ходят слухи о массовой отставке офицеров Черноморского флота; на сдавшемся броненосце «Григорий Победоносец» опять начались возмущения. В Либаве и Кронштадте матросы тоже восстают; учащаются столкновения с войсками; идет (в Либаве) бой на баррикадах матросов и рабочих против солдат… Царское правительство оказалось без флота. Самое большее, чего ему удалось пока добиться, это – удержать флот от активного перехода на сторону революции. А броненосец «Потемкин» остался непобежденной территорией революции и, какова бы ни была его судьба, перед нами налицо несомненный и знаменательный факт: попытка образования ядра революционной армии…»

– Да, все это так! – согласился с неизвестным автором Петр. – Только что же дальше делать? Ага! Вот.

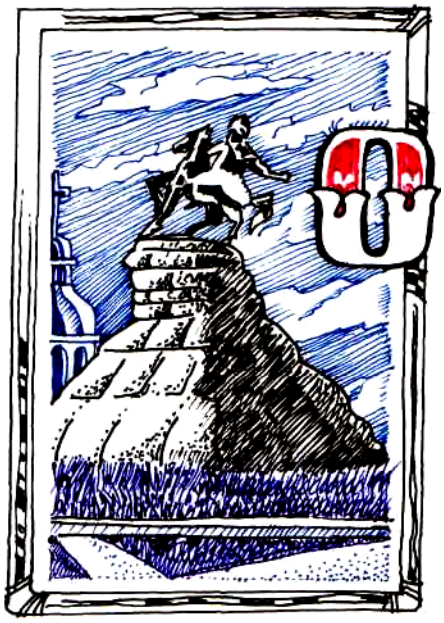
«…Для нас, для пролетариата, демократический переворот только первая ступень к полному освобождению труда от всякой эксплуатации, к великой социалистической цели. И поэтому тем скорее должны мы пройти эту первую ступень, тем решительнее должны мы разделаться с врагами народной свободы, тем громче должны мы проповедовать лозунги последовательной демократии: революционная армия и революционное правительство».

– Решительно разделаться с врагами народной свободы, – повторил про себя Петр и, прикрыв глаза, задумался.

Разделаться – это значит уничтожить, убить? Н-да! Победа пролетариата, его освобождение и во имя этого создание революционной армии. Но это же опять жестокость, опять кровь и смерть. Нет. С этим он не согласен. Здесь что-то не так. Армия и Флот, конечно, нужны. Но нужны для того, чтобы решительно сказать правительству: «Все, уходите! Дайте народу самому решать свою судьбу, самому добиваться своего счастья». Как? А это уже он сам определит, избрав своих представителей в Учредительное собрание. Его нужно добиваться. К нему идти. Неужели Николай Шелгунов, его старый друг Николя со своими товарищами этого не понимают?

– Но почему?! Почему? – задавал себе вопрос Петр и не находил ответа.

А поезд уносил его все дальше от Киева, где в казематах жандармского управления томился арестованный Николай, от станции Дарница, на которой сошла Зинаида Ивановна, зажегшая в израненном сердце Петра огонек любви. И он верил, что этот огонек разгорится и, став костром, исцелит его сердце и душу, даст ему силы пройти той трудной дорогой, которую он для себя избирал.



7.

тправляясь в свою несанкционированную поездку в Киев, Петр был уверен, что механик вполне справиться с ремонтом. Беспокоил лишь возможный приезд кого-либо из севастопольских начальников. Те не слишком любили оставлять насиженные места. Но, чем черт не шутит, взбредет кому-нибудь из них шальная мысль проверить, как там несет службу миноносец №253. Пожалует эдакий важный гусь в Измаил, и тут вдруг обнаружится, что нет на месте командира. Начнутся всякого рода разбирательства: почему отсутствовал? Кто позволил? Где был? Неприятностей не оберешься.

Однако, появившись на корабле, Петр сразу же успокоился.

– Полный порядок, Петр Петрович, – доложил, поприветствовав его, механик. – Ремонт завершили. Машина работает как швейцарские часы.

– Хорошо! – кивнул Шмидт. – Вам и команде большое спасибо.

– Рады стараться.

– Скажите, а гостей начальствующих за эти дни у нас не было?

– Никак нет, Петр Петрович, – ответил механик. – Да и чего им забираться в нашу глушь, скажите на милость?

И то правда, – улыбнулся Петр. Теперь он мог быть спокоен за то, что его отсутствие не было обнаружено командованием дивизии миноносцев.

На следующий день миноносец №253 вновь вышел на патрулирование Дуная. Патрульная служба с ее рутинным однообразием входила в свои прежние рамки. Петр тяготился отсутствием знакомых, к общению с которыми он привык в Севастополе, скучал по Женьке. С сыном они хоть и обменивались регулярно письмами, но этого было явно недостаточно. Ему хотелось поскорее закончить эту свою ссылку, как он окрестил измаильскую командировку, и возвратиться в Севастополь. Тем более, что там, по сведениям, которые сообщил Петру Максим Петрович, вновь было неспокойно.

– Вы думаете может появиться еще один броненосец “Потемкин”? – спросил во время очередной встречи Петр.

– Еще один? – загадочно усмехнулся Максим Петрович. – Думаю, что их может быть гораздо больше, если не целый Черноморский флот.

– Ого!

– Да, да! Целый флот, Петр Петрович.

– И кто же его поднимет?

– Мы.

– То есть?

– Большевики.

– Ах, вот как! Значит, вы представляете партию...

– Российскую социал-демократическую рабочую партию, ее большевистское крыло.

– Понятно. Ну и... какова же ваша программа?

– О-о-о! Она большая. В конечном счете – построение нового, социалистического общества.

– Но каким образом? Спрашиваю об этом потому, что социалистов нынче много, и я в их числе...

– Вот и прекрасно! – оживился Максим Петрович. – Так давайте же вместе...

– Погодите, – остановил его Петр. – Прежде чем решать быть ли мне вместе с вами, я должен знать, каким путем вы предлагаете идти.

– Революционным! – отчеканил Максим Петрович. – И с программными целями в военном вопросе вы, по-моему, знакомы. Надеюсь, вы прочли статью, которую я вам дал?

– Да, конечно.

– И что же?

– Более чем серьезная вещь. Кто ее автор, если не секрет?

– Для вас, Петр Петрович, не секрет. Ее автор Ленин.

– Понятно.

– Так разделяете вы его взгляды или нет? Об этом, кстати, с вами собирался говорить и Николай Николаевич. Но, к сожалению, господа жандармы не позволили ему этого сделать. А посему поручено мне. Так что, если не возражаете, давайте сверим наши взгляды.

– Ну что ж, давайте. Я, повторяю, социалист и уже давно. Что же касается будущего нашей России, то его должна определить не какая-то одна партия, а весь народ, все классы общества.

– Каким же образом?

– Послав своих представителей в Учредительное собрание.

– Так, так. Значит, вы предлагаете Учредительное собрание?

– Именно!

– Вы думаете, что царское правительство позволит народу, всем классам общества избрать настоящих выразителей их дум и чаяний?

– Его нужно заставить!

– Свергнув вооруженным путем? – усмехнулся Максим Петрович. – Так и наша партия к тому призывает.

– Э, нет, голубчик! То, что предлагает товарищ Ленин, ваша партия, пахнет кровью, связано с новыми жертвами. А я этого как раз и хочу избежать.

– Каким образом?

– Готовить армию и флот к тому, чтобы они потребовали от царя и его министров отдать власть добровольно.

– Наивно! Такого никогда не будет.

– Посмотрим.

Тогда они так ни о чем и не договорились. Петр потом не раз возвращался и к статье Ленина, и к разговору с Максимом Петровичем.

– Эх! – думал он. – Был бы на его месте Николай, мы бы поняли друг друга. Но его нет, а Максим Петрович, по-видимому, неплохой человек, но заменить друга никак не может.

В эти дни Петр все чаще возвращался к своей недавней поездке в Киев. Казалось бы, что сверхъестественного произошло? Увидел красивую женщину. Но разве раньше он их мало встречал? И, чего греха таить, любовался ими, их лицами, ножками, фигурами. Только почему-то они так не волновали его, как эта. Встретив однажды ту или иную из красавиц, которая, пусть даже заставила его ахнуть от изумления, он вскоре забывал о ней. Сегодня, пожалуй, и вспомнить как следует ни одну из них не сможет. А вот Зинаида Ивановна, вернее ее образ, до сих пор стоит у него перед глазами. Видел ее совсем недолго и говорил каких-нибудь сорок минут, но запомнил, кажется, до мельчайших подробностей. Да что там запомнил! У него такое чувство, что те вагонные минуты вовсе не прервали их встречу на станции Дарница, что они по-прежнему сидят в купе и ведут разговор.

Так уже было с ним однажды. Только очень и очень давно. В пору его юности в Бердянске, когда он встретил Женю. Да, да! Все было именно так. Они могли с нею говорить часами. О чем? Да о чем угодно! И все это казалось им интересным и важным. И на душе было так легко и радостно, что хотелось петь, хотелось сделать что-нибудь хорошее и необычное, совершить подвиг. Какой и зачем? Да какая разница! Просто подвиг. Во имя ее, конечно. Они дарили друг другу звезды, свои сердца, ну и, конечно, поцелуи. Первые, такие горячие и... неумелые.

Потом он уехал. Они обещали писать и вначале старались сдерживать обещание. Но то ли те многие километры, которые их отделяли, то ли холодные ветры Балтики, то ли еще что-то непонятное и гадкое постепенно отняли у него Женю. Вот именно – отняли. А у него самого не хватило сил бороться со всеми ими за свое счастье. Не хватило сил... А может быть, виной тому молодость, с одной стороны, обидчивая по всякому, даже незначительному поводу, а с другой,- бесшабашная, расточительная во всем, безжалостная к потерям? Ведь, прояви он тогда немного больше терпимости, внимания к Жене, разберись в собственных чувствах, наверняка не пришлось

бы мучиться и страдать практически все годы жизни с Домной. И, видит небо, он терпел. Может за это и была дарована ему судьбой встреча с Зинаидой Ивановной. Но, коль это так, то он просто не имеет права никаким расстояниям, никаким ветрам, никаким силам позволить загасить ту искру, которая пробежала между ним и Зинаидой Ивановной. Он будет оберегать ее от всяких бед. Будет во всю стараться, чтобы от нее зажегся огонек взаимной симпатии и доверия, а потом, возможно, и костер большой любви.

А пока он слал ей в Дарницу, на ту, теперь знакомую и дорогую, улицу Лесную своих согретых сердцем бумажных посланцев, свои письма.

“Многоуважаемая Зинаида Ивановна! – писал он в своем первом послании, отправленном через день после возвращения в Измаил. – Сегодня я не спал всю ночь, дышал ночной влагой и, простите меня за смелость, мне было весело думать, что и та пассажирка, с которой мы случайно (а может быть, и по чьей-то доброй воле) встретились в купе полутемного вагона поезда, невольно вспоминает своего странного спутника.

Пусть не покажутся Вам смешными мои мысли, но я должен, я просто обязан поделиться ими с Вами. Мы оба единовременно почти закрыли свои старые книги жизни и стоим теперь перед новыми томами робкие и нерешительные. Вы, в своей нерешительности, еще перелистываете утомленной рукой последние страницы старой, прочитанной книги, а я захлопнул с горечью свою книгу, и мне тяжелы воспоминания об этой бессмысленной и мучительной повести. Но много аналогии в нашем положении, хотя вы сохранили гораздо больше жизнеспособности и энергии, а я устал...”

Отослав первое письмо, Петр попытался представить себе, как его воспримет Зинаида Ивановна. Поймет ли правильно? Ему казалось, что он не все сказал, упустив главное из-за чего Зинаида Ивановна может как-то не так воспринять его намерения и отказаться от переписки. И теперь еще это «Я устал». Подумает, что он старик. От этой мысли Петра даже в жар бросило.

– Неужели я потеряю ее, едва успев найти?! – с тревогой думал он. – Нет, нет! Этого допустить нельзя. Ведь третьего шанса судьба мне даст.

Стремясь исправить свою неловкость, он шлет Зинаиде Ивановне второе письмо, а за ним и третье. Но ответа по-прежнему нет. А тут, как назло, новая сложность: получен приказ завершить патрулирование Дуная и следовать в Севастополь.

Попросив Максима Петровича переслать ему почту, если таковая окажется, Петр возвращается на базу. Встреча с сыном, новости, которыми забрасывает его Женя, на какое-то время отвлекают Петра от грустных дум. Но они вскоре вновь одолевают его. Неужели он настолько неказист и неинтересен, что эта женщина не пожелала ему ответить? Может, он был нескромен, навязчив, излишне настойчив в своей просьбе? Как будто бы нет. И во время той недолгой беседы в вагоне, и в письмах он старался быть

тактичным. Неужели она все же испугалась? Но тогда чего? Когда это случилось?

Наконец, он получил столь долгожданное письмо. Торопливо вскрыв конверт, развернул сложенный вчетверо листок и стал читать. Вначале радость захлестнула его: все-таки отозвалась, ответила! Потом же, пробежав глазами строчки, задумался: он, как будто бы, все о себе, о своих душевных муках рассказал, душу, что называется, вывернул, а ей этого, оказывается недостаточно. Просит подробнее рассказать. Странный народ эти женщины! Ну, что же будут и подробности. Он предъявит ей свой паспорт. Прямо сейчас.

“Многоуважаемая Зинаида Ивановна! – ложатся на белую, как снег, бумагу слова. – Искренне обрадовался Вашему письму, которое, признаюсь, ждал с большим нетерпением и душевным волнением. Сразу же решил Вам ответить.

...Итак, Вы потребовали моего паспорта, духовного, конечно. В паспортах российских пишется: приметы: рост средний, нос умеренный, волосы русые и т.д. В затребованном же Вами, милая Вы барышня, духовном паспорте должно писаться: приметы: музыку любит классическую, живопись новейшую, символическую, природы не понимает, книг не читает и т.д.

Полно, могут ли такие приметы обрисовать Вам человека? Нет, не могут никогда, а если и обрисуют, то так же совершенно, как обрисовывает внешность наш российский паспорт. Ваши маленькие вопросы побудили меня вытащить из письменного стола большие листы бумаги. Сами посудите, сколько места надо для того, чтобы мало-мальски удовлетворительно ответить на них, а тут я еще болтовней занимаюсь, вместо того, чтобы отвечать дельно на дельные вопросы моей обстоятельной корреспондентки! Но Вы правы: в самом деле, пишет, пишет, а толкового ничего не скажет, должен же он наконец, сказать, кто он таков! Да можно ли это сказать, Зинаида Ивановна? Кто из нас познал самого себя? Никто, конечно. Знаете, чем читать паспортные приметы, лучше посетим мысленно квартиры или, лучше комнаты друг друга. Комната, в которой человек живет, лучше характеризует ее обитателя, чем его самоопределение. Я Вам подробно опишу в следующем письме свой кабинет, а Вы мне – свою комнату со всеми мелочами: думаю, что это скорее осветит нам друг друга. Ваше письмо, отосланное в Измаил, было переслано мне сюда, в Севастополь, и было в пути 8 дней. Вот причина такого запоздалого ответа.

Адрес мой: Севастополь, Соборная, 14.

Жму Вашу руку.

Преданный Вам П. Шмидт”.

Терзаясь душевными муками, своей так неожиданно ворвавшейся в его сердце любовью, Петр в то же время не отгораживается от жизни. А она кипит. Клокочет котел народного гнева, готовый вот-вот выплеснуть его наружу, сокрушая все и вся. У Петра еще тлеет слабый огонек надежды на то, что там, наверху, есть светлая голова, которая найдет выход, спасет страну от

приближающегося взрыва. И вот 8 августа газеты публикуют «Положение о выборах в Государственную Думу». Петр, купив газету, углубляется в текс Положения и с гневом швыряет противно шуршащие листки на пол.

– Моя надежда на полезность петиций, – делится он мыслями с Максимом Петровичем, навестившем его в Севастополе, – имела место до обнародования “булыгинской конституции”. С этого момента вся Россия, так долго и терпеливо ожидавшая и так жестоко оскорбленная этим новым издевательством, переменила мнение. Вся Россия поняла, что теперь надо нечто новое, массовое и решительное.

– Вот, вот! – оживился Максим Петрович. – Значит, поняли, наконец, что мы правы? Значит вы теперь с нами, Петр Петрович?

– С вами? Нет, нет. Вы зовете туда, где кровь, где смерть. Это не дорога!

– А другой нет, уважаемый Петр Петрович.

– Посмотрим!

Петр часто засиживается в библиотеке, готовит новые статьи и даже собирается выступить с тремя публичными лекциями о социализме, с тем, чтобы полученный гонорар потом передать в пользу голодающих.

“Весь мой отдых, – пишет он Зинаиде Ивановне, – сводится к очень быстрой еде... В общем я просиживаю никак не меньше 16 часов в сутки за письменным столом”.

Петр ищет единомышленников среди своих коллег, офицеров флота, на которых можно было бы опереться при осуществлении задуманного, но не находит. А тут еще и в письмах Зинаиды Ивановны, которые, как ему кажется, приходят редко, чувствуется некоторый то ли холодок, то ли равнодушие. Неужели и она его не понимает? Неужели она еще не знает, не почувствовала, что он уже живет, дышит ею?

“Дорогая Зинаида Ивановна! – с болью пишет он ей. – Краткая статистика истинной нашей переписки, привела меня к самому грустному выводу, а именно: на мои пять писем Вы отвечаете одним, на каждые мои 10 писем вы щедро отвечаете двумя и т. д. Если Вам так скучно писать мне, то снизойдите хотя до кратких царских резолюций, кладите на каждом свой отзыв, как это делает наш самодержец, то есть, например: “прочла с удовольствием”, “нахожу дерзким и бестактным” и т. п. Тогда я буду знать, что не пишу в пространство, а что есть где-то пара гордых глаз, лениво пробегающих (фраза!) по исписанным мною строчкам.

Сегодня мой почтальон опять мне не дал письма от Вас, и я решил, что Вы меня решили бойкотировать! Как ни мало Вы знаете меня, но письмо Ваше, если бы оно пришло сегодня, было бы для меня настоящей манной небесной!

Я сегодня обретаюсь в таком жалком одиночестве, какое наверное не знакомо Вам, да, может быть, никогда и не будет знакомо. В такие минуты каждое живое слово, хотя и заведомо ложное, но чуть-чуть напоминающее участие, принимается, как щедрый дар, как хлеб насущный. Вот до какого

приниженного состояния доводит человека душевный голод. Не знаю, поймете ли Вы меня именно так, как я хочу, чтобы Вы поняли меня. Я помню, года 4 тому назад, на передвижной выставке была мало кем замеченная, но глубокая по своему замыслу, по простоте и задушевности исполненная картина. Она названа была “Осень”. Серый холодный свет осеннего дня уныло освещает комнату. У окна, почти упершись лбом в тусклое стекло, стоит мужчина. Легкая седина серебрит его виски, уныло устремлен его взор сквозь стекло в серую даль. Около сидит на задних лапках большая кроткая собака и сочувственно смотрит в глаза своему одинокому хозяину. Осень на дворе, осень в душе, страшная холодная осень жизни. Картину писала женщина. Значит, она поняла эту особенную, холодную страшную осеннюю сиротливость. А Вы, Вы, может, слишком еще молоды, чтобы понять. А может быть, поймете.

Жму Вашу руку.

Ваш П. Шмидт”.

И она таки поняла его! Следующее письмо от Зинаиды Ивановны было, хоть и коротким, но уже совсем иным. Петр несказанно рад. “Вчера отправил Вам, дорогая Зинаида Ивановна, письмо, а сегодня получил от Вас открытую записочку... Спасибо Вам, что вспомнили обо мне... Вы написали два слова мне, и эти два слова осветили мне Вас другим светом. Вы не такая злая (хотя доброты в Вас все-таки мало), как я решил, и если Вы, как капризный ребенок, огорчите кого-нибудь понапрасну, то Вам хочется чем-нибудь дело поправить. Это хорошо.

Читайте, гуляйте, думайте, но не злитесь на жизнь и людей. Найдите ту высокую точку зрения, с которой легко прощаешь, не озлобляясь, примиряешься со всем тяжелым, что посылает жизнь. Может быть, я в сентябре буду проездом в Киеве. Напишите мне, пожалуйста, заранее разрешите ли Вы мне быть у Вас”.

Шмидт уже нравится ей. Но Зинаида Ивановна не решается сказать об этом открыто Петру так, как это делает он. Она еще молода, слишком молода, но жизнь уже успела опалить ее огнедышащим жаром неудач и разочарований. Ей встретился интересный человек. Но он старше ее. Смогут ли они быть вместе или, поверив в чудо новой любви, она опять обманется и тогда сердце ее вновь сожмется и закроется. Закроется навсегда.

У Петра же никаких сомнений нет: он встретил именно ту, о которой всю жизнь мечтал, верит в то, что, наконец, нашел свою половинку. Он делает все, чтобы в это поверила Зинаида Ивановна. Делясь с нею своими самыми сокровенными мыслями, рассказывает о своих делах, с чувством гордости сообщает о сыне, его друзьях.

“О, если бы Вы могли, дорогая Зинаида Ивановна, сидеть со мною в кабинете, – пишет Петр 7 сентября, – слушать те молодые дебаты, которые происходят у нас в столовой! Как все это молодо, зелено, чисто и правдиво! У сынишки собрались, как это часто бывает, товарищи, обсуждают вопрос об организации кружка самообразования.

... Я знаю, они скоро влетят ко мне возбужденные и шумные, оторвут меня от работы и заставят высказываться по волнующим их делам... Они так часто решали со мной свои дела, что в прошлом году я дождался величайшей, на мой взгляд, чести. Мой сын в пятом классе. Была забастовка и беспорядки в седьмом классе. Так что Вы думаете? Ученики седьмого класса потребовали, чтобы я присутствовал с правом родительского голоса. Они настояли, и я не только присутствовал, но и председательствовал в заседании чужого мне класса. Их дела берут у меня немало времени, а последнее время так даже много, и иногда я так заражаюсь их крайней молодостью, что забываю огромную разницу наших лет".

В ответном письме Зинаида Ивановна замечает, что, видимо, в Петре Петровиче заложены задатки хорошего педагога, поскольку не только Женя, но и она начинает ощущать на себе его воспитательное воздействие и это, признается она, ей начинает нравиться.

Петр польщен.

"Я смотрю на сына, – признается он Зинаиде Ивановне, – как на первого судью своих поступков. В этом вся система моего несложного воспитания. Я думаю, что небольшое было бы "нравственное наследство", которое я должен ему оставить, если бы он знал, что для его надобностей я поступился тем, чем нельзя поступиться. Поэтому и для него, так же, как и для Вас, все отдам, кроме того, чего не имею права отдавать.

Он это прекрасно знает, и думаю, что от этого его уверенность в моей к нему привязанности не ослабевает нисколько.

Я должен жить так, чтобы мне не стыдно было рассказать Вам и ему о каждой минуте моей жизни, чтобы я ни за одну минуту своей жизни не покраснел бы перед Вами двумя. И я так живу".

Петр не лукавит и ничего не приукрашивает здесь. Сообщив Зинаиде Ивановне о том, что у него есть сын, он не стал скрывать от Жени о том, что она появилась в его жизни.

– Папа, – передавая отцу самое первое ее письмо, спросил мальчик – это от женщины?

– Да, сына, – признался Петр.

– А она... красивая?

– Очень! – выдохнул Петр и, почувствовав, что краснеет, добавил: – Впрочем, здесь могут быть разные мнения.

– Понятно, – по-взрослому ответил Женька и вздохнул.

– Ты огорчен, сына? – насторожился Петр.

– Нет, нет, папа! Только... только я хочу, чтобы она была не только красивой, но и хорошей, доброй.

– Конечно, сын! – рассмеялся Петр. – Я тоже этого хочу. И, я думаю, что мы с тобой постараемся сделать все, чтобы Зинаида Ивановна стала именно такой – хорошей и доброй. Согласен?

– Да, папа.

Петру хотелось, очень хотелось поскорее увидеться с Зинаидой Ивановной. Он очень надеялся, что после этой их новой встречи она изменит свое настороженное отношение к нему, станет доверчивой. И тогда... тогда, может быть, наступит тот желанный час, когда он сможет назвать ее своей женой и они, став одной семьей, будут, наконец, вместе.

Однако практически непрекращающиеся волнения в стране, ужесточение режима военнослужащих препятствовали осуществлению желаний Петра. Сентябрь ознаменовался крупным революционным выступлением московских рабочих, а в начале октября Центральное Бюро Всероссийского железнодорожного Союза объявило всеобщую забастовку на железных дорогах. В первой декаде октября забастовали телеграфисты железнодорожных станций Феодосии, Джанкоя, Симферополя, к ним вскоре присоединились рабочие Симферопольского депо. Это радует Шмидта. Он надеется, что разгорающееся забастовочное движение перерастет во всероссийскую забастовку и об этом открыто говорит в своем докладе на многолюдном митинге в Севастополе:

– Товарищи! Великая российская забастовка явится мощным средством для достижения главной политической цели – введения всеобщего избирательного права и созыва на его основе Учредительного собрания.

Вечером 17 октября пришедшие из Петербурга телеграммы принесли в Севастополь весть о подписании царем Манифеста о гражданских свободах. В тот же день Петр получает восторженную телеграмму от Зинаиды Ивановны: “Поздравляю большой победой – манифестом!”. Петр рад, что о нем снова вспомнила любимая женщина. Однако не может разделить ее восторга, понимая, что ликовать еще рано.

Он стремится постоянно быть в центре важнейших событий и использовать любую возможность для достижения намеченной цели – всеобщего избирательного права и созыва Учредительного собрания. На следующий день после подписания царем манифеста трудящиеся Севастополя вышли на демонстрацию под красными знаменами, направившись на Приморский бульвар. Петр вместе с ними. Он выступает на митинге, который состоялся после демонстрации.

– Граждане! – говорит Петр. – Петербургская бюрократия стремится маневрировать, пытается отделаться пустыми обещаниями, обмануть нас. Поэтому нам нужно не обольщаться красотами манифеста, а продолжать борьбу за установление фактических гражданских свобод. Сегодня мы должны потребовать освобождения политических заключенных из севастопольской тюрьмы.

Приняв по его предложению соответствующее решение, о котором уведомили полицмейстера и жандарменного полковника, участники многотысячного митинга направились по Нахимовскому проспекту, Большой Морской и Херсонской улицам к зданию городской тюрьмы. Ждали, что вот-вот ворота ее откроются и они примут в свои объятия борцов за свободу. И ворота действительно открылись, но из них вышли не политзаключенные, а

солдаты 3-ей роты пехотного Брестского полка, которые по приказу офицера стали стрелять в безоружных людей.

“Ночь, – с горечью пишет Петр Зинаиде Ивановне, – провел с народом у здания тюрьмы, требуя освободить политических... Мне обещали освободить через полчаса и вместо освобождения дали в нас залп...

Убитых восемь, тяжелораненых восемнадцать, до сорока легко... В нас стреляли без предупреждения. Вот Вам и манифест, милая моя барышня”.

19 октября Приморский бульвар вновь заполнили десятки тысяч митингующих. Они избирают Совет народных депутатов в составе 40 человек. Шмидт среди них. Совет решительно настаивает на экстренном заседании городской Думы.

– Я предлагаю, – выступая, заявляет Петр, – после точного расследования и обнаружения лиц в совершенном убийстве написать на пергаменте их фамилии с описанием совершенного ими преступления, пергамент этот повесить на стенах Думы, чтобы потомство знало, как русские люди дорожат своими правами и как жестоко карают тех, кто осмелится нарушать неприкосновенность их личности.

По его настоянию в Петербург была направлена телеграмма, в которой Дума выражала свой “протест правительству, администрацией коего были убиты граждане Севастополя, мирно праздновавшие осуществление свободы и совершавшие мирную манифестацию у здания тюрьмы в честь заключенных за политические убеждения” и потребовала “немедленного удаления виновных для предания их суду, немедленно снять военное положение с устранением войск с улиц города и казаков за пределы градоначальства с заменой их временной народной охраной, освобождения всех политических заключенных и общей амнистии, не исключая матросов Черноморского флота, уничтожить смертную казнь, как позорящую отечество...”

Теперь о Шмидте знает едва ли не каждый в Севастополе. Его испепеляют ненавидящими взглядами офицеры и городская знать, но зато приветствуют трудящиеся и матросы с кораблей флота, которым удается сойти на берег. 20 октября он принимает участие в похоронах погибших у здания тюрьмы людей. Около 40 тысяч севастопольцев пришло проводить их в последний путь.

После предания земле убитых, речи городского головы к могиле подошел Петр.

– Шмидт! – прошелестело по рядам. – Смотрите, это Шмидт!

Петр поднял руку и, когда воцарилась тишина, негромко произнес:

– У гроба подобает творить одни молитвы, но да уподобятся молитве слова любви и святой клятвы, которую я хочу произнести здесь вместе с вами.

Когда радость переполнила души усопших, то первым их движением было идти скорее к тем, кто томится в тюрьме, кто боролся за свободу и теперь, в минуты общего, великого ликования, лишен этого высшего блага. Они, неся с собой весть радости, спешили передать ее заключенным, они

просили выпустить их, и за это были... убиты. Они хотели передать другим высшее благо жизни – свободы и за это лишились самой жизни.

Страшное, невиданное преступление!

Великое, непоправимое горе!

Теперь их души смотрят на нас и вопрошают безмолвно: что же вы сделаете с этим благом, которого мы лишены навсегда, как воспользуетесь свободой, можете ли обещать нам, что мы последние жертвы произвола?

И мы должны успокоить сметенные души усопших, мы должны поклясться им в этом…

Петр окинул взглядом сгрудившихся вокруг него людей и, глубоко вздохнув, отчеканил:

– Клянемся им в том, что мы никогда не уступим никому ни одной пяди завоеванных нами человеческих прав.

– Клянемся! – пушечным выстрелом откликнулось людское море.

– Клянемся им в том, – проникновенно продолжал звенящим, будто натянутая струна, голосом Петр, подняв обе руки, как бы приглашая само небо в свидетели, – что всю работу, всю душу, самую жизнь мы положим за сохранение свободы нашей.

– Клянемся! – тут же отозвались в едином порыве сорок тысяч душ.

– Клянемся им в том, что свою свободную общественную работу мы всю отдадим на благо рабочего, неимущего люда.

– Клянемся!

– Клянемся им в том, что между нами не будет ни еврея, ни армянина, ни татарина, что мы все отныне будем равные, свободные братья великой, свободной России.

– Клянемся! – послушно повторила площадь.

– Клянемся им в том, – звенел сталью голос оратора, – что если нам не будет дано всеобщее избирательное право, мы снова провозгласим Великую Всероссийскую забастовку.

– Клянемся! – громом прокатилось над кладбищем.

Петр замолчал. Какое-то время вокруг стояла тишина.

– Эх, товарищ Шмидт! – вскликнул вдруг кто-то в толпе. – Брат ты наш родненький!

Стоящие рядом с Петром бросились его обнимать и целовать. А он, бледный, со слезами на глазах, юркнул в толпу и исчез, словно растворившись в безбрежном людском море.

Выступление Шмидта было у всех на устах. Одни – у рабочих станков, в казармах и матросских кубриках, восторгались им, благословляя оратора, а другие скрипели зубами от злости, посылая всяческие проклятия на его голову. Среди этих последних был командующий Черноморским флотом Чухнин, который, едва ему доложили о выступлении Петра, отдал приказ немедленно арестовать его. В тот же вечер старательные служаки поспешили выполнить приказ грозного вице-адмирала. Петра доставили вначале на гауптвахту, а затем на катере переправили на броненосец “Три святителя”.

поделиться своей радостью с
депутат севастопольских рабоч
у меня от этого звания! “По
выделить из своих депутатов,
жизнь. Показать мне, что они
рабочих и никогда им не изм
сделали мне. Я должен это це
чуждым, как офицер для рабо
снять с меня ненавистную мне
товарища. Не знаю, есть ли ещ
что выше этого звания нет на с

Меня преступное прави
ярлыков: дворянства, чинов, п
лишить меня моего единствен
рабочих.

8.

аходясь в заточении, Петр не теряет времени даром. Он постоянно над чем-то работает, пишет обращение “К обществу”, которое подписывает как гражданин лейтенант Шмидт (социалист вне партии). Обращение встретило живой отклик у передовых людей, которые выражали свой протест против заточения Шмидта, а 26 октября рабочие Севастополя избирают его “пожизненным депутатом” Совета рабочих.

Узнав об этом, Петр даже прослезился. “Знаете, кто я теперь такой? – спешит он

О, я сумею умереть за них. Сумею душу свою положить за них. И ни один из них никогда, ни они, ни их дети не пожалеют, что дали мне это звание.

Хочу сообщить Вам, дорогая Зинаида Ивановна, что выборы меня в это звание произошли торжественно на общем народном митинге на нашем нарядном бульваре.

Вообразите ужас моих адмиралов. Между ними в Морском собрании жил офицер, который оказался самым сердцем крамолы, самым лютым агитатором. Его знали много тысяч рабочих, но не знали адмиралы и жандармы. Понятно теперь их желание казнить меня. Бессильная злоба. За всю прошлую пропаганду я не подсуден, амнистия. Мне и весело, и торжествую я, и смешна их бессильная злоба.

Жду Ваших писем. Думайте обо мне, пишите, пишите мне больше. Целую Вашу руку.

Любящий Вас П. Шмидт".

Общественное движение за освобождение Петра с каждым днем растет, ширится, набирает силу. К голосу рабочих подключаются учащиеся. Женька, конечно, с ними. Военные власти стараются всячески ограничить переписку Петра Петровича. И здесь на помощь отцу приходит сын.

"Многоуважаемая Зинаида Ивановна, – пишет он. – Я – сын Петра Петровича Шмидта. Только что возвратился от папы. Он по-прежнему томится в заключении, но держится бодро. Папа просит Вас продолжать писать ему; по выходу из-под ареста он прочтет все Ваши письма. Лично я буду писать Вам каждый день, если случится какая-нибудь перемена в папином положении. Все Ваши просьбы я сочту обязательным исполнить: кто друг моего отца, тот и мой друг.

Е. Шмидт".

Наконец, военные власти не выдерживают напора протестующих: Петр был освобожден из-под ареста и покинул ставший ему тюрьмой корабль "Три святителя". Однако освобождение было оговорено запретом появления на любых сходках и митингах. "В противном случае, – говорилось в письменном предписании вице-адмирала Чухнина, – Вы будете немедленно арестованы и отданы под суд не за агитацию, а за невыполнение лично Вам отданного приказа".

Подписав 5 ноября это предписание Шмидту, Чухнин в тот же день шлет морскому министру шифрованную телеграмму: "В дополнение моего отношения 10889 номер, прошу о немедленном увольнении лейтенанта Шмидта. Он продолжает исполнять роль народного трибуна и принимает участие на сходках".

Министр удивлен и возмущен самим фактом освобождения Шмидта из-под ареста и все же подписывает распоряжение об увольнении его в отставку, к тому же, в чине капитана второго ранга.

Выйдя в отставку, Петр еще более активизирует свою общественную деятельность. Выступая за созыв Учредительного собрания, он сразу же после получения отставки направляет два письма. Первое из них – в Одессу:

“Секретно. В стачечный железнодорожный узел. Прошу оказать содействие Севастопольской крепости в тот момент, когда флот потребует созыва Учредительного собрания. Содействие это должно выражаться в недопущении подвоза войск в Севастополь и всеобщей забастовке.

П. Шмидт (бывший лейтенант флота)”.

Второе письмо, такое же лаконичное, отправляется в Москву:

“Секретно. В Союз Советов.

Прошу поддержать в тот момент, когда Черноморский флот и Севастопольская крепость потребуют созыва Учредительного собрания.

П. Шмидт”.

Это имя уже известно в Одессе, Москве, Бердянске, Мелитополе и многих других городах. Им интересуются, ему шлют письма. Это ему льстит. Однако Петр знает, что, помимо единомышленников и доброжелателей, внимание к нему проявляет охранка.

– Сегодня опять тот в кепочке вертелся у нашего дома, – сообщает отцу Женька. – Кажется, была бы возможность, он влез бы в окно.

– О, сына! – смеется Петр. – Будь их воля, эта публика и сквозь стены пробиралась бы. Ты уж, пожалуйста, будь осторожнее.

– Это тебе, папа, нужно осторожнее быть.

– Стараюсь, сынок.

– Ага! Стараешься. А ни одного митинга не пропускаешь. И матросы к тебе постоянно ходят домой. Арестует тебя этот Чухнин, папа. Что я тогда делать буду?

– Ладно, ладно, сына! Буду стараться вести себя, если не безупречно для жандармерии, то уж, по крайней мере, осторожнее.

Осторожнее. Легко сказать. А как быть осторожным, когда весь город бурлит? 8 и 9 ноября у морских казарм митингуют солдаты Брестского и Белостокского полков, принимающие решение не помогать полиции разгонять митингующих и оружие против них не применять.

– Вот! – радуется Петр. – Вот оно то начало, о котором я мечтал: армия отказывается поддерживать царское правительство. Еще усилие и оно само уйдет.

10 ноября на том же месте у казарм вновь собрался митинг “нижних чинов”. Нервы вице-адмирала Чухнина не выдерживают. Он отдает команду в дальнейшем подобных митингов не допускать и, если потребуется, разгонять их, вплоть до применения оружия. Внешне он по-прежнему демонстрирует решительность, однако обостряющаяся ситуация заставляет его терять уверенность в себе и своих силах.

11 ноября Чухнин шлет Морскому министру Бирилеву телеграмму полную тревоги: “Настроение в командах ненадежное, появились признаки его на “Очакове”, “Пантелеймоне” и в дивизии при направлении из Севастополя центральной революционной пропаганды: ожидаю бунта... Начались сходки тысячи по две матросов и солдат – агитация идет за освобождение от суда матросов “Потемкина”. Арестовать тысячи нельзя, на действие оружием против них рассчитывать тоже нельзя, чувствую, что с арестами и при действии оружием восстанет весь флот. Необходимо, не медля ни одного дня, усилить войска, так как на здешние положиться нельзя”.

Из Петербурга, после некоторого промежутка времени, который потребовался для согласования с царем, следует вполне определенный ответ: “Если “Очаков” и “Пантелеймон” опасны, не жалейте на них зарядов, снарядов, патронов и мин”.

– Не жалейте! – скрипит зубами Чухнин. – Легко сказать! А кто это будет делать? Матросы – в матросов? Не-е-ет! Они скорее нас, офицеров, перещелкают как куропаток. Здесь нужно другое. Вот только что именно?

И вдруг “гениальная” мысль пришла в голову вице-адмиралу:

– Матросы стрелять друг в друга не будут. Это точно. А солдаты в матросов? Вот! Солдаты, пусть солдаты стреляют в бунтующих матросов, а те – в солдат. Пусть повоюют немного, а мы потом их помирим и, таким образом, воцарим порядок.

Организовать провокацию Чухнин поручает контр-адмиралу Писаревскому. Выполняя команду, тот отдает распоряжение штабс-капитану Штейну стрелять в митингующих матросов. Однако, на их беду, разговор этих двух, затеявших бесовское дело, случайно услышал матрос Петров и, возмущенный, выстрелил в провакатора. Матроса тотчас, обезоружив, арестовали. Да он и не сопротивлялся, крикнув:

– Братцы! Сатрапы бузу готовят нам.

Петрова поместили в карцер, а матросы не могут успокоиться, требуя:

– Давай нам сюда Петрова или, мы сами его вытащим. Долой кровопийцу!

Через несколько часов под напором разгневанных матросов Петров был выпущен из карцера. Но волнения не прекратились. Той же ночью с 11 на 12 ноября в ротах и экипажах прошли выборы депутатов. Утром уже был создан Совет матросских, солдатских и рабочих депутатов, готовый взять власть в городе.

Чухнин лихорадочно ищет выход из создавшегося положения. Стремясь задушить разгорающееся восстание, он объявляет Севастополь на осадном положении. В город вводятся дополнительные войска. Но это только усиливает недовольство матросов. На ряде кораблей совсем упала дисциплина, команды отказываются выполнять приказы офицеров, а матросы крейсера “Очаков”, только что возвратившегося из плаванья и готовившегося к ремонту, наотрез отказались выдать им оружие. Офицеры безоружными покинули крейсер. Проводив их свистом и улюлюканьем, матросы избрали

комитет из своей среды в составе командира – баталера Частника и его помощников Антоненко и Гладкова.

– Да, братцы! – почесав затылок, вздохнул Частник, когда они остались одни. – Как теперь управляться будем?

– Как-то будем, – попытался успокоить его Гладков. – Не боги горшки лепят.

– Так-то оно так, – покачал головой Антоненко. – Только тем, кто горшки лепит, не приходится корабли водить.

– Научимся, – стукнул кулаком по столу Частник.

– Дай то, Бог, Сережа. Дай то Бог...

Между тем восстание разрасталось. К нему примкнуло около 2000 матросов, находящихся в экипажах, часть солдат Брестского полка, броненосец “Святой Пантелеймон” (так стал называться бывший “Потемкин”). Узнав о восстании на “Пантелеймоне”, Чухнин приказал трем офицерам затопить снарядный погреб, что те и сделали…

В продолжающих поступать письмах с Дарницы Зинаида Ивановна сообщает, что волнуется за Петра и предлагает хотя бы на время покинуть Севастополь и отдохнуть где-нибудь в деревне.

– А что, сына, – усмехнулся Петр, прочитав письмо, – неплохая мысль. Пригласим Зинаиду Ивановну и закатимся втроем в какую-нибудь деревню.

– Хорошо бы, папа. Но как же учеба?

– Да, да! Конечно, учеба дело важное.

На этот раз он утаил от сына, что был приглашен на заседание Совета матросов – депутатов, которое проходило в казармах флотской дивизии. Собравшиеся встретили его общим “Ура” и на руках внесли в здание. Ему предложили возглавить восстание, подняв на “Очакове” флаг Главного командира.

– Увидите, Петр Петрович, – убеждал его оказавшийся здесь же Максим Петрович, – стоит только это сделать и к вам присоединятся остальные суда. Ну, соглашайтесь.

– Нет, – покачал головой Петр. – Пока еще не настало время.

– Да как же не настало?! – всплеснул руками Максим Петрович.

– Нет, нет. Восстали немногие, а необходимо, чтобы это произошло повсеместно в армии и на флоте и в сочетании с общероссийской политической забастовкой. Масса еще недостаточно подготовлена к организованной и сознательной борьбе. Без этого нельзя добиться победы и созыва Учредительного собрания.

– Опять вы о нем, Петр Петрович! – сокрушенно покачал головой Максим Петрович.

– Да, да! Именно так! Если я когда-нибудь и соглашусь встать во главе восстания, то лишь в том случае, что матросы потребуют созыва Учредительного собрания.

– А что же прикажете делать сейчас?

– Сейчас? – переспросил Шмидт и, пожав плечами, проговорил: – Прекратить начавшуюся “забастовку матросов”, ибо в создавшихся условиях нельзя рассчитывать на ее успешный исход, сохранять спокойствие на флоте до того момента, когда восстание начнется в ряде промышленных центров страны, где тысячи, десятки тысяч обездоленных и голодных рабочих.

Собравшиеся остались недовольны, а Максим Петрович даже рукой в сердцах махнул. Ну что же, пусть так, но по-другому, иначе, он, Петр, поступить не мог. В ту ночь он почти не спал. Лежа с закрытыми глазами, перебирал в памяти тот разговор, испытывая чувство какого-то неудовлетворения. Откуда оно появилось? Когда? В чем его причина? Остался недоволен его решением Максим Петрович? Он хороший человек и настоящий социалист, но все же у них разные подходы к решению этой огромных размеров и важности социальной задачи. У него – свой, а у Максима Петровича, у большевиков – свой. Так что нечего обижаться. Хотя, может быть, и он, Петр, тоже в чем-то не прав. Может быть...

Едва сумев задремать, Петр проснулся, чувствуя себя усталым и разбитым. Он не знал, что Чухнин задумал новую каверзу, пытаясь сломить непокорные экипажи и начал объезжать корабли. Вице-адмирал побывал на броненосцах “Три святителя”, “Ростислав”, “Синоп”, “Екатерина II”, на крейсере “Память Меркурия” и других кораблях. Был необычно ласков, призывая матросов сохранить верность присяге. Однако главной его целью было разоружить корабли под предлогом чистки замков, ударников и других частей боевых орудий и свезти их в порт. Кое-где ему это удалось, а вот на “Очакове” вышла осечка: комендор Антоненко воспротивился этому и команда отказалась выполнять приказ высокого начальства.

“С крейсером “Очаков” положение обостряется, – телеграфировал обозленный неудачей Чухнин царю – На крейсере 260 снарядов и зарядов. До обезоружения его войска не могут приступить к решительным действиям, обстоятельства требуют быть осторожными. Команды на судах волнуются. Замки орудий свезаны. Топить крейсер минами опасно, так как усмирение основывается на избежании кровопролития. При неосторожных действиях психика может измениться и произойдет общее восстание. Если бы крепостная артиллерия была бы верна, вопрос легко решался бы”.

Однако уверенности в этом у вице-адмирала не было, и он лихорадочно искал пути подавления восстания. Эти его потуги не остались незамеченными и в штабе восставших – еще не сложившемся как следует, пестром по своему составу, рыхлом.

Утром 14 ноября к Шмидту домой прибыла делегация матросов, человек двадцать. Пройдя в столовую и расположившись кто где, делегаты какое-то время сидели молча. Вышедший из соседней комнаты Женька, поздоровавшись с гостями, с интересом разглядывал их.

– Сынок, – обратился к нему отец, – ты чем сейчас занят?

– Учим с ребятами уроки.

– А не могли бы вы пойти погулять какой-нибудь часок.

– Хорошо, папа.

Петр облокотился на стол и, подперев голову руками, ждал когда Женька со своими друзьями покинет дом. Ему казалось, что ребята возятся очень долго. Он уже собрался подняться со своего места и поторопить их. Но тут услышал, как хлопнула дверь, выпустив ребят. Петр окинул взглядом собравшихся и негромко произнес:

– Я готов слушать вас, друзья. Кто будет говорить?

– Частник – наш командир, – подсказал кто-то.

– Командир, значит? – усмехнулся Петр.

– Да, Петр Петрович, – поднялся старший баталер. – Я, Сергей Частник, избран, значит командой капитаном.

– Поздравляю вас, Сергей... А по батюшке, простите, как вас?

– Да что там по батюшке! – махнул рукой Частник. – Сергеем меня кличут.

– Нет, нет, товарищи! – покачал головой Шмидт. – У капитана должно быть имя и отчество. А как же!

– Да Петром его батьку кличут, – прогудел кто-то из матросов.

– Вот и прекрасно! Значит, отцы наши были тезками, Сергей Петрович?

– Выходит так.

– И по какому же поводу вы ко мне пожаловали, Сергей Петрович?

– Пусть лучше Антоненко скажет, – предложил Частник. – Вы ведь с ним знакомы?

– Знаком, – улыбнулся Петр, который давно узнал крепко сбитого матроса с “Очакова”. С ним познакомил его как-то Максим Петрович, а совсем недавно он виделся с ним на заседании Совета матросов – депутатов в казармах флотской дивизии. – Никита Григорьевич, кажется?

– Так точно.

– Так о чем же говорить будем?

– Разговор старый, Петр Петрович, – вздохнул Антоненко.

– Все-таки решились на восстание?

– Другого выхода нет, – развел руками Антоненко. – Солдат с казаками в Севастополь нагоняют. Сломает нас Чухнин.

– Как пить дать сломает! – поддержал молодой матрос. – Сломает, а потом весь флот, весь Севастополь кровью зальет.

– Во! Слыхали, что Сашка говорит? – обрадовавшись поддержке товарища, повысил голос Антоненко.

– Тоже ваш? – спросил Шмидт.

– А как же! Машинист Александр Иванович Гладков, член комитета “Очакова”.

– Откуда родом, Александр Иванович?

– Пензенские мы, – покашляв в кулак, ответил матрос.

– Понятно, – постукивая кончиками пальцев по крышке стола, кивнул Петр. – Значит, не из украинцев, не здешних мест, а издалека.

– Так у нас на “Очакове”, Петр Петрович, отовсюду братва, – оживился Антоненко. – Сергей – украинец, с Таврической губернии, я – ставропольский, Сашко – пензенский. Есть херсонские, полтавские, харьковские, екатеринославские хлопцы, ребята саратовские, симбирские, самарские, тульские, гродненские сябры. Словом, отовсюду...

– Значит, представлена вся Великая, Малая и Белая Русь? – усмехнулся Петр, подумав про себя: “Вот тебе и Учредительное собрание в миниатюре!”

– Представлена-то вся Россия, – нахмурился Частник. – А вот вести за собой, капитанить некому.

–- Так вы же командир!

– Э! Какой из меня командир! – махнул рукой Частник. – Какой капитан! И, как на грех, ни одного офицера, чтобы за нас был и на крейсере остался.

– Н-да! – обронил Петр. Он понимал, как сейчас беспомощны были эти люди в матросской форме, которые посмели, заявив о своих человеческих правах, выйти из повиновения тех, кто всю жизнь считал их быдлом. Без офицеров “Очаков” вскоре превратится в мишень, которую уничтожат в два счета минами и снарядами. Он даже за границу уйти не сможет, как это сделал когда-то “Потемкин”. И тогда прольется кровь. Матросская кровь. И будет много смертей, а те, кто уцелеет, будут брошены за решетку того же переполненного арестантами “Прута”, а может быть какого-либо другого судна, превращенного за нехваткой арестантских мест в еще одну плавучую тюрьму. Простят ли ему они и их товарищи за отказ помочь? Одобрят ли его поступок Женька и она, Зинаида Ивановна, его Зинушка, как про себя он уже давно ее называл? Наверняка, нет. Вначале, из деликатности, может быть и не скажут, а про себя подумают: говорил смело, а тут ее, этой самой смелости и не хватило. А сам он, как будет жить, чувствуя этот немой упрек? Разве кто-нибудь поверит, что он отказывался возглавить восстание, опасаясь не за свою собственную жизнь, а за жизнь других – сотен и тысяч матросов и солдат, этих рабочих и крестьян, одетых в шинели и бушлаты, которые могут погибнуть, так и не добившись желанной свободы, за которую они боролись – только потому, что поспешили выступить, не накопив нужных сил?

В то же время Петр чувствовал, что начавшееся восстание ему уже не остановить. Да, если даже матросы смирятся и вновь станут послушными офицерам, все равно беды не избежать. Чухнин со своими воронами только и ждет, когда экипажи немного успокоятся, чтобы расправиться с наиболее активными и, вновь обретя силу, выместить злобу на матросах и солдатах. Значит, опять кровь, опять напрасные жертвы.

Напрасные жертвы... А если все же не напрасные? Это возможно лишь в одном случае, когда протестующие армия и флот вместе с бастующими рабочими одержат победу. Вместе с бастующими рабочими... Сначала всероссийская забастовка, а затем – выступление армии и флота в поддержку бастующих. Только так? Но, может быть, все же можно иначе – сначала грозный окрик флота и армии, а потом – забастовка? Увидят нашу силу и

присоединятся. Стоп, стоп! Нашу силу... Это что же получается – он уже вместе с восставшими, дает согласие встать во главе их? Так, так. И что же дальше? Если победа, то победа всего народа, а он, Петр,- народный герой, которым смогут гордится и Зинуля, и Женька. Ах, как это было бы здорово! Ну, а если поражение? Тогда павшим героям слава, а живых он прикроет собой, возьмет всю вину за случившееся на себя. И в этом случае его тоже поймут и Зина, и Женька. Должны понять.

Да. Пожалуй, так он и будет поступать. Только нужно все еще раз обдумать, все взвесить.

– Вот что, друзья мои, – нарушил затянувшееся молчание Петр. – Дело наше с вами весьма серьезное и опасное. Есть много вопросов, на которые я должен ответить. Ответить, прежде всего, самому себе. А потом уже и вам. Однако сразу хочу предупредить, что мое согласие стать во главе может быть лишь при условии, что вы отбросите все требования, кроме одного, – обязательный созыв Учредительного собрания.

– Ну что же, Петр Петрович, – переглянувшись с Частником и Гладковым, отозвался Антоненко. – Мы согласны. Когда за ответом прийти?

– Завтра в 9.00.

Простившись со Шмидтом, делегация удалилась. Оставшись один, Петр неторопливо стал просчитывать различные возможные варианты. Конечно, идеальным было бы, чтобы все корабли флота, увидев поднятый им сигнал, сразу же присоединились к восставшим. Но в жизни идеальное как раз и не выходит. Для того, чтобы команда того или иного корабля восстала, с нею нужно работать. Хорошо работать и не один день. Как с этим обстоит на самом деле? Сколько таких кораблей? Как поведут себя остальные?

Боже, сколько вопросов! От них голова кругом идет. А тут еще Женька со своими вопросами:

– Что хотели матросы, которые к тебе приходили?

– Да ничего они не хотели, сынка. Просто приходили поговорить.

– О чем поговорить?

– Ну, о разном. О жизни.

– Ты не хочешь сказать мне правду? – обиженно засопел Женька.

– Так нечестно, сын! – отбивался Петр. – Да я ее сам не знаю эту самую правду.

Петр начинает раздражаться, но старается держать себя в руках, чтобы не нагрубить сыну.

– Пойду пройдусь, – решает он и, одевшись, уже направляется к выходу. Но здесь раздается стук в дверь. Настойчивый и, как ему кажется, тревожный.

– Войдите.

В распахнутую дверь буквально ворвался посыльный матрос “Очакова” и, едва переведя дыхание, огорошил известием:

– Петр Петрович! Чухнин разоружил броненосцы, а казармы дивизии окружают артиллерией. Вот-вот начнется бойня. Мы – за вами.

Дальше медлить было нельзя. Петр сжав зубы, взял свой походный чемодан, который заранее был уложен, и коротко бросил посыльному:

– Едем на “Очаков”!

– Папа! – бросился к нему Женька. – Я с тобой.

– Нет, нет, сынок! – поднял руку Петр, а потом, резко опустив ее, выдохнул: – А впрочем, пусть будет по-твоему. Будем в этот час рядом.

До порта добрались на извозчике без приключений. Вскочили в дожидавшийся их катер, который тотчас отвалил от берега, взяв курс на стоявший на рейде “Очаков”. Под дружное “ура!”, которым встретила его появление команда, Шмидт поднялся на крейсер. Бросил взгляд на часы: было 16.30. Выстроившись во фронт, матросы замерли в ожидании того, что скажет он им.

– Друзья мои! – взволнованно начал Петр. – Вы начали великое дело. Победа восстания – это огромный шаг вперед, который приблизит наш народ к долгожданной свободе. Но для этого необходимо быть предельно организованным. Нужно, чтобы начавшееся великое дело охватило всю эскадру. Настало время сказать слово правды. И мы его скажем! Мы восстали против несправедливости, против рабства. Мы не смогли больше терпеть нашего невыносимого мучения, смерти крестьян от голода, безжалостной расправы с рабочими по всей России. Мы не могли терпеть той угнетенной жизни, которой живет вся Россия, и вот теперь стоим перед всей несправедливостью и объявляем ей войну. Нашим единственным требованиям является созыв Учредительного собрания на основе равных выборов. И мы надеемся, что нас услышат в правительстве.

Затем Петр отправился осматривать крейсер, проверить его вооружение. Он знал, что “Очаков” далеко не в лучшем состоянии и готовится к ремонту. Но то, что он увидел своими глазами, просто поразило его: с корабля была снята броня, машина могла давать не более 8 узлов ходу, в исправном состоянии имелось лишь две рукоятки от шестидюймовых орудий, остальные же орудия из-за неисправности действовать не могли. Крейсер не был способен не только к наступательным действиям, но даже к тому, чтобы, при необходимости, уйти от опасности. К тому же ему стало известно, что эскадра, большинство матросов которой с сочувствием относились к восставшим казармам флотской дивизии и “Очакову”, уже по сути была разоружена. В то же время он знал, что промедление смерти подобно: покажи они свою слабость и завтра начнется кровавая расправа над непокорными, начнется настоящая бойня.

Собрав совещание членов Матросской комиссии “Очакова”, он сообщил свое решение:

– Наша задача, товарищи, сделать все, чтобы помочь командам поднять восстание на кораблях, стоящих на рейде, арестовать офицеров. И после этого предъявить ультиматум правительству о немедленном созыве Учредительного собрания.

Затем, встретившись с депутатами от флотской дивизии, определил задачи последней:

– От ваших действий, товарищи, во многом, если не в основном зависит успех великого дела. Вы должны овладеть арсеналом в порту, захватить пулеметы, винтовки, патроны, ударники, снятые адмиралом Чухниным и его мерзавцами с орудий. Мы же с очаковцами постараемся овладеть судами эскадры.

Наступил вечер. Пытаясь отогнать вползающую в дома тьму, севастопольцы зажигали свои светильники. Подобравшись неслышно к артиллерийскому складу, вооруженный отряд матросов морской дивизии ворвался на его территорию и, обезоружив охрану, взял кольца и плитки от двенадцатидюймовых орудий с “Екатерины II” и “Синопа”, 13 пулеметов и ударники от броненосца “Святой Пантелеймон”. Был арестован и доставлен на “Очаков” начальник портовой артиллерии генерал-майор Саноцкий.

Ночью восставшие захватили контрминоносцы “Свирепый” и “Скорый”, линкор “Гридень”, три миноносца. С помощью очаковцев и матросов флотской дивизии поднялись на восстание экипажи канонерской лодки “Уралец”, контрминоносца “Заветный”, минного транспорта “Буг” и учебного судна “Днестр”. Арестовав своих офицеров, они так же отправили их на “Очаков”.

Утром 15 ноября на «Очакове» был поднят сигнал: “Командую флотом. Шмидт”. Над другими восставшими кораблями взвились красные флаги. Однако большинство кораблей пока оставались безучастными к происходящим событиям: вице-адмиралу Чухнину удалось здесь опередить восставших. По его приказу со многих кораблей заблаговременно списали неблагонадежных матросов и офицеров, нижние чины, получив солидные порции спиртного, были заперты в трюмах.

Это сразу почувствовал Шмидт, решивший совершить объезд эскадры. Едва он подошел на миноносце “Свирепый” к броненосцу “Святой Пантелеймон”, на палубе которого была вся команда, его встретили громким “ура”. Столь же радушный прием ему был оказан командами восставших кораблей. С палуб же других кораблей, где были оставлены только офицеры, унтер-офицеры и кондукторы, в адрес его сыпались откровенная брань, сдобренная отборным матом, и проклятия.

– Неужели это цвет российского флота, папа?! – качая головой, спросил Женя.

– Так называемый цвет, сынок, – усмехнулся Петр.

– Какие же ягоды он может дать?

– Только ядовитые!

“Свирепый” взял курс на Килен-бухту, к месту стоянки транспорта “Прут”, превращенного в плавучую тюрьму. Пересев на катер, Шмидт причалил к трапу “Прута”.

– Стой! Стрелять будем! – взвизгнул начальник караула, поднятого по тревоге. Не обращая внимания на нацеленные на него винтовки, Петр поднялся на палубу.

– Товарищи матросы! – обратился он к караулу. – Вот моя грудь, стреляйте в меня, я приехал освобождать потемкинцев.

Следом за Петром на палубу один за другим поднялись революционные матросы. Действуя решительно, они арестовали старшего офицера, караульного начальника и дежурного по караулам.

– Сбивайте замки! – скомандовал Петр и, рванувшись к камерам, крикнул: – Товарищи потемкинцы, вы свободны!

Из трюма хлынули освобожденные узники. Смеясь и одновременно вытирая текущие по заросшим щекам слезы, они обнимали своих освободителей, и, перебивая друг друга, благодарили их:

– Спасибо, братцы!

– Ой, спасибочки!

– Не ждали и не гадали про такое. Спаси вас Христос.

Петр смотрел на этих измученных людей и в глазах его стояли слезы.

– Петро! – вдруг услышал он за спиной. – Петро Петрович!

Шмидт оглянулся. Рядом с ним стоял могучий мужчина в изодранной одежде. Что-то знакомое было в его облике. Петр явно где-то встречал этого человека. Но вот борода...

– Не узнаешь, ваше благородие? – улыбнулся моряк, и тут Петра осенило.

– Антон! – вскрикнул он. – Антон! Друг ты мой сердечный.

Они обнялись и, прижавшись друг к другу, стояли, приговаривая:

– Вот так встреча!

– Ага! Стренулись! Стренулись, братка!

– Да как же так? Как ты оказался на “Потемкине”? Я же тебя искал на миноносцах.

– Был там, а скоро год, как на князя перевели.

– Ай-яй-яй! Такая встреча! Значит, ты на “Потемкине” служил.

– На нем. Сигнальщиком. А помнишь, Петро, как я казал тебе, шо быть тебе адмиралом?

– Помню.

– Выходит, правый я был.

– Э, друже! – засмеялся Петр. – Какой я адмирал!

– Так я ж твой сигнал читал “Командую флотом. Шмидт”. Его ж только адмиралы поднимают.

– Ладно, Антон! Поговорим еще. Разберемся во всем, если, конечно, живы останемся. Ты со мной пойдешь?

– Не, Петро. Я до своих.

– На “Святой Пантелеймон”?

– На “Потемкин”. Таким было его имя тогда, хай таким и зараз будет.

– Правильно!

– Бывай.

Они еще раз обнялись. И тут кто-то из матросов доложил:

– Петр Петрович! На “Святом Пантелеймоне” красный флаг!

– Прекрасно! – обрадовался Петр. – Тогда, Антон, едем вместе.

– Само собой! Эх, и юшку мы, брате, заварим!

– Прикажите, голубчик, – обратился Петр к Частнику, – усилить десант на “Свирепом”. Сейчас я “атакую” “Потемкина”. Надо ковать железо, пока горячо.

Прибыв на “Святой Пантелеймон”, Петр распорядился отправить на “Очаков” всех арестованных офицеров во главе с капитаном. Присоединение броненосца к восставшим радовало Петра, однако радость его была недолгой, ибо вскоре выяснилось, что все ударники, замки орудий и даже винтовки по приказу Чухнина были сняты с корабля и свезены на берег.

Между тем, вице-адмирал Чухнин продолжал стягивать в Севастополь карательные войска. Ему удалось также овладеть ситуацией на большей части эскадры. На восставших были нацелены дула 22 кораблей, десятков крепостных и полевых орудий. Они ждали команды, чтобы начать расправу с непокорными.

Зная, что в Южной бухте стоит минный транспорт “Бур”, на котором находилось 300 мин и несколько сотен пудов пироксилина, Шмидт приказал захватить его и доставить к борту “Очакова”. В этом случае корабли не смогли бы стрелять по восставшим судам, поскольку гигантской силы взрыв мог уничтожить все вокруг, в том числе и самих стрелявших. Однако замысел Петра разгадал командир канонерской лодки “Терец” Михаил Ставраки. Обнаружив паровой катер “Ника”, направлявшийся к “Бугу”, чтобы взять его на буксир, он скомандовал.

– Отдать буксир или стрелять буду!

Катер продолжал двигаться прежним курсом.

– Огонь! – последовала команда и выпущенный с канонерки снаряд разорвал на куски котлы “Ники”.

Выстрел, раздавшийся с “Тереца”, послужил сигналом для других судов и кораблей. На флагманском “Ростиславе” был поднят сигнал: “Приказываю сдаться и повиноваться государю императору. Чухнин”. Шмидт ответил отказом. И тогда начался расстрел восставших судов. Шмидт поднял сигнал: “Имею много пленных офицеров”. Однако Чухнин оставил его без внимания.

По “Очакову” непрерывно стреляли “Ростислав”, “Три святителя”, “Память Меркурия”, другие корабли. К ним присоединились береговые орудия и полевая артиллерия. В результате попадания многих снарядов, на корабле начался пожар. Появились убитые. Матросы искали спасения, прыгая в море. Часть из них, сраженная пулями, там же находила себе могилу. Тех же, кому повезло добраться до берега, расстреливали из винтовок патрули, расставленные густой цепью от Южной до миной бухты. Раненых добивали прикладами.

Видя, что все кончено, Петр и Женя, взявшись за руки, бросились в море, решив утонуть, чтобы не даться карателям. Петр все глубже погружался в воду, увлекая за собою сына. Но тот вдруг рванулся изо всех сил и пулей устремился вверх. Петр двинулся за ним.

– Нет, папа! – задыхаясь, крикнул Женя. – Я не могу.

Петр, оглядевшись вокруг, увидел стоявший ближе других судов миноносец №270.

– Туда! Плывем к миноносцу, сына!

Они сумели добраться до миноносца и были подняты на борт. Но тут же снаряд с «Ростислава» вдребезги разнес машину, и миноносец, запылав, остановился. Теперь огонь орудий и пулеметов «Ростислава» был направлен на плывущих и тонущих людей, которые пытались спастись.

Дрожащих от холода и нервного напряжения Петра и Женю подошедший с флагмана катер доставил на «Ростислав». Подняться на борт самостоятельно у Петра уже не было сил и его в бессознательном состоянии несли матросы.

– А, вот он, командующий флотом! – брызжа слюной, закричал старший офицер флагмана Карказ. – Вот он, сволочь эта! Тащите эту сволочь! И мальчишку берите! Этой молодой сволочи будет такая же дорога, как и старшему мерзавцу.

В кают-компании Петр немного пришел в себя и, подняв голову, спросил:

– Где мой сын?

– Ни слова! – заревел, поднося кулаки к его лицу Карказ. – Ни слова, мерзавец, а то сейчас же рот завяжу!

Некоторые офицеры, видимо, не могли оставаться равнодушными к такому издевательству над беспомощным человеком и пытались оттеснить Карказа от вновь терявшего сознание Шмидта.

– У вас сдают нервы, лейтенант, – покачал головой появившийся в кают-компании адмирал Федосеев. Злобно шевеля губами, Карказ с явной неохотой оставил издевательства.

Офицеры сели ужинать. Петра и доставленного к нему сына поместили в отдельную каюту без коек, бросив один узенький пробковый матрас. Кто-то из сочувствующих несчастным офицеров приказал принести чаю, но увидев матроса с чайником, Карказ вырвал его из рук несущего, процедив сквозь зубы:

– Этим сволочам будут даны завтра хлеб и вода, а сегодня они уже жрали.

Ночь они провели дрожа от холода и пытаясь согреть друг друга телами.

– Держись, сынок! – прижимая к себе сына, шептал Петр.

День и часть следующей ночи слились воедино, поскольку дневной свет в помещение не попадал. Перед рассветом явились ружейные часовые в сопровождении рыжего лейтенанта, которые доставили их на Главную сухопутную Херсонесскую гауптвахту.

Туда они прибыли в два часа ночи. После холодной купели Петра мучили страшные почечные колики. Однако, несмотря на это, его повели на допрос, который продолжался целых шесть часов.

На третий день после разыгравшейся на Севастопольском рейде трагедии и ареста отца и сына военным транспортом “Дунай” отправили в Очаков, где они были брошены в казематы на острове Морской батареи.

Корчась от почечных коликов, Петр не переставал думать о своих соратниках, еще не зная, что чудом оставшиеся в живых Частник, Гладков и Антоненко вместе с другими очаковцами также арестованы и доставлены на “Прут”.

Уйти от кораблей удалось лишь считанным единицам восставших. Среди них был и Антон Пархоменко.

нападений. Да и чего опасаться, когда рядом, в Севастополе, такая силища, как Черноморский флот?

Пронизывающие осенние
с моря, разогнали еще надеявш
пляжи, стал необычно малол
облегченно вздохнув от летней
что называется, заняться соб
тишиной и покоем. Однако с
кем доставляемые слухи о мат
где-нибудь, а в Севастополе.

9.

емья сестры Шмидта Анны Петровны Избаш
вот уже который год проживала в Керчи,
куда с опозданием в несколько дней
докатывались вести о событиях, которые
будоражили Россию. И тогда местные
обыватели начинали о них говорить, часто
толкуя на свой лад, опасаясь, в первую
очередь, падения спроса на керченскую
селедку и роста цен на продукты питания.
Все же остальные дни городок жил спокойно
и размеренно, не ожидая каких-либо

– Как там Петр с Женей? – с тревогой подумала Анна Петровна. Последнее письмо от брата было получено 10 ноября и то с большим опозданием, поскольку как раз бастовали работники почты и телеграфа, а также железнодорожники.

В ту ночь Анна Петровна спала неспокойно и встала с головной болью. Едва успела немного привести себя в порядок, как к ней вбежал взволнованный сосед.

– Анна Петровна! – воскликнул он, протягивая листок бумаги. – Вы только посмотрите, что передал телеграф!

Недоуменно пожав плечами, Анна Петровна взяла в руки листок с отпечатанными на пишущей машинке двумя короткими текстами. Начала читать и слова запрыгали у нее перед глазами:

«Славный Черноморский флот, свято храня верность своему народу, требует от вас, государь, немедленного созыва Учредительного собрания и прекращает повиноваться вашим министрам. Командующий флотом Шмидт. Севастополь».

– Боже мой! – хватаясь рукой за спинку стула, чтобы не упасть, в смятении подумала она. – Петенька, братик мой! Как же так?!

Она прикрыла глаза, боясь упасть в обморок. Но все же нашла в себе силы удержаться и, вновь обратив взгляд на листок, прочла второй текст:

«В случае каких-либо насильственных действий со стороны казаков по отношению к гражданам, я буду вынужден принять решительные меры. Командующий Черноморским флотом П. Шмидт».

Первой мыслью Анны было скорее броситься туда, к нему, ее Петеньке – в Севастополь. Ехать! Ехать немедленно! Однако вскоре выяснилось, что сегодня парохода туда не будет. Нужно было ждать до завтра.

Время тянулось невыносимо долго, иногда взрываясь новостями одна страшнее другой. Передавали, что некий офицер, возвращавшийся с русско-японской войны через Севастополь, говорил, что такой канонады, как там, он не слышал и в Порт-Артуре. Другой офицер, прибывший в Керчь тем же пароходом, сказал, что крейсер «Очаков» взорван, а Шмидт арестован и взят на «Ростислав».

Наконец Анна Петровна попала на пароход, шедший в Севастополь. Небольшая пассажирская каюта была переполнена. Анна Петровна остановилась у дверей и, увидев военно-морского доктора, который сидел ближе всех к ней, спросила:

– Не знаете ли, что со Шмидтом?

– Его ждет военно-полевой суд. Расстреляют или повесят в 24 часа…

От этих слов Анна Петровна пришла в ужас.

– Он вам близкий человек? – глянув с упреком на доктора, спросил кто-то сочувственно, уступая ей место.

– Брат… – едва шевельнула губами Анна Петровна.

И тут все заговорили, перебивая друг друга. Многие из сидевших в каюте слышали Шмидта на митингах и восхищались смелостью его выступлений, сочувствовали ему.

– Не бойтесь, – наклонившись к Анне Петровне, доверительно произнес сосед, – его не выдадут, спасут непременно. Будьте покойны, люди за него.

Сойдя в Севастополе с парохода, Анна Петровна сразу же направилась на Соборную, 14, надеясь найти там Женю. Однако придя на место, увидела заколоченные ставни опустевшего и покинутого флигеля. Во дворе стояли несколько солдат.

– Где сын Шмидта? – спросила она.

– Там, – махнул рукой один из них. – С отцом своим вместе.

Надеясь отыскать брата, Анна Петровна направилась к городскому голове Максимову, который, судя по письмам Петра, в последнее время бывал у него и сам говорил речи на митингах. Максимов сразу же принял ее.

– Ваш брат теперь на Херсонесской гауптвахте, обвинять его будет военный прокурор Ронжин. Он остановился в гостинице «Киет».

После двухдневного дежурства Анне Петровне удается, наконец, поймать Ронжина. Тот не без колебаний соглашается уделить ей внимание.

– Только, прошу вас, коротко, – отведя глаза, бросает он, добавляя на всякий случай: – Военный министр приказал решить дело Шмидта в одну неделю. Не скрою от вас, мадам, что тогда был бы вынесен и приведен в исполнение смертный приговор. Но я ответил, что не соглашусь вести это дело и выйду из него, если оно не будет вестись нормальным, военно-юридическим порядком.

– Благодарю вас, – кивнула Анна Петровна машинально. – Я просила бы мне разрешить свидание с братом.

Прокурор развел руками и произнес со вздохом:

– Ваш брат на Херсонесской гауптвахте, и нет той власти, которая бы разрешила видеться с ним теперь.

– Тогда, – теряя последнюю надежду и готовая вот-вот расплакаться, обратилась к Ронжину Анна Петровна, – я прошу допустить освидетельствование здоровья брата.

– Ну что ж, – помолчав, решил он. – Подойдите в следственную комиссию и представьте ей свое заявление.

Зная, что Петр нездоров и заключение медиков может как-то помочь ей спасти брата, Анна Петровна бросилась за помощью к знакомым. Собрав необходимые документы, она явилась к председателю следственной комиссии генералу Колосову.

– Считаю медицинское освидетельствование подследственного Шмидта излишним, – едва успев выслушать Анну Петровну, проскрипел Колосов.

– Почему?! – изумилась она.

– Потому что он совершенно здоров. Я видел его сам на допросе. А жалобами на здоровье он только хитрит, как мне сказали.

– Что вы такое говорите?! – отшатнулась Анна Петровна. – Кто это мог сказать?

– Его бывшая жена, – усмехнулся Колосов.

– Мерзавка! – выдохнула Анна Петровна, и слезы обиды хлынули из ее глаз. – Она и сейчас жалит его!

Вернувшись из следственной комиссии на квартиру инженера-механика Володзько, у которого она остановилась, Анна Петровна, наконец, узнала, что Петр отвезен в Очаков и заключен в каземате Очаковской крепости на острове морской батареи.

– Нашему транспорту «Дунай» было приказано маневрировать около Херсонесской гауптвахты, – рассказывал Володзько. – По всему было видно, что кого-то ждали. Ждали довольно долго. Вдруг я заметил, что от берега отчалила шлюпка и, когда она приблизилась к нам, я увидел Петра Петровича и с ним сына, окруженных усиленным конвоем. Петр Петрович был без фуражки, в солдатской шинели. Их ввели по трапу и сейчас же спустили вниз. Во время перехода из Очакова я не смог его увидеть. Когда же «Дунай» встал на рейде в Очакове, их вывели на палубу. Был ранний рассвет. Петр Петрович едва шел… Он сильно хромал. Пытался спуститься в шлюпку сам, но пошатнулся и едва не упал. Матросы подхватили его и осторожно снесли в шлюпку.

Не теряя времени, Анна Петровна отправилась в Одессу. Долгое время сидела в приемной командующего войсками генерала Каульбарса, в ведении которого, как ей сказали, находился брат. Генерал никак не хотел ее принять. Наконец, после многочасового ожидания она была допущена в кабинет. Каульбарс, стоя сам и, не предлагая сесть Анне Петровне, холодно заявил:

– Ваш брат государственный преступник, и с ним будут обращаться так, как он того заслуживает. Я лишь сторож его и разрешить вам свидание с ним, сударыня, не могу.

– Но брат же больной человек! – вскрикнула Анна Петровна. – Он нуждается в самом необходимом. Я должна ему помочь. Если мне запрещено его видеть и передать необходимые вещи самой, то пусть тогда меня отправят к нему под конвоем, чтобы я смогла это сделать.

Генерал молча стоял, уперев взгляд в пол. Потом обронил:

– Привезите завтра вещи.

На следующий день, доставив вещи, куда было велено офицером из приемной генерала, Анна Петровна поехала в Очаков.

Ротмистр Полянский, который, как он сказал, «наблюдал за Шмидтом», был на удивление мягок и обходителен с нею.

– Как он? – спросила Анна Петровна.

– Не извольте беспокоиться: брат ваш здоров и бодр.

– А сын? Сын его как?

– Сын тоже. Вещи, переданные вами, получены и сегодня же будут ему отвезены. Ежели желаете, можете написать письмо. Только небольшое, пожалуйста…

Когда Анна Петровна вышла от Полянского, уже наступил вечер. Темень окутала все окрест, поглотив остров морской батареи. Вдруг где-то вдали вспыхнул красный огонь.

– Это же там, – подумала Анна Петровна, – на острове, где каземат Пети…

Стараясь успокоиться, она еще долго бродила по темным и пустынным очаковским улицам, то и дело оглядываясь на тот красный огонек. Ей казалось, что возник он не от простого фонаря, зажженного матросом, а от сердца ее Пети, который почувствовал, что она здесь, рядом и шлет ей свой привет…

На следующий день Анна Петровна вновь пошла к Полянскому узнать, доставлены ли брату переданные вещи и нет ли каких-либо вестей от него.

– Это вам, мадам, – ответил жандармский офицер, протягивая ей сложенный вчетверо лист бумаги.

Едва успев прикрыть за собой противно скрипнувшую дверь, Анна Петровна развернула лист. То была записка от Петра. Совсем короткая. В ней была трогательная благодарность за присланное, несколько слов утешения и в конце приписка: «Обо всем, что я сделал – не жалею. Считаю, что поступил так, как должен был поступить каждый честный человек».

Она читала и перечитывала эти слова, написанные на листе серой бумаги рукой ее Пети, и строчки расплывались от слез.

– Мадам, – послышался рядом голос Полянского, – переписка еще не разрешена, и я прошу вернуть мне записку…

Анна Петровна подняла голову и недоуменно посмотрела на говорившего.

– Таков порядок, – развел руками тот.

– Да, да, конечно, – машинально ответила Анна Петровна, все еще продолжая держать в руках листок.

– Весьма сожалею, мадам, – выхватив у нее записку, проговорил Полянский. – Весьма сожалею.

Повернувшись к ней спиной, он торопливо направился к двери своего кабинета.

– А как же моя просьба о свидании? – крикнула ему вдогонку Анна Петровна.

– Только после окончания следствия, – бросил Полянский и тут же захлопнул дверь.

Между тем Петр, находясь в холодном и сыром каземате, помимо физической, почечной боли, испытывал боль душевную. Он ничего не знал о судьбе своих товарищей очаковцев, которым так и не смог помочь добиться победы. Кроме того, он поддался на настойчивые уговоры сына и позволил примкнуть к этому опасному делу. Теперь мальчишка вместе с ним томится в заключении. Ясно, как божий день, что его самого ждет смертная казнь. Но что же будет с сыном? Неужели эти мерзавцы отважатся судить

несовершеннолетнего? Нет, этого допустить нельзя. Ведь Женю на «Очаков» привлекли лишь романтика и мальчишеское любопытство. К тому же он, по сути дела, ни в каких противозаконных действиях не участвовал, а только был рядом с ним и наблюдал.

Получив письмо от сестры, Петр понял, что она где-то рядом и решил обратиться к генералу Каульбарсу с просьбой о свидании с ней. «В виду ожидаемого мною приговора о смертной казни, – пишет он, – мне нужно передать пожелание о дальнейшем воспитании и устройстве жизни сына. Капитан 2 ранга в отставке П. Шмидт».

В свидании ему было отказано. К тому же Полянский сообщил:

– Морское министерство отменило ваше производство в капитаны 2 ранга.

– Когда же? – все поняв, с усмешкой спросил Шмидт. – До событий в Севастополе или после?

Приказ об отмене производства Петра в новый чин был действительно отменен задним числом, но Полянский об этом говорить не стал.

Понимая, что самой ей Петра спасти не удастся, Анна Петровна решила искать хорошего адвоката. Прибыв в Одессу, она познакомилась с присяжным поверенным Пергаментом.

– Настаивайте прежде всего на освидетельствовании здоровья вашего брата, Анна Петровна, – посоветовал он. – Нужно всеми мерами отдалить срок суда, чтобы поднять общественность. Поверьте, они там (он поднял указательный палец, намекая на правительство) будут очень торопиться с этим делом.

Опытный одесский адвокат не ошибся. Буквально через два дня после подавления восстания Николай II в письме к матери сообщал свое вполне определенное решение судьбы Шмидта: «Его, конечно, придется расстрелять». Мария Федоровна целиком одобрила решение сына, замечая в ответном послании: «Надеюсь, что с Шмидтом покончили, а то, пожалуй, он еще убежит, с такими канальями церемониться не надо».

Анна Петровна, по совету того же Пергамента, обратилась за содействием к председателю Петербургского Союза адвокатов Лагутину, который живо откликнулся, опубликовав в газете «Наша жизнь» такое письмо: «Я получил от сестры лейтенанта Петра Петровича Шмидта, госпожи Избаш, письмо, в котором она пишет: «Со времени ареста П.П. Шмидт был допрошен один только раз в продолжении девяти часов, без следователя, обязанность которого передана артиллерийскому офицеру. Нижние чины допрашиваются тоже не следователем, а следственной комиссией, состоящей из двадцати человек, между которыми все офицеры и только четыре юриста. При допросе комиссия разбивается и в одно время допрашивает много лиц. Желательно иметь следователя, который дал бы возможность нижним чинам давать показания свободно, без страха давления начальства, так как это имеет пагубное влияние на результаты следствия.

Я имею серьезное основание опасаться, что дело брата желают выделить из общего производства, чтобы ускорить решение. Вот почему я умоляю обратить все внимание на это и оказать возможно скорее ту помощь, которая в Вашем распоряжении и в Ваших силах.

Я умоляю обратить внимание на судьбу моего брата».

В ответ на этот крик исстрадавшегося сердца я обращаюсь ко всем, борющимся за свободу России, с призывом употребить все усилия, чтобы не дать совершиться злодейскому делу в Севастополе. Я призываю выступить на защиту так нагло попираемых прав человека и гражданина.

Л. Лутугин

Прошу другие газеты перепечатать».

Этот призыв был услышан. 6 декабря того же 1905 года заседание Союза адвокатов Петербурга отправляет телеграмму такого содержания: «Очаков, содержащемуся в крепости лейтенанту Шмидту. Петербургский Союз адвокатов шлет вам свой горячий привет и предлагает вам услуги всех членов союза. По поручению общего собрания Демьянков, Зарудный, Резников, Эльяшев».

Телеграмму опубликовали несколько газет, но Шмидт о ней пока ничего не знал, поскольку ее ему даже не показали.

Посоветовавшись с некоторыми друзьями, Анна Петровна обратилась с просьбой о защите брата к лучшим адвокатам страны – Зарудному, Грузенбергу, Врублевскому, Александрову и Пергаменту. Все они дали согласие. Она стучалась в двери правительственных учреждений, требуя освобождения несовершеннолетнего племянника, который, как уже видели и члены следственной комиссии, ни в чем не виноват.

Следствие близилось к завершению и следственная комиссия решила, для формальности, устроить какое-то подобие медицинского освидетельствования здоровья Шмидта. В каземате появляются трое в белых халатах.

– Но я не просил о медицинском освидетельствовании! – хмурится Петр и тут же, догадавшись о подлинной цели следственной комиссии, спрашивает: – Простите, господа, а каковы ваши специальности?

– Окулист, – роняет один.

– Детский врач, – опустив глаза, отвечает второй.

– По всем специальностям…

– Понятно! – меряя шагами каземат, зло усмехается Петр. – Следственной комиссии, видимо, хочется представить меня ненормальным. Так, господа?

Пришедшие, поняв, что задумка следственной комиссии провалилась, чувствовали себя явно не в своей тарелке.

– Но, – продолжает Петр, – если я ненормален, то ненормальны все сто тридцать миллионов населения России, то есть вся революционная Россия.

Если бы я теперь был выпущен из каземата, то при тех же обстоятельствах поступил бы точно так же!

Он уже все обдумал и четко определил свою линию на суде. Он будет тверд до конца и всю вину за случившееся возьмет на себя. Он соберет свои силы и волю в кулак и выстоит до конца, как это делали народовольцы, те же Андрей Желябов и Софья Перовская с друзьями. К Софье, тому ее письму к матери из тюрьмы перед судом он обращается теперь часто. Ведь, если выстояла она, молодая женщина, то ему сам Бог велел. Вот только бы удалось освободить Женьку. Только бы удалось…

Через казенного защитника Петру удается передать письмо сестре.

«Голубка моя милая, Ася, – пишет он, – моя сестренка единственная, спасибо тебе за все твои хлопоты и главное за Женю. Ася, слушай меня и делай то, о чем прошу и что мне действительно и единственно нужно. Хлопочи об освобождении немедленном Жени. Пойми, что его арест меня гнетет и до того мучает, что я действительно могу заболеть. Ведь мне было обещано освободить его «на днях», а прошло тридцать пять дней, и все дни, все ночи у меня проходят в ожидании, что его освободят… Заботы и муки о нем не дают мне ни минуты покоя. Я даже самые свои показания стараюсь ускорить, чтобы ускорить его освобождение…

…Я решительно протестую против признания меня больным. Не волнуйся, Ася, голубка моя, не мучь себя, дорогая, твой Петя чувствует себя отлично, если только скоро освободят Женю. Пока я занят только одним освобождением Жени, который поедет к тебе, и я тогда буду вполне за него спокоен.

…Ася, мне необходимо сшить себе штатский костюм и пальто. У меня только вязаная куртка. Я хочу темно-синий костюм, очень темный. Может быть, ты закажешь в Севастополе, возьми за мерку из моей квартиры мой сюртук и брюки. Костюм такого фасона, как военная морская тужурка, из шевиота, дорогого не делай. Потом привези мне две крахмальных моих рубахи, цветных с воротничками и запонками. Мне не во что одеться, чтобы быть на суде…

Крепко целую всех твоих и люблю.

Твой Петя».

Шел сороковой день ареста Петра, а свидания Анне Петровне по-прежнему не давали. 25 декабря она снова была у прокурора и тот, наконец, внес некоторую ясность.

– Следствие окончено, – сообщил он.

– Значит, я могу просить свидания с братом?

– Да, теперь, пожалуй, можете. Я сделаю телеграфное распоряжение.

– А как же племянник?

– Ну здесь я могу вас обрадовать, госпожа Избаш, – некое подобие улыбки мелькнуло в уголках прокурорских губ. – Евгений Шмидт признан невиновным и вскоре будет освобожден.

Приехав в Очаков, Анна Петровна отправилась к Полянскому. Однако тот вновь разводит руками:

– Никаких распоряжений, мадам, к сожалению не имею.

Анна Петровна, отправив срочную телеграмму прокурору в Севастополь, томится в номере малюсенькой гостиницы, дожидаясь ответа. Наконец, утром 29 декабря к ней является посыльный от Полянского: жандармский ротмистр сообщает, что разрешение на свидание получено и он сейчас придет за госпожой Избаш, чтобы вместе ехать на остров Морской батареи.

Они сели на катер, который, как казалось Анне Петровне, невыносимо медленно двигался по почти покрытому льдом лиману. Сойдя на берег, направились к серым казарменным постройкам. Приблизившись к одному из низких зданий с решетками на окнах и часовыми вокруг, остановились. Сопровождавший их жандарм достал большой ключ. Анна Петровна поняла, что она находится у места заточения брата, которого сейчас увидит. Сердце гулко забилось.

– Минуточку! – прошептала она. – Одну минуточку.

Но жандарм уже повернул ключ. Тяжелая дверь со скрипом открылась, и Анна Петровна увидела Петра. Он стоял прямо у входа, протягивая ей руки.

– Петенька! – бросаясь к нему раненной птицей, вскрикнула она и, прижавшись к брату, на какое-то мгновение потеряла сознание.

Она не помнит, о чем говорила в первые минуты свидания, что спрашивала, что отвечали ей Петр и находившийся рядом Женя. В памяти остались лишь необычно бледное лицо Петра, горящие глаза и его особенная, ясная, ободряющая ее улыбка. Потом она сидела на одной койке, Женя – на другой, а Петр ходил и говорил, не обращая внимания на жандармов:

– Я не жалею ни о чем, что я сделал, и вся ответственность должна лежать, конечно, на мне одном, меня одного пусть и судят. Но, что меня гложет и мучает – это судьба моих товарищей-матросов. Где они? Чего от них хотят? В чем обвиняют?

– Петенька, все очаковцы еще в Севастополе, и к ним уже допущены присяжные поверенные, приехавшие из Петербурга. Они будут защищать и тебя, и их.

– Это хорошо, Ася! – обрадовался Петр. – Это хорошо! Я первое время думал защищаться сам, но теперь раздумал. На скамье подсудимых со мной будут мои товарищи-матросы – герои восстания. Защищая меня, адвокаты будут защищать моих товарищей, а я не могу и не хочу лишить их такой сильной поддержки…

– Об этом говорить нельзя, – прервал его Полянский.

Петр бросил в его сторону быстрый взгляд и, обняв сестру за плечи, прошептал:

– Я счастлив. Мне кажется, что я исполнил свой долг, внес и свою лепту в народное дело и, может быть, не даром прожил…

– Арестованный! – вновь подал голос жандармский ротмистр.

– Да, да! – как бы отмахиваясь от него, поднял руку Петр и, присев на койку рядом с сестрой, задумчиво произнес: – Асенька! Нынешним летом я познакомился с одной молодой женщиной. Она напомнила мне Женю Тилло.

– Женю? – изумилась сестра.

– Да! Именно ее. Мы говорили с ней в полутемном вагоне всего сорок минут. Ты понимаешь, я ее почти не видел и не знаю, узнал бы сейчас. Хотя нет! Узнал бы, конечно. Вернее, почувствовал бы, что это она. Она сошла на станции Дарница. Это под Киевом. Потом мы полгода переписывались. Мы не дети и это была не игра, а любовь. Да, да, Ася! Я писал ей отсюда, да и газеты о нашем деле трубят вовсю, а она молчит. Что с ней? Может быть, больна или что-то другое случилось. Узнай, пожалуйста.

– Я узнаю, Петенька! Обязательно узнаю.

– Спасибо. Это – Ризберг Зинаида Ивановна. Ее адрес: Дарница, улица Лесная, 25.

– Не волнуйся, я сегодня же выеду в Киев. Вот только Женю определю…

– Свидание окончено! – пророкотал Полянский. – Забирайте мальчишку и освободите помещение, мадам.

По его приказанию стоявший у входа солдат распахнул дверь, и Женя, обняв отца, вышел из каземата.

– Теперь я спокоен! – облегченно вздохнул Петр и, прижав к груди сестру, добавил: – Спасибо тебе, Асенька. Храни тебя Христос.

Оставив у друзей детства в Одессе племянника, Анна Петровна первым же поездом выехала в Киев. Легко отыскала в Дарнице улицу Лесную и дом №25, куда слал свои письма Петр. Дверь ей открыл пожилой мужчина. Хмуро оглядев пришедшую, обронил бесцветным голосом:

– Что угодно, мадам?

– Простите, могу ли я видеть Ризберг?

– Я Ризберг, – пожал плечами мужчина.

– Мне бы Зинаиду Ивановну, – смутилась Анна Петровна.

– Ах, вот как! Так ее же второй месяц как нет дома.

– Боже мой! – вырвалось у Анны Петровны. – Может быть, скажете, где ее можно найти? Вы ведь, наверное, ее отец?

– Муж, – смутился мужчина. – Бывший муж. А искать ее нужно в селе на Полтавщине. У родственников Зинаида второй месяц гостит-веселится.

Анна Петровна была в отчаянии. Не в силах сдержать слезы, она поведала мужчине историю своего брата. И незнакомец, который показался вначале хмурым и неприветливым, вдруг оказался совсем иным.

– Шмидт! Слышал, конечно! Да о нем же газеты писали. И как же я раньше не догадался, что это тот самый Зинаидин моряк. Я провожу вас, мадам, не знаю, как вас звать-величать.

– Анна Петровна.

– Пройдите в дом. Присядьте. А я мигом соберусь и – в путь.

В дороге Ризберг оказался внимательным и чутким попутчиком. Старался ни о чем, что могло ранить Анну Петровну, не расспрашивать и большую часть времени молчал, изредка вздыхая. Прибыв на место, он, прежде чем представить гостью, о чем-то шептался с Зинаидой Ивановной, которая вышла после переговоров, сразу же заявив:

– Я готова ехать!

– Спасибо! – расчувствовалась Анна Петровна, вытирая набежавшие на глаза слезы. – Огромное вам спасибо! Петечка так будет рад.

По пути в Одессу она исподволь изучала Зинаиду Ивановну, пыталась найти черты, общие с чертами ее гимназической подруги Жени Тилло. Пыталась и… не находила. Женя была мягкой, скромной и даже застенчивой. Иногда складывалось такое впечатление, что она неловко себя чувствует и ей хочется укрыться, спрятаться от людей, которые смотрят на нее. Правда, это только ей, Анне Петровне, так тогда казалось. Петр же с ней не соглашался и был о своей симпатии иного мнения. Эта же, Зинаида Ивановна, как видно, совсем неробкого десятка и прятаться от кого-либо не собирается. Напротив, ей нравится, когда на нее обращают внимание. А как не заметишь такую? Молода, броска и держится с достоинством. Нет, они с Женей совершенно разные. Ну, да пусть. Коль Петя увидел какое-то сходство со своею первой любовью, то оно, видимо, существует. Может быть, она и впрямь славная и добрая. По крайней мере, не ломалась, не упрямилась, а сразу согласилась ехать к нему. А что раньше этого не сделала, то здесь не ее вина – письма Петины ей только сейчас бывший муж передал, а газеты в село редко приходят и, к тому же, она их не любит читать.

По прибытии в Одессу Зинаида Ивановна сразу же отправилась в Очаков, а Анна Петровна, взяв с собой племянника, отбыла в Севастополь просить у прокурора Ронжина разрешение на свидание брата с его невестой (так согласилась именовать себя Ризберг).

Согласие на свидание Ронжин дал сразу же, и Анна Петровна, немного успокоившись, повезла Женю в Керчь. Устроив его в своей семье, она снова вернулась в Севастополь, чтобы встречать защитников. Здесь ей стало известно, что Зинаиде Ивановне все еще не дают свидания с Петром. Она тут же дает срочную телеграмму Ронжину: «Три дня Ризберг ждет в Очакове обещанного разрешенного вами свидания. Прошу официально телеграфировать Очаков. Получив ваше разрешение, я предупредила брата. Не понимаю необходимости доставлять измученному Шмидту лишние страдания».

7 января уже нового 1906 года свидание состоялось.

– Наконец-то! – протягивая руки и жадно всматриваясь в лицо вошедшей, воскликнул Петр. – Вот и встретились! Ну, здравствуй!

– Здравствуйте, – залилась румянцем Зинаида Ивановна и тут же поправилась: – Здравствуй!

– Правильно! – улыбнулся Петр. – Так то будет лучше. Прости, что я говорю тебе «ты», но эти предсмертные минуты дают право мне сбросить всякую условность, всякую фальшь.

– Да, конечно! – кивнула она. – То есть нет, я хочу, чтобы мы были на «ты», но не хочу, чтобы ты говорил о смерти.

– Ладно, – согласился Петр. – Не буду. Давай будем говорить о тебе.

– Давай…те…

– Ну, вот! – огорчился Петр. – Ты опять…

– Нет, нет.

– Думала ли ты, Зина, что 40 минут в вагоне приведут тебя сюда?

– Но, кроме тех минут, Петр, были твои письма…

– И твои тоже. Их было мало, но они были, они согревали меня.

– Меня тоже. Согревали и вели к тебе, – она окинула взглядом каземат и добавила: – Не сюда, конечно, но к тебе.

– Спасибо…

5 февраля Петру исполнилось 39 лет. В этот день его перевезли с острова Морской батареи в Очаков и поместили в камере гарнизонной гауптвахты. Из Севастополя транспорты «Прут» и «Днестр» доставили в Очаков остальных подсудимых. 7 февраля начался процесс по делу очаковцев. Перед военно-морским судом во главе с председателем полковником Александровым предстали: лейтенант П.П. Шмидт, кондуктор (старший баталер) С.П. Частник, машинист 2-й статьи А.И. Гладков, комендор Н.Г. Антоненко и 34 матроса. Всем им было предъявлено основное обвинение в попытке насильственного ниспровержения существующего государственного строя.

В первый же день защитник А.С. Зарудный потребовал отвода трех членов суда – командиров «Синопа» Мореншильда, «Ростислава» Константинова и «Памяти Меркурия» Васильева, как участников подавления восстания. Однако это требование было отклонено. Все последующие дни продолжалась битва адвокатов, пытавшихся взывать к разуму и справедливости судей, и настойчивое стремление последних доказать свою преданность прогнившему режиму, заслужив тем самым благосклонность к себе.

13 февраля завершился допрос свидетелей, а на следующий день в заседании суда выступил Шмидт.

– В настоящем процессе, – негромко начал он в полной тишине – есть одна особенность, которая резко отличает его от всех предшествующих ему. Мы привыкли видеть на скамье политических подсудимых или представителей крайних партий, стремящихся как бы наперекор установившимся в народе взглядам нарушить существующий уклад государственной жизни и установить новое государственное устройство, или мы видели просто пылких людей, которые посягали на жизнь кого-либо из особенно жестоких представителей власти. Только то, что представляется в народном сознании преступным, может караться законом, так как сам закон

вытекает из народной морали. И только она одна является причиной его появления. Представители крайних республиканских партий, являясь в стране резко прогрессивным элементом, как бы расходятся в своих целях со стремлениями многомиллионного населения, которое не занимает их, и только в этом отступлении от массовой народной мудрости следует найти если не оправдание, то хотя бы объяснение их подсудности. Я, как подсудимый, не принадлежу ни к одной из этих категорий. Я не посягал ни на чью жизнь, не принадлежу к республиканским партиям, и все мое мировоззрение согласуется с мировоззрением всего русского стомиллионного населения. Именно в этой согласованности моих идеалов и стремлений с идеалами, со стремлениями всего народа русского и заключается вся особенность настоящего процесса. Как социалист, я ставлю требование расширения нашего общинного землевладения до полной социализации земли, и требование это совершенно совпадает с требованием многомиллионного крестьянства. Конечно, этим не ограничиваются мои экономические требования, как социалиста, но мы не можем говорить о делах следующих поколений. Настоящие же мои экономические стремления совершенно совпадают с народным идеалом. В политических же убеждениях я также со всем народом русским… Не преступен я, раз в моих деяниях не видит преступления весь 100-миллионный народ русский… Для того я остался в живых, чтобы быть поставленным здесь у скамьи подсудимых, чтобы могла видеть вся Россия, соучастница дел моих, что судят за то, что я остался верен народу своему. Да, я выполнил свой долг, и если меня ждет казнь, то жизнь среди народа, которому изменил бы я, была страшнее самой смерти…

Защита и подсудимые зачарованно слушали речь Шмидта. Судьи, играя желваками, бросали на него испепеляющие взгляды, а Петр, гордо вскинув голову, продолжал:

– Глубоко демократическое правительство – цель моей жизни. Если во имя этого идеала нужно было трижды погибнуть на эшафоте, я погиб бы с улыбкой на лице. Пройдут годы, забудутся наши имена, но ту боевую силу, которая присоединилась к «Очакову» и тем осталась верной народу и присяге, имена этих десяти судов флота не забудут, и они всегда останутся в летописи народа… Да, с нами русский народ, весь со своей стомиллионной громадою. Он, истощенный и изнемогающий, голодный, изрубленный казацкими нагайками, он, этот народ, страшный призрак нечеловеческих страданий, простирал ко мне руки и звал… Я знаю один закон, закон долга перед родиной, которую вот уже три года заливает кровью многочисленная преступная группа людей, захвативших власть. Они из-за свих хищных расчетов уложили больше ста тысяч трупов в войне с Японией, они же теперь из-за этих же расчетов начинают войну с Россией. Где же измена? Кто государственный преступник? Сегодня в их глазах преступен я, как и весь народ русский, который, пробудясь осмелился стать на дороге их

истребительской резни. Но завтра в глазах грядущего суда преступниками будут объявлены они…

Не горсть матросов, нарушивших дисциплину, чтобы остаться верными присяге, и не гражданин Шмидт перед вами. Перед вами здесь, на скамье подсудимых, вся 100-миллионная Россия. Ей вы выносите свой приговор…

Петр глубоко вздохнул и спокойным голосом завершил:

– У меня к вам единственная просьба: если кто и виноват в этом деле, если здесь и есть виноватые, то я один: если нужно казнить, казните меня, но не трогайте этих несчастных людей: они жили в этот день моей волей, а значит, и ответственным за все являюсь только я один. Я много думал и о вас, господа судьи, за эти дни: думал о той тяжелой роли, гораздо более тяжелой, чем моя. Я понимаю, что тяжко быть судьями в этом деле, но вы исполните свой долг, как вы его понимаете. Я уверен только в одном, господа судьи, я уверен в том, что вы меня обвините, но история и народ оправдает лейтенанта Шмидта.

Обвиняемые матросы зашумели, выражая свой восторг произнесенной речью, и председатель поспешил объявить перерыв. Этот бой Петр выиграл у своих врагов и назначенных из их числа судей. Остаток того дня и весь следующий он был на подъеме. А вечером ему было разрешено свидание с родными и адвокатом Врублевским.

Пытаясь создать хоть какое-то подобие уюта, Зинаида Ивановна хлопотала над самоваром. Врублевский восторгался вчерашней речью Шмидта:

– Блестяще! Неподражаемо, Петр Петрович! Вы превзошли самого Жореса!

Анна Петровна и Женя сидели молча, неотрывно глядя на Петра, который ходил, меряя шагами гауптвахту и чему-то ухмыляясь. Вдруг он остановился и, молодо сверкнув глазами, обратился к Анне Петровне:

– Асенька, а ты помнишь тот концерт Фигнера, который мы слушали с тобой?

– Конечно! – слегка растерявшись, ответила Анна Петровна.

– Как хорошо он пел: «Я помню вечер!»

И Петр вдруг запел своим мягким звучным голосом прелестный романс, подчеркивая с улыбкой слова и особенную манеру Фигнера их произносить.

Дежурившие в соседней комнате жандармы, услышав пение, приоткрыли дверь и тоже слушали. А Петр все ходил по камере и пел, переводя взгляд с сестры на Зинаиду Ивановну, словно признаваясь этим своим самым близким женщинам в любви.

– Браво! – прошептал Врублевский.

– Прекрасно! – восторженно глядя на Петра, воскликнула Зинаида Ивановна и, испугавшись своего громкого голоса, смущенно прикрыла рот ладошкой.

А Петр, взмахнув рукой, присел к столу, взял листок бумаги и, что-то быстро написав на нем, протянул Анне Петровне. Анна Петровна, прочтя

написанное, зарделась. Там были две знакомые ей строчки из Байрона и две – самого Петра:

«Сестра моя, когда б названье было бы
нежней, то было бы твоим;
Меж нами даль, нас море разделило,
Но все ж тобой я должен быть любим.
Твой брат П. Шмидт».

Анна Петровна поняла, что этими словами он, избрав ее той единственной женщиной, которой предстоит хранить память о нем, прощается, уходя в вечность. Она поцеловала листок, бережно сложив его вчетверо, спрятала у себя на груди и отвернулась, чтобы скрыть набежавшие слезы.

Второй листок Петр подал Врублевскому, начертав на нем: «Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя». Врублевский в ответ поклонился.

Зинаида Ивановна настойчиво убеждала Петра тщательно готовиться к последнему слову.

– Оно не должно стать последним, Петр. Слышишь? Ты победишь. Я в это верю.

Петр, задумчиво глядя на нее, чему-то улыбался. Женя молчал, опустив голову.

Перед вынесением приговора Петр настоял на том, чтобы Женя немедленно уехал в Керчь к семье Анны Петровны. Сын отказывался покинуть Очаков.

– Так нужно, – глядя ему в глаза, приказал Петр, и сын не посмел его ослушаться.

Утром 17 февраля перед отъездом он получил свидание, чтобы проститься с отцом. Они сидели на топчане и молчали.

– Знаешь, папа, – с трудом протолкнув ком, сжимавший его горло, произнес Женя, – я просто не могу понять, что это делается. Ты, мой добрый, хороший друг должен умереть. Смотрю на тебя и не понимаю. По-моему, этого не должно быть. Я… не могу себе представить, что ты, живой, должен умереть. Вот я буду с тобой прощаться и не знаю, что тебе сказать. Ведь до сих пор при расставании мы говорили друг другу «до свиданья», а теперь я не могу этого сказать. Я ничего не понимаю…

– А я понимаю, – ответил Петр. – Я понимаю, что мы с тобой не на земле теперь, а там, где-то наверху. Велико мое счастье, что ты тверд и не падаешь духом. Для тебя покажется странной та дума, что у меня в голове: я боюсь, чтобы ты не опоздал на пароход. Вот и пойми человеческую душу. Жизнь и смерть. Какое великое и непонятное сопоставление… Тебе надо уходить. Прощай, мой милый мальчик.

Петр обнял и судорожно прижал к груди сына, прошептав:

– Ты уже большой и можешь сам жить. Беги, Женя! Христос с тобой!

17 февраля Петр произнес свое последнее слово, вновь поразив подсудимых и защиту громадной силой своего ораторского искусства и одновременно простотой. Речь его была единым желанием спасти своих товарищей, одним высоким порывом самопожертвования.

– Я знаю, – обращаясь к судьям, сказал он, – что столб, у которого встану я принимать смерть, будет водружен на грани двух разных исторических эпох нашей родины. Сознание этого дает мне много сил, и я пойду к столбу, как на молитву. Позади за моей спиной у меня останутся народные страдания и потрясения тяжелых лет, а впереди я буду видеть молодую, обновленную, счастливую Россию. Великая радость и счастье наполнят мне душу, и я приму смерть!

18 февраля объявили приговор. Несмотря на прежнее обещание жандармов, Анну Петровну и Зинаиду Ивановну к Петру не пустили. Наняв извозчика, они ждали приговора у здания суда. Ждали долго. Наконец, люди начали выходить.

– Идите проститься, – подойдя к ним, обронил кто-то. – Шмидта к повешению… Три матроса – к расстрелу.

С трудом передвигая ноги и держась за Зинаиду Ивановну, Анна Петровна идет в какую-то комнату. Там пока никого нет. Шмидт и другие приговоренные пока в судебном зале. Матросы, окружив Шмидта, обнимают, благодарят, прощаются с ним.

Наконец, в окружении конвойных, в комнату, где его дожидаются близкие, входит Петр. В своем гражданском костюме он кажется им выше ростом и необыкновенно красивым.

– Ну что ж, родные, – обняв Анну Петровну и Зинаиду Ивановну за плечи, промолвил он. – Приговор этот я ждал. Жаль только, что к повешенью… Ну, да все равно! А как хорошо матросы со мной прощались, обнимали, благодарили…

Петр покачал головой и глаза его заблестели.

– Когда выводили нас из зала, одни солдат толкнул меня… Я сказал ему: зачем ты меня толкаешь? Я никогда никого не толкал…

– Петя! – едва сдерживая слезы и прижавшись к брату, взволнованно произнесла Анна Петровна. – Если б мама была жива, она бы стала перед тобой на колени и поклонилась тебе до земли.

Он поднял голову, улыбнулся и глаза его сделались влажными.

– Уже пора, – промолвил Петр и обнял вначале сестру, а потом Зинаиду Ивановну. Конвойные обступили его, и он гордый, с высоко поднятой головой вышел из комнаты.

Выбежав из здания суда, женщины оказались у ворот, когда приговоренные матросы уже начали выходить из них. Впереди шли приговоренные к расстрелу Частник, Антоненко и Гладков. После матросов вывели Петра. Не обращая внимания на конвойных, Анна Петровна подошла к Петру и взяла его за руку. То же самое сделала и Зинаида Ивановна. Препятствовать этому никто из конвойных и сопровождавших офицеров не

посмел. Так они и шли почти до самой пристани. Внизу у моста колонну остановили.

– Теперь проститесь, – скомандовал офицер. – Дальше нельзя.

Вскоре от пристани отвалила баржа. Она была переполнена и в большой темной толпе людей, что сгрудились на ней, уже невозможно было различить Петра. Баржа медленно двинулась к «Пруту». Вот она причалила к его борту. Было видно, как темная масса стоящих на ней людей начала уменьшаться. Затем плавучая тюрьма поглотила всех осужденных.

Анна Петровна и Зинаида Ивановна стояли и смотрели на пугающее своей мрачной необычностью судно, где теперь находился их Петр…

Проводив Зинаиду Ивановну, которая, сказавшись совсем разбитой, уехала к себе домой, Анна Петровна, не желая смириться с несправедливым и жестоким приговором брату, отправилась хлопотать об его отмене в Петербург. Ей удалось попасть на прием к премьер-министру С.Ю. Витте. Тот обещал помочь и даже отважился хлопотать о смягчении перед царем. Однако Николай II и слушать об этом не хотел. Он передал вопрос о рассмотрении комиссии, в нужном ему решении которой был уверен. Решение это гласило: «Предоставить главному командиру Черноморского флота поступить по закону».

Чухнин же, отказавшись наотрез принять адвоката Шмидта, наложил на кассационной жалобе Петра и очаковцев такую резолюцию: «По высочайше предоставленной мне власти, кассационную жалобу защитника подсудимых оставляю без последствий и приговор суда утверждаю. Назначенную осужденному Шмидту смертную казнь заменяю расстрелянием».

Вечером 4 марта 1906 года канонерская лодка «Терец» вышла из Севастополя в море, взяв на борт помощника военного прокурора Плещеева и секретаря военно-морского суда Васильева, которым было приказано доставить распоряжение Чухнина о приведении приговора в исполнение. 5 марта «Терец» бросил якорь у «Прута». В тот же день осужденные узнали о своей участи. Они просили разрешения провести ночь перед казнью вместе. Но в этом им было отказано.

В 5 часов утра следующего дня им велели собираться. Петр переоделся, причесался и обратился к священнику, который должен был присутствовать при казни:

– Прошу ни меня, ни моих товарищей не связывать.

В 6 часов конвойные вывели смертников из камер и стали усаживать на катер, который должен был доставить их к месту казни – на остров Березань. Спускаясь по трапу, Петр пошатнулся. Конвойные тотчас накинули на него веревку.

– Вы же обещали, отче! – крикнул Петр.

Веревку сняли.

На катере приговоренных к смерти спустили в трюм. Но Петр несколько раз поднимался наверх, курил, смотрел на море и на небо. Как

видно, хотел увидеть в последний раз чаек. Но было пасмурно и птицы не летали.

От Очакова до Березани катер шел около часу. Приблизившись к нему, подойти к самому острову не смогли и приговоренных пересадили в лодку. Туда же сел и священник. Глянув на бледное лицо Частника, Петр обнял его за плечи и сказал:

– Бодритесь, Частник.

На берегу их встречали ранее прибывшие туда офицеры с «Тереца» во главе с осуществлявшим общее руководство расстрелом Михаилом Ставраки. Когда Петр поравнялся со своим бывшим соучеником, Ставраки, театрально вздохнув и стараясь, чтобы его не слышали другие офицеры, негромко произнес:

– Прости, Петра! У меня приказ…

Петр, презрительно улыбнувшись, ответил:

– Прекрати театр, Мишка! Лучше прикажи матросам целиться прямо в сердце.

Они подошли к месту казни, где были вкопаны в землю четыре окрашенных в черный цвет столба. Остановились. Секретарь военно-морского суда Васильев торопливо зачитал приговор. Четверо еще живых обнялись.

– Помните, родные, за что погибаем, – прижав к себе товарищей, произнес Петр. – За великое дело свободы.

Он первым подошел к крайнему столбу и, сняв с себя пиджак, аккуратно сложил и опустил на землю, оставшись в одной сорочке. Рядом у других столбов встали его товарищи.

Загремела барабанная дробь, последовала команда взять на прицел, и Ставраки взмахнул белым флагом. Петр и Частник были убиты сразу, а Гладков и Антоненко – после третьего залпа.

К полудню все было закончено. Из-за ползущих по небу лохматых туч выглянуло солнце. Не глядя друг на друга, матросы, подгоняемые офицерами, зарыли могилу, место казни сравняли с землей и завалили камнями. Царевы слуги умели прятать свои жертвы. Так они когда-то поступили с приговоренными к повешенью декабристами, а потом – с Софьей Перовской, Андреем Желябовым и другими народовольцами. Столь же старательны они были и в этот день.

На остров Березань опустилась печально-торжественная тишина, которую изредка нарушали доносившиеся с моря гортанные вскрики откуда-то появившихся чаек, которые, кружась над удаляющимся катером, посылали проклятья уплывающим палачам.

Отправляя Ставраки во главе палачей, которым предстояло совершить кровавое дело, вице-адмирал Чухнин приказал ему позаботиться о том, чтобы тщательно спрятать и замаскировать место казни Петра Шмидта и очаковцев. И тот, как послушный служитель сатаны, старался во всю. Но разве можно бесследно и навеки упрятать Зло, творимое Ненавистью? Его все равно

обнаружит Любовь, которая не только согревает нас своим теплом, но и готовит почву под семена Добра, а они, прорастая в людских душах, делают их человеческими.

Возвратившись как раз в день казни Петра из Петербурга в Одессу, Анна Петровна узнала о случившемся, едва сойдя с поезда. Молча выслушала рыдающую навзрыд подругу, которая сообщила ей эту страшную весть и какое-то время стояла словно окаменелая.

– Асенька! – пугаясь ее вида, крикнула подруга. – Асенька, крепись!

– Нет, нет, Ирина! – тряхнула головой Анна Петровна. – Я крепка. Крепка, как никогда. Я только думаю… Думаю о том, что мне нужно взять у них его тело. Должна непременно!

Потом она и сама не могла объяснить, почему именно эта мысль пришла ей в голову тогда вместе со страшной вестью. Однако всегда была уверена, что, не ухватись тотчас за нее, она наверняка сошла бы с ума. Ей казалось, что, если она это сделает, то тем самым вырвет брата из рук палачей и он будет с ней, а значит, – будет свободен.

За разрешением Анна Петровна бросилась к генералу Каульбарсу. Потребовав вызвать адъютанта, она металась взад и вперед по приемной, в ярости повторяя:

– О, убийцы, убийцы…

Явившийся адъютант, справившись у генерала, ответил отказом, добавив:

– Генерал велел сказать, мадам, что обо всем вам могут рассказать на канонерской лодке «Терец», которая только что пришла из «Очакова» и стоит на рейде.

На пристани Анна Петровна наняла рыбацкую лодку и попросила грести к «Терецу».

– Я сестра Шмидта! – крикнула она, когда лодка подошла к борту канонерки. – Хочу видеть командира.

Быстро спустившись вниз, офицер подал Анне Петровне руку. Но ей было противно даже прикоснуться к ней и она сама, без его помощи, поднялась по трапу. Перед ней смутными тенями мелькали какие-то морские офицеры и доктор, которого она, кажется, встречала в Бердянске. Он провел ее в кают-компанию.

– Вас ждали, – пролепетал доктор. – И Петр Петрович хотел видеть вас и ждал…

Он что-то еще лепетал, но Анна Петровна почти не слушала его. Потом в кают-компанию вошел еще какой-то офицер с непомерно длинным туловищем, короткими ногами и дрожащей челюстью.

– Я – командир «Тереца», – заговорил он быстро, как бы оправдываясь. – Войдите в мое положение. Меня назначили… Я не мог отказаться… Но, подумайте, я знал Петю с детства… Мы вместе с ним учились в Морском училище… Я любил его. Да, да! Любил…

Дернув кончиком носа, он зарыдал.

– Когда Петя сошел на Березань, он прошел к месту казни близко около меня, – всхлипывая продолжал Ставраки. – Я снял фуражку и низко ему поклонился… Он на меня не сердился… Он очень ласково ответил на мой поклон…, перекрестил меня… и сказал: «Миша, кланяйся сестре и прикажи целить прямо в грудь…» Анна Петровна! Вы не волнуйтесь…

Душа ее омертвела.

– Будьте вы прокляты! – каким-то не своим, показавшимся ей деревянным, голосом промолвила она и, поднявшись, вышла.

Покинув «Терец», Анна Петровна зашла в церковь и заказала панихиду, назвав священнику имена казненных. Потом дала телеграмму Чухнину: «Прошу отдать тело брата».

Чухнин ответил отказом. Да и до того ли было вице-адмиралу, продолжавшему вершить расправу над остальными участниками Севастопольского восстания. Помимо 41 очаковца, были осуждены 180 матросов, 127 солдат саперной роты, 25 солдат Брестского полка, 2 солдата 49-го запасного батальона, 5 солдат-артиллеристов. Семеро из них были приговорены к расстрелу, остальные осуждены на разные сроки каторжных работ и арестантских рот.

Однако и Чухнина ждала расплата за содеянное. Вскоре после процессов он был убит матросом Акимовым, который нанялся с этой целью садовником на дачу вице-адмирала. Акимову удалось спастись, бежав в Турцию вместе с Антоном Пархоменко.

– Так что «дракон» свое получил, – делился с товарищем Акимов. – За все и за Шмидта, в первую голову.

– Н-да, – обронил Антон. – Не знаю, одобрил бы тебя Петр.

– Чего одобрил? – проворчал Акимов. – Ты говоришь так, будто знаешь его.

– Знал, – поправил его Антон. – Друзьями в детстве были.

– Вона как!

– Ага! Петро в жизни человека не обидел, а тут убить…

– Дак то ж человека! – перешел в атаку Акимов. – А тут – «дракона», гада. Так что туды ему и дорога. Думаю, что и Петр Петрович меня за яво не корил бы. Нет, Антоха!

– Может быть, – подумав, согласился с ним Антон. – И нехай тебя господь прощает.

– Нехай.

Впереди их ждали долгие и трудные заграничные скитания, в ходе которых где-то затеряются следы Акимова.

После Февральской революции 8 мая 1917 года останки П. Шмидта, С. Частника, Н. Антоненко, В. Гладкова будут доставлены в Севастополь. В знак траура на кораблях будут приспущены кормовые флаги. Флагманский корабль «Георгий Победоносец» поднимет сигнал: «Вечная память борцам за свободу, павшим в 1906 году», а почетную вахту у гроба героев будут нести

матросы крейсера «Очаков». Останки героев вначале будут находиться в Покровском монастыре, а 13 ноября 1923 года их торжественно перезахоронят на Севастопольском кладбище Коммунаров.

Сюда, чтобы поклониться другу, не раз будут приходить Владимир Лесли, сразу же вставший на сторону революционных матросов. И посвятивший свою оставшуюся жизнь строительству Красного Флота. Стоять у памятника очаковцев он, к сожалению, будет один, без Николая Шелгунова, погибшего в годы революции.

Возмездие настигнет палача героев-очаковцев Михаила Ставраки, который, уцелев в вихрях бушевавших революционных бурь и лихолетья гражданской войны, найдет себе приют на Батумском маяке и будет отсиживаться там, терзаемый болячками, а главное – собственной нечистой совестью вплоть до ареста.

Последнее слово его в суде, как поведает писатель Константин Паустовский, будет коротким и ошеломит всех.

– В общем, – скажет Ставраки глухо и вздохнет с облегчением, – слава Богу кончилась эта волынка. Собаке собачья смерть.

Все это будет. Но будет потом. Пока же на девятый день после казни Анна Петровна снова была в Очакове. Наняв у рыбаков лодку, отправилась на Березань. Шагая по пустынному берегу острова, она пыталась представить последний, крестный путь брата и его товарищей. Иногда ей казалось, что она даже различает сохранившиеся следы их ног. Рыбаки указали ей и едва заметную могилу, которую они успели очистить от черных и серых камней, наваленных в день казни палачами, заменив их белыми, выложенными крестом.

Встав на колени, Анна Петровна положила на нее крест, написав на нем имена павших, и укрыла могилу привезенными ею цветами. Здесь она поклялась до конца дней своих хранить память о брате и согреть материнской любовью его осиротевшего сына.

Имя Петра и его жизнь были для нее святы. Оберегая светлую память о нем, она даже порвала свои отношения с Зинаидой Ивановной, которая через несколько лет позволила себе, то ли тоскуя по безвозвратно ушедшей молодости и так и не сложившемуся семейному счастью, то ли еще по какой-то причине, опубликовать адресованные ей письма Петра, слишком вольно их комментируя и выставляя себя в выгодном ей свете. Анна Петровна по крупицам собирала материал о жизни брата, чтобы со временем издать о нем книгу. И она таки осуществила эту мечту.

Написать книгу об отце мечтал и Женя, который после казни Петра Петровича жил в Керчи в семье Анны Петровны. Осенью 1906 года он поступил в Петербургское реальное училище имени Гуревича, а с 1908 года учился в СПб. Технологическом институте на механическом факультете. «Мною пишется история восстания Черноморского флота, освещается личность отца. И этого священного права я никому не уступлю», – заявил он в одном из своих писем. К маю 1917 года он – поручик саперной роты.

Специальным Указом Временного правительства Правительствующему Сенату от 17 июня 1917 года «Сыну лейтенанта Шмидта разрешено именоваться впредь, с нисходящим потомством «Шмидтом-Очаковским». В ноябре 1921 года он приезжает в Чехословакию, где заканчивает в Праге Высшую школу механиков и электротехников, а в 1930 году, больной, вконец издерганный, переезжает в Париж. В тяжелых условиях борьбы за существование и полного одиночества он живет благоговейной памятью об отце. «Отец, – признавался Евгений Петрович, – заменил мне не только мать, но и весь мир. С его смертью жизнь потеряла для меня всякую ценность, и если я продолжал еще жить, то только затем, чтобы лелеять в душе беспощадную месть его убийцам. А потом… потом жизнь стала скучной, привычной, и, рискуя ею много раз, я не находил силу самому оборвать тонкую, но крепкую нить. Видно, «неприличная» любовь отца к жизни передалась мне по наследству…» Нить жизни Евгения Петровича оборвалась 25 декабря 1951 года в Париже.

Антон Дмитриевич Пархоменко через многие годы таки добрался до своего Бердянска, который потом уже не покидал до конца дней своих. Там же жила и Евгения Александровна Тилло, работавшая учительницей математики. Жизнь ее оборвалась незадолго до освобождения Бердянска от немецко-фашистских захватчиков, один из которых толкнул пожилую женщину в грудь сапогом. Она упала с крыльца, ударилась затылком и больше не встала…

Давно уже ушли из жизни те, кто лично знал Петра Петровича Шмидта. Время заметает их следы. Но память о «красном адмирале», просвещенном капитане и просто замечательном человеке хранят нынешние поколения. Она в монументах и памятниках, в названиях улиц и парков, в книгах, посвященных этой легендарной личности, и в музеях.

И если наша суматошная жизнь еще не превратила тебя, читатель, в черствый и равнодушный сухарь, не поленись выйти к морю, полюбуйся полетом чаек, послушай их крики. Возможно, ветер донесет и его, Шмидта, голос, и тогда откроется тебе его душа, наполненная жаждой жизни и той самой чистой и светлой любовью, которую зовут почему-то люди неземной.

Оглавление

Часть 1…… 5

Часть 2…… 114

Часть 3…… 185

Эпилог…… 294